А. П. Лопухинъ.

Библейская Исторія

при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій.

ВЕТХІЙ ЗАВѢТЪ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1913

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ.

стр.

Предисловіе 1

I. Библейскій раціонализмъ въ его историческомъ происхожденіи и развитіи. Библія, какъ книга, и ея значеніе въ духовной жизни человѣчества. 1) Происхожденіе библейскаго раціонализма. Протестантизмъ и библіолатрія. Неизбѣжная реакція и отрицательная критика въ Англіи и Франціи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. 2) Открытое возстаніе противъ Библіи. Реймарусъ и Вольфенбюттельскіе фрагменты Лессинга. 3) Отрицаніе сверхъестественнаго. Естественное объясненіе библейскихъ чудесъ. Эйхгорнъ и Павлюсъ. 4) Миѳическая теорія и ея происхожденіе. Приложеніе этой теоріи къ объясненію событій ветхозавѣтной исторіи. Отрицаніе подлинности св. Писанія. Де-Ветте и его труды въ приложеніи къ Ветхому и Новому завѣту. 5) Штраусъ и его критика. Миѳологическое объясненіе новозавѣтной исторіи. Планъ «Жизни Іисуса». Дальнѣйшія стадіи отрицанія. 6) Ренанъ, какъ новѣйшій представитель библейскаго раціонализма. Особенность его критическихъ трудовъ. Характеръ его «Жизни Іисуса». Его новѣйшее произведеніе «Исторія Израиля» и его отсталость отъ современной науки 5

II. Новѣйшія археологическія открытія въ Египтѣ, Ассиріи и Палестинѣ. Значеніе новѣйшихъ открытій для Библіи. 1) Открытія въ Египтѣ. Іероглифы, различныя воззрѣнія на нихъ въ древности и попытки къ чтенію ихъ. Розетскій камень, какъ ключъ къ чтенію іероглифовъ. Разборъ іероглифической надписи—именъ Птоломей и Клеопатра. Сущность системы іероглифическаго письма и теперешнее состояніе египтологіи. 2) Открытіе ключа къ чтенію клинообразныхъ надписей. Труды Гротефенда и Ролинсона. Ниневійская библіотека и богатство заключающихся въ ней матеріаловъ. Состояніе ассиріологіи въ настоящее время и ея значеніе для Библіи. 3) Открытія въ Палестинѣ. Силоамская надпись и ея значеніе. Общее заключеніе. 66

КНИГА ПЕРВАЯ.

Міръ допотопный.

Глава I. Сотвореніе міра. Происхожденіе міра и безсиліе человѣческаго ума въ объясненіи его.—Языческія возрѣнія на происхожденіе міра и безконечное превосходство надъ ними библейскаго откровенія.—Сотвореніе первобытнаго вещества изъ ничего и постепенное образованіе его.—Сотвореніе свѣта и вопросъ о возможности его существованія до установленія солнца.—Второй и третій дни творенія.—Происхожденіе жизни на землѣ.—Четвертый и пятый дни.—Грандіозныя формы первобытныхъ животныхъ.—Происхожденіе видовъ.—Шестой и седьмой дни.—Халдейское повѣствованіе о происхожденіи міра, его сходство и различіе съ библейскимъ 90

стр.

Глава II. Сотвореніе первыхъ людей и ихъ блаженная жизнь въ раю. Сотвореніе первобытной четы и введеніе ихъ въ рай.—Состояніе невинности.—Преданія народовъ о первобытныхъ людяхъ.—Рость Адама.—Его разумъ и религія.—Языческія сказанія о сотвореніи человѣка изъ земли.—Преданія египетское, халдейское, греческое и иранское.—Смутные отблески истиннаго откровенія 112

Глава III. Грѣхопаденіе и изгнаніе изъ рая. Первобытная церковь въ раю.—Свобода и законъ.—Искушеніе и грѣхопаденіе.—Чувство грѣховности и страха.—проклятіе и обѣтованіе.—Отголоски преданія о блаженномъ состояніи у египтянъ, индійцевъ и грековъ.—Халдейское преданіе.—Фатализмъ языческихъ преданій и возвышенная истинность библейскаго сказанія.—Философскій смыслъ исторіи паденія 122

Глава IV. Рай земной. Вопросъ о мѣстонахожденіи рая и трудность его рѣшенія.—Различныя попытки.—Библейское опредѣленіе его географическаго положенія.—Месопотамія и окружающія области.—Соотвѣтствіе рѣкъ и странъ съ библейскимъ повѣствованіемъ.—Райскія рѣки Тигръ, Евфратъ, Куранъ и Керка—Херувимъ съ огненнымъ мечемъ 138

Глава V. Первыя поколѣнія. Колыбель первобытнаго человѣчества.—Первое семейство.—Два брата и братоубійство.—Выселеніе Каина, построеніе города и первобытная культура.—Ламехъ, отецъ изобрѣтателей.—Изобрѣтеніе музыкальныхъ инструментовъ и оружія.—Научныя данныя о происхожденіи первобытной культуры.—Сиѳъ и новое благочестивое поколѣніе.—Патріархи и ихъ долговѣчность.—Народныя преданія о первобытныхъ временахъ. 151

Глава VI. Древность человѣческаго рода. Допотопные патріархи и библейская хронологія.—Пробѣлы въ родословныхъ.—Древность человѣческаго рода по Библіи.—Научная хронологія и ея данныя.—Раскопки и историческія изслѣдованія и ихъ неустойчивость.—Разногласіе касательно древности Египта.—Происхожденіе расъ и языковъ.—Заключеніе 169

КНИГА ВТОРАЯ.

Міръ послѣпотопный.

Глава VII. Потопъ. Необычайное долголѣтіе первобытныхъ людей и распространенія зла и нечестія на землѣ.—Рѣшеніе истребить родъ человѣческій.—Праведный Ной и построеніе ковчега.—Потопъ.—Выходъ изъ ковчега, жертвоприношеніе и обѣтованіе.—Всемірность потопа.—Всеобщность преданія о немъ.—Халдейское повѣствованіе о потопѣ.—Сходство и различіе его съ библейскимъ.—Преданіе индійское, иранское и греческія.—Отголоски преданія у галловъ, литовцевъ и египтянъ.—Преданія о потопѣ въ Америкѣ.—Преданія въ Полинезіи.—Заключеніе 183

Глава VIII. Колыбель послѣпотопнаго человѣчества и родословіе народовъ. Гора Араратъ, какъ мѣсто остановки ковчега Ноева и ея географическое опредѣленіе.—Гора Низиръ и отождествленіе ея съ Араратомъ.—Перенесеніе географическихъ именъ.—Колыбель послѣпотопнаго человѣчества.—Разселеніе народовъ.—Библейская родословная и ея историческое значеніе.—Три родоначальника послѣпотопнаго человѣчества и происхожденіе отъ нихъ различныхъ племенъ и народовъ.—Племя Іафетово и его развѣтвленіе.—Племя Хамово и происшедшіе отъ него народы.—Племя Симово и его разселеніе.—Хананейскія племена.—Историческая точность родословной 211

Глава IX. Столпотвореніе Вавилонское и разсѣяніе народовъ. Мѣсто поселенія племени Хамова.—Нимродъ и его поселеніе въ Месопотаміи и Халдеѣ.—Развалины и остатки древняго строительства.—Башня Бирсъ-Нимрудъ, ея особенности и отождествленіе ея съ башней Вавилонской.—Халдейское сказаніе о столпо-

стр

твореніи вавилонскомъ.—Отголоски того же преданія у грековъ и въ Америкѣ—Іудейское сказаніе.—Отголоски того же преданія въ Египтѣ.—Смѣшеніе языковъ и отношеніе его къ вопросу о происхожденіи различныхъ нарѣчій и языковъ.—Разсѣяніе народовъ и происхожденіе идолопоклонства 245

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Авраамъ и его время.

Глава X. Родина Авраама. Развалины Мугейра и отождествленіе ихъ съ древнимъ Уромъ халдейскимъ.—Халдея теперь и въ древности.—Ея плодородіе и высокое культурное состояніе во времена Авраама.—Ѳарра и его поселеніе въ Халдеѣ.—Выселеніе въ Харранъ.—Аврамъ, его религіозное настроеніе и высшее призваніе.—Переселеніе его въ землю Ханаанскую.—Дамаскъ. 264

Глава XI. Прибытіе Аврама въ Ханаанъ. Дорога изъ Дамаска въ Ханаанъ.—Дубъ Морé.—Населеніе Ханаана и его внѣшнее и внутреннее состояніе.—Религія хананеевъ.—Феллахи какъ потомки древнихъ хананеевъ и ихъ нравственное состояніе.—Сношеніе Аврама съ туземцами и переселеніе на югъ.—Веениль и его мѣстоположеніе. 278

Глава XII. Аврамъ въ Египтѣ. Новое испытаніе Аврама.—Голодъ въ землѣ Ханаанской и вынужденное переселеніе въ Египетъ.—Египетъ и его культурное состояніе.—Житница древняго міра.—Деспотизмъ фараоновъ и опасенія Аврама за Сару.—Осуществленіе опасеній и затруднительное положеніе.—Предостереженіе фараону и отпущеніе Сары.—Подарки Авраму и Сарѣ отъ фараона.—Ихъ соотвѣтствіе съ археологическими данными.—Восточный караванъ. 290

Глава XIII. Побѣда Аврама. Аврамъ и Лотъ.—Столкновеніе изъ-за пастбищъ и раздѣленіе.—Великодушіе Аврама.—Содомское пятиградіе.—Данничество его царю Еламскому и возстаніе.—Нашествіе Кедорлаомера и разграбленіе Содома и союзныхъ городовъ.—Плѣненіе Лота.—Военный подвигъ Аврама и освобожденіе плѣнниковъ.—Встрѣча съ Мелхиседекомъ, царемъ салимскимъ.—Таинственность личности Мелхиседека и ея преобразовательное значеніе 302

Глава XIV. Завѣтъ Бога съ Авраномъ. У дуба Мамрійскаго.—Новое откровеніе и обѣтованіе многочисленнаго потомства.—Завѣтъ и подтвержденіе его особыми обрядами.—Богоявленіе.—Агарь и Сара.—Изгнаніе Агари и явленіе ей ангела въ пустынѣ.—Возвращеніе въ ставку Аврама и рожденіе Измаила.—Введеніе обрѣзанія.—Обѣтованіе Авраму о рожденіи сына отъ Сары.—Символическая перемѣна именъ.—Авраамъ и Сарра 318

Проф. Александръ Павловичъ Лопухинъ.
(† 1904 г.).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вслѣдствіе тѣхъ по истинѣ чудесныхъ открытій, которыя въ нашемъ вѣкѣ дѣлаются на забытомъ пепелищѣ былой исторической жизни древнихъ народовъ востока, Библейская исторія чрезвычайно обогатилась въ своихъ научныхъ рессурсахъ. Эти открытія внесли въ нее столько новаго и драгоцѣннаго матеріала, что кругозоръ ея долженъ былъ раздвинуться далеко за предѣлы, намѣченные для нея прежнимъ временемъ. Это естественно оживило интересъ къ ней, и въ настоящее время она привлекаетъ къ себѣ вниманіе не только спеціалистовъ—богослововъ, но и свѣтскихъ ученыхъ—спеціалистовъ разныхъ отдѣловъ исторической науки, а за ними и всего образованнаго общества у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ міра. Интересъ этотъ явно начинаетъ заявлять о себѣ и у насъ, и въ различныхъ журналахъ, какъ свѣтскихъ, такъ и особенно духовныхъ, было уже немало отдѣльныхъ попытокъ познакомить наше общество съ важнѣйшими изъ новѣйшихъ данныхъ библейско-исторической науки [1]). Но вообще наша литература въ этомъ отношеніи далеко отстала отъ западно-европейской, и въ то время какъ у насъ продолжаютъ пользоваться лишь, такъ сказать, крохами отъ богатаго стола библейско-исторической науки, на западѣ давно уже существуютъ цѣлые курсы, представляющіе собою сводку всѣхъ главнѣйшихъ открытій, и множество монографій по различнымъ библейскимъ вопросамъ, разработаннымъ при яркомъ свѣтѣ всѣхъ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій.

[1]) Нѣсколько статей этого рода было напечатано и авторомъ въ журналахъ «Христіанское Чтеніе» и «Странникъ».

Отсутствіе подобныхъ цѣльныхъ трудовъ у насъ составляетъ важный пробѣлъ въ богословской литературѣ, и посильное восполненіе этого пробѣла и имѣлось въ виду при составленіи настоящей книги.

Книга эта составлена совершенно по тому же плану, какъ и изданное нами раньше „Руководство къ Библейской исторіи", такъ что послѣднее служитъ почти точнымъ конспектомъ для нея. Существенная разница заключается въ степени объема, и то, что въ руководствѣ разсматривается лишь конспективно, лишь съ бѣглымъ указаніемъ на научныя данныя, здѣсь служитъ предметомъ подробнаго разсмотрѣнія,—то, что тамъ часто лишь подразумѣвается, здѣсь освѣщается всей массой имѣвшагося у насъ подъ руками библейско-историческаго матеріала. Отсюда, кромѣ собственно библейскаго повѣствованія, въ настоящей книгѣ введены въ значительной степени преданія іудейскаго и языческаго міра о первобытныхъ временахъ, насколько они служатъ къ поясненію и подтвержденію истинъ Божественнаго откровенія, позднѣйшія раввинскія сказанія, археологическія и географическія данныя, наиболѣе выдающіяся открытія въ Египтѣ, Палестинѣ и Ассиро-Вавилоніи,—однимъ словомъ, все то богатство разнообразнаго матеріала, которымъ располагаетъ въ настоящее время Библейская исторія. По самому свойству этого матеріала книга должна была получить характеръ апологетическій, и сила этой апологетики часто получаетъ побѣдоносный характеръ, вслѣдствіе тѣхъ неожиданныхъ открытій, которыя наносятъ прежнему скептицизму во многихъ пунктахъ неотразимые удары.

Составленіе настоящей книги весьма значительно облегчалось тѣмъ, что намъ можно было пользоваться великолѣпными сочиненіями, которыя представляютъ собою удачную группировку библейско-историческаго матеріала въ его различномъ приложеніи. Собраннымъ въ этихъ сочиненіяхъ матеріаломъ мы могли пользоваться свободно, черпая изъ него все, что только подходило къ нашему плану и нашей цѣли, по которой мы имѣли въ виду дать полный курсъ Библейской исторіи въ ея связномъ изложеніи, насколько оно возможно при томъ обширномъ матеріалѣ, который привлеченъ въ нее въ качествѣ прямого, а иногда и побочнаго или косвеннаго освѣщенія. Задача эта нелегка, на что уже указываетъ тотъ фактъ, что западно-европейскіе ученые, служившіе для насъ источникомъ, въ сущности не излагаютъ связнаго курса Библейской исторіи, а пользуются новѣйшимъ научнымъ матеріаломъ лишь для эпизодическаго или монографическаго освѣ-

щенія отдѣльныхъ эпохъ и событій, каковъ напр. и извѣстный трудъ Вигуру, послужившій основой для многихъ трудовъ подобнаго же рода [1]).

Въ особомъ введеніи излагается исторія библейскаго раціонализма до его новѣйшаго проявленія въ пресловутомъ трудѣ Ренана, а также дѣлается очеркъ новѣйшихъ открытій въ Египтѣ, Ассиріи и Палестинѣ съ изложеніемъ краткой исторіи открытія ключа къ чтенію іероглифовъ и клинообразныхъ надписей, очеркъ, который можетъ служить къ поясненію того, какую великую побѣду научный геній нашего времени одержалъ надъ тайнами древняго міра и какое значеніе эта побѣда имѣетъ для торжества истины надъ ея открытыми или тайными врагами.

А. Л.

---

[1]) Предназначая свою книгу не для ученыхъ спеціалистовъ, которымъ, конечно, въ подлинникѣ доступна богатая западно-европейская литература по этому предмету, а вообще для круга образованныхъ читателей, мы всячески избѣгали обремененія своей книги тяжелымъ балластомъ цитатъ, предпочитая всегда давать вмѣсто его болѣе положительный матеріалъ. Кромѣ Библіи, I. Флавія и Геродота, извѣстныхъ библейскихъ словарей Смита, Рима и Касселя, энциклопедіи Герцога, главнѣйшими источниками и пособіями для насъ служили: *F. Lenormant*, Histoire ancienne de l'Orient, 9-е иллюстр. изданіе, 6 большихъ томовъ; 2) *Vigouroux*, La Bible et les découvertes modernes, 4-е изданіе, I—IV томы; 3) *C. Geikie*, Hours with the Bible, I—VI том.; 4) *Edersheim*, Bible History, I—VII том. и 5) новѣйшая монографическая серія подъ общимъ заглавіемъ Men of the Bible I—VI том.; 6) *Stanley*, Lectures on the History of the Jewish church I—III т.; 7) сочиненія Мильмана, Греца и др. Особенно много обязаны мы сочиненіямъ Вигуру, Гейки и серіи Men of the Bible, изъ которыхъ мы пользовались цѣлыми главами и даже отдѣлами, подвергая ихъ лишь такой внѣшней обработкѣ, которая вызывалась особенностями плана и цѣли нашей книги. Къ этимъ же сочиненіямъ мы отсылаемъ и за подробной цитологіей, изъ которой мы брали лишь столько, сколько необходимо для того, чтобы показать обыкновенному читателю общій характеръ тѣхъ источниковъ, откуда берется излагаемый въ книгѣ матеріалъ.

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ.

I. Библейскій раціонализмъ въ его историческомъ происхожденіи и развитіи.

Среди величайшихъ книгъ, какія только имѣются въ литературной сокровищницѣ человѣчества и служатъ къ его духовному просвѣщенію, св. Книга Книгъ, или Библія занимаетъ совершенно исключительное положеніе. Всякая книга содержитъ въ себѣ слово, какъ воплощеніе духа или разума, и чѣмъ возвышеннѣе и совершеннѣе духъ или разумъ, тѣмъ выше цѣнится и воплощающее его слово, тѣмъ дороже становится и содержащая послѣднее книга. Но въ Книгѣ Книгъ содержится божественное слово, какъ воплощеніе безконечнаго Духа и всесовершеннаго, всеобъемлющаго Разума. Отсюда и Библія настолько же выше всѣхъ другихъ книгъ, насколько божественный, безконечный Разумъ выше и всесовершеннѣе конечнаго ограниченнаго разума человѣческаго. Поэтому Библія среди величайшихъ свѣточей литературы занимаетъ болѣе важное положеніе, чѣмъ солнце среди планетъ. Она не только всегда была источникомъ истиннаго духовнаго свѣта, лучи котораго лишь случайно и слабымъ мерцаніемъ просвѣчиваютъ въ простыхъ человѣческихъ книгахъ, но въ теченіе вѣковъ и тысячелѣтій озаряла умъ человѣчества сверхъестественнымъ свѣтомъ, открывая предъ нимъ такія истины, которыхъ онъ тщетно усиливался добиться своими собственными силами. Взятая въ цѣломъ, Библія представляетъ собою, такъ сказать, литературное чудо, по тому истинно чудесному міросозерцанію, которое воплощаетъ въ себѣ высшій духовный идеалъ человѣчества съ самыми яркими и поучительными примѣрами воплощенія его въ отдѣльныхъ лицахъ и цѣлыхъ

народахъ. Въ этомъ отношеніи всѣ другія книги, даже произведенія величайшихъ мыслителей, представляются тусклыми свѣтильнями, какбы блуждающими отоньками рядомъ съ лучезарнымъ солнцемъ. Отсюда, если бы у человѣчества не было Библіи, то оно было бы обречено на жалкое положеніе человѣка, который принужденъ изслѣдовать дивную красоту мірозданія въ его высочайшихъ сферахъ лишь при посредствѣ слабыхъ, естественныхъ органовъ зрѣнія, и тогда конечно для него остался бы недоступнымъ цѣлый міръ знанія,—того именно возвышеннаго знанія, которое даетъ истину и вмѣстѣ съ ней свободу. Напрасно современная намъ цивилизація гордится необычайными успѣхами ума человѣческаго въ наше время и тщетно наука старается показать, что этихъ успѣховъ онъ достигъ лишь своими собственными силами. Это жалкое самообольщеніе или заблужденіе. То, чего умъ человѣческій въ состояніи былъ достигнуть собственными силами, уже достигнуто было античнымъ до-христіанскимъ міромъ. Дальше того онъ, по его собственному сознанію, уже, не могъ идти, и въ своемъ жалкомъ безсиліи, томясь въ безъисходномъ кругѣ ограниченности, жаждалъ и искалъ высшаго откровенія. И только когда оно дано было ему, именно въ Библіи, ставшей достояніемъ античнаго міра чрезъ іудейство и затѣмъ христіанство, съ того только времени предъ умственными взорами человѣчества открылся новый необъятный кругозоръ, и умъ человѣческій сталъ способенъ воочію видѣть то, что едва предчувствовалъ въ туманномъ зерцалѣ философскаго гаданія. Откровеніе для разума было безконечно болѣе важнымъ, чѣмъ напр. для глаза изобрѣтеніе чудесныхъ оптическихъ аппаратовъ, вооружившись которыми, человѣкъ сталъ воочію видѣть цѣлые необъятные міры, дотолѣ закрытые для него непроницаемою для простого зрѣнія синевою небеснаго свода,—но это можетъ служить наглядным примѣромъ для уясненія его важности для человѣка. И вся новѣйшая наука, съ ея дѣйствительно великими успѣхами, потому только и подвинулась такъ далеко въ сравненіи съ наукой античнаго міра, что взошла и выросла уже на новой христіанской почвѣ, гдѣ умъ человѣческій, познавъ открытую ему свыше истину бытія, получилъ небывалую силу въ дѣйствіи и величайшую свободу въ движеніи. Познавъ въ откровеніи истину бытія, онъ освободился отъ тяготѣвшаго на немъ невыносимаго бремени заблужденій и сомнѣній и съ большею свободою могъ отдаться изысканію частныхъ явленій, служащихъ къ дальнѣйшему уясненію открытой ему истины.

Но признаніе этого положенія, которое исповѣдывали и исповѣдуютъ величайшіе представители науки, всегда находило себѣ яраго противника въ присущей человѣческому уму гордости, по которой онъ не хочетъ быть въ какой-либо зависимости отъ посторонняго вмѣшательства и стремится къ полной самобытности. Поэтому, несмотря на всю благодѣтельность для него книги откровенія, онъ при всякомъ удобномъ случаѣ возставалъ противъ нея и старался низвести ее на одинъ уровень съ другими книгами, чтобы подвергать ее такимъ же критическимъ сужденіямъ, какимъ обыкновенно подвергаются простыя литературныя произведенія. Это притязаніе разума человѣческаго извѣстно подъ названіемъ раціонализма, и исторія его въ высшей степени поучительна въ смыслѣ уясненія того, какъ естественный разумъ человѣческій, стремясь освободиться отъ благодѣтельнаго для него разума божественнаго, всячески изощрялся и прибѣгалъ къ всевозможнымъ соображеніямъ, способамъ и средствамъ, чтобы только найти въ Библіи какое-либо противорѣчіе съ несомнѣнными истинами, заподозрить ея подлинность и истинность и, воспользовавшись этимъ, низвести ее въ рядъ обыкновенныхъ литературныхъ произведеній, и какъ, съ другой стороны, эти усилія постоянно разлетались въ прахъ предъ непреложными свидѣтельствами истины, лучезарно сіяющими изъ книги откровенія и находящими поразительное подтвержденіе въ лучшихъ и несомнѣнныхъ данныхъ научнаго знанія [1]).

1. Происхожденіе библейскаго раціонализма.

Библейскій раціонализмъ ведетъ свое начало съ самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства, когда изъ среды просвѣщенныхъ язычниковъ, отстаивавшихъ погибавшій античный міръ предъ побѣдоносною силою христіанства, выступали писатели, старавшіеся заподозрить или отвергнуть сверхъестественное происхожденіе Библіи или ея отдѣльныхъ частей (каковы были Цельзъ, Порфирій и другіе). Но тотъ раціонализмъ, которымъ особенно прославился нашъ вѣкъ, ведетъ свое начало съ реформаціи XVI вѣка, когда именно разумъ открыто воз-

[1]) См. Vigouroux, La Bible et les Découvertes modernes etc. Paris 1884, 4 изд. pp. 1—115. Болѣе подробно исторія библейскаго раціонализма изложена въ спеціальномъ, двухтомномъ сочиненіи того же автора, именно въ его: Les Livres saintes et la critique rationaliste, Paris 1880 г. Предлагаемый очеркъ составленъ по первой книгѣ, но съ дополненіями и изъ спеціальнаго сочиненія.

сталъ противъ авторитета церкви, основывавшагося въ свою очередь на авторитетѣ Библіи. Это раціонализмъ, сдѣлавшійся знаменемъ цѣлой вѣроисповѣдной системы, именно протестантизма. Въ немъ новѣйшій библейскій раціонализмъ находитъ себѣ полнѣйшее оправданіе, и родоначальникомъ его справедливо можетъ считаться именно основатель протестантизма, какъ вѣроисповѣдной системы. Но эта генетическая связь между библейскимъ раціонализмомъ и протестантизмомъ обнаружилась не сразу; отъ основателя протестантизма, Лютера, до невѣровъ нашего времени ведетъ чрезвычайно длинный путь. Инокъ вюртембергскій порвалъ только съ римскимъ католицизмомъ; вольнодумцы нашего времени отвергаютъ и вообще всякую религію. Отецъ реформаціи вѣрилъ въ богодохновенность Библіи, въ пророковъ, въ чудеса, въ благодать, въ оправданіе, въ божество Іисуса Христа, въ небо и адъ; раціоналистическіе богословы, объясняющіе въ настоящее время ветхій и новый завѣтъ съ каѳедры нѣмецкихъ университетовъ, холодно издѣваются надо всѣмъ этимъ, какъ дитя, ставшее взрослымъ, издѣвается надъ разсказами няньки, которыми она убаюкивала его въ дѣтскіе годы. Принципъ свободнаго изслѣдованія, доведенный до своихъ послѣднихъ предѣловъ, приводитъ къ этимъ роковымъ отрицаніямъ. Тѣмъ не менѣе, требовались долгіе годы для того, чтобы достигнуть этой послѣдней стадіи, потому что духъ человѣческій не бросается однимъ прыжкомъ въ подобныя крайности; онъ удаляется съ праваго пути лишь понемногу, шагъ за шагомъ; но рано или поздно, разъ онъ вступилъ на путь заблужденія, неумолимая логика приведетъ его на край пропасти и ввергнетъ въ нее. Это именно и случилось съ протестантскимъ богословіемъ, хотя сначала оно, повидимому, было совершенно чужно какого-либо критическаго отношенія къ Библіи—по самой сущности основного догмата протестантизма.

Основной догматъ протестантизма есть исключительный авторитетъ Библіи, истолковываемый каждымъ по тому внутреннему озаренію, которое сообщаетъ ему Духъ Святой. Всѣ древніе реформаторы единогласно признавали въ Св. Писаніи божественную книгу, пришедшую съ неба для откровенія людямъ ихъ обязанностей въ отношеніи къ Творцу и себѣ подобнымъ, непогрѣшимымъ правиломъ вѣры и нравственности. Для истиннаго протестанта Библія была все. Онъ считалъ ее, по выраженію Гегеля, какбы оплотомъ свободы мысли. Между нимъ и Богомъ не было ничего, кромѣ нея. Помимо

собственнаго сознанія, никакой другой авторитетъ ни въ настоящемъ, ни въ прошедшемъ не въ правѣ объяснять Слова Божія. Преданіе ни имѣетъ никакого значенія для объясненія священной книги. Она достаточна сама по себѣ, никто не имѣетъ права ни ограничивать, ни устанавливать ея смысла; она для него есть единственное преданіе, единственный авторитетъ, единственный священникъ, единственный учитель. Вотъ сущность реформаціи, та общая связь, которая съ самаго начала соединяла между собою первыхъ родоначальниковъ реформаціи. Со времени своего отдѣленія отъ римско-католической церкви, протестанты очень ясно изложили эти начала въ знаменитомъ протестѣ противъ второго Шпейрскаго сейма (1529 г.),—протестѣ, отъ котораго ведетъ самое свое названіе протестантизмъ. Тамъ они провозглашали слѣдующія начала: Библія не должна быть истолковываема преданіемъ, но только сама собой; авторитетъ Библіи выше авторитета соборовъ и церкви. Эти начала долгое время пользовались единодушнымъ признаніемъ въ протестантизмѣ, несмотря на разъединяющее вліяніе свободнаго изслѣдованія. Правда, разъединеніе скоро началось и привело къ происхожденію многочисленныхъ сектъ. Но, несмотря на эти несогласія и эти внутреннія раздѣленія, исключительный авторитетъ Библіи не только не уменьшался, а постоянно возрасталъ и увеличивался именно вслѣдствіе необходимости имѣть какой-нибудь пунктъ единенія противъ общаго врага,—римскаго католицизма. Вслѣдствіе этого протестанты по необходимости пришли къ преувеличеніямъ и крайностямъ въ отношеніи ученія о боговдохновенности. Не ограничиваясь исповѣданіемъ вербальной боговдохновенности, по которой считалось открытымъ свыше каждое слово Св. Писанія, протестанты отрицали, какъ еще и теперь отрицаютъ нѣкоторые наиболѣе строгіе изъ нихъ, —возможность даже какого-либо случайнаго измѣненія, какой-либо случайной перемѣны въ цифрахъ, какой-либо погрѣшности со стороны переписчика въ первоначальномъ подлинномъ текстѣ священныхъ книгъ. Это именно и есть то, что наиболѣе свободомыслящіе изъ протестантовъ теперь называютъ «библіолатріей». «Это стараніе опереться на Библію, говоритъ одинъ изъ нихъ, было инстиктивнымъ результатомъ того крестоваго похода, который поднятъ былъ противъ преданія, поддерживавшагося Римомъ. Библія замѣнила церковь... Библія снабжена была такими аттрибутами, которые, безъ сомнѣнія, нелегко было оправдать. Проповѣдывалось ученіе, что она совершенна, не имѣетъ ничего неяснаго, понятна для всѣхъ и со-

держитъ все, что необходимо для спасенія. Лютеръ заявилъ, что Св. Писаніе не можетъ обманываться, и что говорить, будто Св. Писаніе темно, значитъ обнаруживать нечестіе и богохульство». Библія скоро сдѣлалась своего рода бумажнымъ папой и, какъ римскій первосвященникъ, явилась представительницей Бога и Христа. Суровый ортодоксалъ Каловъ утверждалъ, что св. писатели при написаніи священныхъ книгъ участвовали только своими устами и своей рукой... Въ началѣ XVIII столѣтія Георгій Ниче, суперинтендентъ Готскій, составилъ сочиненіе подъ многознаменательнымъ въ этомъ отношеніи заглавіемъ: «Св. Писаніе—есть ли оно Самъ Богъ или твореніе?». И въ виду того, до какой библіолатріи можетъ доходить протестантъ, отнюдь не будетъ удивительно, какъ одинъ жалкій дикарь, видя проходящаго протестантскаго миссіонера съ Библіей подъ-мышкой, вскричалъ: «вотъ Богъ этого человѣка, и какой Богъ! онъ носитъ Его въ своемъ карманѣ, между тѣмъ какъ наши боги находятся въ нашихъ марахъ» (храмы полинезійскихъ божествъ).

Слишкомъ исключительная важность, приданная Библіи реформаціей, по необходимости, какъ и всякое преувеличеніе, должна была вызвать реакцію. Между тѣмъ, основное ученіе протестантизма о Библіи оставалось почти неприкосновеннымъ до половины XVIII вѣка. Войны, которыя протестанты вели столь долго противъ римскаго католицизма, воспрепятствовали имъ подвергнуть это ученіе болѣе тщательному изслѣдованію, чѣмъ вмѣстѣ съ тѣмъ замедлилось и развитіе тѣхъ разрушительныхъ зародышей, которые это ученіе заключало въ себѣ. Но когда протестантизмъ наконецъ завоевалъ себѣ независимое существованіе, когда прусская монархія,—его главная покровительница,—оказала ему свое могучее содѣйствіе и обезпечила за нимъ права на свободу мысли, то съ этихъ поръ онъ, свободный отъ внѣшнихъ тревогъ, предоставленный самому себѣ, сдѣлался скоро добычей того процесса разложенія, результаты котораго были крайне печальны для Библіи.

Все основывается на Библіи—таковъ былъ доселѣ основной догматъ протестантизма. Но вотъ настало время, когда стали спрашивать: на чемъ же основывается сама Библія? откуда происходитъ она? что она такое? Вожди протестантизма конечно утверждали, что она основывается на божественной непогрѣшимости, что она происходитъ отъ Бога, что она есть само слово Божіе. Но откуда вожди протестантизма знали все это? По какимъ признакамъ могли они

узнавать божественное слово? По какимъ признакамъ я самъ могу узнать его? Если православіе считаетъ боговдохновѣнность Св. Писанія особымъ актомъ вѣры, то это потому, что оно принимаетъ авторитетъ церкви, которую считаетъ непогрѣшимою, а эта церковь учитъ признавать Св. Писаніе боговдохновеннымъ; но сторонникъ свободнаго изслѣдованія не можетъ полагатся на свидѣтельство кого-либо другого. Онъ долженъ самъ составлять свое сужденіе. Поэтому, уже первые реформаторы, Лютеръ и Кальвинъ, старались представить боговдохновенность св. книгъ, какъ вещь самоочевидную. Увѣренность, которую имѣетъ въ этомъ отношеніи христіанинъ, по Лютеру, есть по самой своей сущности какъ бы аксіома. Онъ знаетъ, что Библія боговдохновенна, съ такою же самоочевидностью, какъ онъ знаетъ, что $3+7$ составляютъ 10. Онъ не можетъ доказать истины этихъ утвержденій, но въ то же время не имѣетъ возможности и отрицать ее. По строгой логикѣ, протестантъ такимъ образомъ не можетъ приписывать божественнаго характера Св. Писанію иначе, какъ только по своему личному изслѣдованію и по своему собственному озаренію. Если онъ не имѣетъ особаго озаренія къ разумѣнію слова Божія, то книга, которая, по предположенію, содержитъ его, не отличается для него отъ книгъ другихъ мудрецовъ. Отрицая все другое, кромѣ Библіи, реформаторы поступали подобно тѣмъ неразумнымъ, которые разрушали всѣ подпорки и скрѣпы какого-либо величественнаго зданія, прогоняли всѣхъ охранителей и открывали безразлично доступъ всякому прохожему. Зданіе, оставленное безъ всякой охраны и поддержки, по необходимости должно было разложиться и превратиться въ развалины. Штраусъ, главный труженикъ въ этомъ печальномъ дѣлѣ разрушенія, составляющемъ второй періодъ протестантизма, прекрасно показалъ въ своемъ введеніи въ «Жизнь Іисуса», какъ отрицаніе авторитета Библіи было необходимымъ слѣдствіемъ отрицанія авторитета церкви, съ чего именно начали реформаторы. „Реформація“, говоритъ онъ, „нанесла первый ударъ вѣрѣ въ церковь; она была первымъ знакомъ существованія извѣстной культуры, которая, какъ это уже видно было въ язычествѣ и іудействѣ, успѣла уже въ нѣдрахъ самого христіанства получить достаточно силы и устойчивости, чтобы противодѣйствовать той почвѣ, на которой оно стояло, то есть принятой религіи. Эта реакція, направляясь сначала единственно противъ господствующей церкви, представляла благородную, но быстро закончившуюся драму реформаціи; позднѣе она направи-

лась противъ библейскихъ документовъ и, заявляя себя сначала рѣзкими отрицательными опытами деизма, достигла болѣе новѣйшаго времени уже чрезъ цѣлый рядъ различныхъ преобразованій".

Уже въ XVII столѣтіи Гуго Гроцій (1583—1646 г.) началъ видоизмѣнять понятіе о боговдохновенности, какъ оно существовало среди протестантовъ, и въ то же самое время Спиноза (1632—1677) подвергъ его сомнѣнію въ своемъ «Богословско-политическомъ трактатѣ». Ихъ мнѣніе между тѣмъ долго оставалось непризнаннымъ въ Германіи. Гроцій считался тамъ еретикомъ; Спиноза — еврей, иностранецъ и пантеистъ—внушалъ ужасъ самымъ своимъ именемъ. Но это не навсегда оставалось такъ. Къ половинѣ XVIII столѣтія, хотя народная масса еще оставалась ревностно христіанскою, почва уже была подготовлена и начала принимать первыя сѣмена невѣрія. Вѣра въ эту эпоху была сильно поколеблена цѣлымъ рядомъ извѣстныхъ просвѣщенныхъ умовъ; философія Вольфа пріучила ихъ относиться независимо къ буквѣ Библіи. Ученикъ этого главы школы, Лаврентій Шмидтъ, составилъ странный, но исполненный имъ проектъ перевода Пятокнижія на вольфіанскій языкъ, то-есть, проектъ замѣны образныхъ и догматическихъ терминовъ священнаго текста выраженіями, которыя ввелъ въ моду его учитель [1]). Сочиненія французскихъ философовъ и и главнѣе всего англійскихъ деистовъ увеличили зло и еще болѣе развили зародыши раціонализма. Гербертъ, графъ Черберійскій, издалъ въ 1624 году книгу подъ заглавіемъ: «Объ истинѣ и какъ отличать ее отъ откровенія, отъ вѣроятнаго и ложнаго» [2]). Онъ возвелъ деизмъ въ систему и отвергъ откровеніе, какъ безполезное. Гассенди отвергалъ его во Франціи, Локкъ — въ Англіи. Но этотъ послѣдній принесъ въ своемъ отечествѣ сверхъестественной религіи больше зла, чѣмъ даже тотъ, кого онъ опровергалъ: въ своемъ „Разумномъ христіанствѣ", явившемся въ 1695 году, Локкъ самъ проповѣдывалъ естественную религію, т.-е. раціонализмъ. Деисты въ то время чрезвычайно размножились въ Великобританіи и наполняли свое отечество своими безрелигіозными и кощунственными сочиненіями. Джонъ Толандъ написалъ „Христіанство безъ тайнъ", изобрѣлъ имя „пантеизмъ" и уже безъ всякаго уваженія относился не только къ богооткровеннымъ истинамъ, но и къ началамъ естественной нравственности. Вульстонъ

---

[1]) Die Göttlichen Schriften etc. Wertheim, 1735.

[2]) De Veritate etc. Paris, 1624; London, 1633 и 1645.

въ чудесахъ евангелій не признавалъ ничего, кромѣ аллегорій. Эту теорію онъ развилъ въ своихъ шести „Разсужденіяхъ о чудесахъ Іисуса Христа“. Подобныя же идеи проповѣдывали и многіе другіе англійскіе писатели. Ихъ поддерживали вліятельные члены англійской аристократіи, каковы Соммерсъ, Букингамъ и особенно Болинброкъ, который самъ дошелъ до того, что сравнивалъ Библію съ сочиненіемъ Сервантеса „Донъ-Кихотъ“.

Въ это общество англійскихъ вольнодумцевъ попалъ Вольтэръ, нашедшій въ Англіи убѣжище въ 1726 году. По своемъ возвращеніи во Францію въ 1728 году, онъ принесъ туда и заблужденія деизма, почерпнутыя въ ихъ школѣ. Онъ связанъ былъ тѣсными узами дружбы съ Болинброкомъ и большую часть своихъ возраженій противъ Библіи заимствовалъ изъ „Писемъ по исторіи“ этого англійскаго лорда. Поэтому-то имя этого невѣрующаго государственнаго человѣка постоянно появляется въ различныхъ шуткахъ пресловутаго фернейскаго патріарха касательно ветхаго и новаго завѣта. Французскій вольнодумецъ однако же не велъ серьезной войны съ откровеніемъ. При своемъ легкомысленномъ настроеніи, онъ ограничивался лишь сарказмами и насмѣшками, хотя придавалъ имъ настолько значенія, что считалъ для себя отнюдь не труднымъ дѣломъ разрушить то христіанство, распространить которое удалось какимъ-то двѣнадцати темнымъ галилейскимъ рыбакамъ. Но, благодаря Бога, теперь уже никакого слѣда не остается отъ его труда противъ Библіи; даже Ренанъ признаетъ его ничтожество въ этомъ отношеніи. Въ прошломъ [18-мъ] столѣтіи однако же его остроумные трактаты не только находили сочувственные отголоски во Франціи, но имѣли могущественныхъ сторонниковъ въ Германіи, гдѣ особенно большимъ почитателемъ его былъ Фридрихъ II.

Раздуваемый вѣтромъ невѣрія, вѣявшимъ съ запада, пожаръ, уже начавшійся въ Германіи, сталъ принимать тамъ ужасающіе размѣры и жестоко свирѣпствуетъ до нашего времени. Штраусъ съ научной точки зрѣнія опредѣлилъ роль тѣхъ странъ, о которыхъ мы только что говорили, въ распространеніи раціонализма въ это время. „Въ Англіи“, говоритъ онъ, „началось первое нападеніе и изготовленіе оружія; эту именно роль играли свободные мыслители или деисты; французы перенесли это оружіе по сю сторону пролива и ловко пользовались имъ въ мелкихъ, но непрестанныхъ стычкахъ; наконецъ, въ Германіи одинъ человѣкъ молчаливо предпринялъ правильную осаду противъ правовѣрнаго Сіона. Франція и Германія подѣлили между

собою въ этомъ отношеніи роли, изъ которыхъ первая взяла на себя болѣе пріятную, а вторая—болѣе серьезную. Тамъ Вольтэръ, здѣсь Самуилъ Реймарусъ выступали какъ бы представителями этихъ двухъ народовъ".

2. Открытое возстаніе противъ Библіи.

Въ тотъ моментъ, до котораго мы дошли, нѣмецкій ученый Реймарусъ въ тиши своего кабинета, секретно отъ своихъ собратовъ и общества, уже работалъ надъ однимъ разрушительнымъ трудомъ, и никто еще не подозрѣвалъ, какая гроза подготовлялась на небосклонѣ протестантизма. Но ему уже расчищали путь чрезвычайно многіе изъ его несознательныхъ соучастниковъ. Раціонализмъ дѣлалъ все большіе успѣхи. Король Пруссіи, Фридрихъ II, собственною персоною давалъ примѣръ безвѣрія. Его невѣріе сдѣлалось заразительнымъ. Многіе повторяли за нимъ, что Лютеръ лишь на половину разодралъ завѣсу суевѣрія. То преувеличенное почтеніе, съ которымъ относились къ принятому тексту священныхъ книгъ, стало уменьшаться: библейская критика начала свой трудъ собиранія древнихъ манускриптовъ и сводки разнообразныхъ чтеній. Ветштейнъ опубликовалъ въ 1751 году изданіе Новаго Завѣта на греческомъ языкѣ, которое явилось въ Германіи съ указаніемъ варіантовъ. Онъ еще не осмѣливался исправлять textus receptus, а ограничивался лишь указаніемъ собранныхъ имъ чтеній, но первый шагъ былъ уже сдѣланъ. Въ 1774 году Грисбахъ смѣло напечаталъ текстъ Новаго Завѣта, расположивъ его по правиламъ критики уже безъ всякаго вниманія къ древнимъ изданіямъ. Эта смѣлость однако же была еще ничто въ сравненіи съ смѣлостью такихъ, правда, мало извѣстныхъ и мало уважаемыхъ ученыхъ, какъ Эдельманъ и Бардтъ. Первый изъ нихъ издалъ въ 1746 году „Исповѣданіе вѣры", гдѣ онъ заявлялъ, что Богъ не есть личность, но сущность всѣхъ вещей; что Его нельзя представлять безъ міра, который есть тѣнь, тѣло, Сынъ Божій; Ветхій Завѣтъ есть сборникъ легендъ, сочиненныхъ Ездрой; Новый Завѣтъ имѣетъ не болѣе историческаго значенія и написанъ лишь во времена Константина Великаго. Второй провозглашалъ еще болѣе крайнее мнѣніе. Онъ заявлялъ въ 1784 г., что Іисусъ былъ подготовленъ къ Своей миссіонерской роли тайнымъ обществомъ, открывшимъ Ему дотолѣ неизвѣстныя средства, при помощи которыхъ Онъ могъ совершать Свои чудесныя исцѣленія.

Но эти ничтожные критики, вся задача которыхъ, при отсутствіи истинной учености, состояла лишь въ томъ, чтобы странными парадоксами произвести возможно больше шума и обратить на себя вниманіе, не были еще особенно опасны для откровенія. Гораздо болѣе зла сдѣлалъ Николаи, редакторъ „Всеобщей нѣмецкой библіотеки". Всѣ помѣщавшіяся въ этомъ изданіи статьи были проникнуты духомъ раціонализма и написаны тономъ холоднаго и часто язвительнаго невѣрія. Съ 1765 по 1792 годъ эта „библіотека" составила 106 томовъ, которые, не нападая открыто на христіанство, однако же молча подкапывали его и незамѣтно заражали невѣріемъ своихъ многочисленныхъ читателей. И это не замедлило сказаться самыми печальными послѣдствіями. Пасторы не осмѣливались болѣе проповѣдывать евангеліе, и въ обществѣ составилось уже мнѣніе, что они обязаны приближаться къ идеалу того сантиментальнаго и раціоналистическаго проповѣдника, который изображенъ былъ Николаи въ его „Жизни и мнѣніяхъ магистра Себальда Нотанкера" [1]). Этотъ магистръ проповѣдывалъ крестьянамъ о томъ, что они должны вставать рано, рекомендовалъ имъ лучше заботиться о своемъ домашнемъ скотѣ и обрабатывать свои поля для того, чтобы сдѣлаться богатыми, преподавалъ имъ уроки гигіены и научалъ ихъ искусству удлинять свою жизнь [2]). Устраняя христіанство изъ проповѣди, подобные мыслители хотѣли такимъ забвеніемъ его возможно скорѣе подорвать его.

Таково было общее настроеніе умовъ въ Германіи, когда явились знаменитые „Вольфенбюттельскіе фрагменты". Въ исторіи народовъ бываютъ моменты, когда одна книга, одно слово сразу бросаетъ живой и часто печальный свѣтъ на все данное положеніе. Она разсѣеваетъ окутывавшій всѣхъ мракъ; зло, доселѣ скрытое, ясно выступаетъ у всѣхъ предъ глазами, и общественное сознаніе въ ужасѣ приходитъ въ себя. То, что̀ придаетъ особенную силу раздающемуся въ подобные моменты голосу, заключается въ томъ, что самый голосъ этотъ есть лишь эхо, но эхо, которое опредѣленнымъ образомъ выражаетъ общее чувство, доселѣ остававшееся неяснымъ и смутнымъ.

---

[1]) Nicolai, Leben und Meinungen des Herrn Magister Sebaldus Nothanker, Berlin, 1773 г. I—III т.

[2]) Замѣчательно, что въ періодъ расцвѣта у насъ такъ называемаго реализма, въ 60-хъ годахъ, наиболѣе передовые изъ реалистовъ высказывали по отношенію къ нашему духовенству какъ-разъ подобное же требованіе. Они конечно не знали, что повторяли нѣмецкіе зады прошлаго вѣка, и выставляли подобное требованіе, какъ «послѣднее слово» соціальной науки. Такъ повторяется исторія.

Если „Вольфенбюттельскіе фрагменты“ возбудили страшную бурю среди протестантовъ Германіи, то это лишь потому, что имъ ясно открыто было, что они были уже менѣе христіане, чѣмъ сколько имъ хотѣлось бы думать.

Первая часть знаменитыхъ „Фрагментовъ“ была издана въ 1774 году. Это было время зарожденія серьезныхъ нападеній нѣмецкой критики на Библію, и первымъ начинателемъ дѣла, завершителемъ котораго сдѣлался впослѣдствіи Штраусъ, былъ извѣстный нѣмецкій поэтъ и критикъ Лессингъ. Онъ пользовался въ своей странѣ чрезвычайно громкою славою, какъ плодомъ своихъ литературныхъ дарованій и того живого движенія, которое онъ возбудилъ въ отечественной литературѣ. Онъ пользовался весьма значительнымъ вліяніемъ на современные умы. Его философскія идеи были далеко не здравы, его религіозныя идеи были христіанскія только по имени. Спиноза, по его выраженію, былъ для него „своимъ человѣкомъ“; онъ принялъ значительную часть его воззрѣній. Христіанство, по его мнѣнію, было независимо отъ Библіи, и онъ полагалъ, что можно отрицать авторитетъ священной книги, не отвергая основы. Но въ то же время онъ не считалъ благовременнымъ сообщать публикѣ свои богословскія воззрѣнія. Одно случайное обстоятельство однако же позволило ему издать ихъ подъ прикрытіемъ неизвѣстнаго лица. Въ 1768 году въ Гамбургѣ умеръ профессоръ философіи Самуилъ Реймарусъ. Онъ оставилъ въ своихъ бумагахъ рукопись подъ заглавіемъ „Апологія для почитателей Бога по разуму“. Его наслѣдники сообщили копію съ сочиненія Лессингу, тогда библіотекарю герцога Брауншвейгскаго въ Вольфенбюттелѣ. Этотъ послѣдній и напечаталъ первое извлеченіе изъ нея въ 1774 году подъ заглавіемъ „Фрагменты неизвѣстнаго“ [1]), въ редактировавшемся имъ изданіи „Документовъ (Beiträge) для содѣйствія исторіи и литературѣ“. Пять новыхъ отрывковъ явилось въ 1777 году и наконецъ послѣдній въ 1778 г. Они получили въ исторіи названіе „Вольфенбюттельскихъ фрагментовъ“. Это изданіе Лессинга раздалось въ Германіи какбы громовымъ ударомъ. Въ немъ провозглашался открытый разрывъ съ Библіей. „Лютеръ освободилъ насъ отъ ига преданія“, писалъ самъ Лессингъ, „но кто освободитъ насъ отъ еще болѣе невыносимаго ига буквы?“ И вотъ онъ приступилъ къ этому освободительному труду, дѣлаясь издателемъ Самуила

[1]) Fragmente eines Unbekannten.

Реймаруса. И онъ не ошибся въ этомъ отношеніи. Всѣ извлеченія, которыя онъ сдѣлалъ изъ „Апологіи“, были избраны съ большимъ искусствомъ, и при изданіи ихъ онъ наблюдалъ научную послѣдовательность. Онъ началъ съ проповѣди о вѣротерпимости въ пользу деистовъ въ 1774 году, не нападая еще прямо на богооткровенную религію; потомъ, въ 1777 году, онъ взялся сначала вообще за откровеніе, а затѣмъ за Ветхій Завѣтъ, и только уже въ послѣднемъ выступилъ противъ Новаго Завѣта. Но онъ чрезвычайно возмутилъ общественную совѣсть. Уже первый фрагментъ произвелъ сильное возбужденіе; но негодованіе не знало предѣловъ, когда публика прочитала книгу, наполненную возраженіями противъ Откровенія и противъ Воскресенія Іисуса Христа. Но какбы желая подлить масла въ огонь, Лессингъ среди всеобщаго негодованія и возбужденія издалъ седьмой и послѣдній фрагментъ, наиболѣе яростный изъ всѣхъ, извѣстный подъ заглавіемъ: „Планъ Іисуса и Его учениковъ“. „Неизвѣстный“, подъ которымъ однако же большинство разумѣло Лессинга, не только Моисея считалъ обманщикомъ, но не стыдился выступать съ этимъ же обвиненіемъ и противъ Іисуса Христа. Однако же онъ, какъ впослѣдствіи и весьма многіе изъ нѣмецкихъ раціоналистовъ, не считалъ себя еще отступникомъ отъ христіанства. Напротивъ, по его заявленію, онъ-то и былъ именно истиннымъ христіаниномъ, и не раціоналисты должны выходить изъ церкви, а напротивъ—члены церкви должны дѣлаться раціоналистами. Провозглашая себя такимъ образомъ послѣдователемъ Христа, онъ низводилъ своего Учителя на степень простого патріота, который не останавливался даже предъ обманомъ въ достиженіи своихъ цѣлей. Цѣль Іисуса была возвышенная и и благородная. Онъ хотѣлъ одушевить іудейскій народъ новою жизнью и придать теократіи ея древній блескъ; для достиженія этой цѣли всѣ средства казались Ему добрыми. Онъ вошелъ въ соглашеніе съ Іоанномъ Крестителемъ, который сдѣлался Его соучастникомъ. Они условились взаимно поддерживать другъ друга и такимъ образомъ распространять среди народныхъ массъ свою популярность и свое вліяніе. Моментомъ, назначеннымъ для исполненія этого плана Іисуса, былъ праздникъ Пасхи. Въ день, который мы называемъ Вербнымъ Воскресеньемъ, этотъ преобразователь, своимъ торжественнымъ входомъ въ столицу Іудеи, возбуждалъ чернь противъ первосвященниковъ и вождей народа; затѣмъ, малообдуманнымъ поступкомъ и съ неслыханною смѣлостью Онъ нарушилъ величіе храма. Но этого было слишкомъ много для

перваго раза, Его ревность перешла должныя границы; Онъ былъ арестованъ, осужденъ и казненъ. Всѣ Его величественные планы общественнаго возрожденія іудейскаго народа должны были такимъ образомъ разбиться о препятствіе, котораго Онъ не предвидѣлъ, именно о крестъ. Тогда Онъ раскаялся въ Своемъ предпріятіи и умеръ, жалуясь на то, что Онъ былъ оставленъ Богомъ. Изъ того критическаго положенія, въ которое Его казнь поставила апостоловъ, они не знали, какимъ образомъ выпутаться иначе, какъ измысливъ разсказъ о Его воскресеніи и одухотворивъ Его ученіе о царствѣ Божіемъ.

Съ бо́льшею смѣлостью, какъ видно изъ этого, уже невозможно отрицать авторитетъ Св. Писанія и вѣру въ него. Доводить смѣлость до отрицанія даже искренности Іисуса Христа—это уже превосходило всякія границы. Въ Германіи въ то время еще не привыкли слышать подобныя богохульства. Чѣмъ глубже было почтеніе къ Слову Божію въ то время, тѣмъ сильнѣе было смущеніе, особенно когда подобныя мысли выходили отъ такого знаменитаго человѣка, какимъ былъ Лессингъ. Съ самаго основанія христіанства религія еще никогда не подвергалась столь грубому нападенію и оскорбленію [1]). Реакція поэтому была бурная. Со всѣхъ сторонъ поднялись яростные крики. Сами раціоналисты, сознавшіе, насколько неумѣренный языкъ фрагментовъ подрывалъ ихъ дѣло, сильно возставали противъ него. Землеръ, считавшійся ихъ главою, писалъ, что Лессингъ заслуживаетъ того, чтобы быть заключеннымъ въ домъ сумасшедшихъ.

3. Отрицаніе сверхъестественнаго.

Зло, произведенное изданіемъ Лессинга, однако же было бы не особенно великимъ, если бы раціоналисты, когда успокоился первый взрывъ негодованія, не сочли себя обязанными сдѣлать въ пользу христіанства болѣе или менѣе важныя уступки. Противъ Лессинга выступилъ Гетце; хотя онъ имѣлъ, конечно, менѣе генія, чѣмъ его страшный противникъ, но онъ справедливо видѣлъ, когда снималъ маску съ плановъ вольфенбюттельскаго библіотекаря, опасность подоб-

---

[1]) Извѣстно было, впрочемъ, подобное же грубоотрицательное сочиненіе подъ заглавіемъ De tribus impostoribus, гдѣ разсматриваются какъ обманщики Магометъ, Моисей и Іисусъ Христосъ. Сочиненіе это относили къ среднимъ вѣкамъ, но въ дѣйствительности оно написано было не раньше половины XVIII столѣтія и принадлежало къ зарождавшейся школѣ нѣмецкихъ раціоналистовъ.

ныхъ покушеній и выставлялъ раціоналистамъ на видъ, что разъ они подорвутъ сверхъестественное значеніе Библіи, то отъ христіанства останется уже немного. Теперь уже никто серьезно не оспариваетъ, что этотъ апологетъ не съ достаточною основательностью и ясностью понималъ идеи Лессинга. Но за нимъ остается та важная заслуга, что онъ первый обратилъ вниманіе на угрожавшую христіанству опасность. Стражъ, который, видя дворецъ Государя объятый пламенемъ, закричалъ „пожаръ", не ошибся въ этомъ отношеніи и не принялъ за пожаръ простого отблеска утренней зари, потому что этотъ пожаръ продолжается еще и теперь, хотя Лессингъ и его преемники и старались утишить огонь.

Между тѣмъ лица, которыхъ чтеніе сочиненій деистовъ уже поколебало въ вѣрѣ, увидѣли, что часть возраженій „неизвѣстнаго" оставалась неопровергнутою. Они думали, что христіанство уже нельзя спасти иначе, какъ при помощи особаго рода сдѣлки, именно безпощаднаго изгнанія всего, что не позволяла удерживать критика, низведенія его, однимъ словомъ, къ неопредѣленному чувству, къ системѣ безъ догматовъ и безъ авторитета. Религія, по ихъ воззрѣнію, есть нѣчто совершенно отличное отъ богословія; нападать на богословіе это еще совершенно не значитъ нападать на религію. Для того, чтобы быть христіаниномъ, всякій долженъ вѣрить лишь тому, что внушаетъ ему его собственное сердце. То, что дѣлаетъ насъ лучшими, что возвышаетъ душу, это и есть истинная религія Христа. Нужно проповѣдывать лишь такое ученіе, которое содѣйствуетъ нашему нравственному совершенствованію. То, что назидаетъ насъ въ Библіи, есть боговдохновенно, причемъ назиданіе и боговдохновенность суть одно и то же. Отъ Бога исходитъ единственно лишь то, что дѣлаетъ насъ добродѣтельными.

Высказывавшіе такія мнѣнія однако же не замѣчали, что, подъ предлогомъ спасенія христіанства, они убивали его. Штраусъ прекрасно разъяснилъ это впослѣдствіи этимъ непослѣдовательнымъ софистамъ. Почему я обязанъ повиноваться Библіи, если она не есть истинное слово Божіе? Съ совершенно непостижимымъ ослѣпленіемъ они опровергали христіанство, дѣлая ему единственную уступку, которую, въ сущности, допускалъ и Лессингъ, именно уступку, составлявшую самое грубое изъ послѣдствій, влекшихъ за собою полное отрицаніе христіанства. Они именно соглашались съ Реймарусомъ, что Библія есть лишь произведеніе человѣческое и должна быть раз-

сматриваема совершенно такъ же, какъ и всѣ другія литературныя произведенія. Такимъ образомъ они совершенно сглаживали дотолѣ общепризнанное различіе между книгами священными и книгами обыкновенными, и вмѣстѣ съ тѣмъ конечно отвергали ученіе о боговдохновенности. Имъ думалось, что они спасутъ христіанство, дѣлая его независимымъ отъ Св. Писанія. Лессингъ ничего другого не проповѣдывалъ и не требовалъ, какъ именно этого. „Буква не есть духъ", писалъ онъ, „и Библія не есть религія". Слѣдовательно, возраженія противъ буквы и Библіи не суть еще возраженія противъ духа и религіи. Не религія истинна потому, что ее проповѣдывали евангелисты-апостолы, но они проповѣдывали ее потому, что она истинна. Внутренняя истинность сама по себѣ должна служить гарантіей писаннымъ преданіямъ, а не писанныя преданія могли когда-либо придать этой истинѣ то, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ въ ней. Въ силу этого истина зависитъ отъ внутренняго сужденія каждаго, она подвергается произволу и всѣмъ колебаніямъ человѣческаго духа. Если памятники, на которыхъ покоится религія, не вдохновлены Богомъ, то она уже ничто.

Отрицаніе боговдохновенности священныхъ книгъ было наиболѣе важнымъ пунктомъ, который выступалъ въ это время на пути отрицанія христіанства. Съ этого времени историческій авторитетъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта покоится уже не на божественномъ свидѣтельствѣ, а единственно на оцѣнкѣ людей. Раціоналисты не могли не почувствовать сильнаго замѣшательства при видѣ того результата, къ которому они по необходимости пришли. Какимъ образомъ защитить историческій характеръ всѣхъ частей Библіи? Она наполнена чудесными разсказами. Если Самъ Богъ не гарантировалъ намъ истинности, то какъ доказать ее? Не смущаютъ ли эти разсказы разума? Не противны ли они опыту? Эти вопросы съ необходимостью принуждали отвергать чудеса, какъ они заставили отвергнуть и боговдохновенность. И вотъ такимъ образомъ. силою вещей, раціоналисты пришли къ полному отрицанію всего сверхъестественнаго.

Выразителемъ этой стадіи въ отношеніи раціонализма къ Библіи сдѣлался Эйхгорнъ (1752—1827 гг.). Онъ самъ передаетъ о томъ глубокомъ внечатлѣніи, которое произвело на его душу чтеніе „Вольфенбюттельскихъ фрагментовъ". Возбужденныя противъ священныхъ писателей обвиненія въ обманѣ глубоко возмутили его духъ, потому что гдѣ же иначе находить послѣ этого непреодолимую искренность

и честность? Но ему казалось невозможнымъ допустить прямое вмѣшательство Бога въ исторію Ветхаго Завѣта. „У всѣхъ древнихъ народовъ", говорилъ онъ, „все, что было необъяснимаго, необычайнаго, относилось къ Божеству; мудрецы всѣхъ странъ находились въ сношеніи съ высшими существами. Когда мы читаемъ о подобныхъ событіяхъ у гражданскихъ писателей, то мы считаемъ ихъ ложными или легендарными; но почему же мы дѣлаемъ единственное исключеніе только для Евреевъ?"—Отвѣтъ на это простой: если мы дѣлаемъ такое исключеніе, то это потому, что книги, разсказывающія о подобныхъ чудесахъ, у Израиля не такія, какъ внѣ его, что еврейскіе источники подлинны, между тѣмъ какъ другіе не подлинны. Но Эйхгорнъ не принялъ во вниманіе этого существеннаго различія; ему показалось, что справедливость обязывала относиться къ сынамъ Израиля совершенно такъ же, какъ и къ остальному человѣчеству. И это такимъ образомъ привело его къ отрицанію чуда. Таковъ былъ второй шагъ на пути раціонализма въ его отношеніи къ Библіи. Отвергнувъ боговдохновенность священныхъ книгъ, онъ, съ логическою необходимостью, равнымъ образомъ сталъ отвергать и всѣ чудесныя дѣла. Вотъ тѣ два пункта, съ которыхъ не сходятъ раціоналисты и которые съ этого времени составляютъ какбы два главныхъ догмата ихъ отрицательнаго символа вѣры; они считаютъ эти пункты непоколебимыми основами своей системы и не считаютъ себя обязанными даже обосновывать ихъ доказательствами.

Эйхгорнъ однако же чувствовалъ, насколько отрицаніе сверхъестественнаго казалось непримиримымъ съ подлинностью священныхъ книгъ. Онъ не думалъ еще отрицать или, по крайней мѣрѣ, не осмѣливался еще оспаривать эту послѣднюю истину, которой не подвергалъ нападенію Реймарусъ. Отвергая чудеса, Эйхгорнъ какбы становился на сторону автора „Фрагментовъ" и признавалъ, что повѣствователи подобныхъ событій были обманщики. Но ему казалось, что самая чудовищность этого вывода была достаточна для его опроверженія. Нельзя, говоритъ онъ, не устрашиться подобнаго предположенія. Какъ! неужели величайшіе люди первыхъ вѣковъ, оказавшіе на человѣчество столь спасительное вліяніе, всѣ были обманщиками, не возбуждая подозрѣнія въ своихъ современникахъ! Нѣтъ, это невозможно. Библейскіе писатели не обманывали насъ; но въ то же время, нужно сознаться,—прибавлялъ онъ,—мы плохо понимали ихъ. Если бы они говорили съ философскою точностью нашего времени,

то было бы невозможно видѣть въ ихъ языкѣ утвержденіе дѣйствительнаго вмѣшательства Бога, что было бы совершенно ложнымъ предположеніемъ; но когда они разсказываютъ намъ о вещахъ совершенно чудесныхъ и относятъ это къ Богу, то они просто говорятъ наивно, безъискусственно, безъ всякаго умысла, соображаясь лишь съ идеями и образомъ выраженія древности. Намъ стоитъ только перевести языкъ первыхъ вѣковъ на языкъ современный, и чудеса совершенно исчезнутъ, какъ исчезаетъ какая-либо мгла.

Землеръ, еще не имѣя въ виду того употребленія, которое впослѣдствіи стали дѣлать изъ его теоріи, уже въ 1760 году проложилъ путь къ этому естественному объясненію сверхъестественнаго. По случаю болѣзни одной бѣдной женщины, въ окрестностяхъ Вюртемберга, которую нѣкоторые богословы считали одержимою бѣсомъ, Землеръ издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Объ упоминаемыхъ въ Новомъ Завѣтѣ бѣсноватыхъ“. Онъ доказывалъ въ немъ, что тѣ, которые изображаются въ Евангеліяхъ въ качествѣ бѣсноватыхъ, были просто больные, припадочные и изступленные. Іисусъ Христосъ и апостолы обходились съ ними какъ съ жертвами злобы діавола, лишь соображаясь съ языкомъ времени. Усваивая и обобщая этотъ принципъ Землера, Эйхгорнъ объяснялъ всѣ чудеса Ветхаго Завѣта иносказаніями и восточнымъ образомъ рѣчи. Исторія сотворенія Адама, какъ она разсказывается въ Книгѣ Бытія, по его объясненію, есть лишь разукрашенная картина перваго появленія человѣка на землѣ. Священный писатель говоритъ, что Ева была сотворена изъ ребра своего мужа, потому что этотъ послѣдній видѣлъ „сонъ“, будто онъ былъ раздѣленъ на двоихъ. Плодъ древа познанія добра и зла содержалъ ядъ, который медленно приводилъ къ смерти Голосъ Божій, устрашившій нашихъ праотцевъ, когда они съѣли отравленный плодъ, это просто былъ шумъ грома [1]) и такъ далѣе.

Подобнымъ же образомъ Эйхгорнъ объяснялъ большую часть чудесъ Ветхаго Завѣта. У него еще оставалось достаточно благоговѣнія, чтобы не прилагать подобнаго же объясненія къ Евангеліямъ; но то, чего не осмѣлился сдѣлать онъ, безъ всякаго смущенія дѣлали другіе болѣе смѣлые. Самъ родоначальникъ естественнаго объясненія чудесъ повидимому понялъ подконецъ, что если вычеркнуть

---

[1]) Eichhorn, Repertorium für biblische und morgenländische Literatur, t. IV. Urgeschichte, p. 158 и др.

все сверхъестественное изъ жизни Іисуса Христа, то въ ней уже не останется ничего великаго. Ученики Эйхгорна не остановились на занятомъ ихъ учителемъ положеніи и присоединились къ взглядамъ Лессинга. Въ концѣ концовъ, говорятъ они вмѣстѣ съ нимъ, намъ нѣтъ надобности въ чудесахъ для того, чтобы вѣрить въ христіанство. Люди заблуждались, поставляя доселѣ истины религіи въ зависимость отъ сверхъестественныхъ фактовъ. Мы можемъ прямо понимать истину. Зачѣмъ намъ ограничивать себя въ признаніи истины тѣмъ, что извѣстные связанные съ нею факты непремѣнно должны быть считаемы истинными, въ то время какъ мы видимъ, что эти факты, по крайней мѣрѣ съ чудеснымъ характеромъ, который ложно приписывается имъ, совершенно безполезны? И такимъ образомъ, они пришли даже къ предположенію, что христіанство не зависимо отъ мнѣній, которыя можно имѣть касательно личности его Основателя. „Мало пользы“, повторяли они съ Гердеромъ, туманная и зыбучая вѣра котораго немало содѣйствовала развитію раціонализма, „мало пользы Христу, если Его имя вспоминается въ безконечныхъ литаніяхъ. Тотъ кто умѣетъ различать золото отъ глины, будетъ почитать этого героя гуманности, нашего благодѣтеля такъ, какъ Онъ и долженъ быть почитаемъ, то-есть, молчаніемъ о Его личности и подражаніемъ Ему“.

Совершенно такъ же, въ сущности, выражался о лицѣ Іисуса Христа и ученый Павлюсъ (1761—1850 г.). „Докторъ Павлюсъ первый“, говоритъ Штраусъ, „пріобрѣлъ полную славу христіанскаго Эвгемера. Конецъ прошлаго столѣтія и начало настоящаго были временемъ появленія многочисленныхъ сочиненій, которыя предлагали естественное объясненіе чудесъ; но классическими памятниками этой школы служатъ, какъ извѣстно, толкованія на Евангеліе Павлюса и „Жизнь Іисуса“, которую позднѣе написалъ тотъ же авторъ“. Павлюсъ, ученикъ Спинозы и Канта, еще рѣшительнѣе былъ враждебенъ чудесамъ, чѣмъ его предшественникъ Эйхгорнъ. Онъ именно, такъ сказать, формулировалъ теорію отрицанія чуда и далъ ей ту опредѣленную форму, которая усвоена была впослѣдствіи Штраусомъ и всѣми современными раціоналистами. По его мнѣнію, всякій фактъ, причины котораго, внутреннія или внѣшнія, не могутъ быть низведены къ обыкновеннымъ законамъ исторіи, есть ничто и не можетъ быть считаемъ совершившимся. Всемогущество, мудрость и благость Божіи проявляются чрезъ обычный порядокъ природы, а не чрезъ

отмѣну ея законовъ. Самое необъяснимое нарушеніе законовъ міра не можетъ ни подтвердить, ни ослабить извѣстной истины. Существованіе какого-либо догмата не можетъ быть обосновано на исцѣленіи, какимъ бы необычайнымъ оно ни было. „Вотъ", говоритъ Штраусъ, „положительныя правила, которыя изложилъ и прилагалъ Павлюсъ и которыя ставятъ его Комментарій выше многихъ другихъ сочиненій того же рода, не только современныхъ, но и послѣдующихъ".

Главный представитель естественнаго объясненія чуда, слѣдовательно, отрицаетъ его a priori и безъ всякихъ доказательствъ, какъ это дѣлалъ уже Эйхгорнъ, какъ дѣлали всѣ, слѣдовавшіе ему, доказывая всѣмъ этимъ свое безсиліе выставить болѣе или менѣе сильный доводъ противъ вѣры въ сверхъестественное,—той вѣры, которая лежитъ въ глубинѣ сердца человѣка и имѣетъ непоколебимыя основы для себя во всемогуществѣ Бога.

Въ теоріи Павлюса противъ чуда ясно можно видѣть вліяніе идей Канта, явнымъ приверженцемъ котораго онъ былъ. Философскія системы, явившіяся въ Германіи въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтій, вообще оказывали на библейскую критику болѣе значительное вліяніе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Та и другая шли параллельнымъ путемъ, взаимно вдохновляя и поддерживая другъ друга. Сомнѣнія Лессинга привели къ радикальнымъ отрицаніямъ Штрауса, скептицизмъ Канта привелъ къ пантеизму Гегеля, къ атеизму Фейербаха и Шопенгауера. Главы философскихъ школъ считали своимъ долгомъ ясно высказывать свои взгляды по религіознымъ вопросамъ. Кантъ, между другими, написалъ книгу: «О религіи въ предѣлахъ чистаго разума» [1]). Тамъ онъ проводитъ мысль, что естественная религія есть единственно истинная, единственно универсальная. Религіи, которыя онъ называетъ откровенными, суть не что иное, какъ человѣческія попытки, имѣющія своею цѣлью обезпечить внѣшній авторитетъ за естественной религіей. Изученіе историческихъ вопросовъ, связывающихся съ откровенной религіей, напр., жизни ея основателя, чудесъ и пророчествъ, на которыхъ она думаетъ основать свой авторитетъ,—такое изученіе совершенно безполезно: единственный пунктъ, заслуживающій вниманія, это нравственность. Кенигсбергскій философъ воображалъ устранить такимъ образомъ всѣ затруд-

[1]) Die Religion innerhalb der Gränzen der blossen Vernunft, Koenigsberg, 1793.

ненія, воздвигнутыя библейской критикой. Вотъ именно то, что извѣстно подъ названіемъ «нравственнаго толкованія» Канта [1]).

Павлюсъ, вполнѣ принимая философскія идеи своего учителя о чудѣ, не считалъ однако же возможнымъ такъ подавлять исторію; онъ думалъ, что необходимо естественно объяснять чудесные факты Новаго Завѣта, какъ Эйхгорнъ объяснилъ факты Ветхаго Завѣта. Тѣмъ не менѣе, онъ видоизмѣнилъ методъ этого послѣдняго, и его «историческое толкованіе» замѣнилъ толкованіемъ «психологическимъ». Въ чудесахъ Евангелій трудно было видѣть однѣ лишь метафоры или восточныя гиперболы. Павлюсу казалось, что онъ можетъ лишить ихъ сверхъестественнаго характера, отнеся сверхъестественное не въ событія жизни Іисуса, не въ Его дѣйствія, но въ духъ или въ воображеніе тѣхъ ли, кто разсказывалъ о нихъ, или тѣхъ, которые толковали ихъ: всѣ дѣйствія въ жизни Іисуса вполнѣ естественны, но то Его историки, то ихъ толкователи ложно придавали имъ чудесный оттѣнокъ. «Комментарій» Павлюса и его «Жизнь Іисуса» имѣли своею цѣлью лишь приложеніе этой теоріи. Пользуясь рессурсами неисчерпаемаго воображенія, онъ старался низвести всѣ сверхъестественные факты, разсказываемые евангелистами, на степень самыхъ обыкновенныхъ событій. Жизнеописатели Іисуса, говоритъ Павлюсъ, видя вещи такими, какими онѣ являлись на самомъ дѣлѣ, разсказываютъ въ сущности гораздо меньше о чудесахъ, чѣмъ обыкновенно думаютъ, и только именно наиболѣе невѣроятныя вещи ошибочно принимали за факты необычайные. Въ разсказахъ, гдѣ думали видѣть нарушеніе законовъ природы, чудо есть чаще всего измышленіе экзегета, а не свидѣтельство повѣствователя. Напр., толкователи евангелиста Іоанна говорятъ, что на бракѣ въ Канѣ Галилейской Іисусъ обратилъ воду въ вино. Это просто ошибка толкованія! У іудеевъ былъ обычай приносить, въ качествѣ свадебныхъ подарковъ, новобрачнымъ вина или масла. Іисусъ, приведя въ Кану безъ приглашенія пять новыхъ учениковъ, которыхъ онъ только что пригласилъ слѣдовать за собою, предвидѣлъ, что окажется недостача въ винѣ, и, въ виду этого, Онъ велѣлъ имъ принести съ собою нѣко-

---

[1]) Лекки, въ своей «Исторіи раціонализма въ Европѣ», справедливо видитъ въ Кантѣ и Лессингѣ двухъ главныхъ виновниковъ, хотя и въ различныхъ направленіяхъ, поднятой въ Германіи борьбы противъ Библіи. О вліяніи Канта въ Германіи на современные ему умы можно судить по выраженію Жанъ-Поль-Рихтера, который говоритъ: «Кантъ не только свѣтило міра, но вся солнечная система».

торое количество вина. Между тѣмъ, «въ шутку», Онъ держалъ Свой подарокъ въ тайнѣ до того момента, когда дѣйствительно оказалась недостача въ винѣ. Затѣмъ, чтобы повеселиться, Онъ велѣлъ налить воды въ одинъ водоносъ, а въ другихъ водоносахъ находилось принесенное имъ вино. Слава, которую Онъ явилъ, какъ говоритъ ев. Іоаннъ, состояла лишь въ томъ, что Онъ явился такимъ весельчакомъ на бракѣ [1]). Всѣ евангелическія чудеса объясняются у Павлюса подобнымъ же образомъ, то-есть, что чудесный характеръ имъ приписывается или апостолами, или ихъ толкователями. Такъ, по свидѣтельству ев. Матѳея, Спаситель, сходя съ горы Блаженствъ, встрѣтилъ прокаженнаго, который на свою просьбу объ исцѣленіи дѣйствительно былъ исцѣленъ. О томъ же разсказываетъ и Св. Лука и Маркъ. По Павлюсу, больной просилъ Іисуса не объ исцѣленіи, а только объ изслѣдованіи его состоянія. Іисусъ выразилъ готовность на это и, послѣ значительной паузы, протянулъ руку, чтобы ощупать его, стараясь въ то же время не соприкоснуться съ нимъ, чтобы не заразиться болѣзнью. Изслѣдованіе обнаружило обильное изверженіе матеріи, которая была признакомъ излечимости болѣзни и начавшагося очищенія кожи. Изъ этого Іисусъ заключилъ, что болѣзнь уже незаразна болѣе, и сказалъ ему: очистись. Такимъ образомъ Онъ былъ не чудотворцемъ, а простымъ врачемъ. Въ исцѣленіи глухонѣмыхъ Онъ доказалъ, по Павлюсу, и Свою опытность въ качествѣ хирурга. Ев. Маркъ повѣствуетъ, что Христосъ исцѣлилъ въ Десятиградіи глухонѣмаго, сказавъ ему: «еффафа, т.-е. отверзись». Павлюсъ увѣряетъ, что это было сдѣлано при посредствѣ особой хирургической операціи и особаго порошка, который по отведеніи больного въ сторону приложенъ былъ къ ушамъ его [2]).

Слабость подобныхъ, чисто ребяческихъ объясненій самоочевидна, и Штраусъ, который подробно разобралъ ихъ въ своей «Жизни Іисуса», отдалъ имъ полную справедливость, ясно показавъ ихъ полнѣйшую несостоятельность. «По Павлюсу», говоритъ Штраусъ, «критика всегда имѣетъ право предполагать то, что могли опустить документы, какъ понятное само собою; а то, что понятно само собою, естественно; потому что сверхъестественное не подразумѣвается само собою, и его слѣдовательно, нельзя предполагать тамъ, гдѣ на него

[1]) Paulus, Philologisch-kritischer und hist. Commentar über d. N. Test. 1804, т. IV, стр. 150—162.

[2]) Commentar, Bd. II, стр. 426.

не дѣлается нарочитаго указанія. Недостатокъ такой логики очевиденъ: евангельскіе разсказы имѣютъ чудо своею основною темою, и сверхъестественная причина не только не должна быть устраняема, но должна быть предполагаема и тогда, когда она не указывается формально».

Несмотря на всю свою слабость, естественное объясненіе чудесъ представляетъ нѣчто настолько соблазнительное для воображенія, что оно было принято въ Германіи съ восторгомъ и увлеченіемъ, дѣлающими мало чести человѣческому разуму. Вдохновленныя ею книги были многочисленны; онѣ стали появляться со всѣхъ сторонъ. Даже Шиллеръ въ своемъ «Курсѣ исторіи» въ Іенѣ рѣшительно усвоилъ ее для объясненія своимъ слушателямъ посланничества Моисея, и хотя она давно уже пала подъ ударами насмѣшекъ, однако же для нѣкоторыхъ умовъ продолжала сохранять столь неодолимую привлекательность, и приложимость ея во многихъ отношеніяхъ такъ удобна, что многіе критики еще продолжаютъ прибѣгать къ ней, какъ въ Германіи, такъ и въ другихъ странахъ (какъ, напр., Ренанъ во Франціи).

4. Миѳическая теорія.

Въ то время, какъ Павлюсъ занималъ вниманіе раціоналистической Германіи своими естественными объясненіями чудесъ, вырабатывалась незамѣтно новая теорія, которой суждено было замѣнить его собственную теорію и которая оказалась гораздо болѣе опасною для вѣры. Это именно теорія *миѳическая*. Эта послѣдняя теорія имѣетъ ту общую черту съ предшествовавшей ей, что она одинаково отрицаетъ сверхъестественное, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ она отличается отъ нея. Между тѣмъ, какъ прежняя принимала историческій характеръ священныхъ книгъ и ограничивалась лишь лишеніемъ библейскихъ чудесъ ихъ божественнаго ореола, съ цѣлью низвести ихъ на степень естественныхъ фактовъ, новая теорія шла гораздо дальше и низводила чудеса на степень басенъ или, какъ она выражалась, миѳовъ, и при этомъ въ то время, какъ первая еще признавала подлинность Св. Писанія, вторая не вѣрила въ нее больше. Отсюда само собой видно, какъ постепенно усиливался и развивался недугъ раціонализма. Переходя отъ отрицанія къ отрицанію, отъ разрушенія къ разрушенію, невѣріе скоро должно было увидѣть, что для него уже ничего не остается отъ священнаго зданія христіанскаго откровенія. Ставъ на

скользкій путь сомнѣнія, раціоналистъ идетъ уже безостановочно, не имѣя возможности остановиться.

Въ миѳическомъ, какъ и въ естественномъ объясненіи чуда, нападеніе сначала направлялось только противъ Ветхаго завѣта, не касаясь Новаго. Первые удары естественно должно было получить Пятокнижіе. Оно составляетъ какъ бы введеніе въ священныя книги и тѣмъ самымъ прежде всего привлекаетъ къ себѣ вниманіе; кромѣ того, своею древностью и характеромъ своихъ разсказовъ, оно видимо представляетъ и больше, чѣмъ всякая другая часть Библіи, поводовъ къ истолкованію миѳологовъ. Миѳологи были первые отрицатели подлинности Пятокнижія; они имѣли предшественниковъ въ первыхъ вѣкахъ церкви: нѣкоторые гностики и нѣкоторые язычники уже высказывали сомнѣнія касательно Моисеева происхожденія пяти первыхъ книгъ Св. Писанія, но ихъ голосъ долго не находилъ отголоска, и всеобщее преданіе не встрѣчало никакого противорѣчія. Въ XII столѣтіи знаменитый іудейскій раввинъ Абенъ Ездра высказалъ подозрѣнія касательно нѣкоторыхъ мѣстъ; но онъ не распространялъ ихъ въ то же время на все Пятокнижіе, какъ это часто ошибочно повторяли вслѣдъ за Спинозой, желавшимъ создать себѣ предшественниковъ. При началѣ протестантизма, Карлштадтъ, по поводу разсказа о смерти Моисея во Второзаконіи, возбудилъ вопросъ (1520 г.), написаны ли были пять книгъ Пятокнижія самимъ законодателемъ евреевъ. Тогда еще никто не обратилъ вниманія на это зарождавшееся сомнѣніе. Въ 1574 году одинъ бельгіецъ, Андрей Мазій, въ своемъ «Комментаріѣ на книгу Іисуса Навина», стараясь сдѣлать это предположеніе болѣе правдоподобнымъ, сослался на замѣчаніе Талмуда о тайномъ участіи, которое выпало на долю Ездры въ составленіи Пятокнижія. Это были первыя прелюдіи нападенія. Въ XVII столѣтіи враждебность усилилась. Англійскій философъ Томасъ Гоббэсъ формально подвергалъ сомнѣнію, чтобы Моисей когда-либо писалъ приписываемыя ему книги, и при этомъ опирался на тѣ же самые доводы, которые высказывали въ XIX столѣтіи Фатеръ и де-Ветте. Онъ открываетъ собою рядъ тѣхъ, которые выразительно стали отрицать Моисеево происхожденіе Пятокнижія. Доказательства, которыя Гоббэсъ приводилъ въ пользу своего мнѣнія, заключались въ слѣдующемъ. Авторъ Пятокнижія говоритъ, что «хананеи жили тогда» въ Палестинѣ; онъ цитируетъ книгу «Воинствъ Господнихъ» и увѣряетъ, что никто не знаетъ, гдѣ погребенъ Моисей. Моисей очевидно не могъ говорить

такъ, потому что хананеи жили еще и въ его время въ землѣ обѣтованной; онъ не могъ бы цитировать книгу, которая разсказывала о его подвигахъ; наконецъ, онъ не могъ бы говорить о своей смерти. Отсюда книги эти называютъ Пятокнижіемъ Моисеевымъ не потому, что онѣ написаны имъ, но потому, что онѣ говорятъ о немъ, подобно тому, какъ напр. придаютъ названіе «Исторіи Сканденберга» исторіи этого героя, хотя онъ отнюдь не авторъ этой «Исторіи». Гоббэсъ въ другомъ мѣстѣ впрочемъ допускаетъ, что Моисей написалъ всю ту часть Пятокнижія, которая вообще приписывается ему.

Около того же самаго времени (1655 г.), одинъ французъ, Исаакъ Пейреръ, изобрѣтатель теоріи преадамитовъ, пытался ослабить авторитетъ книги Бытія, которая не была благопріятна для его системы о существованіи людей до Адама, и съ этою цѣлью заявлялъ, что Моисей не былъ авторомъ этой книги. По нему, Адамъ книги Бытія есть лишь праотецъ іудеевъ; исторія творенія, первороднаго грѣха, потопа и всего остального имѣетъ въ виду лишь сыновей Авраама, а не человѣчества. Онъ оспариваетъ Моисеево происхожденіе Пятокнижія доводами, сходными съ доводами Гоббэса.

Болѣе сильнымъ противникомъ подлинности Пятокнижія былъ Спиноза. Въ своемъ «Богословско-политическомъ трактатѣ» (1670 г.), составляя почти полный списокъ всѣхъ мѣстъ, которыя служили въ теченіе двухъ столѣтій предлогомъ къ полемикѣ, онъ дѣлаетъ такое заключеніе: «изъ всѣхъ этихъ мѣстъ яснѣе, чѣмъ день, видно, что Пятокнижіе писалъ не Моисей, но другой писатель, который жилъ позднѣе его на нѣсколько столѣтій». Нападенія еврейскаго философа произвели однако же менѣе шуму въ то время, когда они явились, чѣмъ нападенія французскаго ораторіанца, Ришарда Симóна. Восемь лѣтъ спустя послѣ изданія «Трактата» Спинозы, этотъ писатель котораго часто называютъ „основателемъ библейской критики“, издалъ свою извѣстную „Критическую исторію Ветхаго Завѣта“ [1]). Его мнѣніе о происхожденіи книгъ Моисея своеобразно; Боссюэтъ считалъ ее столь опасной, что побудилъ канцлера Телльe и начальника полиціи запретить эту книгу. Симонъ предполагаетъ, что Моисей учредилъ особыхъ архиваріусовъ или книжниковъ, на обязанности которыхъ было записывать наиболѣе важныя событія. Эти книжники были боговдохновенны. Послѣдующіе пророки нѣсколько разъ пере-

[1]) R. Simon, Histoire critique etc. Paris. 1678.

дѣлывали эти разсказы до временъ Ездры или даже позднѣе, прибавляя, видоизмѣняя, сокращая или расширяя содержимое по своему усмотрѣнію. Отсюда и происходятъ замѣтныя разногласія. Кромѣ того, такъ какъ они писали на отдѣльныхъ свиткахъ или листахъ, то случалось, что эти свитки перемѣшивались между собой, откуда и произошла большая путаница въ послѣдовательности разсказовъ.

Это мнѣніе, конечно, до очевидности произвольно, и было бы трудно еще глубже извращать духъ и исторію еврейской литературы. Между тѣмъ оно заключаетъ идею, сдѣлавшуюся весьма популярною въ наше время, и нашло краснорѣчиваго панегириста въ лицѣ Ренана, который между прочимъ говоритъ въ похвалу его изобрѣтателя, что «основной принципъ критики священныхъ анонимныхъ книгъ,—принципъ, приложимый почти ко всѣмъ литературамъ востока, развитъ у него въ совершенствѣ. Идея передѣлки текстовъ, послѣдовательныхъ вносокъ замѣняетъ у него старое разсужденіе о подлинности. Текстъ, съ его точки зрѣнія, не есть больше нѣчто неизмѣнное, такъчто его нужно считать или подлиннымъ, или апокрифомъ, допускать или отрицать совершенно. Это органическое тѣло, которое растетъ по извѣстнымъ законамъ и отъ времени до времени преобразуется и видоизмѣняется, не переставая быть однимъ и тѣмъ же». Французскій ораторіанецъ конечно отказался бы отъ этихъ похвалъ, такъ какъ онъ формально вѣрилъ въ боговдохновенность всѣхъ писателей священныхъ книгъ; но, тѣмъ не менѣе, вѣрно то, что онъ первый высказалъ мнѣніе, теперь всеобще принятое раціоналистами, что Пятокнижіе есть плодъ труда и передѣлокъ нѣсколькихъ поколѣній писателей. Хотя онъ и колебался въ своихъ заключеніяхъ, хотя онъ приписывалъ Моисею то больше, то меньше, особенно въ составленіи книги Бытія, тѣмъ не менѣе, остается несомнѣннымъ тотъ фактъ, что онъ именно открылъ путь отрицательной критикѣ въ этомъ направленіи.

Вопросъ о подлинности Пятокнижія затѣмъ поднятъ былъ нѣмецкими миѳологами. Со времени работъ Ришарда Симона до работъ миѳической школы по вопросу о книгахъ Моисея, явился только одинъ критическій трудъ, который заслуживалъ бы упоминанія, именно трудъ Жана Аструка: „О составѣ книги Бытія“ [1]). Отецъ Жана

[1]) Astrac, Conjectures sur les mémoires originaux dont il parait que Moyses est servi, Bruxelles, 1753.

Аструка, протестантскій пасторъ, перешелъ въ римск. католицизмъ вслѣдъ за отмѣной Нантскаго эдикта. Самъ Жанъ всегда исповѣдывалъ римскій католицизмъ. Онъ прославился своими медицинскими познаніями; въ 1743 году онъ былъ причисленъ къ медицинскому факультету въ Парижѣ и принималъ живое участіе въ его трудахъ. Всецѣло отдавшись наукѣ, онъ занимался св. Писаніемъ и сдѣлалъ оригинальное открытіе, давшее его имени болѣе извѣстности, чѣмъ та, которую онъ пріобрѣлъ своими терапевтическими знаніями. Пораженный тою правильностью, съ какой Богъ назывался различными именами въ различныхъ главахъ Книги Бытія, онъ, на основаніи этого наблюденія, построилъ цѣлую систему, по которой Моисей былъ скорѣе компиляторъ, чѣмъ писатель первой книги Пятокнижія. Аструкъ начинаетъ съ замѣчанія, что Моисей разсказываетъ о событіяхъ, происшедшихъ почти 2500 лѣтъ раньше его. Знаніе этихъ событій не было открыто ему, говоритъ онъ; онъ достигъ его чрезъ писанное преданіе, то-есть, чрезъ разсказы, дошедшіе до него въ письмени. Уже многіе авторы держались этого мнѣнія и раньше его. Доводы, на которыхъ онъ основывается, состоятъ въ тѣхъ повтореніяхъ, которыя замѣчаются въ первой книгѣ Пятокнижія, то, что онъ называетъ «антихронизмами» или «извращеніями хронологическаго порядка», и вообще разнообразіи въ употребленіи имени Божія въ различныхъ частяхъ книги Бытія. Этотъ доводъ главный у Аструка, и онъ пользовался имъ съ большимъ искусствомъ. Вотъ какъ онъ объясняетъ его: «въ еврейскомъ текстѣ книги Бытія Богъ главнымъ образомъ обозначается двумя различными именами. Первымъ представляется имя *Элогимъ*... Всѣ переводы передаютъ его одинаково: переводъ семидесяти (LXX) словомъ Θεός, Вульгата Deus, и всѣ французскіе переводы, сдѣланные съ Вульгаты, словомъ Dieu... Другое имя Бога есть *Іегова*... Іудеи не произносили этого имени изъ благоговѣнія къ нему и вмѣсто него читали имя Аданаи. Это имя «Аданаи», означающее по-еврейски «Господь», семьдесятъ переводчиковъ и авторъ Вульгаты читали по примѣру іудеевъ, и поэтому-то они постоянно переводили слово «Іегова»: семьдесятъ (LXX) словомъ Κύριος, Вульгата Dominus, и всѣ французскіе переводы, слѣдуя Вульгатѣ, употребляли слово Seigneur... Можно бы думать, что эти два имени «Элогимъ» и «Іегова» употребляются безразлично въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ Книги Бытія, какъ термины синонимическіе, и приняты для разнообразія слога; но такое мнѣніе было бы ошибкой. Эти слова ни-

когда не смѣшиваются вмѣстѣ: есть цѣлыя главы, гдѣ Богъ всегда называется «Элогимъ» и никогда «Іегова»; и напротивъ—есть другія и ихъ, по меньшей мѣрѣ, столько же, гдѣ Богу придается лишь имя «Іегова» и никогда не придается имени «Элогимъ». Если бы Моисей самъ составилъ Книгу Бытія, то пришлось бы на его счетъ относить эту своеобразную и странную варіацію. Но можно ли воображать, чтобы онъ допустилъ такую небрежность при составленіи столь важной книги, какъ Книга Бытія? Можно ли указать какой-либо параллельный примѣръ и можно ли безъ доказательства приписывать Моисею недостатокъ, котораго не допустилъ бы никакой другой авторъ? Не естественнѣе ли, напротивъ, объяснить эту варіацію предположеніемъ, какъ это дѣлаемъ мы, что Книга Бытія составлена изъ двухъ или трехъ записей, связанныхъ и сшитыхъ вмѣстѣ изъ отдѣльныхъ отрывковъ авторовъ, изъ которыхъ каждый придавалъ Богу одно и то же имя, но имя различное, одинъ—имя Элогимъ, а другіе—имя Іегова, или Іегова-Элогимъ [1])? Таково знаменитое происхожденіе различія мѣстъ *элогистовъ* и *іеговистовъ* въ Книгѣ Бытія, изъ котораго Аструкъ заключилъ о существованіи двухъ первоначальныхъ записей. Эта теорія получила необычайно важную роль у раціоналистовъ въ ихъ борьбѣ противъ подлинности Пятокнижія. Это различіе еще и теперь считается однимъ изъ главнѣйшихъ и наиболѣе обоснованныхъ пунктовъ отправленія въ этой тяжелой работѣ критики пяти первыхъ книгъ Библіи. Нужно однако же замѣтить, что между мнѣніемъ Аструка и мнѣніемъ невѣрующихъ критиковъ существуетъ два важныхъ различія. Первое состоитъ въ томъ, что французскій медикъ выразительно допускалъ Моисеево происхожденіе Пятокнижія: «все сводится», говоритъ онъ, «къ доказательству того, что Моисей долженъ быть авторомъ Книги Бытія, и только онъ одинъ можетъ быть имъ». Второе различіе состоитъ въ томъ, что онъ ограничиваетъ свою гипотезу лишь Книгой Бытія. Между тѣмъ писатели нашего времени открыто заявляютъ, что Аструкъ не вѣрилъ искренно въ подлинность Пятокнижія. Но мы не видимъ, на какомъ основаніи можно подозрѣвать его во лжи. Какъ бы то ни было впрочемъ, его книга составлена съ большимъ тщаніемъ, и оригинальность его изслѣдованій не могла не привлечь вниманія нѣмецкихъ ученыхъ, гдѣ началъ возрастать раціонализмъ. И нѣмецкіе ученые, одинъ за другимъ, начали развивать теорію Аструка и под-

[1]) Astruc, Conjectures, p. 10—13.

вергать сомнѣнію Моисеево происхожденіе различныхъ частей Пятокнижія, причемъ каждый послѣдующій писатель дѣлалъ шагъ дальше противъ предшествующаго.

Въ 1795 году Георгъ Бауеръ высказалъ мнѣніе, что Пятокнижіе заключало въ себѣ лишь нѣсколько отрывковъ Моисеева происхожденія. Этотъ Бауеръ (1755—1806 г.), бывшій поочередно профессоромъ въ Гейдельбергѣ и Альторфѣ, былъ передовымъ раціоналистомъ своего времени. Его сочиненія отличались скорѣе своею смѣлостью, чѣмъ достоинствомъ, такъ какъ они поверхностны, спутаны и написаны безъ достаточной обдуманности. Тѣмъ не менѣе, онъ оказалъ значительное вліяніе, не потому, чтобы отрицалъ Моисеево происхожденіе Пятокнижія, но потому, что былъ однимъ изъ первыхъ ученыхъ, прилагавшихъ миѳическое истолкованіе къ Ветхому Завѣту. По этому предмету онъ составилъ большой трудъ въ двухъ томахъ. Хотя Эйхгорнъ предшествовалъ ему на этомъ пути, однако же его именно „Еврейская миѳологія“ особенно обратила вниманіе умовъ на ту роль, которую можно было извлечь изъ миѳа при истолкованіи Ветхаго Завѣта. Эйхгорнъ высказывался боязливо; Бауеръ выступалъ уже дерзко, на подобіе Реймаруса. «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ», говоритъ онъ, «миѳологія Ветхаго и Новаго Завѣта самымъ своимъ названіемъ могла бы смущать читателей; но теперь, мнѣ думается, составленіе еврейской миѳологіи дѣло столь же естественное, какъ и составленіе миѳологіи греческой или римской». И онъ поступилъ именно такъ. Бо́льшую часть библейскихъ фактовъ онъ поставилъ на одинъ уровень съ греческими и римскими баснями. Его утвержденія считались преувеличенными, но, тѣмъ не менѣе, допускалось, что изъ этого мусора можно извлечь нѣсколько перловъ. Въ это время и вообще былъ сильный наклонъ къ миѳизму. Съ 1783 года Христіанъ Готтлобъ (1729—1812), профессоръ геттингенскій, высказалъ положеніе, которое сдѣлалось впослѣдствіи знаменитымъ: «всякая исторія и всякая философія древнихъ имѣетъ своимъ источникомъ миѳъ». Подъ миѳомъ онъ разумѣлъ миѳологическую басню. Въ его глазахъ миѳологія есть лишь наука о природѣ и человѣкѣ, намѣренно прикрытая болѣе или менѣе прозрачными завѣсами. Готтлобъ имѣлъ цѣлую школу. Крейцеръ (1771—1858) объяснялъ язычество какъ религіозный символизмъ, подъ которымъ скрывалась болѣе древняя и болѣе чистая вѣра. Готтфридъ Мюллеръ объяснялъ миѳологію, какъ продуктъ взаимодѣйствія двухъ факторовъ: реальнаго и идеальнаго, и пытался про-

слѣдить происхожденіе нѣсколькихъ миѳовъ до періода историческаго. Фридрихъ Вольфъ (1759—1824), расширяя эту теорію, приложилъ ее къ поэмамъ Гомера; онъ отрицалъ существованіе поэта и утверждалъ, что Иліада и Одиссея не только не принадлежали одному и тому же автору, но были лишь сборникомъ поэмъ, составленныхъ различными рапсодами и собранныхъ во время Перикла. Нибуръ (1776—1831) приложилъ тотъ же самый процессъ къ римской исторіи, часто однако же, несмотря на всю свою проницательность и свои дарованія, впадая въ ошибки и принимая свои предположенія за дѣйствительность. Неудивительно въ виду этого общаго увлеченія, что и среди богослововъ также нашлось нѣсколько такихъ, которые, заразившись этимъ примѣромъ, попытались приложить миѳъ и къ объясненію Ветхаго Завѣта.

Миѳъ представлялъ легкое и удобное средство исключить изъ Св. Писанія все то, что имѣло чудесный характеръ, такъ что при помощи его, думалось раціоналистическимъ богословамъ, можно было наконецъ достигнуть желанной цѣли въ объясненіи чуда, гдѣ потерпѣли полную неудачу Эйхгорнъ и Павлюсъ. Нельзя говорить съ Реймарусомъ, что чудесные разсказы Св. Писанія составляютъ лишь ложное измышленіе, потому что они носятъ на себѣ слишкомъ явный тонъ искренности; нельзя также говорить съ Павлюсомъ, что это естественные факты, потому что это значило бы дѣлать вопіющее насиліе надъ текстами. Миѳъ между тѣмъ примирялъ все это; онъ не принуждаетъ подозрѣвать искренность повѣствователей, онъ не обязываетъ придавать документамъ иной смыслъ, чѣмъ тотъ, который они представляютъ собою. Нужно только вникнуть въ сущность. Миѳъ есть «изложеніе факта или мысли, правда, подъ исторической формой, но подъ такой формой, которая опредѣлялась духомъ и полнымъ воображенія, символическимъ языкомъ древности». Достаточно такимъ образомъ констатировать его существованіе, чтобы изслѣдовать потомъ, если возможно, что послужило къ его происхожденію.

Отсюда очевидно само собою, что миѳическое объясненіе гораздо легче, чѣмъ объясненіе естественное. По этому послѣднему, исторія ангеловъ, спасающихъ Лота во время разрушенія Содома, напр. объясняется слѣдующимъ образомъ. Эти ангелы были простые путники. Они были приняты съ большимъ почетомъ Авраамомъ и прибыли къ Лоту съ рекомендаціей отъ своего дяди. Жители Содома находились въ то время въ войнѣ съ Кедорлаомеромъ. Опасаясь, чтобы путники

эти не оказались шпіонами, они хотѣли убить ихъ. Лотъ могъ спасти своихъ гостей лишь бѣгствомъ вмѣстѣ съ ними. Какъ-бы по какой-то странной случайности, городъ провалился въ ту же самую ночь, и эти чужеземцы, оставившіе городъ какъ-разъ предъ постигшимъ его бѣдствіемъ, были, вслѣдствіе этого, приняты за божественныхъ посланниковъ. Нечего и говорить, насколько такое толкованіе противорѣчитъ тексту Книги Бытія. Поэтому миѳологи, въ родѣ Де-Ветте, истолковывали этотъ фактъ совершенно иначе. Бассейнъ Мертваго моря нѣкогда былъ, судя по преданію, плодородной долиной, покрытой многолюдными городами. Эту страшную перемѣну произвело землетрясеніе, но съ обычной точки зрѣнія древности жители этихъ городовъ, конечно, заслужили такую участь своими грѣхами. Вслѣдствіе этого, имъ приписаны были самыя омерзительныя дѣянія... Лотъ, говоритъ съ другой стороны, жилъ въ Содомѣ, но такъ какъ онъ избѣгъ гибели вмѣстѣ съ нечестивыми, то пришлось объяснить, какъ Іегова спасъ его. Такимъ образомъ преданіе, въ своей неисчерпаемой плодовитости, и повѣствователи, съ своимъ поэтическимъ духомъ, создали миѳъ, о которомъ мы говоримъ и къ которому безусловно нельзя прилагать правилъ ни исторіи, ни критики».

Чтобы облегчить приложимость своей системы, миѳологи стали различать три рода миѳовъ. Есть миѳы историческіе, то есть, разсказы о дѣйствительныхъ событіяхъ, но только прикрашенные античнымъ мнѣніемъ, которое смѣшивало божественное съ человѣческимъ, естественное съ сверхъестественнымъ; есть также миѳы философскіе, то есть такіе, въ которыхъ заключена простая мысль, умозрѣніе или современная идея... Эти два рода миѳовъ могутъ быть смѣшиваемы между собою или, при поэтическомъ украшеніи, могутъ сдѣлаться миѳами поэтическими, гдѣ первоначальный фактъ и первоначальная идея почти совершенно исчезаютъ подъ прикрасами богатаго воображенія. Вотъ примѣръ историческаго миѳа, какимъ мы его находимъ у Бауера. Однажды Авраамъ, разсматривая религіозные миѳы народовъ своихъ сосѣдей, замѣтилъ, что нѣкоторые приносили своихъ дѣтей на жертвенники своихъ божествъ. Вскорѣ послѣ этого ему пришло на умъ, что, быть можетъ, было бы неизлишне дать Іеговѣ, своему Богу, осязательное доказательство своего почтенія и принести Ему въ жертву своего милаго сына, единственнаго сына, котораго только дала ему Сарра. Переполненный этою мыслью, которая преслѣдовала его неотступно, онъ уснулъ. И вотъ онъ видитъ сонъ, въ которомъ

еще разъ представляется ему великая богоугодность этого дѣла. Между тѣмъ, по воззрѣнію тѣхъ древнихъ временъ, сонъ былъ своего рода заповѣдью. Вслѣдствіе этого Авраамъ немедленно счелъ своимъ долгомъ исполнить это внушеніе, но въ тотъ моментъ, когда онъ уже поднялъ ножъ надъ Исаакомъ, онъ замѣтилъ барана. Думая поэтому, что Богъ, довольный его добровольнымъ жертвоприношеніемъ, послалъ этого барана для жертвоприношенія вмѣсто Исаака, онъ и принесъ его въ жертву. Исторія творенія, по воззрѣніямъ миѳологовъ, есть миѳъ философскій: это трудъ мудреца, пытавшагося представить происхожденіе міра подъ такою формою, подъ которою могло бы сильнѣе всего напечатлѣться воспоминаніе о немъ. Повѣствованіе о потопѣ есть миѳъ смѣшанный или историко-философскій. По случаю великаго наводненія, погубившаго всѣхъ людей за исключеніемъ одного семейства, древніе мудрецы старались найти причину этого событія, и отсюда явились всевозможныя предположенія, легенды и миѳы. Наконецъ, видѣніе серафимовъ у пророка Исаіи есть, будто-бы, миѳъ поэтическій [1]).

Миѳическая система по необходимости заставляла своихъ приверженцевъ формально отрицать подлинность Св. Писанія. Миѳъ не есть басня, изобрѣтенная для удовольствія; онъ есть несознательное произведеніе времени, которое образовалось мало-по-малу въ теченіе вѣковъ, переходя изъ устъ въ уста, и слѣдовательно не могъ быть преданъ письменности свидѣтелемъ и очевидцемъ самыхъ событій, которыхъ онъ служитъ отображеніемъ. Онъ по необходимости слагается послѣ нихъ. Пятокнижіе въ особенности не можетъ быть произведеніемъ Моисея, потому что если бы онъ самъ разсказывалъ о переходѣ Чермнаго моря, исторію манны или воды, источенной изъ скалы, то было бы невозможно считать эти разсказы миѳами. Первые миѳологи поэтому принимали ходячія системы критики, направленной противъ подлинности первыхъ книгъ Библіи. И это именно уже дѣлалъ Бауеръ, а вслѣдъ за нимъ дѣлали также Фатеръ и Де-Ветте, два главныхъ представителя миѳизма въ его приложеніи къ Ветхому Завѣту.

Фатеръ (1771—1826) преподавалъ восточные языки въ различныхъ нѣмецкихъ университетахъ и пріобрѣлъ довольно значительную извѣстность въ качествѣ филолога, особенно своимъ продолженіемъ «Митридата», начатаго Аделунгомъ, но онъ интересенъ намъ

---

[1]) Hebräische Mythologie, t. I, p. 59, 205—218; t. II, p. 287.

болѣе всего какъ комментаторъ Пятокнижія. Воспитавшись на началахъ школы Канта и раціонализма, онъ не вѣрилъ въ сверхъестественное; онъ держался мнѣнія, что Пятокнижіе есть лишь собраніе отрывковъ, и старался объяснить чудесные разсказы въ немъ миѳомъ. При отрицаніи подлинности Пятокнижія, онъ разсуждалъ такимъ образомъ. Подлиннаго характера разсказовъ Пятокнижія нельзя понять иначе, какъ допуская, что они исходятъ не отъ очевидцевъ, но дошли до насъ чрезъ цѣлый рядъ преданій. Тогда не будетъ, конечно, ничего удивительнаго находить въ нихъ очевидные слѣды послѣдующей эпохи, преувеличенія въ числахъ, вмѣстѣ съ другими неточностями и противворѣчіями; не будетъ ничего удивительнаго встрѣчать тамъ нѣкоторую темноту въ отношеніи многихъ событій и понятій, какъ, напр., въ томъ отношеніи, что одежды израильтянъ не изнашивались при прохожденіи пустыни. Фатеръ утверждаетъ даже, что Пятокнижіе нельзя совершенно лишать чудеснаго, не дѣлая насилія надъ первоначальнымъ намѣреніемъ писателей, хотя въ изложеніи самыхъ событій необходимо приписать большую роль послѣдующему преданію. Фатеръ ссылается на различіе мѣстъ элогистовъ и іеговистовъ при доказательствѣ того, что эти части принадлежатъ различнымъ писателямъ, и думаетъ, что книги, приписываемыя Моисею, получили свою окончательную форму не ранѣе періода плѣна Вавилонскаго.

Эти мнѣнія о Пятокнижіи и о миѳизмѣ произвели значительную сенсацію въ протестантской Германіи; между тѣмъ, произведенное ими вліяніе однако же было гораздо меньше того, которое произвелъ Вильгельмъ Де-Ветте, главный и наиболѣе способный представитель миѳическаго толкованія въ его приложеніи къ Ветхому Завѣту. Де-Ветте провелъ свое дѣтство въ Веймарѣ, прославившемся тогда въ качествѣ мѣстопребыванія наиболѣе великихъ писателей, какими только гордилась Германія того времени. Образованіе свое онъ получилъ въ Іенѣ и имѣлъ между своими учителями Павлюса, автора естественнаго объясненія евангельскихъ чудесъ. Молодой ученый самъ разсказывалъ, какъ онъ сначала былъ пораженъ ученіемъ Павлюса, но скоро почувствовалъ неудовлетворительность этого ученія и рѣшился тогда же приложить къ Пятокнижію идеи Вольфа. И вотъ такимъ образомъ онъ сдѣлался распространителемъ миѳизма въ Германіи. Признавая слабость естественнаго способа объясненія въ отношеніи чудесныхъ событій, разсказываемыхъ въ Библіи, онъ сталъ объяснять ихъ при

помощи мифа и нанесъ этимъ смертельный ударъ системѣ своего прежняго учителя. Между тѣмъ, подобно тому, какъ Эйхгорнъ ограничивался Ветхимъ Завѣтомъ и не смѣлъ наложить свою руку на Новый Завѣтъ, Де-Ветте также не прилагалъ своихъ теорій къ Евангеліямъ. Только уже Штраусъ рѣшился завершить въ этомъ пунктѣ его разрушительный трудъ, какъ Павлюсъ завершилъ трудъ Эйхгорна.

Въ 1805 году Де-Ветте издалъ диссертацію, въ которой онъ утверждалъ что Второзаконіе было написано не тою же рукою, какою написаны были четыре первыя книги Пятокнижія [1]). Вслѣдъ за тѣмъ, въ 1806 году онъ издалъ еще болѣе важный трудъ, именно свое «Введеніе въ Ветхій Завѣтъ». Трудъ этотъ можно считать его манифестомъ въ вопросахъ библейской критики. Онъ произвелъ чрезвычайно глубокое впечатлѣніе въ Германіи по причинѣ новизны идей и новаго направленія, которое онъ пролагалъ въ отношеніи сущности священныхъ книгъ. Первымъ пунктомъ, изъ котораго онъ выходилъ въ своемъ новомъ «Введеніи», было оставленіе традиціонныхъ данныхъ касательно происхожденія книгъ Ветхаго Завѣта. По его мнѣнію, у насъ нѣтъ никакихъ внѣшнихъ средствъ провѣрить историческую точность тѣхъ фактовъ, о которыхъ разсказывается въ нихъ; всѣ внѣшніе источники свѣдѣній отсутствуютъ для насъ. Поэтому, для опредѣленія значенія ихъ свидѣтельства, мы должны прибѣгнуть къ критикѣ внутренней, т. е. къ изслѣдованію самаго содержимаго этихъ книгъ. Этотъ принципъ Де-Ветте сдѣлался «учредительною хартіей» новѣйшей критики, такъ что нѣкоторые называютъ его даже догматомъ раціонализма, несмотря на всю его сложность.—Если взглянуть въ сущность этой теоріи, то сразу окажется совершенно ложнымъ положеніе, будто у насъ нѣтъ никакого документа, никакого заслуживающаго преданія для того, чтобы провѣрить книги Ветхаго Завѣта внѣ самыхъ этихъ книгъ. Утвержденіе это было уже ложно въ 1806 году, но еще лживѣе представляется оно теперь, когда новѣйшія археологическія открытія дали намъ въ руки множество средствъ для провѣрки. Внутренняя критика, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ отведенія ей мѣста въ библейской экзегетикѣ, но она не должна исключать критики внѣшней, которая всегда имѣетъ право на первую и главную роль. Происхожденіе извѣстнаго творенія есть фактъ, который долженъ быть подтвержденъ извѣстнымъ свидѣтельствомъ. Устра-

[1]) Dissertatio critica etc., Jena 1805.

нять преданіе при обсужденіи вопросовъ историческихъ значитъ закрывать глаза, чтобы не видѣть, значитъ представлять сонъ вмѣсто дѣйствительности. Ничто такъ не способствуетъ произволу и всевозможнымъ измышленіямъ воображенія, какъ именно критика внутренняя, потому что она часто есть плодъ чисто субъективныхъ впечатлѣній. Совершенно противоположные результаты, къ которымъ она приводитъ у различныхъ экзегетовъ и даже у одного и того же экзегета, трактующаго о томъ же самомъ предметѣ въ различные моменты, служатъ очевиднымъ доказательствомъ ея неувѣренности и недостаточности. Она подобна флюгеру, который вертится во всѣ стороны по теченію вѣтра.

Исходя между тѣмъ изъ этихъ началъ, Де-Ветте отрицалъ Моисеево происхожденіе Пятокнижія. Онъ очень хорошо понималъ, что для того, чтобы получилась возможность представить разсказываемыя въ Книгѣ Исходъ событія въ качествѣ миѳовъ, необходимо предварительно доказать, что они разсказаны были не Моисеемъ, современникомъ и участникомъ разсказываемыхъ событій. Чтобы отвергнуть подлинность наиболѣе древнихъ библейскихъ книгъ, онъ уподобилъ ихъ поэмамъ Гомера и относился къ нимъ такъ же, какъ Вольфъ относился къ Иліадѣ и Одиссеѣ. Пятокнижіе для него есть національная эпопея евреевъ. По примѣру Вольфа, онъ разлагаетъ ее на различные отрывки, независимые одинъ отъ другого, и предполагаетъ, что они были соединены лишь гораздо позже различными руками для того, чтобы образовать изъ нихъ одно цѣлое. Не ограничиваясь отрицаніемъ того, что Моисей редактировалъ приписываемое ему Пятокнижіе, онъ допускаетъ различныхъ собирателей. Такъ, авторъ, издавшій Книгу Левитъ, по его мнѣнію, вѣроятно, жилъ позже того, который издалъ книгу Исходъ. Отрывки, составившіе Книгу Чиселъ, были собраны въ качествѣ дополненія къ предыдущимъ сборникамъ. Второзаконіе явилось послѣ всѣхъ, немного раньше плѣна Вавилонскаго, въ царствованіе царя Іосіи. Наиболѣе древніе отрывки Пятокнижія могутъ восходить къ эпохѣ Давида.

Со времени Де-Ветте, произвольныя системы, какія измышлялись въ отношеніи происхожденія Пятокнижія, сдѣлались весьма многочисленными: различные ученые видоизмѣняли его взгляды по многимъ подробностямъ и даже по существеннымъ пунктамъ, но отрицаніе подлинности книгъ Моисея и допущеніе множества авторовъ сдѣлалось одною изъ главныхъ основъ раціоналистическаго толкованія.

«Введеніе этого богослова-новатора имѣло большой успѣхъ. Успѣхомъ этимъ оно обязано было не только тѣмъ отрицательнымъ идеямъ, которыя оно излагало, но также и способу самаго ихъ изложенія. Насколько оно было радикальнымъ по своей сущности, настолько же умѣреннымъ и почтительнымъ по формѣ. Де-Ветте утверждалъ, что Св. Писаніе всегда было для него книгою святою и священною даже въ своихъ миѳическихъ элементахъ. «Истина», говоритъ онъ, «есть величавый законъ исторіи, и любовь къ истинѣ есть величественный законъ для историка. Но эта истина есть идеалъ. Она встрѣчается не только въ вещественной точности, но и существуетъ въ поэтическомъ выраженіи благородныхъ идей, заимствуемыхъ изъ исторіи. Есть поэзія въ исторіи, и эта поэзія исторіи часто болѣе чудесна и болѣе прекрасна, чѣмъ сама поэзія». Такъ онъ хотѣлъ спасти и сохранить истину книгъ Ветхаго Завѣта, несмотря на тѣ миѳы, которые, какъ ему казалось, онъ открывалъ въ нихъ.

Въ 1807 году Де-Ветте былъ назначенъ профессоромъ богословія въ Гейдельбергѣ, и тамъ онъ еще засталъ Павлюса. Тогда-то именно онъ составилъ свой «Комментарій на псалмы»,—единственное произведеніе этого рода по Ветхому Завѣту, какое только вышло изъ-подъ его пера. Всецѣло увлеченный отрицательною критикою, онъ отвергъ принадлежность Давиду большинства псалмовъ, носящихъ его имя, и отнесъ ихъ къ эпохѣ позднѣйшей; и въ то же время онъ уже конечно не относилъ къ Мессіи псалмовъ пророческихъ. Въ 1810 году Де-Ветте былъ приглашенъ въ только-что основанный Берлинскій университетъ и тамъ сдѣлался сотоварищемъ Шлейермахера, одного изъ тѣхъ ученыхъ, которые наиболѣе возбуждали нѣмецкое юношество въ первой части нашего [19-го] вѣка. Между этими двумя профессорами было нѣсколько точекъ сродства. Тотъ и другой стремились къ объединенію науки и вѣры, но они стремились къ этой цѣли, которой не достигъ ни тотъ, ни другой изъ нихъ, совершенно различными путями. Шлейермахеръ относилъ религію къ области чувства; Де-Ветте всегда воображалъ, что онъ поддерживалъ вѣру въ Ветхій Завѣтъ посредствомъ своей миѳической системы. Вслѣдствіе этого онъ послѣдовательно изучалъ всѣ книги Ветхаго Завѣта, и результатъ своихъ изученій сокращенно изложилъ въ своемъ «Историко-критическомъ введеніи» [1]), которое появилось въ 1817 году и которое онъ считалъ

[1]) Lehrbuch der hist.-krit. Einleitung in A. T. 1845.

лучшимъ изъ своихъ произведеній. О книгахъ Паралипоменонъ онъ уже говорилъ въ своемъ первомъ «Введеніи» и утверждалъ, что редакторъ этихъ книгъ пользовался болѣе древними книгами, извѣстными подъ именемъ книгъ Самуила и Царствъ, видоизмѣняя ихъ въ пользу касты левитовъ. Въ своемъ новомъ трудѣ онъ поддерживалъ эти свои прежнія мнѣнія и прилагалъ ихъ къ тѣмъ частямъ Библіи, которыми онъ еще не занимался. Вотъ общія его сужденія о Ветхомъ Завѣтѣ: «Историческая точка зрѣнія есть точка зрѣнія исключительной теократіи. Почти все разсматривается по соотношенію къ теократіи, то есть къ отношеніямъ, существующимъ между Богомъ и народомъ Израильскимъ... Вслѣдствіе этого историческій прагматизмъ совершенно отсутствуетъ, и его мѣсто занимаетъ прагматизмъ теократическій. Божественный планъ господствуетъ въ исторіи совершенно видимымъ образомъ, и всѣ частныя событія соподчинены этому плану съ бо́льшею или меньшею логикою; мало того, Самъ Богъ непосредственно вмѣшивается въ исторію откровеніями и чудесами; другими словами, исторія уступаетъ мѣсто миѳологіи» [1]). Такъ онъ произнесъ это весьма унизительное для Библіи слово. Де-Ветте думалъ смягчить рѣзкость этого выраженія замѣчаніемъ, что разсказы о чудесахъ не суть фикціи, измышленныя для удовольствія, но искаженныя народныя легенды, которыя сдѣлались чудесными, переходя изъ устъ въ уста. Писатели, разсказывавшіе о нихъ долгое время спустя послѣ самыхъ событій, разсказывали о нихъ, уже вполнѣ довѣряя преданію. Впрочемъ, не одни только чудеса легендарны; нѣкоторые законы также представляютъ собою «юридическіе миѳы». Есть равнымъ образомъ и миѳы этимологическіе. Наконецъ, пророчества суть тоже своего рода фикціи, произведенія поэтовъ, которыя, подъ формою предсказаній, сдѣланныхъ знаменитыми лицами, разсказываютъ о совершившихся уже дѣлахъ, какъ это мы видимъ въ пуранахъ Индіи. Такимъ именно способомъ и образовалась «теократическая эпопея Израиля» [2]).

Какъ видно изъ этого, Де-Ветте всегда опирается на тотъ основной принципъ, изложенный предшествовавшими ему раціоналистами, что Библія должна быть разсматриваема какъ и всѣ другія литературныя книги и въ частности—какъ миѳологіи Индіи и Греціи. Но это значитъ забывать, что Пятокнижіе и другія книги Ветхаго Завѣта,

---

[1]) Einleitung, стр. 179—180. Слово миѳологія для большей выразительности даже подчеркнуто въ подлинникѣ.

[2]) Тамъ же, § 146.

повѣствующія намъ о замѣчательнѣйшихъ событіяхъ жизни Израиля, суть книги истинно историческія, а не поэмы, въ родѣ Иліады, Энеиды и Магабгараты. Это значитъ—болѣе всего забывать, что міромъ управляетъ Богъ и что Его провидѣніе ввѣрило Іудейскому народу сверхъестественную миссію, которую онъ долженъ былъ исполнить въ своей исторической жизни. Только не признавая этихъ истинъ, Де-Ветте и могъ сдѣлаться однимъ изъ главнѣйшихъ распространителей раціонализма и поистинѣ отцомъ библейскаго миѳизма. Онъ именно и провозгласилъ царство внутренней критики; началъ отрицать вообще подлинность книгъ Ветхаго Завѣта и первый именно измыслилъ то множество писателей, которые, будто бы, составили, расположили и передѣлали различныя книги Библіи. Онъ, наконецъ, ввелъ въ употребленіе объясненіе чуда посредствомъ миѳа, хотя на этомъ поприщѣ ему предшествовали и нѣкоторые другіе невѣрующіе изслѣдователи.

Де-Ветте однако же не осмѣливался трактовать Новый Завѣтъ такъ же, какъ онъ трактовалъ Ветхій. Представляя собою рѣдкое исключеніе среди невѣровъ, которые обыкновенно, по мѣрѣ теченія своей жизни, падаютъ все глубже и глубже въ бездну невѣрія, берлинскій профессоръ, по мѣрѣ наступленія старости, все болѣе и болѣе возвращался къ христіанству. Въ Іенѣ онъ держался идей Фриса, одного изъ своихъ профессоровъ. Сначала, именно въ началѣ своего ученія въ этомъ университетѣ, онъ одно время увлекался даже пантеистическимъ атеизмомъ Фихте. «Нѣкоторое время я былъ счастливъ въ этомъ заблужденіи», говоритъ онъ самъ въ изданномъ послѣ его смерти сочиненіи. «Я довѣрялъ мысли о возможности быть добродѣтельнымъ, не принадлежа ни къ какой вѣрѣ. Но скоро эта иллюзія исчезла, и я почувствовалъ себя жалкимъ. Лишенный всякой вѣры въ міръ нематеріальный, я видѣлъ себя одинокимъ, предоставленнымъ самому себѣ, и со всѣмъ человѣчествомъ безцѣльно заброшеннымъ въ мірѣ. Моя душа переполнялась противорѣчіямм и неувѣренными представленіями; никакого дыханія жизни не являлось согрѣть холодъ моего сердца, и смерть, какъ злой геній, овладѣвала всѣмъ моимъ существомъ. Никакое разсужденіе не могло доставить мнѣ мира; мои чувства возставали противъ убѣжденій моего разума». Эти строки поистинѣ заслуживаютъ того, чтобы быть написанными золотыми буквами, потому что онѣ выражаютъ вопль искренняго человѣка, навсегда потерявшаго свою вѣру. Онѣ показываютъ намъ, какъ вся его жизнь по самой своей природѣ была проникнута религіознымъ духомъ. Къ

несчастью, онъ сбился съ праваго пути и никогда уже не могъ найти опять дороги къ потерянной имъ истинѣ. Стараясь выйти изъ состоянія удручавшаго его скептицизма, онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ систему Фриса. Этотъ философъ трудился надъ примиреніемъ знанія и вѣры и училъ, что въ человѣкѣ есть два различныхъ источника познаній: разумѣніе и чувство. Разумѣніе достигаетъ знанія чрезъ разсужденіе; чувство угадываетъ, понимаетъ и улавливаетъ объективную реальность чрезъ предчувствіе (Ahnden). Эти два способа достиженія полной истины взаимно дополняютъ другъ друга, но не давая возможности примирить противорѣчіе, которое можно замѣчать въ ихъ результатахъ. Къ этому-то столь мало логическому дуализму и привязался Де-Ветте, чтобы избѣгнуть полнаго кораблекрушенія своей христіанской вѣры. Онъ думалъ найти въ «предчувствіи» Фриса удовлетвореніе той религіозной потребности, которую онъ испытывалъ въ глубинѣ души. Тѣ умственные пріемы, которыми онъ старался подняться выше чистой области разума, казались ему единственно удобной формой, подъ которой можетъ быть сохраненъ супранатурализмъ. Въ Берлинѣ онъ изложилъ эти идеи въ особомъ трудѣ. Благодаря системѣ Фриса, онъ воображалъ себя въ состояніи отвергать все, что было сверхъестественнаго въ богословіи, и, тѣмъ не менѣе, охранять религію при помощи предчувствія. Миѳъ избавилъ его отъ чуда въ древней вѣрѣ, Фрисъ освободилъ его отъ всего, что превосходитъ разумъ въ новомъ законѣ. Въ 1813 году онъ училъ, что іудеи никогда не ожидали Мессіи, страждущаго за грѣхи народа, и что Іисусъ Христосъ умеръ по побужденіямъ чисто человѣческимъ. Въ своихъ послѣдующихъ сочиненіяхъ по догматикѣ онъ утверждалъ, что апостолы исказили ученіе Іисуса Христа и изобрѣли «христолатрію». Между тѣмъ потребность въ вѣрѣ дѣлалась все чувствительнѣе для сердца раціоналистическаго профессора, и въ глубинѣ души его было столько прямоты, что Неандеръ назвалъ его «Наѳанаиломъ, въ которомъ нѣтъ лукавства». Это именно и сблизило его съ Шлейермахеромъ.

Шлейермахеръ (1768—1834) былъ однимъ изъ величайшихъ представителей протестантизма въ Германіи. Его называютъ Кантомъ новѣйшаго богословія, потому что онъ отыскивалъ законы религіознаго чувства, подобно тому, какъ Кантъ отыскивалъ законы познанія. Онъ оказывалъ глубокое вліяніе не на Де-Ветте только, но и на множество вообще своихъ единовѣрцевъ. Его отецъ былъ замѣшанъ

въ одномъ процессѣ по дѣлу о колдовствѣ, и это такъ повліяло на него, что онъ, сначала будучи совершеннымъ невѣромъ, сдѣлался вѣрующимъ и отдалъ своего сына на воспитаніе Моравскимъ братьямъ. Молодой Шлейермахеръ не избѣгъ, однако же, чрезъ это искушенія и сомнѣнія. У него, какъ и у многихъ другихъ, невольно чувствуется, насколько господствующія въ протестантизмѣ раздѣленія удручали умы, не имѣвшіе возможности нигдѣ найти успокоенія. Въ 1796 году, сдѣлавшись проповѣдникомъ въ Берлинѣ, онъ подружился съ Фридрихомъ Шлегелемъ, который ввелъ его въ кружки зарождавшагося романтизма, гдѣ и начали распространяться его идеи. Критика казалась ему тогда будущей хранительницей вѣры, хотя доселѣ она была ея противницей. Но онъ никогда не имѣлъ надлежащаго понятія о критикѣ, въ немъ чувство брало перевѣсъ надъ разумомъ, и онъ думалъ, что говоритъ отъ имени разума, когда на самомъ дѣлѣ былъ увлекаемъ чувствомъ. Не безъ основанія говорятъ, что въ немъ было нѣчто женственное. Онъ самъ изображалъ себя такъ въ письмѣ къ Якоби: «разумъ и чувство живутъ во мнѣ раздѣльно, но они соприкасаются и образуютъ гальваническій токъ; наиболѣе интимная жизнь духа состоитъ у меня въ той гальванической операціи, которая называется чувствомъ». Въ одномъ изъ своихъ первыхъ произведеній, именно въ разсужденіяхъ о религіи, онъ такъ опредѣляетъ свою религію: «моя религія есть всецѣло религія сердца, во мнѣ нѣтъ мѣста для другой религіи». Того, во что нужно вѣровать, не нужно искать ни въ книгахъ, ни въ преданіяхъ, а только въ насъ самихъ. Религія есть чувство, наитіе безконечнаго, и мы находимъ ее въ глубинѣ нашего духа. Слѣдовательно, она не имѣетъ ничего постояннаго или устойчиваго, она разнообразится у отдѣльныхъ личностей, и церковь есть какбы жидкая масса, безъ постоянныхъ очертаній, безъ прочной организаціи. Всякое чувство религіозное истинно; никто не имѣетъ права заключать его въ темницу догматовъ, оно свободно и состоитъ въ исканіи универсальной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, въ оправданіи тѣхъ таинственныхъ предчувствій, которыя возбуждаютъ въ насъ благочестивый трепетъ. Въ большей части догматическихъ терминовъ однако же заключается истинный смыслъ. Откровеніе есть внушеніе, получаемое человѣкомъ отъ безконечнаго; чудо есть религіозное названіе для естественнаго событія. Вдохновеніе есть внутреннее чувство истинной нравственности и истинной свободы. Таковы именно нѣкоторыя изъ идей Шлейермахера, того ума, въ ко-

торомъ вѣра и невѣріе смѣшивались и соединялись между собой, мистицизмъ уживался съ матеріализмомъ, пантеизмъ Спинозы сочетался съ туманнымъ чувствомъ религіозности, но который чувствовалъ сильно, выражался съ пыломъ и умѣлъ затронуть въ человѣкѣ самыя благородныя струны. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ онъ приближался къ Фрису, и это-то именно сблизило его съ Де-Ветте, хотя послѣдній сначала и не чувствовалъ особеннаго расположенія къ автору «Размышленій о религіи».

Шлейермахеръ много проповѣдывалъ въ Берлинѣ и съ большимъ успѣхомъ. Однажды другъ Де-Ветте, Люкке, толкователь Евангелія Іоанна, свелъ его на проповѣдь этого проповѣдника, привлекавшаго громадную толпу слушателей. Случайному слушателю понравилась эта проповѣдь, онъ въ точности сталъ слѣдовать ей и мало-по-малу отвелъ мѣсто критическому элементу въ своемъ изученіи Св. Писанія Новаго Завѣта; онъ пересталъ видѣть въ Іисусѣ Христѣ чистый символъ и сталъ считать Его дѣйствительнымъ существомъ, воплощеннымъ идеаломъ. Въ это-то именно время поразилъ его страшный ударъ. У него было много враговъ среди ортодоксальныхъ лютеранъ, которые считали его, и не безъ основанія, однимъ изъ вождей библейскаго раціонализма. Однако же они не имѣли возможности заставить его удалиться съ каѳедры профессора. Одно неразумное письмо, написанное имъ матери Дезантъ, молодой фанатичкѣ, убившей русскаго агента, по имени Коцебу, произвело больше впечатлѣнія на прусскій дворъ, чѣмъ жалобы его противниковъ. Его изгнали изъ университета, какъ «человѣка опаснаго» (въ октябрѣ 1819 года). Удалившись въ Веймаръ, онъ издалъ религіозный романъ: «Теодоръ или посвященіе скептика» (1822 г.), — произведеніе невысокихъ литературныхъ достоинствъ, но обнаруживавшее, какая работа совершалась въ душѣ автора, всегда стремившагося выбиться изъ пучины взбаломученныхъ волнъ сомнѣнія къ пристани вѣры и истины. Наконецъ, въ 1822 году Де-Ветте былъ назначенъ профессоромъ богословія въ Базелѣ, и тамъ именно онъ провелъ послѣдніе годы своей жизни и издалъ свой Комментарій на Новый Завѣтъ. Изученіе Евангелій было для него спасительнымъ. Видно, что христіанство привлекало его все болѣе и болѣе. Къ несчастью, его воспитаніе поставило его внѣ истины, и онъ никогда уже не проникалъ въ ограду церкви Христовой; онъ всегда колебался между раціонализмомъ и простотою вѣры. Въ своемъ «Введеніи въ Новый Завѣтъ» (1826 г.) онъ отри-

цаетъ подлинность второго посланія ап. Петра, сомнѣвается касательно втораго посланія къ Θессалоникійцамъ, посланія къ Ефесянамъ, пастырскихъ посланій, посланія св. Іакова, перваго посланія ап. Петра и даже Евангелія Іоанна. Въ своемъ «толковомъ руководствѣ къ Новому Завѣту» (1835—1848) онъ допускаетъ миѳы лишь для начала и конца исторіи Спасителя, и даже опровергаетъ Штрауса, который уже издалъ свою «Жизнь Іисуса», когда явилось толкованіе на Евангелія; но онъ былъ нерѣшителенъ, обнаруживалъ неувѣренность по самымъ важнымъ пунктамъ и жестоко обличалъ толкователей, которые старались согласить повѣствованія четырехъ евангелистовъ, обвиняя ихъ въ узкости ума и даже въ недостаткѣ добросовѣстности. Однимъ словомъ, онъ пришелъ лишь къ результатамъ отрицательнымъ, и, по его собственному заявленію, плодъ евангельской критики есть невѣдѣніе и безсиліе. Таково печальное утѣшеніе, къ которому пришелъ этотъ человѣкъ, къ душѣ котораго нельзя не питать сочувствія, такъ какъ она искала истины, но не могла найти ея. Отецъ внутренней критики, а можно сказать также и миѳизма, никогда не могъ совершенно порвать первоначальныхъ нитей заблужденія, и онъ страдалъ отъ этого въ теченіе всей своей жизни, что и выразилъ въ одномъ стихотвореніи, найденномъ послѣ его смерти [1]).

5. Штраусъ и его критика.

Таково было религіозное состояніе Германіи, когда на сцену выступилъ Штраусъ. Это былъ человѣкъ, который болѣе всѣхъ возмутилъ религіозный духъ Европы въ нашемъ [19-мъ] столѣтіи. Его имя навсегда останется въ исторіи Церкви, какъ имя одного изъ смертельнѣйшихъ враговъ христіанства рядомъ съ именами знаменитыхъ софистовъ первыхъ временъ христіанской эры, Цельза и Порфирія. Въ немъ, такъ сказать, олицетворилась вся брань, воздвигнутая противъ Св. Писанія въ наше время. Онъ былъ отголоскомъ всѣхъ противниковъ Откровенія, въ немъ армада заблужденій собрала всѣ свои силы, и это именно служитъ объясненіемъ причины его чрезвычайно большого вліянія. Тѣ, кто предшествовали ему на этомъ поприщѣ, подготовляли лишь почву; но тѣ, которые уже являлись послѣ него, волей-неволей признавали его своимъ главою.

---

[1]) Herzog, Real-Encyclop. in XVIII, 1864 г. стр. 73. Стихотвореніе начинается словами: «Я сѣялъ сѣмя, но гдѣ-жъ теперь желтѣющая нива»? и т. д.

Мы уже видѣли, что Де-Ветте въ полномъ объемѣ прилагалъ къ Ветхому Завѣту миѳическій методъ объясненія; но онъ не имѣлъ достаточной смѣлости приложить подобный методъ и къ Новому Завѣту. Только Штраусу принадлежитъ печальная честь распространенія этого метода объясненія и на Новый Завѣтъ, и онъ первый сталъ видѣть въ Евангеліяхъ «пышное произрастеніе миѳовъ». Правда, и раньше нѣкоторые уже пытались объяснить посредствомъ миѳизма первыя и послѣднія событія въ жизни Іисуса, именно тѣ, которыя предшествуютъ искушенію, и тѣ, которыя слѣдуютъ за распятіемъ. Штраусъ приложилъ этотъ методъ ко всѣмъ евангельскимъ разсказамъ безъ всякаго ограниченія. Изъ миѳа, который былъ для него единственною дверью для входа въ Евангелія и выхода изъ нихъ, онъ сдѣлалъ столь растяжимое слово, что оно стало обнимать собою все. Онъ совершенно видоизмѣнилъ самое понятіе этого слова, понимая и расширяя его по-своему.

Но что же такое, по нему, миѳъ? Въ дѣйствительности весьма трудно опредѣлить это слово, и въ нѣкоторомъ смыслѣ остается справедливымъ то, что сказано въ 1839 году однимъ остроумнымъ авторомъ, весьма удачно пародировавшимъ критическіе пріемы Штрауса въ своей статьѣ подъ заглавіемъ—«Жизнь Штрауса, написанная въ 2839 году»: «намъ хотѣлось бы объяснить, что такое миѳъ по опредѣленію, заимствованному у Штрауса, но это будетъ невозможно. Чтобы заимствовать образъ изъ миѳологіи, отъ котораго онъ ведетъ свое начало, можно бы сказать, что миѳъ, по Штраусу, есть соединеніе Протея съ хамелеономъ, потому что онъ мѣняетъ форму и цвѣтъ на всякой страницѣ, смотря по тому, какъ это нужно писателю» [1]). И дѣйствительно, миѳъ въ опредѣленіи миѳической школы есть нѣчто чрезвычайно неопредѣленное, расплывчатое и растяжимое. Онъ есть плодъ воображенія, но отличается тѣмъ, что представляетъ собою родъ воплощенія ходячихъ идей въ данный моментъ. Стремленія извѣстной эпохи, свойственный ей способъ пониманія вещей, ея желанія и идеи воплощаются въ извѣстное время въ особый, свойственный ей организмъ, ея идеалъ олицетворяется въ бытіи, въ дѣй-

[1]) Въ журналѣ L'Esperance, 5—12 окт. 1839 г. Въ этой юмористической статьѣ, напоминающей собою извѣстное сочиненіе о томъ, «Какъ Наполеонъ не существовалъ никогда» (*Переса*, библіотекаря города Д'Ажена), прекрасно выясняется произвольность критическихъ предположеній Штрауса. Авторъ такъ обобщаетъ свое изслѣдованіе: «Жизнь Штрауса есть не что иное, какъ миѳъ, безъ всякой исторической реальности, и онъ представляетъ собою лишь ходячія мнѣнія того вѣка, когда, будто бы, жилъ онъ»

ствительномъ или воображаемомъ событіи:—вотъ это и есть миѳъ. Творцомъ его является не тотъ писатель, который разсказываетъ о немъ, и онъ не есть то или другое отдѣльное лицо, но это созданіе коллективное, самопроизвольное, несознательное, въ которое каждый привноситъ извѣстную черту, какой-либо элементъ, смотря по своему характеру и міросозерцанію. Такимъ-то образомъ, будто бы, и составлены были Евангелія народнымъ воображеніемъ, прежде чѣмъ они написаны были четырьмя евангелистами. «Религія, безъ сомнѣнія, имѣетъ своимъ родоначальникомъ чувство, но мать ея есть воображеніе», какъ въ одномъ мѣстѣ выражается Штраусъ.

Такъ, апостолы возвѣщаютъ міру, что ихъ распятый Учитель живымъ вышелъ изъ гроба въ третій день. Тутъ что-нибудь одно изъ двухъ, говорила прежняя критика: или дѣйствительно произошло это событіе, или оно не произошло; въ первомъ случаѣ апостолы говорили правду, во второмъ они говорили ложь. По новѣйшей критикѣ, по Штраусу, между двумя членами этой дилеммы, между дѣйствительностью факта и вымысломъ учениковъ Іисуса, *есть* средина,—это именно миѳъ. Предположенія дѣйствительности этого событія нельзя допустить по причинѣ невозможности чуда; но въ то же время сомнительно предположеніе и объ обманѣ. Кто докажетъ намъ, что апостолы непремѣнно знали, что Іисусъ не воскресъ? Кто докажетъ намъ, что народное воображеніе не измыслило дѣйствительно миѳъ о воскресеніи Мессіи, и что апостолы не искренно вѣровали въ этотъ миѳъ? Они могли говорить это съ полною искренностью, и отсюда само собою исчезаетъ рѣзкое противорѣчіе между сознательною ложью и пламенною вѣрою, достаточною для того, чтобы произвести великій переворотъ въ мірѣ. По вѣрованію Церкви, Іисусъ чудесно возвратился къ жизни; по мнѣнію деистовъ, въ родѣ Реймаруса, Его тѣло было украдено учениками; по толкованію раціоналистовъ, въ родѣ Павлюса, Іисусъ не умеръ дѣйствительно, а казался только такимъ и совершенно естественно очнулся къ жизни; по мнѣнію Штрауса, «воображеніе учениковъ, поддержанное нѣжною привязанностью ихъ сердца, представило имъ Учителя какбы возвратившимся къ жизни, такъ какъ они по своей вѣрѣ въ Него не могли считать Его мертвымъ». То, что въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ считалось фактомъ внѣшнимъ, разсматривалось какъ чудесное событіе, затѣмъ какъ ложное и, наконецъ, какъ совершенно естественное, теперь относится къ разряду явленій жизни души и дѣлается фактомъ чисто

психологическимъ», то-есть продуктомъ народнаго воображенія, миѳомъ.

Происхожденіе евангельскихъ миѳовъ объясняется, будто бы, состояніемъ умовъ въ ту эпоху, когда явился Іисусъ Назарянинъ. Религія появляется обыкновенно только въ творческія эпохи, когда воображеніе господствуетъ надъ разумомъ. Христіанство, будто бы, не избѣгло этого общаго закона. Первобытная Церковь, благодаря сильной работѣ чувства, въ которой она сама не отдавала себѣ отчета, представляла себѣ подъ формой исторіи и человѣка—религіозную идею, первымъ или главнымъ представителемъ которой былъ Іисусъ. Она приложила къ Нему не только миѳическія формы, находящіяся во всѣхъ религіяхъ, какъ воплощеніе, рожденіе отъ Дѣвы, но также и всѣ тѣ формы, подъ которыми іудеи со времени плѣна привыкли въ своемъ патріотическомъ возбужденіи представлять себѣ Мессію. Отсюда ожиданіе Мессіи и созданіе именно Іисуса Евангелій. Съ того времени, какъ извѣстное число вѣрныхъ, возраставшее все болѣе и болѣе, вообразило себѣ, что оно имѣетъ въ Іисусѣ обѣтованнаго Мессію, они все болѣе и болѣе убѣждались, что всѣ тѣ предсказанія и прообразы, которые раввинское воображеніе находило въ Ветхомъ Завѣтѣ, должны были непремѣнно находить свое исполненіе именно въ Немъ. Вся Палестина хорошо знала, что Іисусъ былъ изъ Назарета; но во что бы то ни стало нужно было, чтобы онъ, какъ Мессія и сынъ Давидовъ, родился въ Виѳлеемѣ, сообразно съ предсказаніемъ пророка Михея. Всѣ помнили о язвительныхъ словахъ Іисуса противъ жадности іудеевъ къ чудесамъ. Несмотря на это, такъ какъ даже Моисей творилъ чудеса, то и Мессія не могъ быть ниже его въ этомъ отношеніи и Онъ также долженъ былъ творить чудеса. Исаія предвозвѣщалъ, что во дни освободителя Израиля у слѣпыхъ будутъ открываться глаза, глухіе будутъ слышать, разслабленные будутъ ходить. Поэтому, уже съ самаго начала и въ подробности извѣстны были тѣ чудеса, которыя долженъ былъ творить Іисусъ вслѣдствіе того именно, что Онъ былъ признанъ Мессіей. Новый Завѣтъ, слѣдовательно, былъ написанъ уже напередъ въ Ветхомъ, и первымъ восторженнымъ христіанамъ оставалось только собирать различныя разсѣянныя тамъ черты, чтобы составить себѣ идеалъ своего боготворенія и своихъ мечтаній. Мысль, что Евангелія составляютъ лишь копію воспроизведенія іудейской исторіи, составляетъ особенность Штрауса, но намекъ на нее былъ

сдѣланъ еще Самуиломъ Реймарусомъ. Такъ, онъ хотѣлъ объяснить «легенду» о Даніилѣ легендой объ Іосифѣ. Штраусъ перенесъ этотъ процессъ въ Новый Завѣтъ, обобщилъ его и во всѣхъ евангельскихъ событіяхъ видитъ лишь тенденцію евреевъ и первыхъ христіанъ «составить новыя комбинаціи по образцу древнихъ».

Таковы именно были начала, которыми руководился Штраусъ при объясненіи евангельскихъ событій. Три фактора, такимъ образомъ, содѣйствовали къ образованію ихъ: общее ожиданіе Мессіи въ первомъ вѣкѣ, Мессіанскіе элементы, распространенные воображеніемъ книжниковъ и раввиновъ по всему Ветхому Завѣту, и, наконецъ, вѣрованіе, что Іисусъ былъ именно ожидаемый Мессія.

Планъ «Жизни Іисуса» очень простъ. Штраусъ изслѣдуетъ одни за другими событія, разсказываемыя въ Евангеліяхъ. При разсмотрѣніи каждаго изъ нихъ, онъ указываетъ противорѣчія, которыя, будто бы, онъ находитъ въ каждомъ разсказѣ, разсматриваемомъ отдѣльно или по сравненію съ другими священными или гражданскими разсказами; собираетъ всевозможныя затрудненія, которыя, какъ ему кажется, могутъ служить поводомъ къ отнятію у Новаго Завѣта его историческаго значенія. Послѣ такого изученія текстовъ, онъ излагаетъ естественное объясненіе, даваемое раціоналистами и въ особенности Павлюсомъ, и показываетъ вообще съ достаточною силою и ясностью ихъ несостоятельность и невозможность. Расчистивъ такимъ образомъ почву, онъ излагаетъ свою собственную гипотезу, то-есть миѳическое объясненіе. Разсужденія Штрауса чрезвычайно мелочны, изложеніе крайне сухо. Было бы большой ошибкой, если бы кто подумалъ, что его «Жизнь Іисуса», судя по этому заглавію, есть жизнеописаніе Того, имя Котораго оно носитъ. Штраусъ въ дѣйствительности занимается только разрушеніемъ и отнюдь не думаетъ о созиданіи. Единственная положительная идея, заключающаяся въ двухъ его большихъ томахъ, состоитъ въ томъ, что христіанство есть идеалъ человѣчества. Въ своихъ заключеніяхъ онъ предполагаетъ, что миѳическое объясненіе не колеблетъ истины христіанской религіи, и что сущность ея остается неприкосновенною. Всякій миѳъ заключаетъ въ себѣ глубокую идею. Напр., іудейскій геній или, скорѣе, геній человѣчества сложилъ все, что онъ имѣлъ наиболѣе возвышеннаго и великаго, въ миѳѣ о воскресеніи Іисуса. Подъ этою формою человѣчество усвоило себѣ въ первый разъ великій принципъ, который, если выразиться языкомъ Новаго Завѣта, можно представить въ такихъ терминахъ: «что вѣчно и

существенно, то не можетъ быть видимо, но есть невидимо; это не земное, а небесное, не плоть а духъ». И вотъ изъ этого принципа выводятся всевозможныя слѣдствія. Нужно было порвать съ тою прекрасною гармоніей духа и тѣла, которая господствовала въ греческомъ мірѣ. Духъ могъ быть признаваемъ независимой силой только въ его борьбѣ противъ чувства, въ скорби и въ аскетизмѣ, въ уничиженіи и въ унынiи. Нужно было, чтобы величественное зданіе Римской имперіи пало, чтобы Церковь возрасла предъ лицомъ государства, папа—предъ лицомъ императора, чтобы дать человѣчеству полное сознаніе той истины, что сила убѣжденія, сила идеи господствуетъ надъ всѣмъ, даже надъ матеріальною силою, повидимому наиболѣе обезпеченною. Все это содержалось въ зародышѣ въ вѣрѣ въ воскресеніе Іисуса, подобно тому, какъ надежда, что Онъ скоро придетъ основать Свое царство, была предчувствіемъ великой исторической судьбы христіанства и открытой имъ новой эры.

Это идеальное объясненіе миѳовъ представляетъ собою не менѣе произвола, чѣмъ и естественное объясненіе чудесъ. Подражатели Штрауса показали, до какого смѣшного излишества можетъ довести она. Вся эта работа привела лишь къ невозможнымъ бреднямъ. Самъ Штраусъ вынужденъ былъ признать безплодность своей критики. «Изъ всего этого слѣдуетъ, надо признаться», говоритъ онъ, «что наше знаніе съ этого времени уменьшилось касательно Моисея, Іисуса и апостоловъ; мы знаемъ менѣе о чудесныхъ предметахъ, слѣдуя однимъ, менѣе о предметахъ обыденныхъ, слѣдуя другимъ; но мы знаемъ всегда достаточно для того, чтобы достигать, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, истинно историческаго пониманія того, что такое были они и что они дѣлали». Но неправда даже и то, что Штраусу удалось дать историческое понятіе о Христѣ и христіанствѣ. Всѣ признаютъ, не исключая даже и вольнодумцевъ, что его «Жизнь Іисуса»—трудъ далеко неудовлетворительный. Изъ его критики едва ли можно узнать, что такое былъ Іисусъ. Штраусъ говоритъ болѣе о томъ, что такое Онъ не былъ, чѣмъ о томъ, что такое Онъ былъ. Онъ не былъ родственникомъ Іоанна Крестителя, не творилъ чудесъ, не установилъ евхаристіи, не предсказывалъ о Своей смерти и о Своемъ воскресеніи; Его рожденіе, Его крещеніе, искушеніе, однимъ словомъ, всѣ великія дѣла Его жизни суть миѳы, то есть, вымыслы. Все, что Штраусъ признаетъ историческаго въ жизни Христа, заключается въ нѣсколь-

кихъ миссіонерскихъ путешествіяхъ и, быть можетъ, въ исцѣленіи нѣсколькихъ бѣсноватыхъ, да и эти исцѣленія лишь казались только чудесными. Но если Іисусъ былъ ничто, какимъ образомъ Онъ могъ быть основателемъ христіанства и какъ объяснить Его происхожденіе? Этотъ вопросъ такъ важенъ, что онъ сразу ниспровергаетъ все построеніе Штрауса, который отнюдь не задавалъ себѣ подобнаго вопроса и избѣгалъ его. Вся его аргументація такимъ образомъ разрушается въ самой своей основѣ. «Приложеніе миѳической теоріи къ Евангеліямъ не имѣло никакого достаточнаго основанія, такъ какъ она не оправдывалась тщательной критикой исторіи и документовъ», говоритъ одинъ безпристрастный изслѣдователь. „Въ этомъ-то именно наиболѣе важномъ пунктѣ и потерпѣлъ крушеніе Штраусъ. Его критика евангельской исторіи не основана на критикѣ евангельскихъ повѣствованій. Вопросы касательно ихъ происхожденія и ихъ подлинности пройдены у него нѣсколькими фразами. Онъ предполагаетъ, но не доказываетъ, что прошло достаточно времени для созданія миѳовъ. Этотъ важный недостатокъ повлекъ за собою и другіе. Штраусъ не говоритъ ни одного слова о важности свидѣтельства св. апостола Павла, онъ не видитъ даже, что мы слишкомъ близки къ источникамъ для того, чтобы оказалось достаточно времени для образованія миѳовъ. Онъ не видитъ важности раздѣленій въ первобытной Церкви, увѣренности, которую они намъ даютъ, и твердыхъ основъ, представляемыхъ ими въ отношеніи разсматриваемыхъ событій, касательно которыхъ разногласіе было невозможно. Мало этого, онъ не видитъ важности первобытнаго общенія имѣній, принятаго вѣрующими, доказательствъ, представляемыхъ своеобразностью ихъ учрежденій, отличіемъ ихъ характера и своеобразностью ихъ вѣрованій по отношенію къ событіямъ, создавшимъ Церковь, и къ фактамъ, на которыхъ она покоилась. Миѳическая теорія такимъ образомъ разрушается, при первомъ прикосновеніи анализа, подъ тяжестью своихъ собственныхъ гипотезъ» [1]).

Если „Жизнь Іисуса“ Штрауса должна была вызвать оживленные отвѣты и сильныя возраженія, то въ то же время она должна была возбудить соревнованіе въ другихъ членахъ его партіи, которая и пошла еще гораздо дальше его по пути невѣрія и кощунства. Явился цѣлый рядъ изслѣдователей, вышедшихъ изъ лѣвой Гегеліан-

[1]) Fairbairn о Штраусѣ въ The Contemporary Review, май 1876 г., стр. 977.

ской школы, которые доводили безбожіе до еще болѣе крайнихъ предѣловъ. Одинъ изъ наиболѣе передовыхъ гегеліанцевъ, именно Людвигъ Фейербахъ (1804—1872), рѣшился восполнить то, что осталось недоконченнымъ у Штрауса. Въ 1841 году онъ издалъ книгу, подъ заглавіемъ «Сущность христіанства», гдѣ прямо объявилъ, что цѣль его—досказать то, что оставилъ недосказаннымъ Штраусъ. Система Гегеля, по его мнѣнію, есть ветхій завѣтъ философіи, и теперь онъ хотѣлъ предложить философское евангеліе. Гегель не былъ достаточно искрененъ и поэтому, при разсужденіи о религіи, выражался двусмысленно. Предполагаемое тождество человѣческаго бытія съ бытіемъ божественнымъ есть лишь тождество человѣческаго бытія съ самимъ собою. Верховное существо есть не что иное, какъ самъ человѣкъ: „Homo sibi Deus“, и человѣкъ есть лишь то, что онъ ѣстъ: „Was der Mensch isst, das ist er“, или другими словами, какъ выражался одинъ изъ послѣдователей Фейербаха: „на землѣ нѣтъ ничего дѣйствительнаго, кромѣ меня и той пищи, которою питаюсь я“. Религія съ этой точки зрѣнія есть простая иллюзія и притомъ иллюзія опасная. Это—вампиръ, который сосетъ лучшій сокъ изъ человѣка, чтобы оправдать свои самыя безнравственныя дѣла. Христіанство переноситъ человѣка со всѣми его чувствами на небо, т.-е. въ область химеръ. Поэтому нужно оставить христіанское понятіе о государствѣ, порвать съ лицемѣрнымъ и рабскимъ поколѣніемъ богослововъ и не заботиться ни о чемъ другомъ, кромѣ человѣческаго тѣла. Одинъ изъ послѣдователей Штрауса, Максъ Штирнеръ, сдѣлалъ ясные логическіе выводы изъ этого ученія: „изъ всѣхъ людей тотъ, кого я знаю и котораго люблю больше всѣхъ, это именно я самъ. Въ моемъ „я“ заключается весь мой катехизисъ; я дѣлаю то, что хочу и что мнѣ нравится“. Тутъ, очевидно, религіозное умозрѣніе доходитъ уже почти до полнаго нигилизма; но затѣмъ являются писатели, которые еще болѣе расплываются въ толкованіи христіанства, показывая, до какой путаницы можетъ довести подобная критика. Такъ, Арнольдъ Руге, хотя и послѣдователь Штрауса, уже заявлялъ, что христіанство есть лишь новое произведеніе буддизма, поэтическая фикція природы. Іисусъ Христосъ есть миѳъ, какъ говорилъ Штраусъ, но его нужно понимать совершенно иначе, чѣмъ понималъ авторъ „Жизни Іисуса“. Миѳъ Іисуса изображаетъ физическую борьбу лѣта съ зимою, свѣта съ тьмою. Іисусъ въ дѣйствительности рождается въ тотъ моментъ, когда начинаютъ увеличиваться дни, и умираетъ на Пасху, когда

природа пробуждается къ лѣту. Грѣха не существуетъ совсѣмъ; нѣтъ ни спасенія, ни божественныхъ утѣшеній, нѣтъ ни Бога, ни безсмертія. Для человѣка нѣтъ другого утѣшенія, кромѣ того, которое онъ самъ доставляетъ себѣ посредствомъ различныхъ изобрѣтеній и паровыхъ машинъ. Фридрихъ Даумеръ сдѣлалъ еще шагъ по пути этихъ крайнихъ нелѣпостей. Онъ полагаетъ библейскій Эдемъ въ Австраліи, — отечествѣ хлѣбнаго дерева. Изъ Австраліи люди, будто бы, переселились въ Америку и оттуда въ Азію, чрезъ Беринговъ проливъ, зимою, когда онъ замерзаетъ. Объ этомъ переселеніи, будто бы, и разсказывается въ „Книгѣ Чиселъ“. Авторъ придаетъ чрезвычайную важность своему открытію. „Моя новая географическая и этнографическая система“, говоритъ онъ, „есть для исторіи то же самое, что система Коперника была для астрономіи“. Іегова, національный Богъ евреевъ, есть, по нему, финикійскій Молохъ,—тотъ страшный богъ, одинъ видъ котораго причинялъ смерть и который требовалъ человѣческихъ жертвъ и въ особенности жертвоприношенія первородныхъ. Мало-по-малу люди однако же замѣнили въ жертвоприношеніяхъ людей животными, и наконецъ партія іеговистовъ даже совершенно отмѣнила подобное жертвоприношеніе. Іисусъ старался возобновить его: Онъ проповѣдывалъ воздержаніе, оскопленіе, и предъ Своею смертью, въ воспоминаніе древнихъ жертвоприношеній, установилъ отвратительную трапезу, въ которой Его ученики должны были питаться человѣческимъ тѣломъ и человѣческою кровью. Іуда, объятый ужасомъ, не хотѣлъ принять въ ней участія, и донесъ объ этихъ христіанскихъ тайнахъ. Затѣмъ, по его мнѣнію, магометанство уже представляло собою погрессъ въ сравненіи съ христіанствомъ. Коранъ есть евангеліе естественной религіи; мусульманскій рай восхитителенъ; это апоѳеозъ чувственныхъ наслажденій. Магометъ Гафизъ, персидскій поэтъ XIV столѣтія, истинный ученикъ Эпикура (переведенный и подражаемый Даумеромъ, который былъ довольно извѣстнымъ оріенталистомъ и поэтомъ), исправилъ отчасти систему основателя ислама, явившись какъ бы новымъ Лютеромъ. Религія будущаго, по его мнѣнію, есть наслажденіе и возстановленіе всѣхъ правъ плоти [1]).

Не будемъ упоминать о другихъ писателяхъ лѣвой Гегеліанской школы, которые распространяли подобныя же идеи въ поэзіи и литературѣ, въ политической и соціальной экономіи. Скажемъ только, что

[1]) G. F. Daumer, Die Geheimnisse des Christlichen Alterthums, 1847.

она имѣла своихъ представителей и въ наукахъ естественныхъ, каковыми выступили Фохтъ, Бюхнеръ, Молешоттъ, и къ которымъ окончательно присоединился Штраусъ, какъ это онъ и доказалъ своимъ послѣднимъ сочиненіемъ „Старая и новая вѣра“, представляющимъ собою послѣднее выраженіе религіознаго нигилизма.

Послѣ Штрауса въ раціоналистической Германіи явилась особая школа, именно Тюбингенская, основателемъ которой былъ Бауръ. Но эта школа по преимуществу занималась мелочной критикой новозавѣтныхъ книгъ, отыскивая въ нихъ противорѣчія и заподозривая ихъ подлинность. Поэтому она не произвела такого большого вліянія, какъ сочиненія Штрауса, и въ сущности осталась достояніемъ ученыхъ. У Баура, однако же, было много послѣдователей, которые, продолжая его разрушительную работу, довели критику Св. Писанія до той необычайной запутанности и самопротиворѣчивости, въ которой она находится въ настоящее время. Большею частью эти критики не оставили по себѣ никакихъ слѣдовъ въ наукѣ, но они подготовили ту почву, на которой въ послѣднее время стали воздвигаться цѣлыя системы по библейской исторіи. Нѣкоторые, наиболѣе выдающіеся ученые, пользуясь всѣми результатами предшествующей критики, начали составлять цѣлые курсы „Исторіи израильскаго народа“, привнося въ нихъ все, что было разрушительнаго въ критикѣ. Съ этой точки зрѣнія, они естественно обходятъ или отрицаютъ все то, что есть чудеснаго въ библейскихъ книгахъ, и стараются объяснить какимъ-либо естественнымъ или миѳическимъ способомъ все то, что кажется въ исторіи Израильскаго народа несоотвѣтствующимъ исторической дѣйствительности. Подобную исторію Израиля составилъ Эвальдъ, котораго можно считать типомъ этого класса германскихъ богослововъ. Онъ не принадлежитъ ни къ какой опредѣленной школѣ, но старается держаться средины между натуралистами, которые, изслѣдуя Библію шагъ за шагомъ, подвергали всѣ находящіяся въ ней слова своего рода химическому анализу для извлеченія изъ нея естественныхъ элементовъ; между скептиками, которые не хотятъ видѣть въ священныхъ книгахъ ничего, кромѣ миѳовъ, и между супранатуралистами, которые понимаютъ Св. Писаніе въ его непосредственномъ естественномъ смыслѣ. Для него Ветхій Завѣтъ есть сборникъ добросовѣстныхъ документовъ, плодовъ не божественнаго вдохновенія, но традиціонныхъ воспоминаній іудейскаго народа, и ихъ нужно понимать, объяснять и толковать сообразно съ средой,

въ которой написаны были эти книги, состояніемъ цивилизаціи и своеобразнымъ характеромъ сыновъ Израиля. Его главная цѣль состоитъ въ томъ, чтобы найти въ еврейскихъ книгахъ историческій узелъ, изъ котораго образовался около него весь легендарный или миѳическій наростъ. Во всѣхъ историческихъ сочиненіяхъ Ветхаго Завѣта есть элементъ истинный. Напримѣръ, исходъ израильтянъ изъ Египта есть фактъ дѣйствительный, но онъ не могъ произойти такъ именно, какъ о немъ разсказывается въ книгѣ Исходъ: часть сопровождавшихъ его событій, событій вполнѣ естественныхъ, разрисована была позднѣе сверхъестественными красками, какъ, напримѣръ, переходъ чрезъ Чермное море, который совершился безъ всякаго труда при морскомъ отливѣ, и переходъ Іордана, который совершился просто при посредствѣ моста, воспоминаніе о чемъ, будто бы, и сохранилось въ сказаніи о двѣнадцати камняхъ, собранныхъ по срединѣ рѣки. Другія событія также, по его мнѣнію, миѳы. Такъ, жезлъ Ааронов разцвѣтшій, безъ сомнѣнія, есть лишь поэтическій символъ. Историческій узелъ всѣхъ этихъ разсказовъ можетъ заключаться въ слѣдующемъ. Моисей былъ человѣкъ высокаго ума и рѣдкой нравственной высоты. Своими дарованіями, своимъ характеромъ, своей энергіей и, если угодно, помощью Провидѣнія, онъ успѣлъ сразу воспламенить въ своемъ народѣ патріотизмъ. Онъ умѣлъ извлекать чудесный элементъ даже изъ такихъ совершенно естественныхъ явленій, которыя извѣстны подъ названіемъ „казней египетскихъ“, и потому увлекъ Израильтянъ за собою по пути въ землю обѣтованную.

Эвальдъ, по личной антипатіи къ Штраусу, по возможности старался избѣгать объясненій посредствомъ миѳа. Отсюда значительные пробѣлы въ его «Исторіи». Много фактовъ онъ проходитъ совершеннымъ молчаніемъ, или выражается о нихъ такъ неясно, что трудно добиться, какъ именно онъ думаетъ о нихъ. Другіе толкователи-раціоналисты, однако же, считаютъ излишнимъ такую воздержность и не смущаются употребленіемъ слова «миѳъ»; такъ что обыкновенно менѣе пользуются естественнымъ объясненіемъ, и болѣе миѳическимъ. Преданіе, говорятъ они, напримѣръ, сохранило только наиболѣе крупныя черты, скелетъ самыхъ событій; миѳъ восполнилъ оставленные пробѣлы въ разсказѣ о событіяхъ и влилъ призрачную жизнь въ эти сухія кости. Такъ, имя Моисея сохранялось въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, равно какъ и воспоминанія о пребываніи въ Египтѣ, объ исходѣ, о Моисеевомъ законодательствѣ и проч. Но народное вообра-

женіе не могло довольствоваться подобными туманными и сухими фактами, которыхъ нельзя было представить себѣ съ достаточною живостью. Тогда на помощь народному уму, для удовлетворенія народнаго желанія, пришелъ миѳъ со всѣми своими неисчерпаемыми измышленіями. И вотъ, составилось представленіе, что столь великія событія въ исторіи народа не могли произойти безъ какихъ-либо чудесныхъ причинъ; а отсюда самъ собою явился подробный разсказъ объ обстоятельствахъ перехода черезъ Чермное море, о чудесномъ столпѣ огненномъ и облачномъ и т. д. Народъ, который на все смотритъ съ своей обыденной точки зрѣнія и весьма сильно заинтересованъ вопросомъ о первыхъ потребностяхъ жизни, спрашивалъ затѣмъ: какъ-же наши отцы могли жить въ пустынѣ безъ пищи и безъ жизненныхъ припасовъ? Неисчерпаемый миѳъ опять отвѣчалъ имъ: манна для пропитанія ихъ падала съ неба, для насыщенія ихъ прилетали перепелы, и для утоленія жажды даже скалы открывали имъ свои источники. И такимъ-то легкимъ способомъ объясняются всѣ сверхъестественные факты Ветхаго Завѣта, именно сочитаніемъ естественнаго объясненія съ миѳическимъ. Миѳъ-де придалъ форму преданію, послѣднее дало канву, а первое привнесло всѣ дополненія и украшенія. Писатель же, записавшій эти событія, передавалъ лишь то, что онъ слышалъ: онъ былъ лишь секретаремъ народнаго воображенія.

Но область отрицанія безгранична, и нѣкоторые изслѣдователи пошли еще дальше въ этихъ бредняхъ. Такъ, Шенкель уже пересталъ допускать, что Адамъ есть историческая личность: это, по нему, просто миѳическое измышленіе, которое имѣетъ своею цѣлью объясненіе происхожденія человѣка, сообразно съ тогдашнимъ религіознымъ сознаніемъ. Другіе не замедлили сдѣлать еще шагъ дальше, и Бернштейнъ, напримѣръ, въ своемъ сочиненіи «О происхожденіи легендъ объ Авраамѣ, Исаакѣ и Іаковѣ», во всей исторіи патріарховъ не видитъ уже ничего другого, кромѣ «очевидно желчнаго и ядовитаго пасквиля противъ Давида», составленнаго послѣ отпаденія десяти колѣнъ сторонниками Іеровоама. По нему, жена Іуды, дочь Шуи (Батшуа), есть Вирсавія (Батшеба); Шела, младшій сынъ Іуды, есть Соломонъ, Онанъ есть Амнонъ и т. д. Но здѣсь подобные писатели заходятъ уже такъ далеко, что они теряютъ всякое значеніе для науки, и о нихъ можно упоминать только для курьеза и печальнаго доказательства того, какъ разумъ, разъ отвергнувъ здравое начало истолкованія Св. Писанія, неудержимо стремится въ безнду отрицанія, обличающаго свою несостоятельность своими собственными нелѣпостями.

6. Ренанъ, какъ новѣйшій представитель библейскаго раціонализма.

Зло, произведенное нѣмецкимъ раціонализмомъ, не осталось заключеннымъ въ предѣлахъ Германіи. Подобно тѣмъ бурямъ, которыя не ограничиваются опустошеніемъ мѣстъ своего происхожденія, но распространяютъ свое разрушительное вліяніе далеко за ихъ предѣлы, и раціонализмъ распространился далеко по всей Европѣ и повсюду имѣлъ своихъ жертвъ. Во всѣхъ странахъ Европы и даже Америки можно бы указать цѣлый рядъ писателей, которые подвергали библейскую исторію всевозможнымъ критическимъ извращеніемъ. Но мы ограничимся указаніемъ лишь на одинъ примѣръ, чтобы показать, какіе ученые критики стоятъ въ настоящее время во главѣ библейскаго раціонализма.

Наиболѣе сильное вліяніе нѣмецкій раціонализмъ имѣлъ на Францію, гдѣ наиболѣе яркимъ представителемъ его является Ренанъ. Особенно и болѣе всего онъ усвоилъ себѣ теорію о человѣческомъ и естественномъ происхожденіи христіанства и проповѣдывалъ ее въ цѣломъ рядѣ блестяще написанныхъ сочиненій. Его первые нападки на священныя книги относятся къ 1847—1850 гг. Съ этого времени, и, въ особенности, начиная съ 1863 года, когда явилась его «Жизнь Іисуса», онъ не переставалъ писать противъ Евангелій и противъ христіанства. То, что особенно характеризуетъ его критику, есть скептицизмъ. У него нѣтъ другого философскаго принципа, кромѣ сплошного сомнѣнія. Исторія для него есть лишь «наука предположительная». Все для него хорошо, если только онъ можетъ избѣгнуть сверхъестественнаго. Его символъ вѣры заключается въ одномъ членѣ, гласящемъ, что «нѣтъ ничего чудеснаго». «Отрицаніе сверхъестественнаго», говоритъ онъ въ своемъ «Маркѣ Аврелiѣ», «сдѣлалось безусловнымъ догматомъ для всякаго просвѣщеннаго ума». Внѣ этого догмата у него не остается ничего болѣе или менѣе важнаго. Онъ готовъ по очереди боготворить и сожигать однихъ и тѣхъ же кумировъ; тутъ онъ восхваляетъ добродѣтели, тамъ онъ объявляетъ, что это лишь одно пустое слово; сегодня онъ преклоняется въ Аѳинахъ предъ Палладой Аѳиной, а завтра будетъ боготворить въ Палестинѣ Того, Который побѣдилъ и разрушилъ язычество; однимъ словомъ, его камертонъ звучитъ какъ только угодно его владѣльцу, и онъ готовъ говорить бѣлое или черное, истинное или ложное, смотря по тому,

какъ вѣтеръ повернетъ его флюгеръ, направо или налѣво; но онъ никогда не сознается, что есть что-нибудь такое, что̀ бы стояло выше его и выше его разума. Вслѣдствіе этого онъ во имя критики требуетъ себѣ права не обращать ни малѣйшаго вниманія на то, что пользовалось почтеніемъ цѣлыхъ вѣковъ. Въ самомъ началѣ своей первой статьи, какую онъ издалъ по библейскимъ вопросамъ, онъ говоритъ что «критика не знаетъ уваженія: она одинаково судитъ боговъ и людей. Для нея нѣтъ ничего ни недоступнаго, ни тайнъ; она разрушаетъ всѣ очарованія и отдергиваетъ всѣ завѣсы. Эта чуждая всякаго благоговѣнія сила, бросающая на все твердый и проницательный взглядъ, по своей сущности можетъ быть повинна даже въ оскорбленіи величества, божескаго и человѣческаго». Всѣмъ извѣстно, съ какою дерзостью Ренанъ пользовался измышленнымъ имъ правомъ. Подъ его перомъ не имѣютъ пощады ни Іисусъ Христосъ, ни Пресвятая Дѣва Марія. Въ 1863 году изданіе его «Жизни Іисуса» произвело во Франціи не менѣе смущенія, чѣмъ сколько произвело его въ Германіи подобное же сочиненіе Штрауса. Его сочиненіе однако же не имѣло никакого другаго значенія, кромѣ чисто художественнаго. Это соблазнительная и смертоносная пѣсня сирены, которая привлекаетъ жертвы для того, чтобы задушить ихъ; но при послѣднемъ своемъ анализѣ этотъ такъ называемый историкъ есть не что иное какъ изящный романистъ. Раціоналистическіе экзегеты Германіи, занимающіеся составленіемъ библейской исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта по своему плану, обыкновенно воображаютъ, что священные писатели совершенно похожи на нихъ и судятъ о нихъ по своей собственной мѣркѣ. То же самое дѣлаетъ и Ренанъ: онъ играетъ фактами, и хотѣлъ бы думать, что и евангелисты поступали не иначе. Евангеліе, по его мнѣнію, есть плодъ самой неуловимой фантазіи, такъ что писателю трудно уловить ту нить, на которой основывается все это чудесное созданіе. «Историческій Іисусъ», говоритъ онъ, «ускользаетъ отъ насъ; все, что намъ разсказывается о Его рожденіи, Его чудесахъ, Его страданіяхъ, Его воскресеніи и вознесеніи, противорѣчитъ нашей способности познанія и превосходитъ ее. Нужно поэтому признать, что жизнь Христа есть легендарное сплетеніе, есть идеализація, трудъ, похожій на тѣ поэмы, гдѣ дѣйствительный герой дѣлается идеальнымъ типомъ. Было ли ученіе и нравственный характеръ Іисуса дѣйствительно историческими, отвѣтить на это невозможно». Но если, по собственному сознанію Ренана, невозможно рѣшить, что̀ есть

реальнаго и что есть идеальнаго въ жизни Іисуса, если, какъ говоритъ онъ, историческій Іисуса ускользаетъ отъ насъ, то какимъ образомъ Ренанъ могъ написать «Жизнь Іисуса?» Откуда онъ взялъ необходимые для этого документы, если они въ дѣйствительности не существуютъ? Романистъ выдалъ этими словами самого себя: его трудъ, значитъ, есть лишь фикція, отнюдь не историческое произведеніе, а простая поэма, въ родѣ «Мессіады» Клопштока, или «Потеряннаго рая» Мильтона. Его Галилейскій пейзажъ, наивно идиллическій, поставленный среди прекрасныхъ и великолѣпныхъ картинъ природы, пріятнѣйшій и очаровательнѣйшій изъ людей, хотя и лишенный своего божественнаго величія, былъ всецѣло заимствованъ Ренаномъ у невѣрующей Германіи; онъ съумѣлъ только тяжеловѣсное нѣмецкое сочиненіе очистить отъ филологическаго и критическаго мусора, и ему удалось создать этотъ блестящій романъ; дѣйствующія лица въ немъ такіе же фантомы, какъ и въ другихъ романахъ и поэтическихъ произведеніяхъ.

Благодаря блестящему слогу и своего рода поэтическому очарованію, какъ это, такъ и послѣдующія сочиненія Ренана, въ которыхъ онъ имѣлъ въ виду исторически прослѣдить происхожденіе христіанства, произвели въ свое время громадное впечатлѣніе и много содѣйствовали распространенію раціонализма въ полуобразованныхъ массахъ. Но съ этого времени какъ это очарованіе, такъ и особенно научный авторитетъ Ренана, стали быстро блекнуть, особенно, когда явилось много новыхъ фактовъ, предъ лицомъ которыхъ измышленія Ренана обнаруживали свою полную несостоятельность и фантастическую измышленность. Тѣмъ не менѣе, онъ уже не сходилъ съ занятой имъ разъ точки зрѣнія и, исчерпавъ, по его мнѣнію, весь матеріалъ, относящійся къ вопросу о происхожденіи христіанства, въ самое послѣднее время приступилъ уже къ изложенію исторіи Ветхаго Завѣта, какъ это онъ и сдѣлалъ въ недавно явившемся первомъ томѣ его «Исторіи Израиля» [1]).

Теперь еще не время подвергать этотъ новый трудъ Ренана подробному разбору, такъ какъ первымъ томомъ, его конечно, неисчерпывается весь запасъ исторической учености автора. Но можно сказать, что характеръ труда вполнѣ сказался уже и въ первомъ томѣ, даже въ первыхъ его главахъ. Нужно замѣтить, что въ послѣд-

[1]) Histoire du peuple d'Israel, par Ernest Renan, tome I, изд. 6-е, Paris 1887.

нее время Ренанъ по преимуществу занимался составленіемъ туманно-философскихъ драмъ и отвлеченныхъ діалоговъ, въ которыхъ находила полный просторъ для себя его богатая фантазія. Поэтому было трудно ожидать, чтобы онъ отъ этихъ чисто художественныхъ работъ круто перешелъ къ такому труду, какъ «Исторія Израиля», требующему чрезвычайной строгости историческаго изученія, и появленіе этого его труда было для многихъ большою неожиданностью. Но для такого ученаго какъ Ренанъ, очевидно, нѣтъ ничего невозможнаго, и его фантазія такъ же легко можетъ относиться къ жизни величайшихъ святыхъ Ветхаго Завѣта, какъ она относилась къ какой-нибудь «Аббатесѣ Жуарръ», героинѣ одной Ренановской драмы. Это онъ ясно и доказалъ изданіемъ своей книги. Вся такъ называемая у него „Исторія Израила“ есть не что иное, какъ сплетеніе самыхъ произвольныхъ измышленій необузданной фантазіи, ставившей свои произведенія на мѣсто общеизвѣстныхъ фактовъ ветхозавѣтной исторіи. Свой извѣстный методъ, съ которымъ онъ нѣкогда обработалъ „Жизнь Іисуса“, онъ всецѣло приложилъ и къ ветхозавѣтной исторіи, хотя наука съ того времени сдѣлала совершенно достаточно для того, чтобы заставить всякаго, болѣе или менѣе безпристрастнаго, изслѣдователя усомниться въ приложимости подобнаго метода къ священной исторіи. Но для Ренана, очевидно, не существуетъ никакихъ законовъ. Онъ привыкъ вращаться въ области фантастическихъ фантомовъ и для него всякая исторія и священная въ особенности есть такой же фантомъ, какъ и всякое дѣйствительное измышленіе романиста. Ему нѣтъ дѣла до того, что говоритъ дѣйствительная наука, которая съ каждымъ годомъ своими новѣйшими открытіями ниспровергаетъ прежнія построенія отрицательной критики и блистательно оправдываетъ истинность библейскаго повѣствованія. Отъ науки онъ значительно отсталъ, по сознанію даже его наиболѣе ревностныхъ приверженцевъ, и на мѣсто научныхъ данныхъ онъ развязно ставитъ измышленія своей собственной досужей фантазіи. Отсюда въ его „Исторіи Израиля“ отнюдь невозможно узнать того, что извѣстно подъ названіемъ Библейской исторіи. Это рядъ какихъ-то произвольныхъ, ничѣмъ недоказанныхъ положеній, которыя неспособны подкупить даже оригинальностью, потому что нѣчто подобное уже не разъ высказывалось другими историками подобнаго же типа, но съ болѣе или менѣе приличными попытками обоснованія ихъ. У Ренана нѣтъ ничего, кромѣ голыхъ положеній, обставляемыхъ

лишь прикрасами воображенія. Всѣ извѣстныя ветхозавѣтныя историческія личности у него расплываются въ цѣлые безличные роды или низводятся на уровень странствующихъ номадовъ. Авраамъ есть не кто иное, какъ Овидіевъ pater Orchamus. Іегова у него вполнѣ отождествляется съ различными національными молохами, хотя отличіе между великимъ образомъ Іеговы и финикійскимъ Молохомъ достаточно велико, чтобы даже самые завзятые отрицатели чувствовали смущеніе отождествлять ихъ между собою. Голословно повторяется давнишній вымыселъ касательно элогистовъ и іеговистовъ, хотя этотъ вымыселъ, какъ будетъ показано въ своемъ мѣстѣ, нашелъ уже полное опроверженіе въ новѣйшихъ научныхъ открытіяхъ. Фантазія Ренана разыгрывается все болѣе, по мѣрѣ того, какъ онъ идетъ дальше вглубь исторіи и достигаетъ апогея (для перваго тома по крайней мѣрѣ) въ исторіи пребыванія евреевъ въ Египтѣ. Въ этомъ пунктѣ именно новѣйшія открытія проливаютъ наиболѣе свѣта на библейскія сказанія и блистательно подтверждаютъ истинность самыхъ поразительныхъ ихъ особенностей. Но всѣ эти научныя работы прошли, повидимому, мимо Ренана или, по крайней мѣрѣ, недостаточно громко говорили для него, чтобы вывести его изъ забытья романическаго очарованія, и онъ повторяетъ почти то же, что высказывалось въ этомъ отношеніи раціоналистами прошлаго вѣка, съ тою лишь разницею, что онъ придалъ еще больше самоувѣренности своимъ безосновательнымъ положеніямъ. Такъ всѣ формы ветхозавѣтной религіи онъ спокойно производитъ изъ Египта и въ этомъ отношеніи заходитъ такъ далеко, что даже левитовъ считаетъ не однимъ изъ колѣнъ израильскихъ, какъ считаютъ ихъ всѣ историки, а „особаго рода египетскими жрецами, которыхъ израильтяне имѣли при себѣ со времени выхода изъ Египта и которыхъ прокармливало каждое семейство по очереди въ вознагражденіе за ихъ религіозныя услуги“. Что касается самого Моисея, то, если онъ существовалъ вообще, онъ былъ „смѣшаннаго происхожденія“, „полуегиптянинъ“, хотя Ренанъ склоненъ признавать все это миѳомъ. На этомъ своемъ излюбленномъ пегасѣ Ренанъ легко и свободно промчался по всей исторіи Ветхаго Завѣта въ ея первой половинѣ—до Соломона, и тамъ, гдѣ историческая дѣйствительность уже совершенно не поддавалась превращенію въ миѳъ, Ренанъ изливалъ на нее всѣ фіалы своего гнѣва. Такъ это случилось съ великою личностью Давида. Въ благороднѣйшей личности этого царя израильскаго, оставившаго человѣчеству въ сво-

ихъ псалмахъ драгоцѣннѣйшее наслѣдіе своихъ боговдохновенныхъ думъ, Ренанъ какъ-бы усмотрѣлъ своего личнаго врага, и, не имѣя возможности превратить его въ миѳъ, преслѣдуетъ его всевозможными оскорбительными эпитетами, называетъ бандитомъ и праздношатающимся отребіемъ, и такимъ образомъ еще разъ воздвигаетъ на неповиннаго помазанника Божія гоненіе, которому онъ уже подвергался отъ объятаго духомъ злобы Саула. Такъ, оставленный духомъ уваженія къ истинѣ, критикъ XIX столѣтія впадаетъ совершенно въ ту же несправедливость, въ которую нѣкогда впалъ оставленный Богомъ царь израильскій.

Изъ сказаннаго съ достаточностью видно, какого рода „Исторію Израиля“ издалъ Ренанъ. Конечно, въ столицѣ того государства, гдѣ само правительство съ печальнымъ рвеніемъ заботится объ ослабленіи всякаго истиннаго религіознаго вліянія и старается изгнать изъ оффиціальнаго употребленія самое имя Бога, такая „исторія“ не могла не пріобрѣсти быстрой популярности и выдержала уже нѣсколько изданій и имѣетъ даже всѣ шансы быть введенной въ качествѣ руководства въ народныхъ школахъ; но, говоря вообще,—такая „исторія“ есть позоръ для исторической науки вообще и французской въ частности. Такого слабаго и во всѣхъ отношеніяхъ несостоятельнаго произведенія никто не ожидалъ отъ Ренана, и въ этомъ отношеніи согласно выражаются всѣ его критики. Вотъ что, напр., говоритъ одинъ изъ послѣднихъ его рецензентовъ, обобщая отзывы наиболѣе компетентныхъ, доселѣ высказавшихся критиковъ: „Къ какой бы школѣ ни принадлежалъ критикъ, одно несомнѣнно, что онъ не станетъ на сторону критицизма Ренана. Въ этомъ пунктѣ, насколько мы знаемъ, согласны всѣ его рецензенты. Его методъ неудовлетворителенъ и шатокъ, чтобы не сказать—самопротиворѣчивъ, его выводы слабы и до очевидности несостоятельны; его основная идея недопустима. Даже тотъ блескъ изложенія, который сдѣлалъ Ренана баловнемъ литературы, повидимому почти совсѣмъ покинулъ его. Расположеніе матеріала, особенно въ первой половинѣ тома, запутанно, и авторъ то и дѣло заходитъ самому себѣ въ слѣдъ. Книгѣ недостаетъ свѣжей оригинальности, и она производитъ впечатлѣніе, будто авторъ старался собирать въ нее все, что находилъ интереснаго въ попадавшихся ему книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. Отсюда недостатокъ единства и стройности въ изложеніи. Даже то, что для нѣкоторыхъ составляетъ главную приманку въ сочиненіяхъ Ренана, дается

въ слишкомъ неумѣренной дозѣ. Читатель положительно утомляется отъ постоянныхъ покушеній на блестящее обобщеніе. Въ большинствѣ случаевъ общія положенія покрываютъ, но едва ли скрываютъ логическую неточность. Когда они попадаются чуть не на каждой страницѣ, они легко вырождаются въ пустыя, хотя и красивыя фразы. Можно принять за правило — подозрѣвать ложь тамъ, гдѣ много блестящихъ обобщеній. Воображеніе—опасная способность въ историкѣ. Оно склонно скорѣе дѣлать исторію, чѣмъ истолковывать ее во всякомъ случаѣ отнюдь не безопасно читать исторію при свѣтѣ фейерверковъ. Но тамъ есть и гораздо больше всего этого. Самый терпѣливый читатель утомится отъ повторенія Ренаномъ его господствующей идеи касательно религіи Израиля, даже если бы она имѣла достоинство истины. Затѣмъ частые намеки на современную французскую политику и удары, направленные на Германію, какъ бы они ни были пріятны французскимъ читателямъ, ужъ совершенно неумѣстны въ подобной книгѣ. Исторія не фельетонъ. То же можно сказать о постоянномъ привлеченіи на сцену арабовъ. Эти интересные номады, встрѣчаемые въ ихъ дѣйствительной плоти, отнюдь не такіе пріятные и невинные, какими они кажутся Ренану. Однимъ словомъ, книга Ренана въ научномъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, на десять лѣтъ опоздала въ сравненіи съ историческими трудами нѣмецкихъ и голландскихъ ученыхъ. Мало того, иногда невольно чувствуется желаніе спросить, да всерьезъ ли Ренанъ писалъ эту книгу. Въ дѣйствительности, если бы не имя автора, невольно заинтересовывающее вопросомъ, что̀ именно можетъ сказать по библейской исторіи авторъ „Жизни Іисуса“, то книгу эту въ качествѣ критико-историческаго изслѣдованія можно бы оставить безъ всякаго вниманія [1]).

Такой отзывъ не единиченъ. Это, напротивъ, общій голосъ всей болѣе или менѣе серьезной научной критики, не богословской только, а именно общенаучной критики, какъ показываетъ и самый журналъ, откуда мы взяли этотъ отзывъ. Это весьма утѣшительное явленіе и показываетъ, какой большой шагъ истинная наука сдѣлала за послѣднія десятилѣтія [19-го в.]. Теперь уже, очевидно, невозможно такое легкомысленное отношеніе къ глубоковажнымъ предметамъ, какъ это было въ то время, когда Ренанъ впервые вступилъ на зачимаемую имъ почву и началъ съ легкимъ сердцемъ романиста передѣлывать исторію

[1]) The Edinburgh Review, апр. 1888, стр. 488—89.

истинной религіи. Его „Жизнь Іисуса“ въ свое время произвела необычайное впечатлѣніе въ литературной и даже научной критикѣ, которая восхищалась его методомъ и блескомъ изложенія, и все, что было соприкосновеннаго съ либеральнымъ и такъ называемымъ прогрессивнымъ направленіемъ, привѣтствовало въ его трудахъ какъ-бы новое евангеліе. Съ того времени истинная наука далеко подвинулась впередъ, и—методъ Ренана предъ лицомъ ея обнаружилъ всю свою жалкую несостоятельность и отсталость, какъ это и доказываетъ до очевидности его новѣйшая книга. Нѣтъ, Библейскую исторію теперь уже нельзя трактовать съ легкимъ сердцемъ, какъ это возможно было еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Кромѣ общаго голоса лучшаго сознанія человѣчества, за Библію выступили съ своимъ неопровержимымъ свидѣтельствомъ такіе нелицепріятные свидѣтели, предъ которыми пришли въ смущеніе самые отчаянные отрицатели. Эти свидѣтели—тѣ каменные памятники съ надписями, которые Промыселъ сохранилъ подъ мусоромъ развалинъ въ теченіе тысячелѣтій до нашего именно времени, чтобы чудеснымъ открытіемъ ихъ сразу поразить вздымающуюся свору враговъ Библіи и истины. За истину ея буквально возопіяли камни, и голосъ этихъ камней, т.-е. каменныхъ документовъ, открытыхъ и разобранныхъ въ новѣйшее время въ самыхъ мѣстахъ совершенія главнѣйшихъ библейско-историческихъ событій, былъ какъ-бы голосомъ самой исторіи, выступившей на защиту попираемой истины.

Открытія эти сами по себѣ, помимо ихъ глубокаго апологетическаго значенія, настолько интересны, что краткій очеркъ ихъ отнюдь неизлишенъ въ настоящей книгѣ, имѣющей своей задачей воспользоваться для защиты библейской истины важнѣйшими изъ нихъ.

II. Новѣйшія археологическія открытія въ Египтѣ, Ассиріи и Палестинѣ.

Большая часть открытій, сдѣланныхъ новѣйшими археологами въ Египтѣ, Ассиріи и Палестинѣ, по-истинѣ составляютъ добрый кладъ для библейско-исторической науки, такъ какъ ими проливается немало лучей свѣта, способствующихъ къ выяснѣнію темныхъ пунктовъ въ исторіи избраннаго народа Божія. Евреи и ассиріяне имѣли общее происхожденіе: ихъ предки населяли въ древнее время одну и ту же страну, жили одною и тою же жизнью. Въ послѣдній вѣкъ ихъ исторіи эти два народа опять находились въ связи между собою, когда въ царствованіе Навуходоносора сила оружія или—вѣрнѣе—Провидѣніе насильственно привело сыновъ Авраама въ тѣ же мѣста, которыя свободно оставилъ ихъ великій предокъ. Между этими двумя крайними періодами добровольнаго раздѣленія и принужденнаго единенія, сыновья Евера и сыновья Ассура вели сначала въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ независимое существованіе, но всегда сохраняли, такъ сказать, отпечатокъ одного и того же семейнаго воспитанія, и эти неизгладимыя черты замѣчаются въ нравахъ, обычаяхъ, языкѣ, хотя, по явной милости Божіей, религія израильтянъ была совершенно отличной отъ религіи обитателей Месопотаміи. Затѣмъ, послѣ отпаденія десяти колѣнъ, почти на другой день послѣ раздѣленія израильскихъ колѣнъ, священная исторія показываетъ, какъ цари Ассиріи уже вмѣшивались въ главнѣйшія событія обоихъ царствъ (Іудейскаго и Израильскаго). По мѣрѣ хода событій, ассиріяне все чаще появляются на сценѣ Библейской исторіи. Цѣлыя книги Библіи, какъ напр. книги пророка Іоны и Іудиѳи, между другими, занимаются почти исключительно этимъ народомъ-истребителемъ. Нѣкоторые пророки находили въ зрѣлищѣ его разрушительныхъ нашествій источникъ наиболѣе грозныхъ предостереженій. Затѣмъ, соединяя свои судьбы съ судьбами народа іудейскаго, Ниневія и Вавилонъ раздѣляютъ между собою два царства: Израильское и Іудейское, при новомъ плѣненіи ихъ. Другія библейскія книги, какъ книги Товита, Даніила, Есѳири, пророка Іезекіиля, переносятъ насъ вслѣдъ за плѣнниками

на почву и въ нѣдра самой Ассиріи. Въ древности, слѣдовательно, нѣтъ другого народа, который бы имѣлъ съ израильтянами столько пунктовъ соприкосновенія, какъ восточные семиты; нѣтъ, слѣдовательно, другого такого народа, исторію котораго было бы такъ полезно знать для полнаго разумѣнія исторіи народа Божія, какъ именно исторія народа Сеннахирима и Навуходоносора. Вслѣдствіе этого, открытія, дѣлаемыя въ древней Ассиріи, составляютъ для Библейской исторіи неоцѣнимое сокровище, и христіане должны быть проникнуты признательностью къ археологамъ и ученымъ, посвящающимъ свои труды и свои силы для изслѣдованія и раскопокъ холмовъ Бирс-Нимруда, Куюнджика, Хорсабада, или тщательному прочитыванію тѣхъ странныхъ письменъ, въ видѣ клиньевъ, которыя въ теченіе вѣковъ считались въ глазахъ жителей Востока фантастическимъ дѣломъ какихъ-то таинственныхъ геніевъ, а въ глазахъ западныхъ изслѣдователей представляли непроницаемую тайну. Открытія, сдѣланныя въ Египтѣ, не менѣе драгоцѣнны для священныхъ книгъ. Если Халдея есть колыбель израильскаго народа, то Египетъ есть земля его воспитанія, гдѣ онъ выросъ и провелъ годы своего юношества; тамъ именно онъ сдѣлался народомъ, для котораго Іегова совершилъ великія чудеса; оставляя землю Гесемъ, народъ этотъ оставилъ неизгладимую печать своего пребыванія въ странѣ фараоновъ. Вплоть до времени Спасителя Іисуса Христа, Который также принужденъ былъ искать убѣжища въ Египтѣ, евреи находились въ частыхъ сношеніяхъ, то враждебныхъ, то мирныхъ, съ обитателями береговъ Нила. Авторъ книги Іова видѣлъ рѣку, гдѣ живутъ бегемотъ и левіаѳанъ, гиппопотамъ и крокодилъ, равно какъ и рудники Синая; Соломонъ былъ женатъ на дочери фараона; Іероваамъ искалъ убѣжища въ Египтѣ, Іеремія жилъ тамъ же; сами фараоны не разъ дѣлали военные походы въ Палестину. Египтологическія изслѣдованія важны поэтому не только для историковъ-археологовъ, но и для богослововъ-экзегетовъ. Нужно ли послѣ этого говорить, какое значеніе имѣютъ производимыя современными учеными изслѣдованія въ Палестинѣ и въ сосѣднихъ странахъ, именно, въ смыслѣ живого уясненія значительной части библейскихъ повѣствованій? Въ этой именно странѣ протекла вся исторія избраннаго народа. Тамъ именно патріархи Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ ставили свои палатки, туда именно Іисусъ Навинъ ввелъ двѣнадцать колѣнъ по выходѣ ихъ изъ земли Гесемской и изъ пустыни Синайской, и тамъ они жили подъ покровительствомъ Божіимъ и подъ защитой

геройскихъ судей; тамъ совершали свои великія дѣла цари Давидъ, Соломонъ и пророки, въ ожиданіи пришествія Мессіи. На берегахъ Іордана, правда, не сдѣлано столь блистательныхъ открытій, какія сдѣланы въ Египтѣ и въ Ассиріи, но, тѣмъ не менѣе, они имѣютъ свое значеніе для уясненія и защиты священныхъ книгъ и уже немало содѣйствовали проясненію многихъ темныхъ указаній Библіи.

Всѣ эти открытія совершились въ самое недавнее время, и исторія ихъ въ высшей степени интересна и представляетъ собою чудесный примѣръ торжества науки надъ сокровеннѣйшими тайнами.

1. Открытія въ Египтѣ.

Рядъ величайшихъ открытій въ области историческихъ останковъ древнихъ народовъ начатъ былъ съ Египта, именно съ разгадки чтенія іероглифовъ. До начала текущаго [19-го] столѣтія древній Египетъ оставался для ученаго міра неразъяснимой загадкой, несмотря на то, что „страна чудесъ“ привлекала къ себѣ вниманіе любознательныхъ изслѣдователей какъ древняго, такъ и новаго міра. Величественныя пирамиды и таинственные сфинксы, съ своими загадочными надписями, въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій безмолвно смотрѣли на судьбу исторической жизни своей страны и крѣпко хранили ввѣренную имъ исторіей тайну надписей. Ученые много разъ приступали къ нимъ съ желаніемъ вывѣдать у нихъ вѣковѣчную тайну, но, постоянно встрѣчая холодное безмолвіе, „посвистѣвъ и размахнувъ руками“, по саркастическому выраженію пророка (Софон. II, 15), безплодно отходили отъ нихъ. Только нашему столѣтію [19-му] удалось вывѣдать тайну іероглифическихъ надписей, и въ нихъ открылся цѣлый міръ историческаго знанія, въ которомъ весьма значительная часть служитъ превосходнымъ подтвержденіемъ библейскихъ сказаній. Открыіте совершилось въ концѣ прошлаго [18-го] столѣтія, но попытки разгадать тайну іероглифовъ начались уже гораздо раньше. Египтяне издавна слыли за величайшихъ ученыхъ и мудрецовъ древняго міра, и потому естественно являлось предположеніе, что эти надписи содержатъ въ себѣ именно эту великую мудрость. Но прочитать ихъ не было никакой возможности. Вся любознательность и всѣ усилія изслѣдователей становились втуликъ. По догадкамъ, іероглифы представляли собою письмена, въ которыхъ жрецы выражали или, вѣрнѣе, скрывали

свое знаніе, и являлась даже мысль, что сами жрецы въ позднѣйшее время потеряли ключъ къ чтенію ихъ и лишились способности понимать ихъ. Для непосвященнаго же наблюдателя ничего не могло быть загадочнѣе и таинственнѣе этихъ странныхъ фигуръ, изъ которыхъ иныя, повидимому, походили на буквы, но рядомъ съ ними стояли въ безпорядочномъ смѣшеніи звѣри, птицы, люди, пресмыкающіяся, неодушевленные предметы и отдѣльныя части ихъ. У всякаго наблюдателя невольно являлся цѣлый рядъ вопросовъ: что это за изображенія? представляютъ ли они собою простые символы, или напротивъ это слова? если слова, то писаны ли они какимъ-нибудь алфавитомъ? какой языкъ выражается въ нихъ: мертвый или живой, разговорный? если живой, то какой именно? не есть ли это языкъ, извѣстный только жрецамъ, подобно, напр., тому, какъ въ Индіи былъ языкъ санскритскій? На всѣ эти вопросы никакая человѣческая мудрость, повидимому, не въ состояніи была отвѣтить. Вслѣдствіе этого уже въ древнемъ классическомъ мірѣ составились самые чудовищные взгляды на сущность іероглифовъ. Такъ, по мнѣнію грековъ, іероглифы представляли собой рядъ таинственныхъ буквъ, предназначенныхъ для сохраненія важнѣйшихъ тайнъ природы и возвышеннѣйшихъ изобрѣтеній человѣка. Истолкованіе этихъ письменъ исключительно принадлежало жреческому сословію. Да и оно уже мало понимало его, такъ какъ дѣйствительное знаніе его было потеряно съ упадкомъ могущества фараоновъ, и особенно при вторженіи въ страну персовъ при Камбизѣ. Это убѣжденіе, поддерживаемое еще тою таинственностью, съ какою верховный жрецъ посвящалъ избранниковъ въ возвышенныя истины своего знанія, заставляло грековъ смотрѣть на іероглифы именно какъ на выраженіе этихъ тайнъ, которыя такъ старательно оберегались отъ массы, что объясненія ихъ никакъ невозможно было достигнуть непосвященнымъ. Такой взглядъ отъ грековъ перешелъ къ римлянамъ, которые въ свою очередь напрасно старались проникнуть въ тайну іероглифовъ. Насколько живъ былъ у нихъ этотъ интересъ, показываетъ даже сказаніе, будто одинъ изъ первыхъ императоровъ предлагалъ богатую награду тому, кто бы далъ надлежащее объясненіе іероглифической надписи на обелискѣ, привезенномъ въ то время изъ Египта въ Римъ, но на этотъ призывъ никто не откликнулся. У раннихъ христіанскихъ писателей, особенно средневѣковыхъ, ходили также весьма странныя мнѣнія о сущности іероглифическаго письма. Такъ, нѣкоторые думали даже, что такъ какъ Египетъ занималъ

срединное положеніе въ мірѣ, то онъ былъ издавна хранителемъ тѣхъ великихъ истинъ, которыя были открыты Христомъ всему человѣчеству, и поэтому іероглифы заключали въ себѣ начала и систему христіанства, открытыя египетскимъ жрецамъ за 4000 лѣтъ до рожденія его Основателя. Другіе съ одинаковымъ правдоподобіемъ утверждали, что надпись на извѣстномъ Памфиліевомъ обелискѣ, перевезенномъ въ Римъ, заключала въ себѣ воспоминаніе о побѣдѣ, которую вѣрующіе въ Святую Троицу одержали надъ погаными язычниками шесть вѣковъ спустя послѣ потопа во время царствованія шестого и седьмого фараоновъ египетскихъ. Наконецъ, чтобы покончить съ этими теоріями, вытекавшими изъ полнаго непониманія іероглифовъ, укажемъ еще на мнѣніе французскаго ученаго Палэна, по которому египетскіе іероглифы представляютъ значительное сходство съ китайскими письменами, и потому, будто бы, стоитъ только перевести, напр., псалмы Давида на китайскій языкъ, написать ихъ древнимъ китайскимъ письмомъ, и получатся египетскіе папирусы. Даже и въ Библіи мы будто бы имѣемъ въ переводѣ на еврейскій языкъ многіе изъ важнѣйшихъ священныхъ свитковъ Египта.

Несмотря на эти фантастическіе взгляды, повидимому разрушавшіе всякую надежду на истинное истолкованіе іероглифовъ, среди ученыхъ не было недостатка въ изслѣдователяхъ, которые всячески изыскивали болѣе раціональные методы ихъ истолкованія. Обращено было особенное вниманіе на одно древнее сочиненіе, которое имѣло своею цѣлью именно истолкованіе, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ скульптурныхъ изображеній, часто встрѣчаемыхъ въ Египтѣ. Это— сочиненіе нѣкоего Гораполло, египетскаго ученаго или книжника. Къ сожалѣнію, авторитетъ его терялъ много уже отъ того, что онъ жилъ въ такое позднее время, какъ V вѣкъ по Рожд. Христ., и потому его толкованіе могло основываться не на дѣйствительномъ знаніи предмета, а на темныхъ указаніяхъ преданія и неясномъ опредѣленіи такихъ символовъ, которые тогда еще оставались нѣсколько понятными египтянамъ. Но мало того: самого подлинника сочиненія уже не существовало, а былъ греческій переводъ его, сдѣланный нѣкіимъ Филиппомъ, личностью настолько малоизвѣстною и, темною, что ученые доселѣ не знаютъ, къ какому вѣку пріурочить его; и, во всякомъ случаѣ, онъ жилъ, по меньшей мѣрѣ, вѣка на два еще позже самого Гораполло, и слѣдовательно тогда, когда уже потерянъ былъ всякій слѣдъ дѣйствительнаго іероглифическаго знанія. Этотъ Филиппъ, не

сомнѣнно, привнесъ кое-что и отъ себя, своего собственнаго изобрѣтенія. Тѣмъ не менѣе, при всѣхъ этихъ недостаткахъ книга Гораполло не лишена извѣстнаго значенія въ смыслѣ характеристики раннихъ попытокъ къ объясненію іероглифовъ. Во всякомъ случаѣ, это единственная книга древности, всецѣло посвященная задачѣ истолкованія тайны, въ которую облечена была египетская мудрость, и по тому самому не лишена своеобразнаго интереса, хотя и переполнена баснословными и наивно-дѣтскими соображеніями.

Собственно, рядъ новѣйшихъ ученыхъ истолкователей іероглифическаго письма началъ собою ученый іезуитъ Кирхеръ. Въ 1636 г. онъ издалъ шесть объемистыхъ томовъ, въ которыхъ, по его заявленію, объяснялась и читалась большая часть іероглифическихъ надписей, извѣстныхъ въ то время въ Европѣ. Но достаточно взглянуть въ эти большіе томы, чтобы усомниться въ достоинствѣ его толкованій. Всѣ они написаны такимъ таинственнымъ, можно сказать, непостижимымъ языкомъ, что толкованіе едва ли не труднѣе для чтенія, чѣмъ самые іероглифы, и вообще наполнены такими фантастическими нелѣпостями, которыя показываютъ, что авторъ обладалъ воображеніемъ несравненно болѣе плодотворнымъ, чѣмъ его ученость. Нѣкоторые его переводы іероглифическихъ надписей на латинскій языкъ даютъ интересный образчикъ того, какъ можно писать на этомъ классическомъ языкѣ такъ, чтобы никто не могъ добиться смысла. Тѣмъ не менѣе, трудъ его остался небезплоднымъ. Онъ очень много содѣйствовалъ успѣху послѣдующихъ изслѣдованій, особенно тѣмъ, что въ своемъ сочиненіи собралъ массу мѣстъ изъ греческихъ и латинскихъ авторовъ касательно Египта, а еще болѣе тѣмъ, что первый обратилъ вниманіе ученыхъ на коптскій языкъ, множество рукописей на которомъ хранилось въ Ватиканской и другихъ библіотекахъ, общественныхъ и частныхъ, въ Италіи.

Кирхеръ имѣлъ много послѣдователей, и между ними почетное мѣсто принадлежитъ ученому датчанину Георгу Зёгѣ. Въ 1797 году онъ издалъ сочиненіе „О происхожденіи и назначеніи обелисковъ“, и очень многія изъ его замѣчаній объ іероглифахъ были весьма полезны послѣдующимъ изслѣдователямъ. Нѣсколько случайныхъ, но мѣткихъ замѣчаній сдѣлалъ также ученый англійскій епископъ Варбуртонъ въ своемъ знаменитомъ сочиненіи о „Божественномъ посланничествѣ Моисея“. Тамъ онъ, между прочимъ, на основаніи изученія свидѣтельствъ Климента Александрійскаго, пришелъ къ заключенію, что

„іероглифы были дѣйствительно письменнымъ языкомъ, приложимымъ къ цѣлямъ исторіи, обыденной жизни, а также религіи и миѳологіи“, и что среди разныхъ видовъ іероглифическаго письма у египтянъ были и такіе, которые употреблялись фонетически, т.-е. какъ алфавитныя буквы. Какъ ни важно было это открытіе, но ученые не рѣшились сразу повѣрить ему, и никто даже и не подумалъ удостовѣриться, что̀ это за алфавитъ, или даже приложить соображеніе ученаго епископа къ объясненію извѣстныхъ тогда въ Европѣ египетскихъ памятниковъ.

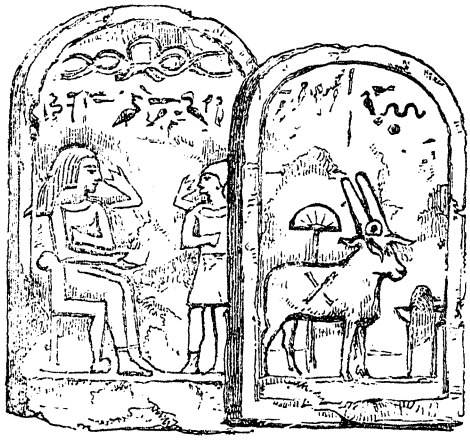
Для подтвержденія этого соображенія необходимо было три важныхъ условія. Если эти письмена дѣйствительно имѣли фонетическій характеръ, то выражаемыя ими слова должны были принадлежать только къ древнему разговорному языку египтянъ; поэтому, прежде всего необходимо опредѣлить, что̀ это за языкъ и сохранились ли гдѣ-нибудь остатки отъ него. Во-вторыхъ, необходимо было значительное собраніе надписей или точныхъ снимковъ съ нихъ, чтобы можно было сдѣлать ученое сравненіе между ними. Наконецъ, въ-третьихъ, необходимо было получить точный переводъ какой-нибудь изъ египетскихъ надписей на языкъ, доступный новѣйшимъ ученымъ. Но понятно, какъ трудно было ожидать, чтобы когда-нибудь представилось такое сочетаніе всѣхъ этихъ необходимыхъ условій, и потому-то, вѣроятно, съ такимъ пренебреженіемъ отнеслись къ догадкѣ епископа Варбуртона. И, тѣмъ не менѣе, обстоятельства скоро сложились такъ, что представилось возможнымъ осуществленіе всѣхъ этихъ трехъ главныхъ условій, столь необходимыхъ для истолкованія іероглифовъ. Что касается перваго условія, то оно скоро было представлено капитальнымъ изслѣдованіемъ французскаго ученаго Катрмэра „О языкѣ и литературѣ Египта“; въ немъ онъ съ удовлетворительностью доказалъ, къ удивленію ученаго міра, что новѣйшій *коптскій* языкъ и есть языкъ древнихъ египтянъ. Копты, дѣйствительно, единственные прямые потомки древнихъ египтянъ и какихъ-нибудь двѣсти лѣтъ тому назадъ говорили еще на древнемъ коптскомъ или египетскомъ языкѣ, который вполнѣ сохранился въ ихъ книгахъ и такимъ образомъ дошелъ до насъ. Алфавитъ, на которомъ они писаны, есть греческій съ прибавленіемъ семи особыхъ буквъ, взятыхъ изъ такъ называемаго демотическаго, т.-е. уже сравнительно поздняго египетскаго письма. Письмо это вошло у нихъ въ употребленіе съ введеніемъ христіанства и доселѣ употребляется въ коптскихъ богослужебныхъ

книгахъ. Такъ какъ у коптовъ въ то же время богослужебныя и священныя книги имѣлись въ переводахъ съ коптскаго на арабскій и греческій, то этимъ представилось обширное поприще для филологическаго сравненія языковъ.

Такимъ образомъ, первое условіе для истолкованія іероглифовъ было на-лицо: открытъ былъ тотъ языкъ, на которомъ писаны были іероглифы. Вслѣдъ за тѣмъ осуществилось и второе условіе, именно сдѣлано было достаточное собраніе надписей. Оно осуществилось благодаря знаменитой экспедиціи Наполеона I въ Египетъ. Этотъ геніальный полководецъ при своихъ военныхъ походахъ никогда не упускалъ изъ виду и болѣе высокихъ цѣлей, и, отправляясь въ Египетъ, взялъ съ собою нѣсколько знаменитѣйшихъ французскихъ ученыхъ для изслѣдованія египетскихъ памятниковъ. Эти ученые подвергли египетскіе памятники тщательному описанію, и издано было большое роскошное „Описаніе Египта“, въ которомъ было представлено множество снимковъ съ египетскихъ надписей. И такимъ образомъ египетскіе памятники сдѣлались доступными для кабинетнаго изученія со стороны изслѣдователей, въ чемъ прежде чувствовался весьма большой недостатокъ. До какой степени сначала чувствовался этотъ недостатокъ, показываетъ замѣчательный фактъ, что являлось даже множество поддѣлокъ и грубыхъ имитацій подъ египетскія надписи, которыми ученые нерѣдко вводились въ заблужденіе. Такъ, въ Европѣ пользовался въ свое время извѣстностью такъ называемый Изидинъ столъ съ іероглифическими надписями. Ему придавалось большое значеніе въ ученомъ мірѣ, и при переходѣ изъ рукъ въ руки онъ оцѣнивался чрезвычайно высокими суммами. Между тѣмъ, впослѣдствіи оказалось, что это грубая поддѣлка съ грубой имитаціей египетскихъ іероглифовъ. Но для того, чтобы весь этотъ матеріалъ сдѣлался совершенно плодотворнымъ для науки, нужно было еще осуществить третье условіе, именно найти ключъ къ чтенію этихъ надписей и именно найти такую надпись, которая бы имѣла при себѣ переводъ на какой-либо общеизвѣстный европейскій языкъ. И, къ счастью науки, скоро осуществилось и это послѣднее условіе.

Во время же кампаніи Наполеона I въ Египтѣ, одинъ офицеръ французской арміи, Буссаръ, производя нѣкоторыя работы въ Розеттѣ, нашелъ на глубинѣ четырехъ футовъ подъ поверхностью часть продолговатой четырехугольной плиты изъ чернаго базальта. На ней была надпись на трехъ языкахъ—наверху іероглифическая, внизу гре-

ческая и въ срединѣ такъ называемая демотическая, вошедшая въ употребленіе уже въ позднѣйшіе вѣка египетской исторіи. Греческій текстъ показалъ, что надпись была сдѣлана въ честь Птоломея Епифана, около 205 г. до Р. Хр. Такъ какъ іероглифическая надпись видимо заключала въ себѣ то же содержаніе, что̀ и греческая, то этимъ и данъ былъ ключъ къ открытію тайны іероглифовъ. Ученые изслѣдователи тотчасъ же приступили къ разбору этой надписи, и многіе изъ нихъ показали чудеса изобрѣтательности. Французскій изслѣдователь де-Саси приступилъ сначала къ чтенію демотической надписи, какъ наиболѣе простой, и сталъ разбирать ее по системѣ разгадыванія тайнаго письма. Для этого нужно было, во-первыхъ, опредѣлить число встрѣчающихся различныхъ знаковъ; во-вторыхъ, замѣтить чаще другихъ встрѣчающіяся группы знаковъ, и, въ-третьихъ, по догадкѣ смыслѣ надписи объяснять группы словами языка, на которомъ, по предположенію, сдѣлана надпись. Смыслъ извѣстенъ былъ изъ греческой надписи, а языкъ коптскій. Легче всего было, конечно, обратиться къ разбору и чтенію собственныхъ именъ, которыя, какъ оказалось, отдѣлялись отъ другихъ буквъ особыми кружка̀ми. И вотъ такимъ методомъ онъ по догадкѣ прочиталъ въ 1802 году имена Птоломей, Александръ и Вереника. Но это чтеніе было лишь предположительное. Трудъ де-Саси продолжалъ англійскій изслѣдователь Юнгъ. Онъ подвергъ также демотическую надпись тщательному разбору и обратилъ вниманіе на тѣ группы, которыя своимъ повтореніемъ уже указывали на свое соотвѣтствіе съ повторяющимися словами греческой надписи. Такъ, въ этой надписи часто повторялась одна маленькая группа знаковъ, которая по числу оказалась вполнѣ соотвѣтствующею греческому союзу καὶ (и) въ греческой надписи. Равнымъ образомъ другая группа повторялась около 30 разъ; и въ греческомъ переводѣ столько же именно разъ повторялось слово βασιλεύς, означающее „царь“. По догадкѣ затѣмъ онъ отыскалъ слова Птоло-



Египетскія каменныя плиты съ надписями (въ Британскомъ музеѣ).

мей и Египетъ, которыя повторялись въ іероглифической надписи столько же разъ, какъ и въ греческой. Найдя такимъ образомъ нѣсколько соотвѣтствующихъ словъ, онъ поставилъ надписи одна противъ другой, строка подъ строкой, такъ, чтобы знакомыя слова приходились одни противъ другихъ. Вслѣдствіе этого и другія неизвѣстныя слова сблизились между собой, и открылось широкое поприще для сравненія. Такъ, мало-по-малу, онъ добрался до значенія 150 словъ, и это былъ первый словарь при изученіи древне-египетскаго языка.

Первыя строки Розеттскаго камня.

Іероглифическая надпись:

Демотическая:

Греческая:

ΣΤΗCΑΙ ΕΙΚΟΝΑ ΤΟΥ ΒΑCΙΛΕΩC ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΥ ΤΟΥ ΑΙΩΝΟΒΙΟΥ ΤΟΥ ΗΓΑΠΗΜΕΝΟΥ

Буквальный переводъ:

Поставить статую Птоломея царя, вѣчноживущаго, возлюбленнаго.

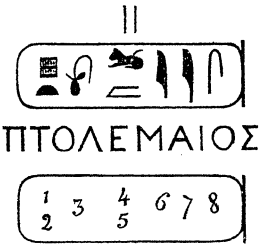
Многое, конечно, впослѣдствіи оказалось невѣрнымъ, но труды Юнга были плодотворнымъ началомъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій, которыя и увѣнчались полнымъ успѣхомъ, благодаря трудамъ знаменитаго египтолога Шамполіона Младшаго.

Шамполіонъ началъ изучать египтологію около 1818 года. Предъ этимъ онъ занимался изученіемъ коптскаго языка и географіи древняго Египта, и такъ какъ онъ прочиталъ и изучилъ все, что было написано древними о Египтѣ, то этимъ самымъ былъ превосходно подготовленъ къ разрѣшенію предстоявшей ему задачи. Въ 1816 году въ Филахъ открытъ былъ маленькій обелискъ съ іероглифами, причемъ на пьедесталѣ его были греческія надписи, именно Птоломей и Клеопатра. Шамполіонъ обратилъ вниманіе на этотъ обелискъ, и своимъ проницательнымъ умомъ усмотрѣлъ здѣсь ключъ для чтенія іероглифической надписи. Среди іероглифовъ онъ нашелъ два круга, и въ одномъ изъ нихъ надпись походила на ту, которую Юнгъ истолковывалъ въ смыслѣ Птоломей. Другой кругъ, слѣдовательно, по его догадкѣ, долженъ былъ означать Клеопатра. И вотъ

онъ приступилъ къ тщательному разбору этихъ двухъ именъ. Разсуждая такимъ образомъ, что эти греческія собственныя имена не могли имѣть никакого особаго значенія въ египетскомъ языкѣ, онъ естественно пришелъ къ заключенію, что тѣ знаки, которыми написаны были эти имена, по необходимости должны представлять собою звуки и такимъ образомъ здѣсь греческія имена написаны египетскими буквами. Если это разсужденіе вѣрно, то, очевидно, египетскіе знаки должны, такъ или иначе, соотвѣтствовать греческимъ буквамъ. А если такъ, то первый знакъ въ имени Птоломей долженъ соотвѣтствовать греческому *П*, второй знакъ—буквѣ *Т* и т. д. Чтобы удостовѣриться, что нѣтъ никакой ошибки, нужно было приложить тотъ же процессъ чтенія и къ другимъ словамъ, и если греческая буква *П* воспроизводится тѣмъ же самымъ знакомъ и въ другихъ словахъ, то очевидно— этотъ процессъ чтенія правиленъ. Онъ и началъ подобный процессъ чтенія черезъ сравненіе двухъ именъ: Птоломей и Клеопатра. Сравнивая изображенія въ томъ и въ другомъ имени одно съ другимъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что эти изображенія дѣйствительно представляютъ собою своего рода буквы, но значеніе самыхъ буквъ опредѣляется начальнымъ звукомъ тѣхъ египетскихъ словъ, которыми называются изображаемые предметы. Размѣтивъ знаки въ томъ и другомъ имени цифрами, онъ разбиралъ эти изображенія одно за другимъ, и этотъ разборъ вполнѣ убѣдилъ его въ истинности его догадки.

Такъ, знакъ № 1 въ имени Клеопатра представляетъ собою треугольникъ или „колѣно“, и такъ какъ коптское слово (*Кели*), означающее колѣно, начинается съ буквы *К*, то этотъ знакъ и изображаетъ собою букву *К*. Знакъ № 2 въ томъ же имени изображаетъ льва, и такъ какъ по-коптски слово „левъ“ (*Лабо*) начинается съ буквы *л*, то, слѣдовательно, изображеніе льва означаетъ букву *Л*. Это вполнѣ подтвердилось тѣмъ, что тотъ же самый знакъ (левъ) встрѣчается и въ имени Птоломей, и именно тамъ, гдѣ, въ соотвѣтствіи съ греческимъ, должна быть буква *л*. Знакъ подъ № 3 въ имени Клеопатра представляетъ собою листъ тростника, и этотъ же самый знакъ находится подъ №№ 6 и 7 въ имени Птоломей. Такъ какъ коптское слово, означающее тростникъ, начинается съ буквы *а*, то этотъ знакъ долженъ быть *А* или *Е*. Знакъ № 4 въ томъ же имени представляетъ собою узелъ и, по соотвѣтствію съ греческимъ, долженъ быть равносиленъ буквѣ *О*. Знакъ № 5 въ томъ же имени,

одинаковый съ знакомъ № 1 въ имени Птоломей, долженъ поэтому представлять собою букву *П*. Знакъ № 6 въ имени Клеопатра изображаетъ орла, и такъ какъ по-коптски слово „орелъ“ (*Ахомъ*) начинается съ буквы *а* и такъ какъ онъ тождественъ съ знакомъ



1. Прямоугольникъ . . . . . П
2. Полукругъ . . . . . Т
3. Узелъ . . . . . О
4. Левъ (Лабо). . . . . Л
5. Локоть . . . . . М
6.7. Двойной листъ . . . . . АІ
8. Спинка стула . . . . . С

1. Треугольникъ (*Кели*) . . . . К
2. Левъ (*Лабо*) . . . . . Л
3. Листъ (*Акъ* или *Екъ*) . . . . Е
4. Узелъ . . . . . О
5. Прямоугольникъ . . . . . П
6. Орелъ (*Ахомъ*). . . . . А
7. Рука (*Тотъ*) . . . . . Т
8. Ротъ (*Ро*) . . . . . Р
9. Орелъ (*Ахомъ*). . . . . А
10. 11. Знаки женскаго рода.

№ 9 въ томъ же имени въ томъ мѣстѣ, гдѣ по предположенію должна быть буква *а*, то, очевидно, этотъ знакъ изображаетъ собою букву *А*. Знакъ № 7 изображаетъ руку, и такъ какъ по-коптски слово „рука“ начинается съ буквы *т* (*Тотъ*), то это, очевидно, знакъ *Т*. Знакъ

№ 8 въ томъ же имени изображаетъ ротъ; по-коптски слово „ротъ“ (*Ро*) начинается съ буквы *р*, и, очевидно, это буква *Р*. Знакъ № 9 тождественъ съ № 6. Знаки № 10 (соотвѣтствующій № 2 въ имени Птоломей) и № 11 не имѣютъ ничего себѣ соотвѣтствующаго въ греческомъ; но послѣдующія изслѣдованія доказали, что эти знаки полагались послѣ всякаго имени женскаго рода. Такимъ образомъ, сравнивая шагъ за шагомъ эти знаки, Шамполіонъ нашелъ полное соотвѣтствіе ихъ какъ между собою, такъ и съ греческими буквами. Въ имени Птоломей остались еще знаки подъ № 5 и 8, не находящіе себѣ соотвѣтствія въ имени Клеопатра. По предположенію, они должны были означать собою *М* и *С*, именно тѣ буквы, которыхъ нѣтъ и не должно быть въ имени Клеопатра.

Такъ прочтены были первыя египетскія іероглифическія слова и найденъ былъ полный ключъ къ чтенію іероглифовъ. Шамполіонъ вполнѣ убѣдился и доказалъ, что египетскія знаки представляютъ собою не что иное, какъ слова, но служащія для обозначенія тѣхъ именно звуковъ или буквъ, съ которыхъ эти слова начинаются. И такъ какъ одной и той же буквой могутъ начинаться нѣсколько словъ, то, очевидно, одна и та же буква въ египетскихъ іероглифахъ могла изображаться различнымъ способомъ. Это открытіе Шамполіона произвело громадное впечатлѣніе во всемъ ученомъ мірѣ, и египтологи дружно взялись за работу, и съ этого времени египтологія начала дѣлать быстрые успѣхи. Благодаря дружнымъ усиліямъ цѣлаго ряда египтологовъ, каменные документы, а равно папирусные свитки, клавшіеся въ гробницы вмѣстѣ съ муміями, стали вполнѣ доступны и понятны ученымъ, и теперь уже не только переводятся и издаются египетскіе документы, но и на самыхъ памятникахъ Египта европейскими учеными иногда дѣлаются новыя іероглифическія надписи— на удивленіе грядущихъ поколѣній. Такая надпись, между прочимъ, сдѣлана надъ входомъ въ Великую Пирамиду Гизехъ нѣмецкою ученой экспедиціей, имѣвшей во главѣ себя извѣстнаго нѣмецкаго египтолога Лепсіуса [1]).

---

[1]) Эта изящная іероглифическая надпись гласитъ слѣдующее: «Такъ говорятъ рабы царя, имя котораго есть солнце и скала Пруссіи—Лепсій писецъ, Эрбкамъ архитекторъ, братья Вейденбахи красильщики, Фрей живописецъ, Франке земледѣлецъ, Бономи скульпторъ, Вильдъ архитекторъ. Слава орлу, покровителю креста, царю, солнцу и скалѣ Пруссіи, сыну солнца, освободителю земли, Фридриху-Вильгельму IV, отцу своей страны милостивѣйшему, любимцу мудрости и исторіи, стражу Рейна, избраннику Германіи, подателю

Открытіе ключа къ чтенію іероглифическихъ надписей составило не только новую эпоху въ исторіи Египта, но и произвело цѣлый переворотъ въ области историческихъ взглядовъ и критики въ отношеніи Библейской исторіи. Египетъ, какъ было уже сказано, имѣлъ прямое библейско-историческое значеніе, какъ мѣсто образованія и первоначальнаго воспитанія библейскаго народа, равно какъ и мѣсто воспитанія освободителя и законодателя этого народа Моисея. Поэтому интересъ новоразгаданныхъ надписей удесятеряется именно своимъ близкимъ отношеніемъ къ библейскому повѣствованію. Онѣ составляютъ превосходную иллюстрацію многихъ библейскихъ сказаній и даютъ объясненія на многія темныя мѣста священныхъ книгъ. Но еще большее значеніе онѣ имѣютъ въ историко-критическомъ и апологетическомъ отношеніи. Раціоналистическая критика еще недавно, какъ мы видѣли, подвергала сомнѣнію дѣйствительность многихъ библейскихъ сказаній и относила ихъ къ области поэтическаго вымысла и миѳа, и такъ какъ не было фактическихъ данныхъ для подтвержденія ихъ, то подобные критическіе взгляды проникали даже въ область богословскихъ комментаріевъ. Еще недавно англійскій (бывшій) епископъ Колензо писалъ, что «всѣ подробности повѣствованія книги Исхода вызываютъ на предположенія столь же чудовищныя и нелѣпыя, какъ было бы нелѣпо положеніе въ ариѳметикѣ, что дважды-два—пять», что «нѣтъ ни малѣйшаго основанія предполагать, будто бы авторъ Пятокнижія писалъ дѣйствительную исторію, а не повѣсть» [1]). Теперь подобный критицизмъ немыслимъ въ наукѣ, онъ встрѣчаетъ неумолимаго обличителя своей легкомысленности въ новооткрытыхъ и разгаданныхъ іероглифическихъ надписяхъ, которыя, напротивъ, во всѣхъ подробностяхъ подтверждаютъ истину библейскаго повѣствованія.

жизни. Да подастъ Всевышній Богъ царю и его подругѣ, царицѣ Елизаветѣ, милостивѣйшей матери своей страны, счастливую жизнь на землѣ и блаженное обитаніе на небѣ во вѣки. Въ годъ христіанской эры 1842, въ десятый мѣсяцъ и пятнадцатый день мѣсяца, въ сорокъ седьмой день рожденія его величества, на пирамидѣ царя Хуфу, въ третій годъ, пятый мѣсяцъ, девятый день царствованія его величества, въ годъ 3164 отъ начала сотическаго цикла при Фараонѣ Манепѳахѣ». Замѣтимъ кстати, что эта курьезная надпись не прошла безъ научнаго курьеза. Одинъ китайскій египтологъ, путешествовавшій въ Египтѣ съ ученою цѣлью, особенно былъ заинтересованъ этою надписью, написалъ о ней цѣлое ученое изслѣдованіе и нашелъ, что эта надпись по своей древности должна быть современна третьей династіи въ Китаѣ, т. е. относится къ періоду за 2200 или 2300 лѣтъ до христіанской эры!! Имя этому знаменитому египтологу Китая—Пин-ч-унъ. Пекинской академіи наукъ предстоитъ выдать ему почетную премію.

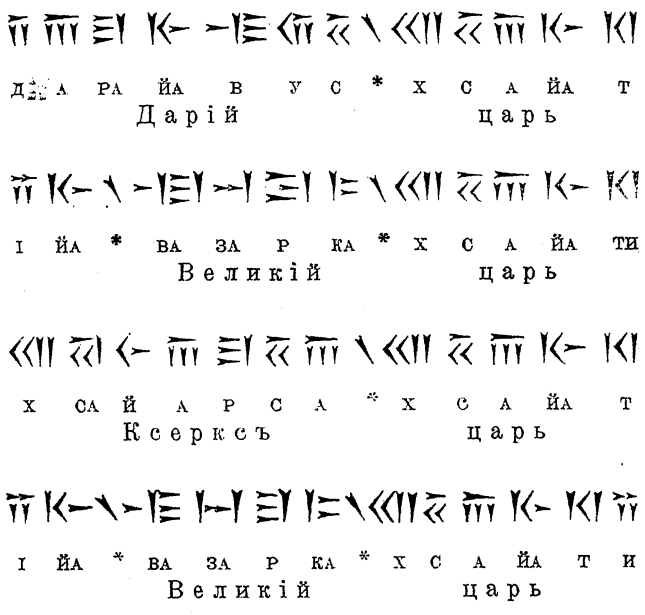
[1]) *Colenso*, The Pentateuch critically examined, t. II, pp. 370, 375.

2. Открытіе ключа къ клинообразнымъ надписямъ.

Въ то время, какъ происходила работа надъ чтеніемъ іероглифовъ, въ области другого древняго народа, имѣвшаго не менѣе историческаго значенія по отношенію къ библейскому народу, начались попытки разгадать тайну другихъ еще болѣе загадочныхъ надписей. Путешественники по древней Персіи и Месопотаміи давно обращали вниманіе на какія-то странныя въ родѣ клиньевъ надписи, которыя поражали своею таинственностью. Нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ, особенно въ Персеполѣ, воздвигнуты были царями Ахименидской династіи, именно Даріемъ, сыномъ Гистаспа, и его преемниками, изъ чего естественно являлось предположеніе, что и другіе цари дѣлали подобныя же надписи. Надписи были сдѣланы тремя различными системами клинообразнаго письма; и такъ какъ эти три рода надписей всегда полагались рядомъ одна съ другою, то, очевидно, это были лишь различные переводы одного и того же текста. Подданные персидскихъ царей принадлежали къ различнымъ племенамъ, и подобно тому, какъ въ настоящее время турецкій паша на Востокѣ обыкновенно публикуетъ приказы на турецкомъ, арабскомъ и персидскомъ языкахъ, чтобы приказъ былъ понятенъ всему населенію его округа, такъ и персидскіе цари принуждены были прибѣгать къ изданію своихъ указовъ на нѣсколькихъ языкахъ съ цѣлью довести ихъ до свѣдѣнія своихъ разноязычныхъ подданныхъ. Въ виду этого становилось яснымъ, что эти три текста Ахименидскихъ надписей были обращены къ тремъ главнымъ народностямъ Персидской имперіи, и что одна изъ нихъ, постоянно стоявшая впереди другихъ надписей, очевидно была на древнемъ персидскомъ языкѣ,—языкѣ самого царя. Между тѣмъ, персидскій текстъ, по счастью, представлялъ для изслѣдователя меньше затрудненій, чѣмъ два другіе, сопутствующіе ему. Число различныхъ знаковъ, употреблявшихся въ этой надписи, не превосходило 40, причемъ слова въ ней раздѣлялись одно отъ другого особыми значками. Нѣкоторыя изъ словъ содержали такъ много знаковъ, что невольно являлось предположеніе, что знаки эти обозначаютъ собою буквы, а не слоги, и что, слѣдовательно, персидскіе клинообразныя надписи должны состоять изъ алфавита, а не изъ слоговыхъ или словесныхъ знаковъ. Затѣмъ, можно было сразу догадаться также, что надписи эти нужно читать слѣва направо, такъ какъ слѣва всѣ строки правильно шли одна подъ другой, не выступая изъ одной линіи, между

тѣмъ какъ справа концы ихъ были неровны, такъ что послѣдняя строка иногда оканчивалась на значительномъ разстояніи отъ правой оконечности всей надписи.

Ключъ къ чтенію этихъ надписей былъ впервые открытъ благодаря удачной догадкѣ нѣмецкаго ученаго Гротефенда. Онъ замѣтилъ, что надписи вообще начинались тремя или четырьмя словами, изъ которыхъ одно разнообразилось, а другія оставались неизмѣнными.



Клинообразныя надписи.

Измѣняемое слово имѣло три формы, хотя та же самая форма всегда появлялась на одномъ и томъ же памятникѣ. Отсюда Гротефендъ предположилъ, что это слово представляетъ собою имя царя, причемъ слѣдующія за нимъ слова означаютъ царскіе титулы. Одно изъ предполагаемыхъ именъ появлялось гораздо чаще другихъ, и такъ какъ оно, по количеству знаковъ, было слишкомъ коротко для имени Артаксеркса и слишкомъ длинно для имени Кира, то можно было догадываться, что оно означаетъ собою или Дарія или Ксеркса. Изу-

ченіе классическихъ писателей показало Гротефенду, что нѣкоторые изъ памятниковъ съ подобною надписью были поставлены Даріемъ. Опираясь на это, онъ придалъ составляющимъ надпись знакамъ значеніе, соотвѣтствующее слову Дарій въ его древне-персидской формѣ (Дарайавусъ), и такимъ образомъ ему удалось достигнуть предположительнаго чтенія шести клинообразныхъ буквъ. Обладая такимъ запасомъ буквъ, онъ затѣмъ обратился ко второму царскому имени, которое также появлялось на нѣсколькихъ памятникахъ и имѣло такую же длину, какъ и имя Дарія. Это имя могло быть только именемъ Ксеркса; но если такъ, то четвертая буква, составляющая его (буква *p*), по необходимости должна быть та же самая, что третья буква въ имени Дарій. Такъ именно и оказалось въ дѣйствительности, и это послужило лучшимъ доказательствомъ, что нѣмецкій ученый былъ правъ и находился на вѣрномъ пути къ чтенію клинообразныхъ надписей. Третье имя, которое было гораздо длиннѣе первыхъ двухъ, отличалось отъ второго, главнымъ образомъ, въ началѣ, а послѣдняя часть его вполнѣ походила на имя Ксеркс. Ясно отсюда, что это имя должно было означать собою не что иное, какъ Артаксеркъ, и что это именно было такъ, это становилось несомнѣннымъ вслѣдствіе того обстоятельства, что второй знакъ, составляющій его, былъ совершенно тождественъ съ тѣмъ, который означалъ букву *p*.

Гротефендъ теперь имѣлъ уже небольшой алфавитъ, и съ помощью его онъ приступилъ къ чтенію слова, которое всегда слѣдовало за царскимъ именемъ и поэтому предположительно означало „царь“. Всматриваясь въ составляющіе его знаки, онъ нашелъ, что оно близко походило на слово „царь“ въ зендскомъ языкѣ,—древнемъ языкѣ восточныхъ персовъ,—который употреблялся въ одной части Персіи въ то время, какъ древне-персидскій языкъ—языкъ Ахеменидовъ—употреблялся въ другой части ея. Отсюда, слѣдовательно, не могло быть больше мѣста для сомнѣнія, что онъ дѣйствительно разрѣшилъ великую проблемму и открылъ ключъ къ чтенію клинообразныхъ текстовъ. Самому Гротефенду однако, же, не пришлось докончить такъ геніально начатаго дѣла, и ассиріологія начала дѣлать болѣе или менѣе значительные успѣхи лишь много лѣтъ спустя послѣ этихъ открытій.

Между тѣмъ, изученіе зендскаго языка стало быстро подвигаться впередъ, особенно благодаря трудамъ Бюрнуфа, который случайно обратилъ свое вниманіе на клинообразныя надписи. Но только уже

слѣдующіе изслѣдователи, именно ученикъ Бюрнуфа, Лассенъ, и англичанинъ Генри Ролинсонъ завершили разборъ этихъ надписей. Открытіе списка персидскихъ сатрапій въ надписи Дарія въ Накшъ-и-Рустемѣ, и особенно копіи длинной надписи Дарія на скалѣ въ Бегистунѣ, сдѣланное Ролинсономъ, дало этимъ ученымъ возможность, независимо другъ отъ друга, составить алфавитъ, который различался лишь въ значеніи, приписываемомъ одному знаку, и съ помощью зендскаго и санскритскаго языковъ—переводить съ языка, письмена котораго были столь чудесно открыты. Чтеніе персидскихъ клинообразныхъ текстовъ, такимъ образомъ, сдѣлалось совершившимся фактомъ, и оставалось только еще разгадать два другіе текста, значившіеся на тѣхъ же самыхъ памятникахъ. Но это была нелегкая задача. Слова въ этихъ надписяхъ не отдѣлялись одно отъ другого, и знаки были чрезвычайно многочисленны. Съ помощью, однако же, часто повторяющихся собственныхъ именъ, и эти два текста постепенно уступили терпѣливому искусству изслѣдователей, и съ теченіемъ времени было открыто, что одна изъ нихъ была на агглютинативномъ языкѣ, т.-е. сродномъ съ языкомъ тюркофинскихъ племенъ, а другая на діалектѣ, весьма близко похожемъ на еврейскій языкъ Ветхаго Завѣта. Памятники, найденные почти вслѣдъ за тѣмъ въ Ассиріи и Вавилоніи Боттой и Лейярдомъ, скоро показали, какому именно народу принадлежалъ этотъ діалектъ. Найденныя въ Ниневіи надписи оказались написанными на томъ же языкѣ и представляли ту же самую систему клинообразнаго письма. Отсюда стало очевиднымъ, что это была надпись на языкѣ семитическаго населенія Ассиріи и Вавилоніи, для котораго, очевидно, персидскіе цари и предназначали между другими свои указы. Чтеніе этой надписи и послужило исходнымъ пунктомъ для чтенія надписей на тѣхъ памятникахъ, которые вскорѣ начали раскапываться въ Ассиріи. Ассиріяне, подобно вавилонянамъ, писали на глиняныхъ плитахъ и имѣли цѣлыя библіотеки, которыя были наполнены богатой литературой, начертанной на особо выжженныхъ для этого плитахъ. Въ этомъ отношеніи особенно важное значеніе имѣли результаты раскопокъ, произведенныхъ Лейярдомъ въ Ниневіи, именно открытіе разрушенной библіотеки этого древняго города, теперь погребеннаго подъ холмами Куюнджика. Разбитыя кирпичныя плитки, принадлежащія къ этой библіотекѣ, не только дали изслѣдователямъ чрезвычайно много литературнаго матеріала, но и снабдили ихъ прямымъ пособіемъ къ изученію ассирійскаго языка. Среди всевозможной

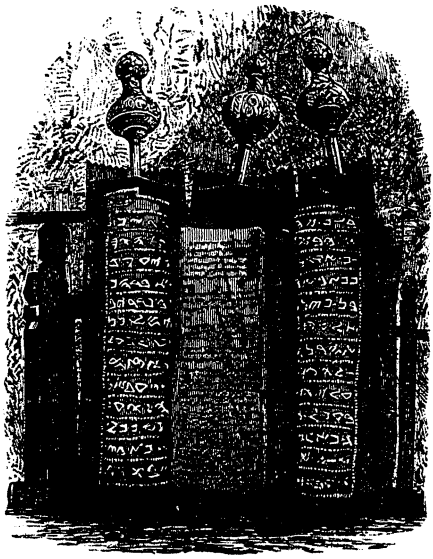
литературы, въ этой библіотекѣ были и цѣлые списки знаковъ съ ихъ различнымъ фонетическимъ и идеографическимъ значеніемъ, таблицы синонимовъ и каталоги названій растеній и животныхъ. Но это было еще не все. Изобрѣтатели клинообразной системы письма были народомъ, который предшествовалъ семитамъ въ занятіи Вавилоніи и говорилъ языкомъ, совершенно отличнымъ отъ языка своихъ семитическихъ преемниковъ. Это именно были аккадійцы, какъ ихъ обыкновенно называютъ, которые оставили послѣ себя значительное количество литературы, высоко цѣнившейся семитическими вавилонянами и ассиріянами. Большая часть ниневійскихъ плитокъ поэтому состоитъ изъ параллельныхъ переводовъ съ аккадійскаго на ассирійскій, равно какъ изъ букварей, словарей и грамматикъ, въ которыхъ аккадійскій подлинникъ всегда ставится рядомъ съ ассирійскимъ переводомъ. Подобные двуязычные тексты не только дали возможность ученымъ возстановить давно забытый аккадійскій языкъ, но и послужили величайшимъ пособіемъ при составленіи ассирійскаго словаря. Три новыя экспедиціи, изъ которыхъ иныя имѣли во главѣ себя такого извѣстнаго ассиріолога, какъ Джоржъ Смитъ, весьма много содѣйствовали разъясненію извѣстныхъ раньше литературныхъ плитокъ и открыли немало плитокъ изъ библіотеки Вавилоніи. Отсюда, хотя доселѣ изслѣдована, можно сказать, только одна изъ многихъ библіотекъ, лежащихъ еще погребенными подъ развалинами Вавилоніи и Ассиріи, однако же въ рукахъ ученыхъ находится уже настолько большой запасъ ассирійской литературы, что онъ значительно превосходитъ своимъ содержаніемъ весь Ветхій Завѣтъ. Въ виду такого изобилія матеріала для изученія и сравненія, ассиріологъ въ этомъ отношеніи находится теперь даже въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ гебраистъ, и послѣдній можетъ теперь получать весьма немалую помощь отъ ассиріологіи при опредѣленіи значенія многихъ еврейскихъ словъ, бывшихъ доселѣ весьма сомнительными. Развитію ассиріологіи содѣйствовало еще особенно то обстоятельство, что клинообразная система письма, какъ обязанная своимъ происхожденіемъ іероглифической системѣ, весьма свободно пользуется такъ называемыми опредѣлительными знаками, т.-е. такими знаками, которые, не имѣя звукового значенія, служатъ къ опредѣленію того класса, къ которому принадлежатъ сопутствуемыя ими слова. Вслѣдствіе этого всегда при первомъ взглядѣ можно сказать, означаетъ ли разсматриваемое слово человѣка, женщину, Божество, рѣку, страну или городъ,

или же оно означаетъ животное, птицу, растеніе, камень, звѣзду и т. д. При такихъ пособіяхъ неудивительно, что ассиріологія въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ успѣла сдѣлать весьма большіе успѣхи, такъ что клинообразныя надписи въ настоящее время читаются съ такою же легкостью, какъ и историческія книги Ветхаго Завѣта. Однимъ словомъ, изученіе ассиріологіи теперь покоится на такихъ же твердыхъ и вѣрныхъ началахъ, какъ и изученіе всякаго другого древняго языка, знаніе котораго дошло до насъ по преданію; и древность его памятниковъ, богатство его словъ, совершенство его грамматики и силлабическій характеръ письма, выражающаго какъ согласныя, такъ и гласныя буквы, чего нѣтъ въ египетскомъ,—все это дѣлаетъ его чрезвычайно важнымъ при изученіи семитическихъ языковъ. Какъ открытіе этого языка, такъ и чтеніе клинообразныхъ надписей на немъ, не только пролило новый потокъ свѣта на исторію и древности Ветхаго Завѣта, но и послужило къ объясненію языка Ветхаго Завѣта, вслѣдствіе чего многія доселѣ темныя мѣста Св. Писанія сдѣлались совершенно ясными, и защитники Слова Божія находятъ въ немъ новое, сильное оружіе противъ отрицанія и невѣрія.

3. Открытія въ Палестинѣ.

Блестящіе результаты открытій въ Египтѣ и Ассиріи значительно отвлекли вниманіе ученыхъ изслѣдователей въ эту именно сторону, такъ что на-время остановили въ тѣни главную почву библейско-историческихъ событій, именно Палестину. Но и въ послѣдней теперь [19-й в.] производятся успѣшныя изысканія, которыя уже и увѣнчались важными результатами. Если открытія въ Египтѣ и Ассиріи дали намъ въ руки новые документы, служащіе къ подтвержденію истинности библейско-историческихъ событій, то отъ Палестины было чрезвычайно желательно имѣть такое открытіе, которое могло бы служить подтвержденіемъ исторической подлинности и достовѣрности самыхъ библейскихъ книгъ. Отрицательная критика, привыкшая въ послѣднее время относить книги Моисеевы ко времени плѣна вавилонскаго, постоянно имѣетъ при этомъ въ виду предположеніе, что израильтяне, какъ народъ, вплоть до этого періода были народомъ безграмотнымъ и потому для него подобныя книги были совершенно недоступны и лишни. Если же онѣ явились уже въ такое позднее время, какъ

плѣнъ вавилонскій, то ясно, что онѣ уже, какъ написанныя гораздо позже описываемыхъ въ нихъ событій, не могутъ имѣть никакой исторической достовѣрности и, слѣдовательно, передаютъ лишь ходячія легенды и миѳы о туманномъ прошломъ своей исторической жизни. Это предположеніе теперь разлетается въ прахъ предъ лицомъ недавно сдѣланныхъ открытій въ Палестинѣ и, между прочимъ, такъ называемой «Силоамской надписи». Она не только даетъ намъ возможность съ точностью судить о томъ, какъ были писаны св. книги Ветхаго Завѣта въ подлинникѣ, но и ясно показываетъ, какъ высока была цивилизація ко времени царя Соломона, въ царствованіе котораго она сдѣлана.



Древняя Самаританская копія Закона.

Силоамская надпись найдена въ Іерусалимѣ, на стѣнѣ высѣченнаго въ скалѣ туннеля, проводящаго воду изъ источника Дѣвы въ Силоамскій прудъ. Ея странное положеніе въ темномъ подземномъ туннелѣ, чрезъ который постоянно протекаетъ вода, было причиною того, что она оставалась такъ долго незамѣченною и была найдена только недавно. Даже послѣ того, какъ она была замѣчена, прежде чѣмъ можно было разобрать ее, надобно было спустить воду въ туннелѣ и очистить буквы отъ наполнявшаго ихъ известковаго осадка. Вотъ переводъ этой надписи: «Посмотрите на прокопъ! Вотъ исторія этого прокопа. Когда оставалось еще продолбить три локтя, и каменоломы поднимали свои кирки каждый на-встрѣчу ближнему своему, послышался голосъ одного человѣка, кричавшаго къ другому. Въ день окончанія прокопа каменоломы ударили кирка въ кирку другъ противъ друга, и воды потекли изъ источника въ прудъ на разстояніи 1.200 локтей. Высота прокопа надъ головою каменоломовъ была около локтя». При этомъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что даже въ такой ранній періодъ, какъ тотъ, къ которому принадлежитъ надпись, инженерное искусство было настолько развито, что дало возможность работникамъ еврейскаго царя начать

прорытіе туннеля одновременно съ двухъ противоположныхъ сторонъ, и несмотря на разстояніе отъ начала туннеля до выхода его въ 732 сажени и на множество изгибовъ его, разсчитать такъ, чтобы встрѣтиться посрединѣ. Точное время исполненія этой работы еще не опредѣлено; одни относятъ его ко времени Соломона, другіе къ царствованію Езекіи. Въ послѣднемъ случаѣ это будетъ тотъ самый водопроводъ, о которомъ упоминается въ 4 Цар. XX, 20 и въ 2 Паралип. XXXII, 30. Изъ начертанія буквъ надписи ясно, что авторъ ея привыкъ писать на пергаментѣ или на папирусѣ, а не на камнѣ; онѣ округлены, а не угловаты. Ясно, слѣдовательно, что въ Іудеѣ была въ употребленіи такая азбука, которая указываетъ на то, что народъ читалъ и писалъ *книги*. Другая достопримѣчательная особенность Силоамской надписи состоитъ въ томъ, что она не общественный документъ; въ ней даже не упомянуто имени царствовавшаго тогда царя. Она, вѣроятно, была вырѣзана однимъ изъ работниковъ въ минуту восторга при окончаніи работы. Тщательность, съ какою вырѣзаны буквы въ такомъ мѣстѣ, гдѣ некому было читать и разсматривать ихъ, показываетъ, что для ея автора писаніе было столь же привычнымъ дѣломъ, какъ и работа надъ туннелемъ. Изъ этого факта заключеніе очевидно: если уже простой рабочій умѣлъ писать, то писцы-спеціалисты, священники и члены пророческихъ школъ и подавно. Такимъ образомъ нѣтъ никакого основанія полагать, чтобы въ тѣ дни грамотность была менѣе распространена, чѣмъ теперь. Это находитъ подтвержденіе въ памятникахъ Египта и Ассиріи. Въ Египтѣ книги были въ общемъ употребленіи съ весьма ранняго времени; званіе писца пользовалось почетомъ, и какъ общественные, такъ и частные памятники покрыты были письменами, читаемыми всѣми прохожими. Между дошедшими до насъ отрывками египетской литературы находится собраніе писемъ, долженствовавшихъ служить образцомъ этого особаго рода сочиненія. Мы уже упоминали о библіотекѣ въ Ниневіи. Она была составлена въ подражаніе библіотекамъ, существовавшимъ по всѣмъ городамъ Вавилонскаго царства съ самыхъ древнихъ временъ. Задолго до дней Авраама существовали не только библіотеки, богато снабженныя книгами какъ на глинѣ, такъ и на папирусѣ, но и многочисленные читатели. Библіотеки эти были публичныя, и размѣры, въ которыхъ увеличивалось ихъ содержаніе новыми сочиненіями и копіями со старыхъ, показываютъ, что онѣ были часто посѣщаемы. Книги были расположены по порядку и

внесены въ каталоги подобно тому, какъ это дѣлается въ теперешнихъ библіотекахъ; онѣ относились ко всѣмъ отраслямъ знанія и ко всѣмъ извѣстнымъ въ то время отдѣламъ литературы. Если бы израильтяне, живя между Ассиріею и Египтомъ и граница съ высоко-цивилизованными городами Финикіи, оставались невѣжественными и безграмотными, то это было бы просто чудомъ. Что они не были безграмотны, неоспоримо доказано теперь Силоамскою надписью. Это подтверждается также свидѣтельствомъ одного изреченія изъ книги Притчъ Соломона, гдѣ сказано, что писцы Езекіи сдѣлали новую копію Притчъ Соломона (XXXV, 1), вѣроятно для библіотеки, подобной библіотекамъ Ассиріи и Вавилона.

Итакъ, заключимъ словами одного изъ извѣстнѣйшихъ оріенталистовъ нашего времени, открытія на почвѣ исторической жизни древнихъ народовъ Востока въ послѣднее полустолѣтіе [19-го в.] уяснили во-1), что ветхозавѣтныя повѣствованія, будучи сопоставлены съ несомнѣнно современными событіямъ документами, оказываются точными до до наименьшихъ подробностей; 2) что до плѣна вавилонскаго іудеи были народомъ грамотнымъ, обладали, по крайней мѣрѣ, одною библіотекою и были хорошо знакомы съ искусствомъ писать. Слѣдовательно, нельзя отвергать достовѣрности священныхъ книгъ Ветхаго Завѣта на томъ основаніи, что ихъ историческія данныя невѣрны или просто миѳъ и что онѣ не могли быть написаны въ тотъ ранній періодъ, къ которому онѣ относятся. Нѣтъ основанія полагать, что Авраамъ былъ безграмотенъ; его современники въ Урѣ халдейскомъ умѣли читать и писать; еще менѣе основаній считать безграмотными его потомковъ, приходившихъ въ соприкосновеніе съ литературой Египта. Если же библейскія книги написаны во время совершенія самыхъ событій, о которыхъ онѣ повѣствуютъ, то для насъ онѣ получаютъ вѣсъ и авторитетъ перваго источника. Никакой писатель не можетъ превратно описывать то, что хорошо извѣстно его читателямъ; онъ не можетъ выдумывать событія и факты, о которыхъ его современники могутъ засвидѣтельствовать, что ихъ никогда не было. Самая исторія письменности на Востокѣ не только дѣлаетъ возможнымъ предположеніе, что библейскія книги были написаны въ то время, къ которому относитъ ихъ преданіе, но вполнѣ удостовѣряетъ насъ въ этомъ. Невѣроятно, чтобы израильтяне, умѣя писать, воздерживались отъ составленія книгъ въ то время, когда окружавшіе ихъ народы давно имѣли библіотеки. Что библейскія книги дѣйствительно

принадлежатъ къ тому времени, къ которому относитъ ихъ преданіе, это теперь подтверждается египетскими и ассирійскими памятниками. Повторяемъ, точность въ наимельчайшихъ подробностяхъ объяснима только тѣмъ, что онѣ записаны современниками ихъ.

Ветхій Завѣтъ есть приготовленіе для Новаго. Божественный авторитетъ одного тѣсно связанъ съ Божественнымъ авторитетомъ другаго. Исторія іудейской Церкви находитъ свое объясненіе только въ явленіи въ міръ Христа; пророчества понятны только при свѣтѣ Евангелія. Если бы исторія іудейскаго народа была смѣсью миѳовъ и легендъ, то гдѣ было бы тогда основаніе, на которомъ могло бы покоиться христіанство? Если бы пророчества записаны были позднѣе того времени, къ которому по ихъ собственному свидѣтельству они принадлежатъ, то что сталось бы тогда со свидѣтельствомъ ихъ, на которое указываетъ Самъ Господь? Къ счастью, намъ не нужно разрѣшать эти вопросы; давно похороненные, но теперь вырытые камни вопіютъ противъ людей, нападающихъ на нашу святую вѣру; давно забытыя имперіи древняго Востока возстали изъ своихъ вѣковыхъ могилъ во свидѣтельство достовѣрности «словесъ Божіяхъ» [1]).

---

[1]) Изъ статьи оксфордскаго профессора, ассиріолога Сэйса: «Свидѣтельство древнихъ памятниковъ о достовѣрности книгъ Св. Писанія». Перев. въ «Прав. Обозр.» мартъ 1888 г. стр. 555—556.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Міръ допотопный.

ГЛАВА I.

Сотвореніе міра.

Міръ, разсматриваемый въ его внѣшней красотѣ и внутренней гармоніи, представляетъ собою дивное созданіе, изумляющее стройностью своихъ частей и чудеснымъ разнообразіемъ своихъ формъ. Во всей своей необъятности онъ правильно движется подобно величественнымъ часамъ, заведеннымъ великимъ и искуснымъ мастеромъ. И какъ при взглядѣ на часы невольно является мысль о сдѣлавшемъ и заведшемъ ихъ мастерѣ, такъ и при разсматриваніи міра въ его правильномъ и стройномъ движеніи разумъ невольно приходитъ къ мысли о Томъ Виновникѣ, Которому онъ обязанъ своимъ существованіемъ и дивнымъ устроеніемъ. Что міръ невѣченъ и имѣетъ свое начало, это ясно доказывается прежде всего общимъ вѣрованіемъ народовъ, у которыхъ у всѣхъ сохраняется древнѣйшееe преданіе о началѣ всѣхъ вещей. Затѣмъ изученіе хода исторической жизни человѣчества, особенно древнѣйшихъ его народовъ, показываетъ, что сама историческая жизнь имѣетъ весьма ограниченную протяженность и скоро переходитъ въ эпоху доисторическую, которая составляетъ дѣтство человѣчества, необходимо предполагающее въ свою очередь рожденіе или начало. На то же указываетъ и ходъ развитія наукъ и искусствъ, который опять приводитъ насъ къ первобытному состоянію, когда только начинались они. Наконецъ, новѣйшія науки (геологія и палеонтологія) чрезъ изученіе наслоеній коры земной и заключающихся въ нихъ останковъ неопровержимо и ясно доказываютъ, что земной шаръ постепенно образовался въ своей поверхности, и

было время, когда на немъ совершенно не было никакой жизни, и самъ онъ находился въ состояніи безформеннаго вещества. Такимъ образомъ начало міра несомнѣнно, хотя бы и въ видѣ безформеннаго, первобытнаго вещества, изъ котораго постепенно образовались всѣ его формы. Но откуда явилось само это первобытное вещество? Вопросъ этотъ издавна занималъ мысль человѣческую, но она безсильна была разрѣшить его безъ высшей помощи, и въ языческомъ мірѣ величайшіе мудрецы и основатели религій не въ силахъ были подняться выше той мысли, что это первобытное вещество существовало отъ вѣчности, и изъ него-то или самъ собою, по какому-то необъяснимому случаю, образовался міръ, или Богъ создалъ его, будучи лишь такимъ образомъ создателемъ или устроителемъ міра, но не въ собственномъ смыслѣ Творцомъ его.

Усиливаясь уяснить себѣ этотъ великій вопросъ, человѣческій разумъ перебралъ всевозможные опыты его рѣшенія, пытался вывести міръ изъ всѣхъ возможныхъ элементовъ, представлявшихся ему сколько-нибудь способными къ творческому произведенію. Но при всѣхъ своихъ усиліяхъ онъ могъ доходить только до какого-нибудь крайняго пункта, а за нимъ опять тьма, опять неизвѣстность, опять вопросъ—что же дальше? Какъ бы выражая образно это безсиліе ума человѣческаго проникнуть дальше крайняго конечнаго пункта,—почти всѣ языческія космогоніи представляютъ происхожденіе міра изъ *тьмы*. Все было сначала, по индійскому воззрѣнію, непроглядной, безграничной хаотической тьмой, когда явился Богъ, устроитель всѣхъ вещей, и разогналъ первотьму Своимъ свѣтомъ. Для этого Онъ прежде всего создалъ воды и посѣялъ въ нихъ сѣмена свѣта. Изъ этихъ сѣмянъ образовалось свѣтозарное яйцо, въ которомъ спокойно и задумчиво сидѣлъ Брама во весь періодъ творенія; но вотъ яйцо раскололось на двѣ половины, и изъ нихъ образовались небо и земля. Вотъ образчикъ темнаго языческаго объясненія происхожденія міра. Не дальше ушла въ рѣшеніи этого вопроса гордая своимъ разумомъ греческая философія. Она впрочемъ не указываетъ на тьму, какъ неопредѣленное начало бытія, а старается вывести міръ изъ какого-нибудь болѣе опредѣленнаго элемента. Но и здѣсь не болѣе опредѣленности и удовлетворительности въ отвѣтѣ, какъ и въ индійской космогоніи. По мнѣнію одного (Ѳалеса) міръ произошелъ изъ воды или влаги, по другому (Анаксимандру) все произошло изъ «неощутимаго», какой-то, качественно и количественно неопредѣленной, первичной матеріи; по

третьему (Анаксимену) начало вещей заключается въ воздухѣ, изъ котораго посредствомъ сгущенія и разрѣженія произошли огонь, вѣтеръ, облака, вода и земля; иные выводили всѣ вещи изъ атомовъ,—но откуда явилась вода, «неощутимое», воздухъ, атомы,—на это философія не могла дать отвѣта. Она неопредѣленно ссылалась на *вѣчность* матеріи. Нѣсколько дальше въ рѣшеніи вопроса о началѣ міра пошелъ величайшій философскій умъ древняго міра—Платонъ. Онъ не могъ удовлетвориться неопредѣленными указаніями на вѣчность матеріи и ея первичныхъ элементовъ,—указаніемъ, въ сущности отрицающимъ самый вопросъ,—и далъ свое болѣе возвышенное рѣшеніе, какое только было подсильно его могучему уму. Отъ вѣчности, по нему, существуютъ идеи и высшая изъ нихъ идея Блага. Видимый міръ произошелъ во времени: онъ *образованъ* Богомъ, абсолютнымъ Благомъ, изъ безкачественной и какъ-бы не существующей матеріи. Прежде всего образовалась міровая душа изъ гармоническаго соединенія недѣлимой и дѣлимой сущности, затѣмъ міровое тѣло, а изъ его элементовъ земля, огонь, вода, воздухъ. Дальше Платона не въ силахъ былъ идти человѣческій умъ. Послѣдующая философія постоянно вращается въ однихъ и тѣхъ же догадкахъ, грубо, но откровенно высказанныхъ древними философами. Тѣ системы, которыя, повидимому, являются новыми, новы только по своей болѣе утонченной и выработанной вѣковою работою ума формѣ,—въ сущности же онѣ составляютъ повтореніе уже много разъ высказанныхъ догадокъ. Какъ тяжелый камень преткновенія, предъ человѣческимъ разумомъ лежитъ логически необходимое для него положеніе: изъ ничего ничего не бываетъ. Онъ не въ силахъ устранить его безъ высшей помощи; не устранивъ же его, онъ вѣчно будетъ вращаться въ кругѣ одной и той же мысли, что міръ произошелъ изъ самого себя, т.-е. будетъ обольщать себя мнимымъ рѣшеніемъ мірового вопрса.—Чтобы вывести человѣка изъ этого неразрѣшимаго круга, человѣку дано было Божественное откровеніе, заключающееся въ книгахъ св. Писанія, и оно просто и ясно провозгласило великую тайну бытія, постигнуть которую тщетно усиливались мудрецы всѣхъ временъ и народовъ. Тайна эта открыта на первой страницѣ книги Бытія, которою и начинается Библейская исторія міра и человѣчества.

«Въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю», говоритъ бытописатель, св. пророкъ Моисей. Въ этихъ немногихъ словахъ выражена та необъятная по своей глубинѣ истина, что все существующее на небѣ

и на землѣ, а слѣдовательно и первобытное вещество, имѣетъ свое начало, и все сотворено Богомъ, Который одинъ только вѣченъ и существовалъ въ довременномъ бытіи, и притомъ сотворено изъ ничего, какъ означаетъ самый глаголъ *бара*, употребленный для выраженія слова «сотворилъ». Богъ есть единый Творецъ вселенной, и безъ Него ничего не могло произойти. Утверждая эту мысль, бытописатель тѣмъ самымъ отвергъ всѣ другіе способы объясненія происхожденія міра, т.-е. что міръ не могъ произойти ни отъ случая, ни отъ самозарожденія, ни отъ борьбы добраго и злаго началъ (какъ учили нѣкоторые языческіе мудрецы, а за ними и новѣйшіе любомудры), а единственно отъ свободнаго рѣшенія воли всемогущаго Бога, благоволившаго изъ небытія воззвать міръ къ временному бытію. Рѣшеніе же это вытекло единственно изъ любви и благости Творца, съ цѣлью дать и твари возможность насладиться этими величайшими свойствами Его существа. И вотъ, „Онъ“, по словамъ боговдохновеннаго псалмопѣвца, «сказалъ, и сдѣлалось, Онъ повелѣлъ, и явилось» все (Пс. XXXII, 9). Орудіемъ Его при твореніи служило Слово Его, которое есть Слово изначальное, Сынъ Божій, чрезъ Котораго „все начало быть, и безъ Него ничто не начало быть, что начало быть“ (Іоан. I, 3). Такъ какъ во второмъ стихѣ отдѣльно говорится объ участіи Духа Божія въ дѣлѣ творенія, то ясно, что Богъ дѣйствовалъ при созданіи міра, какъ превѣчная Троица [1]).

Такая высота воззрѣній Моисея на Бога и происхожденіе міра станетъ еще болѣе изумительною и поистинѣ чудесною, если сравнить ее съ религіознымъ воззрѣніемъ современныхъ ему народовъ. Ко времени Моисея у всѣхъ языческихъ народовъ идея Бога была настолько смутна, что Онъ неясно отдѣлялся отъ міра, вслѣдствіе чего и вопросъ о происхожденіи міра крайне запутывался. Даже въ Азіи, этой колыбели человѣческаго рода, у арійскихъ народовъ Божество смѣшивалось съ всеобъемлющимъ небомъ, и такія естественныя явленія, какъ солнце, луна, звѣзды, облака, заря, постепенно обожествлялись, какъ его дѣти. Перенося въ область религіи матеріальное представленіе обыденной жизни, народы въ тщетныхъ попыткахъ объяснить себѣ происхожденіе міра, измышляли какую-нибудь

---

[1]) На это отчасти указываетъ и самый оборотъ еврейскаго подлинника въ первомъ стихѣ: «Берешитъ бара Элогим ве эт гаш-шамим ве эт га-арец», т. е. «Въ началѣ сотворилъ Боги небо и землю».

небесную невѣсту, которая, иногда принимая форму ночи, участвовала съ Богомъ въ произведеніи міра и выступала въ качествѣ матери земли. Въ Индіи и на Востокѣ это представленіе постепенно развилось въ отождествленіе Божества съ природой. Все видимое стало считаться проявленіями одного и того же Божества или Брамы подъ всевозможными формами. Въ западной Азіи первобытная чистая религія превратилась въ идолопоклонство, которое считало безчисленныя явленія или силы вселенной отдѣльными божествами. Египетъ, правда, сохранялъ еще таинственное ученіе объ одномъ верховномъ Богѣ, но къ нему примѣшивались всевозможныя политеистическія представленія. Богъ, поэтому, былъ въ ихъ представленіи лишь простой отвлеченностью и находился къ человѣку или міру лишь въ томъ отношеніи, что Онъ былъ творцомъ боговъ, которые были истеченіемъ изъ Него. Для посвященныхъ эти многочисленные боги были лишь различными названіями и проявленіями одного верховнаго Бога, но для народной массы они составляли безконечную толпу божествъ. Между ними солнце, подъ различными названіями, было предметомъ высшаго почитанія; но, по странному извращенію религіознаго сознанія, воплощеніемъ боговъ считались и многія низшія животныя. Въ древнія времена эти небесныя существа будто бы обитали между людьми въ видѣ боговъ—царей, но затѣмъ оставили землю, предоставивъ людямъ управляться данными имъ законами и правилами. Съ того времени они, будто бы, приняли на себя форму тѣла животныхъ для того, чтобы наблюдать за ходомъ дѣла въ мірѣ, не принимая участія въ нихъ. Кошка, крокодилъ, змѣй—все это были священныя формы, въ которыя воплотились боги. Шакалъ, ибисъ, обезьяна и жукъ пользовались поклоненіемъ по всей странѣ. Ястребъ, гиппопотамъ и даже змѣй были мѣстными божествами. Особенно славились священные быки Иліополя и Мемфиса. Этимъ страннымъ божествамъ оказывалось всевозможное почтеніе. Ихъ кормили въ великолѣпныхъ храмахъ, при нихъ было безчисленное и блистательное жречество, въ честь ихъ совершались празднества. Всякое неуваженіе къ одному изъ этихъ божествъ считалось преступленіемъ, и за нанесенный имъ вредъ виновные подвергались смерти. Неудивительно, что Ювеналъ, уже спустя 1500 лѣтъ послѣ Моисея, осмѣивалъ столь грубое и безобразное суевѣріе. «Кто не знаетъ», восклицалъ онъ, «какимъ только божествамъ не поклоняется сумасбродный египтянинъ? Одинъ округъ почитаетъ крокодила, другой ужасается при видѣ того, какъ ибисъ

проглатываетъ змѣя. Золоченое изображеніе священной змѣи сіяетъ издалека. Здѣсь цѣлые города покланяются кошкамъ, тамъ—рыбамъ Нила, а вонъ тамъ еще кланяются собакѣ. У нихъ считается великимъ преступленіемъ съѣсть или сорвать какую-нибудь луковицу или какой-нибудь укропъ. О! блаженный народъ, боги котораго такимъ образомъ растутъ въ огородахъ».

Однимъ словомъ, внѣ Библіи истинное понятіе о Богѣ и Его отношеніи къ міру совершенно затемнилось. И вотъ, въ противоположность такимъ смутнымъ представленіямъ, повѣствованіе первой книги Моисея предлагаетъ простое, но возвышенное откровеніе, которое носитъ на себѣ печать живаго Бога. Самымъ простымъ языкомъ, доступнымъ самому непосредственному разуму, оно заявляетъ, что между твореніемъ и Творцомъ существуетъ безусловное и вѣчное различіе. Небо и земля не составляютъ Бога, потому что Онъ сотворилъ ихъ; не Богъ также солнце, луна и звѣзды; нельзя считать божествами также и морей и содержащихся въ нихъ безчисленныхъ чудесъ, потому что все это сотворено Богомъ. Происхожденіе вселенной у другихъ народовъ приписывалось случаю или судьбѣ. Моисей же ясно провозглашаетъ, что міръ сотворенъ живымъ, личнымъ, единымъ Богомъ. Въ древности предполагалось, что матерія была вѣчна, несмотря на то, что это предположеніе вело къ самымъ сложнымъ и противорѣчивымъ заключеніямъ; и вопреки этого ложнаго представленія, Моисей прямо опредѣляетъ, что ничто не вѣчно, кромѣ одного Бога, Который «въ началѣ сотворилъ небо и землю», т.-е. не просто создалъ изъ какой-либо раньше существовавшей матеріи, а сотворилъ изъ ничего. Тутъ возвѣщается не какая-либо непонятная абстракція, затемняющая нашъ умъ, но живое Существо, безконечное въ Своемъ могуществѣ, Существо личное, Которому мы можемъ покланяться разумно. И не только Онъ существо личное, но и обладающее такими свойствами, которыя представляютъ собою безконечное совершенство нравственной природы. Именно, Богъ безконечно благъ, и самый міръ обязанъ своимъ происхожденіемъ единственно Его безконечной благости и любви. Богъ Моисея, однимъ словомъ, стоитъ въ полной противуположности со всѣми представленіями о Божествѣ, какихъ только могъ достигать собственными силами разумъ человѣческій. Онъ не только Богъ всемогущій и Богъ премудрый, но есть также Богъ любви. Будучи Творцомъ всего, Онъ Самъ не сотворенъ и, какъ Такой, неизмѣ-

няемъ. Онъ стоитъ выше всякой судьбы или необходимости, не ограниченъ ни пространствомъ, ни временемъ.

Такимъ образомъ въ первыхъ строкахъ Библіи дается намъ представленіе о Богѣ, которое возводитъ нашу мысль къ высочайшему идеалу, и онъ совершененъ во всѣхъ отношеніяхъ. Тутъ не дѣлается никакой попытки, какъ это было въ религіозныхъ книгахъ или легендахъ другихъ народовъ, разсказать о происхожденіи Божества. Его существованіе предполагается первой истиной, не требующей доказательства. Египетское богословіе, среди котораго выросъ Моисей, обыкновенно занималось вопросами о происхожденіи боговъ отъ Озириса и повѣствовало, какъ онъ, Солнце, произвелъ самыхъ великихъ планетныхъ боговъ и затѣмъ двѣнадцать низшихъ боговъ различныхъ знаковъ Зодіака, и такъ далѣе въ безконечной лѣстницѣ родословія. Индійское богословіе также занималось родословіемъ боговъ. То же самое было у грековъ и у народовъ Западной Азіи. Но ничего такого нѣтъ въ книгахъ Св. Писанія. Среди всеобщаго религіознаго потемнѣнія поистинѣ возсіялъ свѣтъ, раздался истинно божественный голосъ, который возвѣстилъ, что Богъ одинъ и Онъ по Своей благой волѣ изъ ничего сотворилъ міръ.

Много было разныхъ попытокъ объяснить подобное необычайное явленіе. Нѣкоторые приписывали его врожденной будто бы склонности семитическихъ народовъ къ монотеизму. Но Максъ Мюллеръ, отнюдь не предрасположенный къ какимъ-либо догматическимъ ученіямъ, ясно показалъ неосновательность этой теоріи, именно указавъ на то, что у различныхъ семитическихъ народовъ, весьма близкихъ къ еврейскому, господствовало самое грубое многобожіе, какъ олицетвореніе видимой природы. Невозможно объяснить этого факта и чисто-историческими причинами, такъ какъ, напротивъ, изъ исторіи извѣстно, что евреи всегда склонны были впадать въ идолопоклонство, и только ихъ лучшіе представители, пророки, не переставали возвѣщать имъ истинное понятіе о Богѣ. Нельзя также сказать, что евреи достигли этой истины при посредствѣ глубокой философіи, такъ какъ, напротивъ, извѣстно, что еврейскій умъ никогда не отличался особенною способностью философскихъ умозрѣній и въ этомъ отношеніи далеко уступалъ, напр., грекамъ, которые, однако, же въ религіозномъ отношеніи всегда оставались грубочувственными политеистами. Отсюда остается одинъ исходъ для разгадки этой великой тайны, именно, что здѣсь мы имѣемъ не

произведеніе человѣческаго разума или чувства, а высшее сверхъестественное Откровеніе.

Открывъ тайну происхожденія міра какъ цѣлаго и его двухъ составныхъ частей—неба и земли, бытописатель переходитъ къ описанію порядка образованія міра въ его теперешнемъ видѣ, во всемъ разнообразіи его видимыхъ формъ, и такъ какъ лѣтопись бытія предназначалась въ поученіе жителямъ земли, то и главное вниманіе его обращается именно на исторію образованія земли, такъ что во второмъ стихѣ уже не упоминается о небѣ [1]). Въ первобытномъ своемъ состояніи «земля была безводна и пуста, и тьма надъ бездною; и Духъ Божій носился надъ водою». Это было только-что сотворенное безформенное вещество—хаосъ, въ которомъ слѣпыя силы вещества глухо бродили, ожидая зиждительнаго слова Творца, и надъ этою-то бродящею бездною была тьма, и только творческій Духъ Божій носился надъ водою, какъ-бы оплодотворяя зародыши и сѣмена имѣвшей возникнуть жизни на землѣ. Откровеніе ничего не сообщаетъ о продолжительности такого хаотическаго состоянія. Только съ извѣстнаго момента началась творчески-образовательная дѣятельность Бога, и она совершилась въ шесть послѣдовательныхъ періодовъ времени, называемыхъ днями творенія.

Когда настало время для начала творческой дѣятельности, надъ темнымъ безформеннымъ веществомъ прогремѣло слово Божіе: «да будетъ свѣтъ! И сталъ свѣтъ». Надъ бездной хаоса мгновенно разцвѣлъ прекрасный день Божій и озарилъ мрачную утробу довременной тьмы. «И увидѣлъ Богъ свѣтъ, что онъ хорошъ; и отдѣлилъ Богъ свѣтъ отъ тьмы. И назвалъ Богъ свѣтъ днемъ, а тьму ночью. И былъ вечеръ, и было утро: день одинъ». Это повѣствованіе, повидимому, противорѣчитъ чувственному воспріятію, которое свѣтъ дѣлаетъ истеченіемъ солнца. Но бытописатель идетъ еще дальше. Уже съ перваго появленія свѣта онъ предполагаетъ правильную послѣдовательность дня и ночи, между тѣмъ какъ эта послѣдовательность, согласно всеобщему наблюденію, находится въ связи съ явленіемъ и исчезновеніемъ солнца. Это обстоятельство служило, въ свое время, неисчерпаемымъ источникомъ издѣвательства надъ бытописаніемъ со стороны

[1]) Подъ небомъ разумѣется какъ звѣздный, такъ и главнымъ образомъ высшій, духовный міръ, сотвореніе котораго произошло раньше сотворенія земли, такъ что ангелы, какъ служащіе духи, уже исполняли волю Божію и славословили Творца при совершеніи Имъ отдѣльныхъ актовъ творенія (Іовъ, XXXVIII, 7).

такихъ остроумныхъ вольнодумцевъ, какъ Вольтэръ и другіе. Между тѣмъ новѣйшія научныя изслѣдованія вполнѣ подтверждаютъ истинность библейскаго повѣствованія. Ими вполнѣ доказано, что свѣтъ, по своей природѣ, совершенно независимъ отъ солнца. Онъ есть результатъ колебанія эѳира, которое теперь производится, главнымъ образомъ, чрезъ солнце, но которое можетъ быть произведено и множествомъ другихъ причинъ. Подобно тому, какъ натянутая струна колеблется не только отъ соприкосновенія приспособленнаго къ ней смычка, но и вслѣдствіе многихъ другихъ причинъ, какъ, напр., простого движенія воздуха, такъ, равнымъ образомъ, и эѳиръ, который теперь правильно приходитъ въ колебаніе вслѣдствіе періодическихъ вліяній солнца, могъ распространять свои свѣтовыя волны безъ солнца и раньше его. Такимъ образомъ Моисей, за цѣлыя тысячи лѣтъ раньше науки, положительно установилъ этотъ научный фактъ. Еще поразительнѣе предполагаемая имъ послѣдовательная смѣна дня и ночи до появленія солнца. Но и въ этомъ отношеніи новѣйшая наука также удовлетворительно объясняетъ это явленіе. Если первобытный свѣтъ могъ явиться раньше солнца и могъ быть, какъ, напр., свѣтъ теперешняго сѣвернаго сіянія, результатомъ соединенія двухъ противоположныхъ электрическихъ теченій, то, очевидно, должны были быть и моменты, когда этотъ свѣтъ начинался, достигалъ высшаго блеска и затѣмъ опять уменьшался и прекращался. И такимъ образомъ, по библейскому выраженію, были дни и ночи, могли быть вечеръ и утро, прежде чѣмъ явилось солнце, служащее именно мѣриломъ для опредѣленія этихъ частей времени. Опять и здѣсь невольно является вопросъ: какимъ образомъ Моисей могъ знать эти чисто-научные факты раньше науки? И единственнымъ отвѣтомъ на это можетъ быть то, что онъ писалъ по вдохновенію свыше.

При появленіи свѣта усилилось броженіе силъ въ клокочущемъ веществѣ хаоса. Огромныя массы паровъ поднимались надъ поверхностью земного тѣла и окутывали его непроницаемыми тучами и мглою, такъ что терялась всякая грань, отдѣляющая его отъ другихъ небесныхъ тѣлъ. «И сказалъ Богъ: да будетъ твердь посреди воды, и да отдѣляетъ она воду отъ воды; (и стало такъ). И создалъ Богъ твердь; и отдѣлилъ воду, которая подъ твердью, отъ воды, которая надъ твердью; и стало такъ». Нижніе слои паровъ превратились въ воду и осѣли на поверхность все еще клокотавшей бездны, а верхніе улетучились въ необъятной области небеснаго пространства, и надъ

землею открылось то прекрасное голубое небо, которое мы видимъ теперь. Это былъ день второй.

Надъ земнымъ тѣломъ была уже очищенная отъ паровъ атмосфера, но сама земля все еще была сплошнымъ моремъ. Тогда «сказалъ Богъ: да соберется вода, которая подъ небомъ, въ одно мѣсто, и да явится суша; и стало такъ». Сгустившееся и постепенно охлаждавшееся вещество въ однихъ мѣстахъ поднималось, въ другихъ опускалось; возвышенныя мѣста обнажались отъ воды, дѣлались сушею, а углубленія и впадины наполнялись сливавшеюся въ нихъ водою и образовали изъ себя море. «И назвалъ Богъ сушу землею, а собраніе водъ назвалъ морями; и увидѣлъ Богъ, что это хорошо». Но какъ ни хорошо было это распредѣленіе моря и суши, земля не обладала еще тѣмъ, что составляло цѣль ея созданія: на ней не было еще никакой жизни, лишь голыя мертвыя скалы мрачно смотрѣли на вмѣстилища водъ. Но вотъ, когда совершилось распредѣленіе воды и суши и образовались необходимыя условія для жизни, не замедлили появиться и первые начатки ея — въ видѣ растительности. Этотъ ходъ постепеннаго развитія вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, который излагаетъ наука. Нижній слой земного шара носитъ на себѣ ясные признаки господства огненной стихіи; въ среднихъ она борется и даже уступаетъ мѣсто водѣ: обѣ эти формаціи, какъ можно думать, представляютъ періодъ въ образованіи нашей планеты, близкій къ тому состоянію ея, когда она, по бытописателю, была безводна и необразована, когда еще тьма царила надъ клокочущей бездной и творческій духъ Божій носился надъ нею, какъ-бы оплодотворяя имѣвшую возникнуть жизнь на землѣ. Въ этихъ слояхъ еще нѣтъ и признаковъ жизни; но поднимемся еще слоемъ выше, и въ немъ уже видимъ признаки жизни; какъ-разъ надъ мертвымъ слоемъ лежитъ уже слой, такъ сказать, живой, хотя жизнь еще дѣлаетъ здѣсь весьма робкіе шаги: здѣсь по преимуществу встрѣчаются студенистыя водоросли, простѣйшія формы органической жизни. Тѣмъ не менѣе, эти простѣйшія формы органической жизни задаютъ наукѣ самый трудный вопросъ, какой только подлежитъ ея рѣшенію, именно вопросъ о томъ, откуда взялась эта органическая жизнь? Много разъ наука принималась за разрѣшеніе этого вопроса, построила множество теорій, но вопроса все таки до сихъ поръ не разрѣшила. Всѣ согласны съ тѣмъ, что органическая жизнь началась съклѣточки, но откуда взялась сама клѣточка? Есть ли она продуктъ какого-либо счастливаго случайнаго сочетанія

элементовъ неорганическаго вещества, или же она есть совершенно новое явленіе, необъяснимое безъ творческаго акта? Наука издавна усиливалась подтвердить первое положеніе, и съ этой цѣлью ученые старались какъ-нибудь искусственно произвести органическую клѣточку, но усилія оказывались тщетными, и теорія самозарожденія, повидимому, потеряла всякій кредитъ въ ученомъ мірѣ. По крайней мѣрѣ, на одномъ изъ засѣданій Эдинбургскаго общества естествоиспытателей въ 1871 году, предсѣдателемъ его былъ сдѣланъ слѣдующій заключительный выводъ по спорному вопросу: «очень древнее воззрѣніе, котораго держатся еще и теперь многіе естествоиспытатели, принимаетъ, что подъ вліяніемъ извѣстныхъ метеорологическихъ состояній, отличныхъ отъ теперешнихъ, мертвая матерія могла такъ сложиться или кристаллизоваться, что произвела живые зародыши или органическія клѣточки, первичный илъ, протоплазму. Но наука представляетъ множество индуктивныхъ доказательствъ противъ этой гипотезы самозарожденія. Самое тщательное изысканіе до сихъ поръ нигдѣ не могло отыскать источника жизни, кромѣ какъ въ самой же жизни. Мертвая матерія можетъ ожить только подъ воздѣйствіемъ уже живущаго существа. Таково положеніе науки, и оно для меня такъ же достовѣрно, какъ законъ тяготѣнія. Я готовъ принять, какъ членъ научнаго символа вѣры, который будетъ имѣть свое значеніе во всѣ времена, то положеніе, что жизнь происходитъ единственно и исключительно только отъ жизни». Даже Гексли, одинъ изъ рьянѣйшихъ дарвинистовъ, которымъ особенно на-руку теорія самозарожденія, и тотъ долженъ былъ сознаться, что новѣйшія «изслѣдованія (Пастёра) окончательно разрушили старую теорію о сомозарожденіи». Такимъ образомъ, наука рѣшительно признаетъ невозможность самозарожденія ограническої жизни. Тѣмъ бо̀льшую силу зато получаетъ воззрѣніе бытописателя, ясно высказанное еще въ той глубокой древности, которая еще незнакома была съ наукой. По этому воззрѣнію, органическая жизнь своимъ началомъ обязана творческому акту: «и сказалъ Богъ: да произраститъ земля зелень, траву, сѣющую сѣмя (по роду и по подобію ея), и дерево плодовитое, приносящее по роду своему плодъ, въ которомъ сѣмя его на землѣ», — и стало такъ. И увидѣлъ Богъ, что это хорошо. И былъ вечеръ, и было утро: день третій». Наукѣ извѣстны остатки этой растительности, и она поражаетъ своимъ величественнымъ размѣромъ. То, что теперь является ничтожной былинкой, какъ, напр., нашъ папоротникъ, въ перво-

бытное время представляло собою величественное дерево. Нити теперешняго мха въ первобытное время были около сажени въ окружности.— Но какъ могла произойти эта мощная растительность безъ вліянія солнечныхъ лучей, озарившихъ землю лишь въ слѣдующій четвертый день? Подобный вопросъ часто поставляется людьми, которые отыскиваютъ всякій поводъ, чтобы только указать какое-либо противорѣчіе въ бытописаніи съ данными научныхъ изслѣдованій. Но научныя изысканія здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, со всей неотразимостью непреложной истины, подтверждаютъ бытописаніе. Теперь доказано, что для растенія нуженъ только вообще свѣтъ, а не исключительно солнечный; а свѣтъ, какъ извѣстно, существовалъ уже съ перваго дня творенія. Дѣлались опыты съ электрическимъ свѣтомъ, и въ немъ найдены всѣ свойства, необходимыя для развитія зелени. Одинъ ученый (Фаминцынъ) достигъ важныхъ результатовъ въ этомъ отношеніи даже при помощи усиленнаго свѣта простой керосиновой лампы. Такимъ образомъ, представленное возраженіе, въ виду новыхъ научныхъ изслѣдованій, потеряло всякую силу. Гораздо болѣе серьезнымъ въ данномъ случаѣ представляется другое возраженіе, именно: въ томъ самомъ пластѣ земли, въ которомъ только впервые появляются слѣды органической жизни и въ которомъ, по бытописанію, земля производила только зелень и вообще растительность, вмѣстѣ съ растеніями встрѣчаются уже и животные организмы — кораллы, мягкотѣлыя и студенистыя животныя простѣйшихъ формъ. Но и это возраженіе не неустранимо. Слои земли не отдѣляются другъ отъ друга какою-либо непроницаемою стѣною; напротивъ, въ теченіе пережитыхъ землею тысячелѣтій происходили всевозможныя колебанія и измѣненія въ ихъ расположеніи, отчего они смѣшиваются и часто переходятъ одинъ въ другой. Но и помимо этого смѣшенія слоевъ, животные организмы въ библейскомъ періодѣ растительности являются какъ слабые начатки или, вѣрнѣе, предвѣстники собственно животной жизни; преобладающимъ же, главнымъ содержаніемъ этого слоя является только растительность.

Хотя растительность и могла развиваться подъ вліяніемъ первобытнаго свѣта, но ея развитіе при такихъ условіяхъ не могло совершаться съ такою правильностью и цѣлесообразностью, какая замѣчается въ ней теперь. Величественная по размѣрамъ, она была бѣдна формами и красками. Кромѣ зелени она не представляла ничего: ни одного цвѣтка, ни одного плода не встрѣчается въ слояхъ каменно-

угольнаго періода. Она, очевидно, нуждалась въ правильно размѣренномъ свѣтѣ теперешнихъ свѣтилъ. «И сказалъ Богъ: да будутъ свѣтила на тверди небесной, (для освѣщенія земли, и) для отдѣленія дня отъ ночи, и для знаменій, и временъ, и дней, и годовъ; и да будутъ они свѣтильниками на тверди небесной, чтобы свѣтить на землю; и стало такъ». Чтобы понять это появленіе небесныхъ свѣтилъ, необходимо обратиться нѣсколько назадъ. Когда земля еще въ газообразномъ состояніи отдѣлилась отъ общей массы вещества, изъ котораго образовалась вся наша солнечная система, историкъ-бытописатель обратилъ все свое вниманіе исключительно на землю и сталъ слѣдить за періодами ея развитія. Остальную газообразную массу онъ совершенно оставилъ безъ вниманія. Между тѣмъ, по разъ сообщенному толчку, эта масса также естественно продолжала развиваться, проходила также различныя ступени развитія. Земля съ самаго перваго момента своего отдѣленія отъ общей массы уже вращалась вокругъ оси и главнаго газоваго шара, но до конца третьяго творчески-образовательнаго періода этотъ главный шаръ, изъ котораго, очевидно, должно было образоваться солнце, и второстепенные шары, отдѣлившіеся отъ главнаго на подобіе земли (планеты), не вступили еще въ тотъ фазисъ своего развитія, въ которомъ они находятся теперь по отношенію къ землѣ. Отсюда и самое движеніе совершалось не съ теперешнею правильностью, и свѣтовые элементы, быть можетъ, не начинали еще своей дѣятельности. Они еще были невидимы. Теперь же, къ четвертому періоду развитія земли, эти небесныя тѣла вступили именно въ тотъ фазисъ своего развитія, при которомъ они исполняютъ свое назначеніе въ дѣлѣ упорядоченія жизни земли въ настоящее время. Солнце запылало своимъ могучимъ животворнымъ свѣтомъ и озарило окружающія его планеты; небесный сводъ украсился міріадами звѣздъ, и чарующій блескъ ихъ вызвалъ восторгъ ангеловъ небесныхъ, которые хоромъ восхвалили Творца. Что касается собственно неподвижныхъ звѣздъ, то образованіе ихъ началось и совершалось параллельно образованію нашего солнца съ его планетной системой, и въ четвертый періодъ развитія земли онѣ также вступили въ фазисъ нормальнаго своего отношенія къ нашей системѣ и также засіяли на небѣ; но такъ какъ для земли, исторія которой исключительно имѣется въ виду бытописателемъ, онѣ не имѣютъ большого значенія, то и исторіи ихъ дано мало мѣста и самое положеніе ихъ опредѣляется ихъ видимымъ отношеніемъ къ землѣ. «И создалъ Богъ

два свѣтила великія: свѣтило большее, для управленія днемъ, и свѣтило меньшее, для управленія ночью, и звѣзды. И поставилъ ихъ Богъ на тверди небесной, чтобы свѣтить на землю, и управлять днемъ и ночью, и отдѣлять свѣтъ отъ тьмы. И увидѣлъ Богъ, что это хорошо. И былъ вечеръ, и было утро: день четвертый».

Небо украшалось свѣтилами, на землѣ развивалась исполинская растительность, но не было еще на землѣ живыхъ существъ, которыя могли бы наслаждаться дарами природы. Для ихъ существованія не было еще надлежащихъ условій, такъ какъ воздухъ былъ насыщенъ вредными испареніями, которыя могли способствовать лишь царству растительному. Атмосфера содержала въ себѣ еще столько посторонних примѣсей, и по преимуществу угольной кислоты, что еще невозможно было существованіе животной жизни. Нужно было очистить атмосферу отъ вредныхъ для жизни примѣсей. Задачу эту и исполнила гигантская растительность подъ вліяніемъ заблиставшаго въ четвертый день солнца. Угольная кислота составляетъ одинъ изъ существеннѣйшихъ элементовъ растительной жизни, и такъ какъ ею была насыщена атмосфера, то созданная растительность быстро и грандіозно стала развиваться, поглощая угольную кислоту и очищая отъ нея атмосферу. Громаднѣйшіе каменноугольные залежи суть не что иное, какъ та же атмосферическая угольная кислота, превращенная процессомъ растительности въ твердое тѣло. Такъ совершилось очищеніе атмосферы, и когда подготовились условія для существованія животной жизни, она не замедлила явиться въ силу новаго творческаго акта. „И сказалъ Богъ: да произведетъ вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетятъ надъ землею, по тверди небесной“. Въ силу этого Божественнаго велѣнія совершился новый творческій актъ, не просто образовательный, какъ въ предыдущіе дни, а въ полномъ смыслѣ творческій, какимъ былъ и первый актъ творенія первобытнаго вещества—изъ ничего. Тутъ создавалась „душа живая“, вводилась нѣчто такое, чего не было въ существовавшемъ первобытномъ веществѣ, и дѣйствительно бытописатель здѣсь во второй разъ употребляетъ глаголъ *бара*—творить изъ ничего. «И сотворилъ Богъ рыбъ большихъ и всякую душу животныхъ пресмыкающихся, которыхъ произвела вода, по роду ихъ, и всякую птицу пернатую по роду ея». Новѣйшія геологическія изслѣдованія разъясняютъ и дополняютъ это краткое повѣствованіе бытописателя. Спускаясь вглубь земныхъ наслоеній, геологи достигаютъ такого слоя, въ которомъ впервые появ-

ляется „душа живая“. Этотъ слой, слѣдовательно, колыбель животной жизни, и въ немъ встрѣчаются простѣйшіе животные организмы. Самая древняя «душа живая», какая только извѣстна геологіи, есть такъ-называемый эозоонъ канадскій, найденный въ самыхъ нижнихъ наслоеніяхъ такъ называемаго Лаврентійскаго періода. Онъ, по своему строенію, приближается къ первичной клѣточкѣ. Затѣмъ начинается правильная градація усовершенствованія въ животной организаціи: появляются кораллы и инфузоріи, а также ракообразныя различныхъ породъ, а еще выше выступаютъ исполины пресмыкающіеся, панцырныя чудовища и ящерицы. Изъ нихъ особенно извѣстны ихтіозавръ, гилеозавръ, плезіозавръ и птеродактилъ. Всѣ они поражаютъ своими исполинскими размѣрами. Ихтіозавръ имѣлъ до 40 футовъ длины, съ видомъ ящерицы, съ головой дельфина и съ зубами крокодила; глаза у него страшно велики, и глазное яблоко защищено кругообразно расположенными косточками склеротики; хвостъ снабженъ кожистымъ рыбьимъ плавникомъ. Гилеозавръ имѣлъ до трехъ саженей въ ростѣ, съ сильно развитымъ гребнемъ на спинѣ и съ костными образованіями на кожѣ, и вообще представлялъ страшный видъ ящерицы. Плезіозавръ имѣлъ видъ гигантской черепахи съ длинною шеею въ 20 футовъ, съ маленькой змѣиной головой и жаломъ въ 6 футовъ длины. Птеродактилъ—былъ какъ-бы летающій драконъ, съ крыльями, длинной головой, крокодиловыми зубами и тигровыми когтями,—вообще похожій на летучую мышь, но огромныхъ размѣровъ, до трехъ саженъ въ растопыренныхъ крыльяхъ. Нѣкоторыя изъ этихъ чудовищъ встрѣчаются еще и теперь, но только теперешніе представители ихъ—ничтожные карлики въ сравненіи съ своими предками. Такъ ослабѣла производительная сила старѣющей земли! Птицы были также огромныхъ размѣровъ, и остатки ихъ можно видѣть въ теперешнихъ страусахъ. „И увидѣлъ Богъ, что это хорошо. И благословилъ ихъ Богъ, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воду въ моряхъ, и птицы да размножаются на землѣ. И былъ вечеръ, и было утро: день пятый“.

Вода и воздухъ наполнились жизнью, но оставалась еще пустынною третья часть земли—суша, та именно, которая представляетъ наиболѣе удобствъ для жизни живыхъ существъ. Но вотъ насталъ періодъ ея заселенія. «И сказалъ Богъ: да произведетъ земля душу живую по роду ея, скотовъ, и гадовъ, и звѣрей земныхъ по роду ихъ; и стало такъ. И создалъ Богъ звѣрей земныхъ по роду ихъ, и

скотъ по роду его, и всѣхъ гадовъ земныхъ по роду ихъ». Научное изслѣдованіе, поднимаясь выше по лѣстницѣ земныхъ наслоеній, вслѣдъ за слоемъ, содержащимъ описанныхъ чудовищъ, рыбъ и птицъ, встрѣчается также съ новымъ слоемъ, въ которомъ выступаютъ новые организмы—четвероногіе. Сначала появились на землѣ четвероногіе громадныхъ, теперь уже не существующихъ видовъ—динотерій, мастодонтъ и мамонтъ (родъ слоновъ, съ громадными неуклюжими формами),—затѣмъ болѣе совершенныя животныя и, наконецъ, теперешніе виды ихъ—львы, тигры, медвѣди, рогатый скотъ и т. д. Смотря на это постепенное появленіе видовъ, наука невольно ставитъ вопросъ: какъ образовались эти виды? Представляютъ ли они неизмѣняемыя формы, получившія свое начало въ творчески-образовательномъ актѣ, или постепенно образовались одинъ изъ другого и всѣ изъ одного первичнаго вида? Въ новѣйшее время, какъ извѣстно, получила широкое распространеніе теорія Дарвина,—теорія такъ называемаго трансформизма или постепеннаго развитія. Какъ же она относится къ библейской исторіи творенія? Бытописатель говоритъ, что растенія и животныя созданы «по роду своему», т.-е. не одна растительная или животная форма, а многія растенія и животныя. Но это не значитъ, что всѣ существующіе теперь виды обязаны своимъ происхожденіемъ первоначальному творческому акту. Еврейское слово *минъ*, переводимое въ смыслѣ «родъ», имѣетъ очень широкое значеніе, не укладывающееся въ технически-научное значеніе слова «видъ». Оно шире его и, во всякомъ случаѣ, не обнимая собою всѣ теперешніе виды и разновидности животныхъ и растеній, не отрицаетъ возможности постепеннаго усовершенствованія формъ. А что дѣйствительно измѣненіе въ формахъ возможно, это доказывается несомнѣнными фактами. Многіе сорты розъ, гвоздики и георгиновъ и многія разновидности куръ и голубей, какія можно видѣть въ зоологическихъ садахъ, образовались не болѣе столѣтія тому назадъ. Измѣненія также происходятъ подъ вліяніемъ различныхъ климатическихъ условій, разности почвы, питанія и т. д. На основаніи этого можно предполагать, что число растительныхъ и животныхъ формъ въ первобытномъ мірѣ было не такъ велико и разнообразно, какъ теперь. Бытописаніе, повѣствуя, что твореніе въ собственномъ смыслѣ (бара) было только при созданіи первыхъ начатковъ животно-органической жизни (въ пятый день), а затѣмъ происходило простое образованіе, не отрицаетъ также категорически возможности развитія видовъ одного изъ другого. Тѣмъ

не менѣе, оно не даетъ никакого основанія для принятія теоріи развитія во всемъ ея объемѣ: оно ясно и отчетливо утверждаетъ, что животные и растительные организмы непосредственно были созданы „по роду своему“, т.-е. въ разнообразныхъ опредѣленныхъ формахъ. Теорія эта не имѣетъ для себя прочныхъ основаній и въ наукѣ. Какъ показываютъ строго-научныя наблюденія и изслѣдованія, измѣненія въ растительныхъ и животныхъ формахъ возможны только въ самыхъ ограниченныхъ предѣлахъ. Это положеніе имѣетъ значеніе не только для настоящаго, но и для глубокаго прошедшаго времени, насколько оно доступно намъ по древнѣйшимъ памятникамъ. Самыя древнія изображенія на египетскихъ и ассирійскихъ памятникахъ показываютъ, что тогдашнія породы домашнихъ животныхъ были совершенно тѣ же, что и теперь; ибисъ еще и теперь все тотъ же, какимъ онъ былъ во времена фараоновъ, какъ показываютъ сохранившіяся муміи его; найденныя въ египетскихъ пирамидахъ и въ свайныхъ постройкахъ пшеничныя и ячменныя зерна нисколько не отличаются отъ теперешнихъ. Далѣе: если по теоріи развитія виды происходятъ вслѣдствіе того, что въ данной формѣ случайно происходитъ измѣненіе, которое постепенно продолжаетъ увеличиваться, то, въ виду полной возможности происхожденія подобныхъ измѣненій по всѣмъ направленіямъ, слѣдовало бы ожидать въ теперешнемъ растительномъ и животномъ мірѣ самаго пестраго и неправильнаго разнообразія и смѣшенія формъ. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ существуетъ строгая градація отчетливо отдѣленныхъ другъ отъ друга видовъ. Не подтверждаетъ теорію трансформизма и наблюдаемая постепенность въ развитіи растительной и животной жизни. Изслѣдованіе окаменѣлостей различныхъ формацій земли дѣйствительно показываетъ, что въ общемъ низшіе классы растеній и животныхъ выступаютъ прежде, высшіе позднѣе. Но такой постепенности и послѣдовательности развитія, какую нужно бы предполагать по теоріи трансформизма, нѣтъ, такъ какъ въ древнѣйшихъ отложеніяхъ рядомъ съ простыми организмами встрѣчаются уже и значительно развитые, относящіеся къ высшему классу. Не встрѣчается также тѣхъ переходныхъ формъ, которыя необходимы для подтвержденія разсматриваемой теоріи. Вездѣ виды являются уже строго разграниченными одинъ отъ другого. Но особенную трудность представляетъ для этой теоріи вопросъ объ образованіи новыхъ органовъ. Теорія эта построена на возможности измѣненія существующихъ органовъ; но какъ посредствомъ измѣненій могли произойти

новые органы, какъ у инфузорій съ теченіемъ времени могли образоваться глаза, ничто могло измѣниться въ фактъ—этого теорія трансформизма неспособна объяснить. Наконецъ, самыя причины измѣненій, представляющія простую случайность, нисколько не соотвѣтствуютъ той стройности и цѣлесообразности, которая замѣчается въ растительномъ и животномъ мірѣ. Всѣ эти факты съ достаточною силою подтверждаютъ истинность библейскаго ученія, что растительный и животный организмы въ общихъ своихъ формахъ обязаны творческому акту. „И увидѣлъ Богъ, что это хорошо“.

Такимъ образомъ, земля уже во всѣхъ своихъ частяхъ населилась живыми существами. Міръ живыхъ существъ представлялъ стройное дерево, корень котораго состоялъ изъ простѣйшихъ, а верхнія вѣтви изъ высшихъ животныхъ. Но это дерево было неполно, не было еще цвѣтка, который бы завершалъ и украшалъ его вышину, не было еще человѣка—царя природы. Но вотъ явился и онъ. „И сказалъ Богъ: сотворимъ человѣка по образу Нашему (и) по подобію Нашему; и да владычествуютъ они надъ рыбами морскими, и надъ птицами небесными, и надъ скотомъ, и надъ всею землею, и надъ всѣми гадами, пресмыкающимися по землѣ. И сотворилъ Богъ человѣка по образу Своему, по образу Божію сотворилъ его, мужчину и женщину сотворилъ ихъ“. Здѣсь въ третій разъ совершился въ полномъ смыслѣ творческій актъ (бара), такъ какъ человѣкъ въ своемъ существѣ опять имѣетъ нѣчто такое, чего не было въ сотворенной до него природѣ, именно духъ, отличающій его отъ всѣхъ другихъ живыхъ существъ.—Въ полномъ противорѣчіи съ этимъ библейскимъ ученіемъ стоитъ теорія трансформизма, старающаяся поставить человѣка въ органическую связь съ міромъ животнымъ и видящая въ человѣкѣ лишь совершеннѣйшій видъ животнаго. Но эта теорія въ настоящее время уже потерпѣла столько авторитетныхъ ударовъ, что для опроверженія ея достаточно привести лишь два-три отзыва наиболѣе авторитетныхъ представителей антропологіи. Такъ, напр., знаменитый антропологъ Причардъ говоритъ объ отношеніи человѣка къ животнымъ: «органическій міръ не представляетъ контраста и сходства въ одно и то же время болѣе замѣчательныхъ, чѣмъ какіе мы открываемъ, сравнивая человѣка съ высшими животными. Что эти существа такъ близки другъ къ другу во всѣхъ особенностяхъ своей физической структуры и въ то же время такъ неизмѣримо далеки другъ отъ друга въ своихъ способностяхъ и дарованіяхъ,—трудно бы

вѣрить этому факту, если бы онъ не подлежалъ нашему наблюденію. Различіе просто изумительно, и на него не могутъ смотрѣть безъ смущенія тѣ, кто, изучая анатомію и физіологію, яснѣе всего видятъ, какъ близокъ человѣкъ, по своему физическому строенію, къ животнымъ» [1]). Въ томъ же смыслѣ выразился другой знаменитый естествоиспытатель Вирховъ въ своей рѣчи, произнесенной на собраніи извѣстнѣйшихъ натуралистовъ Европы, въ Мюнхенѣ въ 1877 году. «Твердо стоя на почвѣ факта», говоритъ онъ, «мы должны положительно признать, что между человѣкомъ и обезьяной существуетъ рѣзкая черта раздѣленія. Мы не имѣемъ никакого права учить и провозглашать, какъ научное открытіе, что человѣкъ происходитъ отъ обезьяны или какого-либо другого животнаго. Мы можемъ выдавать это только за гипотезу». Но при этомъ онъ сдѣлалъ еще болѣе сильное заявленіе: «всякое дѣйствительное открытіе, имѣющее цѣну въ разсматриваемомъ вопросѣ, постоянно до сихъ поръ отодвигало насъ отъ этой гипотезы» [2]). Этихъ отзывовъ авторитетныхъ представителей науки достаточно для того, чтобы видѣть все безсиліе дарвинизма поколебать ясное ученіе бытописателя.

Такъ закончилась исторія творенія и образованія міра. „И увидѣлъ Богъ все, что̀ Онъ создалъ, и вотъ хорошо весьма. И былъ вечеръ, и было утро: день шестый“. „И совершилъ Богъ къ седьмому дню дѣла Свои, и почилъ въ день седьмый отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, которыя Онъ дѣлалъ“ (творилъ и созидалъ). И благословилъ Богъ седьмый день, и освятилъ его“. Отсюда ведетъ свое начало установленіе субботы, какъ дня покоя, и на этомъ установленіи доселѣ основывается правильная смѣна труда и покоя въ жизни человѣческой.

У нѣкоторыхъ народовъ древности, несмотря на потемнѣніе въ нихъ религіознаго сознанія, сохранились слѣды преданія о сотвореніи міра, и это особенно у тѣхъ народовъ, которые жили или въ самой колыбели человѣчества, или неподалеку отъ нея. Такъ, въ наиболѣе чистомъ видѣ преданіе это мы встрѣчаемъ у древнихъ жителей Месопотаміи. Древнѣйшими жителями этой страны были аккадійцы, изобрѣтатели клинообразнаго письма. Отъ нихъ сохранилось, какъ мы уже говорили выше, много различныхъ литературныхъ памятниковъ, и, между прочимъ, новѣйшими учеными открыто цѣлое сказаніе о со-

---

[1]) См. Encyclopedia Britanica, art. Anthropologia.

[2]) См. его рѣчь: «Свобода науки».

твореніи міра, которое въ общемъ напоминаетъ собою библейское повѣствованіе. Къ сожалѣнію, разсказъ этотъ не сохранился вполнѣ, и изъ пяти, по крайней мѣрѣ, плитъ сохранились только двѣ, и притомъ въ сильно испорченномъ видѣ. Первая изъ нихъ гласитъ слѣдующее:

«Когда верхняя область еще не называлась небомъ,
И нижняя область еще не называлась землей,
И бездна ада еще не открывала своихъ объятій;
Тогда хаосъ [1]) водный далъ рожденіе всему.
И воды собрались въ одно мѣсто.
Люди еще не жили вмѣстѣ, не бродили еще животныя;
Никто еще изъ боговъ не былъ рожденъ.
Имена ихъ не произносились: свойства ихъ не были извѣстны.
Тогда старшіе изъ боговъ,
Лахму и Лахаму, родились
И выросли.....
Ассуръ и Киссуръ родились затѣмъ
И жили долгое время.
Ану.....»

И затѣмъ остальная часть плиты потеряна. Сохранилась пятая плита, которая читается такъ:

«Онъ построилъ жилище для великихъ боговъ.
Онъ утвердилъ созвѣздія, фигуры которыхъ подобны животнымъ.
Онъ установилъ годъ, на четыре періода, на четыре части раздѣлилъ его.
Установилъ двѣнадцать мѣсяцевъ съ ихъ созвѣздіями,
И для дней года назначилъ праздники.
Онъ сдѣлалъ жилища для планетъ, для ихъ восхода и захода,
И чтобы ничто не замедляло пути своего;
Онъ установилъ съ ними жилища Бэла и Гея,
Открылъ великія врата со всѣхъ сторонъ:
Сдѣлалъ крѣпкіе притворы слѣва и справа.
Въ срединѣ поставилъ онъ свѣтила;
Луну онъ назначилъ управлять ночью
И странствовать ночью до разсвѣта дня.
Въ каждомъ мѣсяцѣ онъ назначилъ священные дни собранія.
Въ началѣ мѣсяца, при наступленіи ночи,
Она выставляла свои рога для освѣщенія неба.
Седьмой день онъ сдѣлалъ священнымъ днемъ,
И повелѣлъ прекращать всякіе труды.
Тогда взошло на небосклонѣ солнце въ славѣ».

На этой плитѣ затѣмъ идутъ еще семь строкъ, но онѣ испорчены до такой степени, что не могутъ быть прочитаны и переведены.

---

[1]) Хаосъ въ книгѣ Бытія называется *Тогу-ва-богу*; у ассиріянъ богъ хаосъ назывался *Багу*—явный отголосокъ первобытнаго преданія. См. *Smith*, Chaldean Genesis, стр. 62 и сл., а также Transactions of Soc. of Bibl. Archaeology, vol. V, p. 426 и сл.

Нѣкоторые изслѣдователи имѣли достаточно смѣлости для того, чтобы сравнивать это сказаніе съ библейскимъ повѣствованіемъ и даже ставить послѣднее въ причинную связь съ первымъ. Высказывали даже предположеніе, что Моисей заимствовалъ свое повѣствованіе именно отсюда. Но достаточно прочитать эти два повѣствованія, чтобы видѣть между ними безконечное различіе и не нуждаться въ особыхъ доводахъ для опроверженія этого предположенія. Есть, однако-же, между ними такія точки соприкосновенія, которыя указываютъ какъ бы на общее происхожденіе, хотя аккадійскій, или, по болѣе извѣстному названію, халдейскій разсказъ уже въ самые отдаленные вѣка снизошелъ почти до уровня обыкновенныхъ языческихъ легендъ. Первая плита въ общемъ соотвѣтствуетъ по своему содержанію первымъ двумъ стихамъ первой главы книги Бытія. Въ обоихъ повѣствованіяхъ настоящій міръ произошелъ изъ воднаго хаоса,—*тегомъ* Св. Писанія, *тиамти* халдейской легенды,—такъ что одно и то же слово такимъ образомъ употребляется въ обоихъ повѣствованіяхъ для обозначенія первобытнаго состоянія міра. Но здѣсь и кончается сходство между ними. Въ легендѣ міръ сотворенъ, по предположенію, изъ предсуществовавшей матеріи, а не изъ ничего, какъ въ Св. Писаніи. Въ то время, какъ первыми словами книги Бытія провозглашается вѣра въ единаго живаго Бога, который одинъ Творецъ всего и Самъ не сотворенъ, легенда говоритъ о времени, когда еще „никто изъ боговъ не былъ рожденъ“, и что „великіе боги Лахму и Лахаму“, мужское и женское начало, „родились и возрастали“, чтобы имѣть послѣ себя многочисленное потомство мелкихъ боговъ. Ясно, что легенда не имѣетъ настолько высокаго понятія о Божествѣ, чтобы не приписывать ему различія половъ и не населять небо мужскими и женскими божествами. Танту, море, и Абсу, бездна, рождаютъ Мумму, т.-е. хаосъ; хаосъ, въ свою очередь, производитъ Лахму и Лахаму, мужское и женское начало производительной силы; отъ Лахму происходитъ Кіссуръ, низшее пространство; отъ Лахаму—Ассуръ и Лисаръ, высшее пространство; отъ нихъ опять происходятъ Ану, небо, Анату, земля, Элу или Бэлъ и Белтисъ, причемъ земля и небо производятъ планеты, отъ которыхъ, въ свою очередь, происходятъ низшіе боги. Такимъ образомъ тутъ мы видимъ лишь обоготвореніе различныхъ частей природы въ постепенно возрастающемъ количествѣ.

Второй отрывокъ соотвѣтствуетъ, въ общемъ, четвертому дню творенія, такъ какъ тамъ и здѣсь говорится о сотвореніи небесныхъ

свѣтилъ и объ опредѣленіи временъ. Въ халдейскомъ повѣствованіи, однако же, вмѣсто простого заявленія, что небесныя тѣла были поставлены „свѣтилами на тверди“, разсказывается, что звѣзды были распредѣлены по созвѣздіямъ, въ видѣ животныхъ, съ очевиднымъ указаніемъ на искусственное изображеніе знаковъ Зодіака. Халдейскій разсказъ, очевидно, признаетъ планеты живыми существами и назначаетъ особыя помѣщенія для нихъ; но такъ какъ онѣ могли уклоняться отъ своихъ путей, то назначены были боги Бэлъ и Гея для того, чтобы наблюдать за ними и не допускать до подобнаго несчастья.

Сохранилась еще часть и седьмой плиты, которая, въ переводѣ Джорджа Смита, читается такъ:

«Когда боги въ своемъ собраніи сотворили....
«Возликовали сильныя чудовища....
«Скотъ полевой, звѣри полевые и пресмыкающіеся....
«Они назначили для живыхъ существъ....» и т. д.

Этотъ отрывокъ, какъ можно судить изъ сохранившейся, но сильно попорченной части его, повидимому соотвѣтствуетъ шестому дню творенія, но сходство между ними, очевидно, лишь самое отдаленное.

Въ общемъ, если и есть сходство между халдейскимъ разсказомъ о твореніи и библейскимъ повѣствованіемъ, то это сходство достаточно лишь для того, чтобы показать неизмѣримое превосходство библейскаго повѣствованія. Халдейскій разсказъ въ большинствѣ только слабо сохранилъ слѣды той величественной простоты, которою отличается библейское повѣствованіе. Это лишь, такъ сказать, затемненный лучъ истиннаго повѣствованія. Тутъ не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы Моисей заимствовалъ свое повѣствованіе изъ этихъ темныхъ, всецѣло проникнутыхъ политеизмомъ, легендъ, а напротивъ— сравненіе ихъ даетъ лишь возможность заключать, что въ халдейскомъ разсказѣ сохранились отчасти слѣды того преданія, которое человѣчество получило отъ послѣ-потопнаго своего родоначальника Ноя, въ лицѣ его отдѣльныхъ сыновей, но которое затемнилось у нихъ до того, что потерялось даже истинное понятіе о Богѣ и опять возстановлено было во всей своей чистотѣ чрезъ Божественное откровеніе въ первой книгѣ Моисея.

Нельзя не обратить вниманія еще на одинъ важный пунктъ, представляемый халдейскимъ разсказомъ. Новѣйшіе критики-раціона

листы усердно доказывали и доказываютъ, что первыя главы книги Бытія состоятъ изъ отдѣльныхъ и независимыхъ документовъ, отмѣчаемыхъ употребленіемъ имени Элогимъ въ одномъ и имени Іегова въ другомъ. Первая глава и первые три стиха второй главы вслѣдствіе этого приписываются элогисту; остальная часть второй главы, а также третья глава приписываются іеговисту, причемъ въ этомъ послѣднемъ критики видятъ второй позднѣйшій разсказъ о твореніи. Но ассирійскія плиты содержатъ не только разсказъ элогиста о шести дняхъ, но также и разсказъ іеговиста о паденіи человѣка. Такимъ образомъ, исторія, разсказываемая въ книгѣ Бытія, существовала во всей своей полнотѣ раньше Моисея какъ въ цѣломъ своемъ видѣ, такъ и въ подробностяхъ, и даже въ томъ же порядкѣ послѣдовательнаго развитія; тѣ двѣ части, въ которыхъ критики хотятъ видѣть независимыя отдѣльныя части, въ халдейскомъ разсказѣ составляютъ одно связное и послѣдовательное повѣствованіе. Такимъ образомъ, ассирійскій документъ неопровержимо доказываетъ полную неосновательность такого критическаго раздробленія первыхъ главъ книги Бытія, какое дѣлаетъ новѣйшая критика.

ГЛАВА II.

Сотвореніе первыхъ людей и ихъ блаженная жизнь въ раю.

Человѣкъ, какъ вѣнецъ творенія, созданъ по особому совѣту Творца, и онъ только одинъ созданъ по образу и по подобію Божію. Тѣло его, какъ и тѣла всѣхъ животныхъ, образовано изъ земли, но духовная часть его есть непосредственное вдухновеніе Творца. «И создалъ Господь Богъ человѣка (Адама) изъ праха земнаго, и вдунулъ въ лице его дыханіе жизни, и сталъ человѣкъ душою живою». Образъ и подобіе Божіе въ человѣкѣ поэтому состоятъ въ духовномъ сыновствѣ его Богу, въ стремленіи къ умственному и нравственному совершенству, дающему ему возможность господствовать надъ природой. Какъ царь творенія, онъ вводится въ особый насажденный для него садъ или рай въ Едемѣ, на Востокѣ, приводятся ему въ подчиненіе всѣ твари и, онъ дѣлается владыкой земли. Но человѣкъ, какъ разумное, духовное существо, не былъ бы достойнымъ представителемъ Божества на землѣ, если бы жилъ въ уединеніи или въ об-

щеніи только съ существами высшими его, какъ ангелы, или низшими какъ животныя. Для него было необходимо не только для удовольствія и счастья, но еще болѣе для совершенства божественнаго дѣла имѣть помощника по себѣ, способнаго къ воспріятію и взаимному общенію мысли и чувствъ. Между тѣмъ, среди уже созданныхъ живыхъ существъ «для человѣка не нашлось помощника, подобнаго ему». «И сказалъ Господь Богъ: не хорошо человѣку быть одному; сотворимъ ему помощника, соотвѣтственнаго ему». И вотъ создается жена и притомъ изъ ребра самого человѣка, взятаго у него во время глубокаго сна. Какъ только создана была женщина, человѣкъ тотчасъ понялъ въ этомъ дѣлѣ Творца желаніе счастья для общественной жизни человѣка и пророчески произнесъ положеніе, которое стало закономъ брака на всѣ послѣдующіе вѣка: «вотъ, это кость отъ костей моихъ, и плоть отъ плоти моей; она будетъ называться женою, ибо взята отъ мужа своего. Потому оставитъ человѣкъ отца и мать свою и прилѣпится къ женѣ своей; и будутъ два одна плоть». Изъ этихъ словъ, равно какъ и изъ обстоятельства самаго сотворенія жены, естественно вытекаетъ, что мужъ и жена представляютъ собою единство, заключаемое въ бракѣ, что бракъ долженъ состоять изъ союза одного мужчины и одной женщины и что жена должна подчиняться мужу, какъ его помощница, созданная для него. „И благословилъ ихъ Богъ, и сказалъ: плодитесь, и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте надъ всѣми тварями“. И вотъ, первые люди, въ блаженствѣ своей невинности, обитали въ раю, пользуясь всѣми его плодами и наслаждаясь всѣми его радостями. Имъ предоставлены были всѣ блага совершенной и невинной жизни. Въ матеріальномъ отношеніи ихъ окружалъ избытокъ богатѣйшихъ даровъ райской природы, вмѣстѣ съ плодами древа жизни, плоды котораго имѣли осооенно чудесное значеніе для ихъ тѣлесной крѣпости и жизненности, давая имъ безсмертіе. Духовныя потребности ихъ находили полнѣйшее удовлетвореніе въ непосредственномъ собесѣдованіи съ Богомъ, являвшимся «въ раю во время прохлады дня», а также въ изысканіи лучшихъ способовъ господства надъ подчиненной имъ природой и управленія ею. Упражняя свои способности, Адамъ нарекъ имена животнымъ, а также, конечно, и всѣмъ другимъ предметамъ, устанавливая такимъ образомъ языкъ, какъ средство различенія предметовъ и общественнаго сношенія. Но высшее совершенство ихъ состояло въ нравственной невинности, которая состояла въ отсутствіи

самой мысли о чемъ-либо нечистомъ и грѣховномъ. «И были оба наги, Адамъ и жена его, и не стыдились».

Бытописатель такъ кратко повѣствуетъ о сотвореніи нашихъ прародителей, что впослѣдствіи, естественно, являлось любопытство восполнить это повѣствованіе, вслѣдствіе чего и образовалось множество различныхъ сказаній, сопровождаемыхъ многочисленными измышленіями. Что касается прежде всего самаго имени Адама, то это едва ли есть отличительное имя, данное лично нашему прародителю. Это скорѣе почетное названіе, данное ему, какъ родоначальнику человѣческаго рода, потому что оно постоянно употребляется въ Библіи въ смыслѣ человѣка вообще. Но въ то время, какъ относительно праотца до насъ сохранилось только его общее имя въ смыслѣ человѣка, имя Евы, носившееся праматерью всѣхъ, имѣетъ уже болѣе опредѣленное значеніе—„жизнь“. Въ высшей степени замѣчательно, что еврейское названіе перваго человѣка, по самому своему филологическому происхожденію, напоминаетъ о ничтожествѣ и смертности, а не говоритъ о нашемъ превосходствѣ надъ другими твореніями. По-гречески человѣкъ, ἄνθρωπος, значитъ „смотрящій вверхъ“, или, по толкованію новѣйшихъ филологовъ, «существо съ благороднымъ лицомъ»; латинское homo, долго считавшееся происходящимъ отъ humus, земля, теперь понимается въ смыслѣ „говорящаго“. Еврейское же слово „Адамъ“ указываетъ на то, что человѣкъ „произошелъ изъ праха“ земнаго.

Касательно первобытныхъ людей и ихъ внѣшности существовало въ древности много различныхъ сказаній. Такъ, по разсказамъ раввиновъ, ростомъ Адамъ былъ такъ великъ, что могъ видѣть весь міръ съ одного конца до другого и когда онъ ложился, то его голова и его ноги были такъ отдалены между собой, что нужно было употребить 500 лѣтъ для того, чтобы пройти пространство между ними. Къ этому, однако же, они прибавляли, что, когда Адамъ согрѣшилъ, Богъ „наложилъ на него Свою руку“ и сократилъ его до болѣе умѣреннаго размѣра въ 150 футовъ высоты. И это было истинное благодѣяніе, такъ какъ до того времени онъ заслонялъ собою солнце, и твари, даже ангелы принимали его за Бога и стали бы поклоняться ему. По нѣкоторымъ, однако же, онъ даже и послѣ грѣхопаденія былъ столь исполинскаго роста, что, по изгнаніи изъ рая, онъ свободно перешелъ океанъ, подобно Оріону или Полифему Виргилія, цѣлыми плечами и даже половиной своего тѣла возвышаясь надъ по-

верхностью воды. Его тѣлесная красота была предметомъ самыхъ произвольныхъ измышленій. Богъ, желая сотворить его, будто бы Самъ облачился въ совершеннѣйшее человѣческое тѣло, чтобы служить образцомъ, по которому можно было создать человѣка—буквально по Своему Собственному образу. У нѣкоторыхъ христіанскихъ писателей встрѣчается мнѣніе, что такую форму принимало второе лицо Св. Троицы и что тѣло это видѣли апостолъ Петръ на Ѳаворѣ, во время Преображенія, и Моисей на горѣ Синаѣ. Даже прахъ, изъ котораго былъ сотворенъ прародитель, давалъ поводъ къ различнымъ соображеніямъ. По мнѣнію раввиновъ, онъ собранъ былъ со всѣхъ частей міра: прахъ для созданія тѣла—изъ Вавилона, для созданія головы—изъ Палестины и для созданія членовъ—изъ всѣхъ другихъ странъ. Многіе раввины даже думали, что Адамъ и Ева первоначально были сотворены съ однимъ общимъ тѣломъ и съ двумя головами, причемъ Ева впослѣдствіи была отдѣлена и представлена Адаму въ качествѣ его жены.

Что касается разума, то Адамъ, по предположенію такихъ толкователей, превосходилъ своею мудростью всѣхъ людей, жившихъ съ того времени. Даже у христіанскихъ писателей встрѣчается изреченіе, что великій Аристотель былъ почти такъ же ученъ, какъ Адамъ. Но раввины въ этомъ отношеніи шли дальше, и, не довольствуясь сравненіемъ его съ Моисеемъ и Соломономъ, которому они приписывали болѣе чѣмъ человѣческую мудрость, заявляли, что онъ зналъ болѣе ангеловъ. Когда эти славныя существа, говорятъ они, выразили желаніе взглянуть на новое человѣческое твореніе, когда былъ созданъ первый человѣкъ, Богъ сказалъ имъ, что онъ будетъ обладать болѣе высокимъ разумомъ, чѣмъ они. Въ доказательство этого, собравъ всѣхъ животныхъ, Богъ велѣлъ ангеламъ дать имъ надлежащія имена, но эта задача оказалось выше ихъ силъ; когда же это порученіе было сдѣлано Адаму, онъ тотчасъ же исполнилъ его и даже Самому Богу далъ имя Іегова. Это великое умственное знаніе сообщено было ему чрезъ посланную съ неба книгу, содержащую 670 писаній, которыя дали въ руки Адама 1500 ключей знанія, сокрытаго отъ ангеловъ. Но когда онъ согрѣшилъ, эта книга улетѣла на небо, и бѣдный Адамъ горько плакалъ, почувствовавъ свое умственное ничтожество.

Пребываніе его въ раю, будто бы, продолжалось только одинъ день. Въ первый часъ собранъ былъ прахъ, изъ котораго онъ былъ

созданъ; во второмъ часу изъ праха этого была сдѣлана безформенная масса; въ третьемъ образованы были члены; въ четвертомъ вдунута была въ него душа; въ пятомъ онъ поставленъ былъ на ноги; въ шестомъ онъ давалъ всѣмъ предметамъ и тварямъ имена; въ седьмомъ сотворена была Ева; въ восьмомъ родились Каинъ и сестра его; въ девятомъ Адаму была дана заповѣдь не ѣсть отъ запрещеннаго плода; въ десятомъ онъ согрѣшилъ; въ одинадцатомъ онъ былъ прощенъ, а въ двѣнадцатомъ изгнанъ изъ рая.

Невольно возникаетъ вопросъ въ чемъ состояла религія прародителей? По этому предмету высказывались различныя мнѣнія. Соображая всѣ данныя, сообщаемыя въ первыхъ десяти главахъ книги Бытія, можно вывести въ этомъ отношеніи слѣдующія положенія. Адамъ вѣровалъ, что: 1) Богъ сотворилъ вселенную, что Онъ существовалъ раньше творенія и будетъ существовать всегда, безъ измѣненія; отсюда Онъ невещественъ и вѣченъ. 2) Во всемъ твореніи господствуетъ гармонія, причемъ каждая часть, подобно колесамъ часовъ, соотвѣтствуетъ цѣлому предназначенію и, совмѣстно съ другими, стремится къ достиженію одной великой цѣли—всеобщаго совершенства, счастья и мира. Отсюда Адамъ долженъ былъ вѣровать, что великій Творецъ всего есть единый, единственный и премудрый. 3) Этотъ премудрый Богъ создалъ міръ изъ ничего; существованіе всѣхъ тварей зависитъ исключительно отъ Его воли; Онъ Своею властью нарушаетъ теченіе природы, т.-е. творитъ чудеса, когда находитъ это нужнымъ, и поэтому Онъ есть Богъ верховный и всемогущій. 4) Все, что когда-либо существовало и существуетъ, имѣетъ свой первоисточникъ въ Немъ, и все сохраняется и поддерживается Имъ; а отсюда Адамъ вѣровалъ, что Богъ вездѣсущъ. 5) Богъ сотворилъ человѣка по Своему собственному образу въ отношеніи души, т.-е. духовнымъ, свободнымъ и безсмертнымъ. Отсюда Адамъ вѣровалъ, что Богъ любитъ добродѣтель и ненавидитъ порокъ или, другими словами, что Онъ всесвятой Богъ. 6) Судьба человѣка часто соотвѣтствуетъ его поведенію, что указываетъ на правосудіе Божіе. Но то обстоятельство, что это не всегда осуществляется здѣсь, служитъ безусловнымъ доказательствомъ того, что наше поведеніе и наша судьба будутъ поставлены въ полное соотвѣтствіе впослѣдствіи. Отсюда Адамъ вѣровалъ въ будущую жизнь. 7) Богъ Своимъ всеобъемлющимъ промысломъ печется обо всѣхъ; особенно о человѣкѣ вообще и каждой личности въ особенности, и такимъ образомъ Богъ

есть всеблагій. 8) Человѣкъ слабъ и подверженъ различнымъ побужденіямъ изнутри и искушеніямъ совнѣ; когда онъ грѣшитъ, Богъ, по Своей безконечной милости, прощаетъ его, когда именно видитъ раскаяніе со стороны человѣка въ своихъ прегрѣшеніяхъ. Отсюда Адамъ долженъ былъ вѣровать въ безконечное милосердіе небеснаго Отца. 9) Богъ требуетъ не для Себя только,—потому что Онъ выше всѣхъ потребностей, но для блага самого человѣка,—послушанія Своей верховной волѣ, не только въ сокровеннѣйшихъ мысляхъ, но также и во внѣшнихъ дѣйствіяхъ; съ этою цѣлью Онъ далъ намъ заповѣди и запрещенія, нѣкоторыя навсегда, а другія—сообразно съ особыми обстоятельствами и временами [1]).

Къ этому нужно прибавить явившееся послѣ грѣхопаденія вѣрованіе въ обѣтованіе будущаго Избавителя, въ то сѣмя жены, которое должно было стереть главу змѣя и освободить человѣка отъ рабства грѣху и смерти,—вѣрованіе, которое столь свѣтлой полосой проходитъ отъ Адама чрезъ всѣ послѣдующія поколѣнія.

Въ преданіяхъ языческихъ народовъ также сохранились слѣды исторіи происхожденія человѣка, но, по обыкновенію, въ искаженномъ видѣ, соотвѣтственно искаженію и помраченію основныхъ истинъ религіи. Большею частью, у языческихъ народовъ человѣкъ признавался автохтономъ, т.-е. произведеніемъ той земли, на которой онъ жилъ, и, вообще, въ разсказахъ о его происхожденіи не замѣчается того возвышеннаго понятія, по которому человѣкъ составляетъ твореніе, созданное всемогуществомъ Бога, какъ Существа личнаго и всецѣло отличнаго отъ матеріи. Лежащія въ основѣ языческихъ религій и древняго міра идеи пантеизма и эманаціи не дали возможности сохраниться первобытному преданію о происхожденіи человѣка въ его первоначальной чистотѣ. Его считали, какъ и все вообще существующее, истеченіемъ изъ Божества, смѣшиваемаго съ матеріей; онъ явился самопроизвольно, вслѣдствіе ряда эманацій или истеченія, а не по свободному и опредѣленному акту творческой воли. «Изъ чрева Колпіи и его супруги Баау» (хаосъ), говорится въ одномъ отрывкѣ финикійской космогоніи, дошедшемъ до насъ подъ именемъ финикійскаго писателя Санхоніатона, «родилась человѣческая чета смертныхъ, именно, Протогонъ (Адамъ, Кадмаонъ) и Эона (Ева), и Эона начала ѣсть плоды съ дерева. У нихъ были дѣти Геносъ и Генея, которыя жили

---

[1]) *Beer*, Geschichte, Lehren und Meinungen der Juden (1820) Bd. I, стр. 12, и сл.

въ Финикіи; страдая отъ лѣтняго зноя, они начали вздымать свои руки къ солнцу, думая, что оно есть господь неба, что̀ и выражается названіемъ Беелъ-Саменъ». Въ другомъ отрывкѣ той же космогоніи говорится о рожденіи «автохтона изъ земли», откуда происходятъ всѣ люди. По преданіямъ Ливіи, «первенецъ изъ людей вышелъ изъ равнинъ, согрѣтыхъ солнцемъ, и питался сладкими желудями дуба». По вѣрованію египтянъ, тѣла людей произошли изъ плодоноснаго ила, оставляемаго Ниломъ, подъ живительнымъ вліяніемъ теплоты солнечныхъ лучей. Это вѣрованіе получило въ египетской миѳологіи и дальнѣйшее развитіе, и египетскіе жрецы учили, что люди вышли изъ глаза бога Ра-Гармаху, т.-е. солнца. Но истеченіе, производящее такимъ образомъ матеріальную сущность людей, не устраняетъ, впрочемъ, послѣдующаго участія особаго деміурга или второстепеннаго бога для того, чтобы закончить образованіе людей и сообщить имъ душу и разумъ. Это дѣло приписывалось богинѣ Сехетъ по отношенію къ азіатскимъ и сѣвернымъ племенамъ, и Гору по отношенію къ неграмъ. Что касается самихъ египтянъ, которые считали себя выше всѣхъ другихъ народовъ, то творцомъ ихъ признавался верховный деміургъ Хнумъ. На нѣкоторыхъ памятникахъ можно видѣть изображенія, показывающія, какъ этотъ богъ приготовляетъ на подобіе горшечника глину для того, чтобы сдѣлать изъ нея человѣка. Здѣсь нельзя не видѣть прямого отголоска библейскаго сказанія, по которому «создалъ Господь Богъ человѣка изъ праха земного». То же самое представленіе встрѣчается подъ различными формами и у другихъ народовъ. Такъ, въ космогоніи Перу первый человѣкъ, созданный всемогуществомъ Божіимъ, назывался alpa camasca, т.-е. одушевленная земля. Среди племенъ сѣверной Америки, племя мандановъ имѣетъ преданіе, что великій Духъ сдѣлалъ изъ глины двѣ фигуры, которыя Онъ высушилъ и въ которыя вдохнулъ дыханіе Своихъ устъ, и изъ этихъ фигуръ одна получила названіе перваго мужа, а другая— названіе его сожительницы. У жителей острововъ Таити есть преданіе, что великій Богъ Тероа создалъ человѣка изъ красной земли. Жители Борнео также имѣютъ разсказъ, передающійся изъ поколѣнія въ поколѣніе, что человѣкъ созданъ былъ изъ земли [1]).

Въ этихъ преданіяхъ библейское преданіе очевидно сохранилось лишь въ самой общей формѣ, но есть и такія преданія, гдѣ оно

---

[1]) См. Lenormant, Histoire ancienne, t. I, p. 20 и сл.

сохранилось съ большими подробностями и именно у цивилизованныхъ народовъ древняго Востока. Замѣчательнѣе всѣхъ въ этомъ отношеніи халдейскій разсказъ, въ томъ видѣ, какъ онъ переданъ Берозомъ по-гречески; по этому разсказу, человѣкъ сначала сдѣланъ былъ изъ ила, на подобіе статуи. «Белосъ, видя, что земля была пустынна, хотя и плодородна, разрубилъ себѣ самому голову, и когда вытекшая изъ нея кровь окаменѣла, то другіе боги образовали изъ нея людей, которые поэтому исдѣлались одаренными разумомъ и стали участниками божественной мысли; также они создали и животныхъ, которыя могутъ жить въ соприкосновеніи съ воздухомъ». Тутъ очевидно имѣется въ виду, одно и то же преданіе, какъ и въ Библіи, хотя и одушевленное совершенно инымъ духомъ. Покойный англійскій ученый Джоржъ Смитъ при своихъ изслѣдованіяхъ дворцовой библіотеки Ниневіи, находящейся теперь въ Британскомъ музеѣ, нашелъ отрывки цѣлой космогонической эпопеи, гдѣ разсказывается о сотвореніи міра. Къ сожалѣнію, въ этихъ отрывкахъ не содержится сказанія о происхожденіи человѣка. Но все таки изъ отдѣльныхъ отрывковъ съ положительностью извѣстно, что тотъ изъ безсмертныхъ, который изображается тамъ, какъ «образовавшій своими руками родъ человѣческій», какъ «образовавшій человѣчество для подчиненія его богамъ», былъ богъ Геа, богъ верховнаго разума, владыка всякой мудрости, богъ чистой жизни, правитель чистоты, тотъ, который животворитъ мертвыхъ, милосердный, ради котораго существуетъ жизнь. Однимъ изъ обычныхъ титуловъ бога Геа былъ титулъ: «господинъ рода человѣческаго»; и отсюда можно съ достаточною вѣроятностью заключать, что въ библіотекѣ существовало и болѣе полное повѣствованіе о происхожденіи человѣка, къ сожалѣнію, не найденное доселѣ.

У грековъ одно преданіе разсказываетъ, что Прометей, являясь въ качествѣ деміурга, образовалъ человѣка изъ глины, хотя одни относятъ это къ началу всѣхъ вещей, а другіе къ періоду послѣ Девкаліонова потопа и истребленія первобытнаго человѣчества. Эта легенда пользовалась большой извѣстностью въ эпоху римскаго владычества, и слѣды ея сохранились на различныхъ саркофагахъ и лампахъ. Но она, повидимому, есть результатъ вторженія чужеземныхъ идей, такъ какъ существованія ея нельзя прослѣдить въ болѣе древнее время. Въ греческой, истинно античной поэзіи Прометей изображается не создателемъ людей, а только тѣмъ, кто одухотворилъ ихъ и одарилъ разумомъ, сообщая имъ огонь, похищенный имъ съ неба,

за что онъ и наказанъ былъ Зевсомъ. Таково именно представленіе лежитъ въ основѣ Прометея Эсхилова, и оно встрѣчается еще даже въ болѣе древнюю эпоху въ поэмѣ Гезіода «Труды и дни». Что касается собственно рожденія первыхъ людей, происшедшихъ безъ отца, то по болѣе древнимъ греческимъ преданіямъ, существовавшимъ уже въ такое отдаленное время, когда составлены были поэмы Гомера, они явились самопроизвольно или по добровольному дѣйствію боговъ, изъ раскаленной земли или, по нѣкоторымъ, изъ ствола дуба. Это послѣднее происхожденіе приписывали людямъ и жители Италіи. По скандинавской миѳологіи, боги произвели первыхъ людей изъ ствола дерева, и то же самое вѣрованіе существовало и у германцевъ. Ясные слѣды того же самаго преданія встрѣчаются въ индійскихъ Ведахъ, какъ называются сборники священныхъ гимновъ, и затѣмъ съ различными любопытными подробностями замѣчаются также у иранцевъ Бактріаны и Персіи.

Религія Зороастра есть единственная среди ученыхъ и гордыхъ религій древняго міра, которая разсказываетъ о сотвореніи какъ результатѣ свободной воли личнаго Бога, совершенно отдѣльнаго отъ первобытной матеріи. По иранскому преданію, вселенная и человѣкъ сотворены были Ормуздомъ, великимъ Богомъ добра, въ шесть послѣдовательныхъ періодовъ, которые, въ отличіе отъ творческой седьмицы книги Бытія, составляли собою годъ въ 365 дней; человѣкъ былъ существомъ, которымъ закончилась эта творческая дѣятельность. Первый человѣкъ, вышедшій непорочнымъ изъ рукъ Творца, назывался Гайомаретанъ, «смертная жизнь». Самыя древнія книги, приписываемыя пророку иранцевъ, этимъ и ограничиваютъ свои указанія въ этомъ отношеніи; но болѣе развитая исторія происхожденія рода человѣческаго находится въ книгѣ «Бундегешъ», имѣющей своимъ предметомъ изложеніе полной космогоніи. Она написана уже на болѣе позднемъ языкѣ и относится ко времени завоеванія Персіи мусульманами. Но, несмотря на этотъ поздній періодъ происхожденія, въ ней содержатся преданія, которыя, по мнѣнію компетентныхъ ученыхъ, носятъ на себѣ совершенно античный характеръ. По повѣствованію Бундегеша, Ормуздъ закончилъ свою творческую дѣятельность произведеніемъ Гайомаретана, образцоваго человѣка и образцоваго вола, двухъ существъ совершеннѣйшей чистоты. Они жили сначала 3.000 лѣтъ, на землѣ въ состояніи блаженства, не опасаясь никакихъ золъ, пока Аримань, представитель злого начала, не заставилъ

ихъ почувствовать свое могущество въ мірѣ. Онъ сначала поразилъ смертью образцоваго вола; но изъ трупа его жертвы родились полезныя растенія и животныя, служащія человѣку. Тридцать лѣтъ спустя Гайомаретанъ въ свою очередь погибъ подъ ударами Аримана. Между тѣмъ, кровь образцоваго человѣка, распространившись по землѣ въ моментъ его смерти, возродилась по истеченіи сорока лѣтъ. Изъ земли показалось растеніе р е и в а, нѣчто въ родѣ ревеня, употребляемаго въ пищу иранцами. Въ срединѣ этого растенія явился лепестокъ, который имѣлъ форму двойнаго тѣла мужчины и женщины, сросшихся между собою своею заднею частью. Ормуздъ раздѣлилъ ихъ, далъ имъ свободу движенія и дѣятельности, вложилъ въ нихъ разумную душу и повелѣлъ имъ «быть смиренными сердцемъ, соблюдать законъ, быть чистыми въ своихъ мысляхъ, чистыми во всѣхъ своихъ словахъ, чистыми во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ». Такъ произошли Маша и Машіана, первобытная чета, отъ которой ведутъ свое происхожденіе всѣ люди.

Заключающееся въ этомъ разсказѣ представленіе, что первая человѣческая чета первоначально представляла собою одно мужское и женское существо съ двумя лицами, раздѣленное потомъ на двѣ отдѣльныхъ личности творческимъ всемогуществомъ Бога, встрѣчается также у индійцевъ въ космогоническомъ повѣствованіи *Сатапата Брамана.* Эта послѣдняя книга заключается въ собраніи Ригведы, но по своему происхожденію относится къ болѣе позднему времени, чѣмъ остальные гимны. Разсказъ, извлеченный Берозомъ изъ халдейскихъ документовъ, также свидѣтельствуетъ, что «первые люди были о двухъ головахъ, мужской и женской, на одномъ тѣлѣ, и о двухъ полахъ въ одно и то же время»; и отъ нихъ произошли люди, населяющіе теперь землю. Платонъ въ одномъ изъ своихъ діалоговъ также разсказываетъ исторію первобытныхъ муже-женскихъ людей, раздѣленныхъ потомъ богами на два отдѣльныхъ лица, мужское и женское; это представленіе, отголосокъ котораго замѣтенъ даже въ въ позднѣйшихъ іудейскихъ преданіяхъ, философы Іонійской школы заимствовали изъ Азіи и распространили его въ Греціи.

Такъ свѣтъ первобытнаго преданія въ своихъ отдѣльныхъ лучахъ сохранялся и въ сознаніи языческихъ народовъ. Но эти лучи замѣтно потемнялись по мѣрѣ затемнѣнія у нихъ сознанія истинной религіи, и потому у большинства языческихъ народовъ преданіе это является уже въ совершенно туманной, отрывочной и неясной формѣ, подъ

которой иногда съ трудомъ только можно улавливать отблескъ первобытнаго преданія Тѣмъ ярче и свѣтозарнѣе въ сравненіи съ ними выступаетъ библейское повѣствованіе, въ которомъ вполнѣ сохранилось первоначальное Божественное откровеніе о первобытной судьбѣ міра и человѣка.

ГЛАВА III.

Грѣхопаденіе и изгнаніе изъ рая.

Во время пребыванія въ раю, первые люди жили въ непосредственномъ общеніи съ Богомъ, которое и было первой и совершеннѣйшей религіей человѣческаго рода. Внѣшнимъ выраженіемъ этой религіи была Церковь, какъ собраніе первыхъ двухъ вѣрующихъ. Но Церковь, какъ внѣшнее учрежденіе, предполагаетъ извѣстныя установленія и условія, на которыхъ основывается собраніе; поэтому и первобытная Церковь была основана на особомъ завѣтѣ между Богомъ и человѣкомъ. Завѣтъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы человѣкъ любилъ Бога и ближнихъ, и оказывалъ Творцу своему совершеннѣйшее послушаніе во всѣхъ Его повелѣніяхъ, а Богъ съ Своей стороны обѣтовалъ за это человѣку продолженіе его блаженнаго состоянія, безопасность отъ смерти, какъ болѣзненнаго разрушенія тѣла, и слѣдовательно жизнь вѣчную. Чтобы предоставить человѣку возможность засвидѣтельствовать свое послушаніе и укрѣплять свою вѣру, Богъ далъ ему заповѣдь, которая могла служить для него испытаніемъ, какъ средствомъ укрѣпленія того свободнаго нравственнаго самоопредѣленія, въ которомъ заключается высшее благо жизни. Заповѣдь состояла въ запрещеніи ѣсть отъ плодовъ дерева познанія добра и зла. «И заповѣдалъ Господь Богъ человѣку, и сказалъ: отъ всякаго дерева въ саду ты будешь ѣсть; а отъ дерева познанія добра и зла—не ѣшь отъ него; ибо въ день, въ который ты вкусишь отъ него, смертію умрешь». Предоставивъ человѣку полную свободу, Творецъ, однако же, этою заповѣдью хотѣлъ показать ему, что, какъ существо ограниченное, онъ долженъ жить подъ закономъ, и что за нарушеніемъ закона послѣдуетъ страшное наказаніе.

Откровеніе не сообщаетъ, какъ продолжительно было блаженное

пребываніе первыхъ людей въ раю. Но это состояніе уже возбуждало злобную зависть врага, который, лишившись его самъ, съ ненавистью смотрѣлъ на невинное блаженство первыхъ людей. Когда на землѣ господствовалъ еще миръ всеобщаго блаженства и она не знала зла, міръ въ высшихъ своихъ областяхъ уже былъ знакомъ со зломъ, и происходила борьба съ нимъ. Въ средѣ высшихъ сотворенныхъ существъ или ангеловъ, одаренныхъ высшими дарами разума и свободы, нѣкоторые уже нарушили заповѣдь послушанія Творцу, возгордились своимъ совершенствомъ (1 Тим. III, 6) и не сохранили своего достоинства (Іуд. 6), за что и низвергнуты были изъ небеснаго рая въ преисподнюю. Зависть и жажда зла сдѣлались душою этихъ существъ. Всякое благо, всякій миръ, порядокъ, невинность, послушаніе—стали ненавистны для нихъ, и они попытались разрушить ихъ и среди людей, наслаждавшихся блаженствомъ райской жизни на землѣ. И вотъ, въ раю явился искуситель—въ видѣ змѣя, который „былъ хитрѣе всѣхъ звѣрей полевыхъ“. При этомъ онъ употребилъ лукавую хитрость, направивъ искушеніе не къ обоимъ людямъ и не къ мужу, а къ одной женѣ, какъ слабѣйшему члену, скорѣе поддающемуся увлеченію.

Змѣй приблизился къ женѣ и сказалъ ей: «подлинно ли сказалъ Богъ, не ѣшьте ни отъ какого дерева въ раю»? Въ вопросѣ этомъ заключалась коварная ложь, которая должна бы сразу оттолкнуть собесѣдницу отъ искусителя. Но она, по своей невинности, не въ состояніи была сразу понять здѣсь коварство, и въ то же время была слишкомъ любопытна, чтобы тотчасъ же прекратить разговоръ. Однако же, она поняла ложь вопроса и отвѣчала, что Богъ разрѣшилъ имъ ѣсть отъ всѣхъ деревъ, кромѣ одного лишь дерева, которое посреди рая, потому что отъ вкушенія плодовъ его они могутъ умереть. Тогда искуситель прямо возбуждаетъ недовѣріе къ Богу. «Нѣтъ», сказалъ онъ, «не умрете, но Богъ знаетъ, что въ день, въ который вы вкусите ихъ, откроются глаза ваши и вы будете какъ боги, знающіе добро и зло». Коварное слово глубоко запало въ душу женщины. Оно возбудило рядъ сомнѣній и душевную борьбу. Что такое добро и зло, которое она можетъ узнать? И если люди блаженствуютъ въ теперешнемъ состояніи, то въ какомъ же блаженствѣ будутъ они, когда станутъ какъ боги?.. Въ тревожномъ возбужденіи она невольно обращаетъ взоръ къ запретному дереву, а оно такъ пріятно для глазъ, вѣроятно сладостно для вкуса, а особенно заманчиво по своимъ таинственнымъ

свойствамъ. Это внѣшнее впечатлѣніе рѣшило внутреннюю борьбу, и женщина „взяла плодовъ этого дерева, и ѣла; и дала также мужу своему, и онъ ѣлъ". Величайшій переворотъ въ исторіи человѣчества совершился. Тѣ, которые должны были служить чистымъ источникомъ всего человѣческаго рода, отравили себя плодами смерти. Женщина послѣдовала змѣю, какъ-бы онъ былъ выше Бога. По его внушенію она сдѣлала то, что запретилъ Творецъ. А ея мужъ во грѣхѣ послѣдовалъ женѣ, которая изъ соблазненной тотчасъ же сдѣлалась соблазнительницею.

Не замедлили сказаться и слѣдствія вкушенія людьми запрещеннаго плода: у нихъ дѣйствительно открылись глаза, какъ обѣщалъ искуситель, и запретный плодъ далъ имъ знаніе; но что же узнали они?—узнали то, что они наги. Возмущенное нравственное чувство открыло предъ ними сознаніе ихъ наготы, ставшей побѣднымъ знакомъ чувственности и торжества плоти, и чтобы прикрыть ее, они сшили себѣ смоковные листья и сдѣлали изъ нихъ опоясанія—эту первичную форму одѣянія. Но если согрѣшившіе устыдились такъ даже собственнаго внутренняго голоса совѣсти, то имъ совершенно страшно стало предстать теперь предъ Богомъ. Насталъ вечеръ, и прохлада тѣней его разливала блаженство по саду. Въ это время обыкновенно происходило у нихъ собесѣдованіе съ Богомъ, Котораго они до сихъ поръ съ невинною радостью ожидали и встрѣчали, какъ дѣти своего Отца. Теперь же они желаютъ, чтобы этого момента никогда не наступало. А между тѣмъ онъ приблизился, и они услышали знакомый голосъ. Ужасъ объялъ Адама и жену его, и они скрылись отъ лица Господа Бога между деревьями рая».

И воззвалъ Господь Богъ къ Адаму: «Адамъ, гдѣ ты?» А несчастный бѣглецъ съ трепетомъ отвѣтилъ изъ чащи деревъ: «голосъ Твой я услышалъ въ раю и убоялся, потому что я нагъ и скрылся».—«Но кто сказалъ тебѣ, что ты нагъ? Не ѣлъ ли ты отъ дерева, съ котораго Я запретилъ тебѣ ѣсть»? Вопросъ былъ поставленъ прямо, но грѣшникъ не въ силахъ былъ отвѣтить на него такъ же прямо: онъ далъ уклончивый и лукавый отвѣтъ: «жена, которую Ты мнѣ далъ, она дала мнѣ отъ древа, и я ѣлъ». Вину онъ сваливаетъ на жену и даже на Самого Бога. Господь обратился къ женѣ: „что ты это сдѣлала?". Жена также въ свою очередь отклоняетъ отъ себя вину: «змѣй обольстилъ меня, и я ѣла». Жена сказала правду, но въ томъ, что они оба старались выгородить себя отъ вины, заключа-

лась ложь. Въ этомъ сразу сказалось пагубное вліяніе отца лжи, обольщенію котораго поддались первые люди, и это вліяніе, какъ испитый ядъ, отравило всю ихъ нравственную и тѣлесную природу.

Тогда Господь изрекъ заслуженное наказаніе и прежде всего змѣю, какъ послужившему орудіемъ искушенія: онъ былъ проклятъ предъ всѣми животными, и ему опредѣлена жалкая жизнь пресмыканія на чревѣ своемъ и питаніе прахомъ земли [1]). Жена осуждена на подчиненіе мужу и на тяжкія страданія и болѣзни при рожденіи дѣтей, а мужъ осужденъ на тяжелую жизнь, такъ какъ земля, проклятая за дѣла человѣка, должна была оскудѣть въ своихъ дарахъ, производить терніе и волчцы, и только въ изнурительномъ потѣ онъ могъ добывать себѣ хлѣбъ для пропитанія, пока не возвратится въ землю, изъ которой взятъ былъ: «ибо прахъ ты и въ прахъ возвратишься», сказалъ Господь, осуждая его на тѣлесную смерть. Страшно было наказаніе за преступленіе заповѣди Божіей; но, какъ милосердный отецъ, Богъ не оставилъ Своихъ согрѣшившихъ чадъ безъ утѣшенія, и тогда же далъ имъ обѣтованіе, которое свѣтлой надеждой на возстановленіе потерянаго блаженства должно было поддерживать ихъ унылый духъ въ дни послѣдующихъ испытаній и невзгодъ грѣховной жизни. Это именно обѣтованіе о Сѣмени жены, Которое долженствовало стереть главу змія, т.-е. окончательно побѣдить разрушителя блаженства людей и возстановить людямъ возможность достигать блаженства и жизни вѣчной на небѣ. Это было первое обѣтованіе о Спасителѣ міра, и въ знаменіе Его пришествія установлено жертвоприношеніе животныхъ (видимо уже раздѣленныхъ на два класса—чистыхъ и нечистыхъ), закланіе которыхъ должно было предзнаменовать закланіе великаго Агнца за грѣхи міра. Сдѣлавъ Адаму и женѣ его, Евѣ («матери живущихъ»), какъ называлъ ее

---

[1]) Форма проклятія змѣю: «ты будешь ходить на чревѣ твоемъ» (Быт. III, 14) дала поводъ къ возникновенію впослѣдствіи преданія, что до этого проклятія змѣй ходилъ въ стоячемъ положеніи. Но этому противорѣчитъ самое устройство организма змѣя, очевидно приспособленнаго именно къ ползанію, совершаемому съ замѣчательнымъ искусствомъ. Смыслъ проклятія тотъ, что въ наказаніе за коварство, сдѣлавшее изъ змѣя пагубное орудіе исконнаго врага для погубленія человѣческаго рода, естественный способъ его передвиженія, отнюдь самъ по себѣ не унизительный и не жалкій, а напротивъ, возбуждающій удивленіе своимъ замѣчательнымъ проворствомъ и изумительною изворотливостью, сдѣлался отселѣ знакомъ и печатью проклятія Божія и, какъ такой, долженъ былъ возбуждать (какъ и возбуждаетъ теперь) ужасъ, отвращеніе и презрѣніе. «Пресмыканіе» сдѣлалось отселѣ синонимомъ низости и позора.

теперь Адамъ), кожаныя одежды (изъ убитыхъ для жертвоприношенія животныхъ) и, научивъ ихъ одѣваться, Господь изгналъ ихъ изъ рая «и поставилъ на Востокѣ, у сада Едемскаго, Херувима и пламенный мечъ обращающійся, чтобы охранять путь къ древу жизни», котораго они чрезъ свой грѣхъ сдѣлались теперь недостойны.

Пребываніе первыхъ людей въ раю лежитъ за предѣлами возможности историческаго изслѣдованія и потому не можетъ подлежать какимъ-либо научнымъ критическимъ изысканіямъ. Но истинность повѣствованія объ этомъ подтверждается тѣмъ, что слѣды его сохранились въ преданіяхъ у различныхъ народовъ. Сказаніе о счастливомъ состояніи, когда люди, не имѣющіе никакихъ злыхъ страстей, проводили свою жизнь безъ порока и преступленій, а слѣдовательно безъ наказаній и ограниченій, хотя и окрашенное колоритомъ мѣстныхъ обстоятельствъ, лелѣялось всѣми языческими народами. Древніе египтяне съ любовью вспоминали о земномъ царствованіи бога Ра, какъ времени такой нравственной чистоты и такого счастья, что у нихъ составилась даже поговорка, по которой о всемъ особенно хорошемъ и совершенномъ обыкновенно говорилось, что подобнаго не видно было съ блаженныхъ дней бога Ра. До раздѣленія арійскихъ и семитическихъ народовъ, у тѣхъ и другихъ было общее вѣрованіе, что первый вѣкъ человѣческой жизни былъ вѣкомъ невинности и блаженства. Арійцы по-своему развили эту вѣру, именно превративъ ее въ преданіе о послѣдовательныхъ вѣкахъ уменьшающейся чистоты и блаженства. Такъ, въ Индіи вся жизнь человѣческаго рода раздѣлялась на четыре вѣка, изъ которыхъ первый былъ вѣкомъ совершенства, второй—вѣкомъ троякой жертвы, когда всѣ религіозныя обязанности исполнялись отъ всего сердца, третій—вѣкомъ сомнѣнія и религіознаго упадка и, наконецъ, четвертый—нашъ вѣкъ, вѣкъ погибели, послѣ котораго земля закончитъ свое существованіе. Это преданіе перешло и къ грекамъ, которые раздѣляли исторію также на четыре послѣдовательныхъ вѣка: золотой, серебряный, желѣзный и мѣдный. Слѣды этого представленія были также и у персовъ. Міръ, по ихъ представленію, долженъ продолжаться 12.000 лѣтъ, раздѣленныхъ на четыре періода, по 3000 лѣтъ въ каждомъ. Изъ нихъ первый періодъ былъ періодомъ полной чистоты и совершенства; во второмъ появилось зло и начало вести борьбу противъ добра,—борьбу, которая должна продолжаться до конца міра. Но во всѣхъ этихъ представленіяхъ сразу видѣнъ поразительный контрастъ съ повѣство-

ваніемъ Библіи, потому что во всѣхъ ихъ ухудшеніе возрастаетъ по необходимости чрезъ простую продолжаемость времени. Рожденный отъ свѣта, міръ дѣлается темнѣе, чѣмъ болѣе онъ удаляется отъ него, Зло не есть актъ свободной воли, но рѣшеніе судьбы. Отсюда само собою очевидно, насколько это языческое ученіе ниже библейскаго ученія о свободномъ паденіи человѣка.

Въ народныхъ преданіяхъ сохранилось также воспоминаніе о древѣ жизни и о древѣ познанія добра и зла. Индійское преданіе говоритъ о деревѣ *калпанкшамъ*, плоды котораго давали безсмертіе; у персовъ было подобное же дерево, извѣстное подъ названіемъ *гомъ*; у арабовъ—*туба*, у грековъ—*лотусъ*. На ассирійскихъ скульптурныхъ памятникахъ постоянно встрѣчается древо жизни, и изъ самаго изображенія его нельзя не видѣть придаваемой ему высокой важности. Иногда оно изображается одно, иногда—окруженное поклоняющимися ему царственными лицами, и иногда охраняемое крылатыми геніями, стоящими въ положеніи почтенія; но всегда съ нимъ несомнѣнно соединяется одна изъ возвышеннѣйшихъ религіозныхъ эмблемъ, такъ какъ часто надъ нимъ изображается крылатый дискъ, символическій образъ верховнаго Бога, иногда съ человѣческимъ бюстомъ наверху. Изображеніе его весьма часто можно видѣть какъ на барельефахъ ассирійскихъ дворцовъ, такъ и на вавилонскихъ и ассирійскихъ плитахъ. Въ преданіяхъ различныхъ языческихъ народовъ появляется даже не одно древо жизни. Такъ, преданія Индіи говорятъ о четырехъ такихъ деревахъ, стоявшихъ на четырехъ углахъ горы Меру; у древнихъ персовъ иногда является одно дерево, возникшее изъ средины священнаго источника въ раю, иногда два въ соотвѣтствіе съ деревами въ Едемѣ. Древнѣйшимъ названіемъ Вавилона на языкѣ первыхъ обитателей этой страны было *Тин тирки*—«мѣсто древа жизни»; и даже на глиняныхъ гробницахъ уже такого поздняго времени, какъ времена Александра Великаго, иногда встрѣчается то же древо, какъ эмблема безсмертія. То же можно видѣть и въ Египтѣ, хотя гораздо рѣже. Древо жизни тамъ изображается на погребальныхъ памятникахъ, причемъ всегда полагается рядомъ съ „источникомъ жизни“. При этомъ всегда изображается по срединѣ древа особая божественная фигура, которая изливаетъ эту воду безсмертія душамъ, олицетворяемымъ подъ видомъ птицъ съ человѣческими головами.

Исторія паденія во всѣхъ ея подробностяхъ также находитъ ясный отголосокъ въ преданіяхъ всѣхъ народовъ міра. Има, первый

человѣкъ, по иранскому преданію, проводилъ свою жизнь въ состояніи блаженства, пока не совершилъ грѣха, тяготѣющаго на его потомкахъ, и за это былъ изгнанъ изъ рая, спустя тысячу лѣтъ пребыванія въ немъ, и отданъ былъ въ рабство змѣю, который наконецъ умертвилъ его посредствомъ страшныхъ мученій. По одному изъ древнѣйшихъ отрывковъ священныхъ книгъ Зороастровой религіи, добрый богъ Ормуздъ говоритъ о томъ, что онъ создалъ человѣка совершеннымъ и поставилъ его „въ лучшемъ изъ жилищъ“. То же самое подтверждаетъ и другое, болѣе позднее, но все-таки первобытное преданіе, которое говоритъ, что человѣкъ былъ созданъ святымъ и назначенъ былъ къ безконечному блаженству, если бы онъ продолжалъ сохранять чистоту въ мысли, словѣ и дѣлѣ и смиреніе въ сердцѣ. Сначала онъ оставался вѣрнымъ Богу, но позднѣе ложь проникла въ его мысли, такъ какъ злой духъ, змѣй, воспользовавшись слабостью женщины, соблазнилъ сначала ее, а затѣмъ и мужчину, убѣдивъ ихъ вѣрить, что они обязаны были всѣмъ своимъ блаженствомъ не Богу, а ему. Соблазнивъ ихъ и такимъ образомъ добившись ихъ погибели, искуситель сдѣлался болѣе смѣлымъ и явился имъ во второй разъ, принеся имъ плоды, которые они ѣли; вкусивъ же ихъ, они потеряли всѣ сто блаженствъ, которыми наслаждались, кромѣ одного, и сдѣлались злыми и несчастными. Затѣмъ, открывъ огонь, по божественному указанію, они принесли первую жертву изъ овцы и начали ѣсть мясо, одѣваться въ шкуры убитыхъ животныхъ и дѣлать изъ ихъ шерсти одежду себѣ [1]).

Тибетское сказаніе не менѣе поразительно. Первые люди, говоритъ оно, были совершенны, какъ боги, но они испортились, когда вкусили отъ бѣлаго, сладкаго, какъ сахаръ, дерева *шима*. Они почувствовали голодъ, и сіяніе исчезло съ ихъ лица. Раньше у нихъ были крылья, но теперь они лишились ихъ. Съ этого времени люди были навсегда прикованы къ землѣ, и жизнь ихъ сократилась.

Что смутное преданіе о паденіи сохранялось даже у ханаанскихъ народовъ, это доказывается поразительнымъ открытіемъ одной интересной разукрашенной вазы финикійской работы VI или VII столѣтія до Р. Хр., найденной въ одной изъ древнихъ гробницъ острова Кипра. На ней изображается покрытое листвой дерево, на вѣтвяхъ котораго

---

[1]) Подробнѣе см. Lenormant, Histoire, т. I, p. 31 и сл.

висятъ два большихъ плода, причемъ большой змѣй льстиво приближается къ дереву и намѣренъ схватить одинъ изъ плодовъ.

Даже предсказаніе о сокрушеніи главы змѣя увѣковѣчилось въ преданіяхъ различныхъ народовъ. По вѣрованію египтянъ, змѣй Ассапъ боролся противъ солнца и луны, но его поразилъ Горъ. Халдеи и ассиріяне признавали существованіе великаго змѣя подъ именемъ „врага боговъ“. Ферикидъ сирійскій заимствовалъ у финикіянъ разсказъ о великомъ человѣкообразномъ змѣѣ, низвергнутомъ вмѣстѣ со своими сотоварищами, въ тартаръ, богомъ Хроносомъ (Элъ), который восторжествовалъ надъ нимъ въ началѣ всѣхъ вещей. Въ древне-персидской религіи злой духъ, также подъ видомъ великаго змѣя, попытавшись соблазнить небо, спрыгнулъ на землю, гдѣ Митра, богъ чистаго неба, вступилъ съ нимъ въ борьбу, и здѣсь онъ будетъ окончательно побѣжденъ и скованъ на 3000 лѣтъ, и въ концѣ міра будетъ сожженъ въ расплавленныхъ металлахъ.

По скандинавской легендѣ, Торъ, перворожденный высочайшаго Бога, посредникъ между нимъ и людьми, борется со смертью и въ борьбѣ повергается на колѣна; но въ то же время своей палицей онъ сокрушаетъ голову большого змѣя, побѣдоносно попираетъ его ногами и убиваетъ, хотя и достигаетъ этой побѣды цѣною своей жизни. Въ древнѣйшихъ индійскихъ храмахъ также можно видѣть два изображенія Кришны, въ одномъ изъ которыхъ онъ попираетъ сокрушенную главу змѣя, а въ другомъ змѣй обвивается вокругъ него и жалитъ его въ пяту.

Слѣды подобныхъ преданій можно находить и въ древнихъ римскихъ скульптурахъ. На одномъ знаменитомъ саркофагѣ въ Капитолійскомъ музеѣ изображаются мужчина и женщина; они оба наги и стоятъ подъ деревомъ, съ котораго человѣкъ готовъ сорвать какой-то плодъ, причемъ рядомъ съ нимъ стоитъ искушающій его демонъ. На одномъ древнемъ римскомъ барельефѣ затѣмъ изображается громадный змѣй, извивающійся вокругъ ствола дерева, подъ которымъ стоятъ мужчина и женщина въ первобытной наготѣ.

Въ одной изъ скандинавскихъ *Эддъ* разсказывается, какъ безсмертная Идунна жила съ Браги, первымъ изъ скальдовъ, въ Азгардѣ, въ раю, въ центрѣ земли, будучи чистою и невинною. Боги ввѣрили ей надзоръ за яблоками безсмертія; но Локи, искуситель, виновникъ всякаго зла, соблазнилъ ее другими яблоками, которыя, по его словамъ, онъ, будто бы, нашелъ въ лѣсу. Идунна послѣдовала за нимъ

для сбора этихъ яблокъ, но вдругъ была схвачена исполиномъ, и съ этого времени не было уже болѣе радости въ Азгардѣ.

Наиболѣе ясное изображеніе исторіи паденія сохранилось въ Ассиріи. Среди различныхъ остатковъ, найденныхъ Лейярдомъ, особенно замѣчателенъ одинъ древній вавилонскій цилиндръ, на которомъ въ центрѣ изображено дерево съ горизонтальными вѣтвями. Съ нижнихъ вѣтвей съ двухъ сторонъ дерева висятъ плоды, а противъ нихъ сидятъ мужчина и женщина, которые повидимому ведутъ бесѣду относительно этого дерева и протягиваютъ руки къ плодамъ его. Сзади женщины стоя извивается змѣй и, очевидно, нашептываетъ лукавое искушеніе сорвать плодъ. Въ общемъ это изображеніе поражаетъ своимъ близкимъ сходствомъ съ библейскимъ повѣствованіемъ. Хотя доселѣ еще и не открыто халдейскаго сказанія объ этомъ событіи, но существованіе его въ виду описаннаго изображенія можно предполагать съ несомнѣнностью, тѣмъ болѣе, что въ различныхъ священныхъ гимнахъ древнихъ вавилонянъ встрѣчаются ясные намеки на первородный грѣхъ. Такъ въ одномъ говорится:

Что было запрещено Богомъ,
Устами своими я ѣлъ;
Что было запрещено мнѣ моимъ благомъ,
Въ невѣдѣніи своемъ я преступилъ.

И затѣмъ въ другомъ мѣстѣ того же гимна говорится:

Запрещенное я ѣлъ,
Запрещенное преступилъ [1]).

Джоржъ Смитъ затѣмъ открылъ даже проклятіе, произнесенное на виновника паденія человѣка. Въ этомъ проклятіи, между прочимъ, Богъ обращается къ человѣку съ такими словами:

«Пусть онъ повсюду терпитъ пораженіе и разрушеніе.
Пусть мудрость и наука будутъ противъ него и вредятъ ему.
Пусть вражда будетъ между отцомъ и сыномъ. Пусть изобилуетъ разбойничество.
Пусть преклоняютъ они свое ухо своему начальнику и правителю.
Пусть гнѣвается на нихъ господинъ боговъ, Меродахъ.
Пусть земля производитъ, но человѣкъ не будетъ ѣсть отъ плодовъ ея.
Пусть его желанія будутъ напрасны и его воля неисполненною.
Пусть богъ не внемлетъ, когда онъ откроетъ уста свои.
Пусть спина его будетъ поражена и не исцѣлится.
Пусть ни одинъ богъ не услышитъ отчаяннаго вопля его въ нуждѣ.
Пусть сердце его будетъ уныло и душа его опечалена».

---

[1]) Изъ такъ называемаго покаяннаго вавилонскаго псалма. Records of the Past, pp. 153, 154.

Это длинное проклятіе неизмѣримо, по своему внутреннему достоинству, стоитъ ниже того проклятія, о которомъ разсказывается въ библейскомъ повѣствованіи, но нельзя не видѣть, что оно относится къ тому же самому событію въ исторіи человѣка, какъ и библейское повѣствованіе.

Священное дерево въ ассирійскихъ изображеніяхъ часто охраняется особыми крылатыми геніями, и въ этомъ нельзя не видѣть нѣкотораго сходства съ библейскимъ повѣствованіемъ о томъ, что Богъ, по изгнаніи первыхъ людей изъ рая, поставилъ предъ Едемомъ «Херувима и пламенный мечъ обращающійся, чтобы охранять путь къ древу жизни». Преданіе объ этихъ охранителяхъ Едема глубоко запечатлѣлось въ народномъ представленіи въ Ассиріи и нашло свое выраженіе въ изображеніи различныхъ крылатыхъ быковъ, съ человѣческими лицами, которые охраняли входы къ дворцу въ Ниневіи. «Бдительный быкъ, который оберегаетъ крѣпость моего царства к славу моей чести», говоритъ Ассаргаддонъ въ надписи, относящейся къ одному изъ подобныхъ изображеній. Не менѣе поразительнымъ является и то обстоятельство, что подобныя фигуры носятъ названіе *керубы* (херувимы). Что они считались, по крайней мѣрѣ, символомъ таинственныхъ высшихъ существъ, способныхъ защищать и сохранять все, что было ввѣрено имъ, очевидно изъ того, что ихъ мѣсто иногда занимается извѣстными божествами, равно и изъ того обстоятельства, что на одномъ барельефѣ, изображающемъ постановку одной изъ подобныхъ фигуръ, подъ надзоромъ царя Сеннахирима, послѣ божественнаго символа стоитъ слово: «быкъ, богъ».

Преданія объ искушеніи и паденіи человѣка, равно какъ и о происхожденіи зла можно видѣть также и у грековъ, хотя и не съ такою ясностью, какъ у другихъ народовъ. Такъ, Гезіодъ (въ IX или VIII вѣкѣ до Р. Хр.) говоритъ, что люди сначала жили счастливо, свободные отъ трудовъ и болѣзней или золъ; всякаго рода довольство и изобиліе наполняли ихъ души, но это состояніе продолжалось недолго. Прометей совершаетъ преступленіе противъ Зевса, отца боговъ и смертныхъ, и въ наказаніе ему отъ возлюбленнаго имъ человѣческаго рода скрывается огонь. Но Прометей, преступленіе котораго состояло въ незаконномъ употребленіи мяса и жира, принесенныхъ богамъ, коварно открываетъ огонь и, безъ вѣдома громовержца, передаетъ человѣку. Тогда Зевсъ разражается на него проклятіемъ, подвергаетъ Прометея страшному наказанію и лишаетъ людей

первоначальнаго блаженства. Эсхилъ въ своемъ „Скованномъ Прометеѣ» даетъ въ V вѣкѣ до Р. Хр. нѣсколько иное выраженіе греческой мысли въ этомъ отношеніи. Люди сначала, по его представленію, были жалки, жили въ пещерахъ и не знали даже о теченіи временъ. Прометей вывелъ ихъ изъ этого жалкаго состоянія, похитивъ у враждебно настроеннаго къ людямъ Зевса огонь и передавъ его имъ для увеличенія ихъ счастья, такъ какъ безъ огня не были бы возможны никакія искусства и удобства жизни; но онъ долженъ былъ потерпѣть за это страшныя мученія, которыя, однако же, прекратятся впослѣдствіи. Хотя эти легенды уже далеко отступаютъ отъ первобытнаго преданія, но и въ нихъ нельзя не видѣть нѣкотораго соотвѣтствія съ библейскимъ повѣствованіемъ. Тамъ и здѣсь первобытное состояніе человѣка изображается, какъ состояніе свободы отъ всякаго страданія, и именно благодаря счастливому довольству и ненарушимому миру съ Богомъ; въ томъ и другомъ объясняется происхожденіе зла и послѣдующая потеря человѣкомъ своего первобытнаго состоянія. Причиною этой перемѣны въ состояніи выставляется актъ непослушанія Богу, и совершеніе его приписывается женщинѣ. Ветхозавѣтное повѣствованіе говоритъ, что чрезъ вкушеніе запрещеннаго плода человѣкъ сдѣлался подобнымъ Богу въ знаніи добра и зла; греки представляли себѣ, что поступокъ, послужившій причиною внесенія скорбей и бѣдствій въ міръ, былъ также открытіемъ новой и высшей эры познанія: перемѣной дѣтскаго состоянія на болѣе совершенное. Но противоположности между этими двумя представленіями еще болѣе поразительны, чѣмъ сходства между ними. Библейское повѣствованіе изображаетъ Бога единымъ, самосуществующимъ и независимымъ; вселенная есть лишь твореніе, находящееся подъ безусловнымъ Его управленіемъ; грѣхъ есть свободное преступленіе Его закона, который самъ, какъ отраженіе Его существа, святъ, справедливъ и добръ. Греческій умъ, напротивъ, видитъ въ Зевесѣ существо, которое, хотя и верховно по отношенію къ человѣку, само находится подъ управленіемъ судьбы, и въ его дѣйствіяхъ можно усматривать тираническій капризъ, совершенно чуждый высшихъ нравственныхъ началъ. Въ мірѣ греческій умъ видитъ также самосуществующее и поэтому отчасти независимое бытіе, соперничествующее съ божествомъ. Въ грѣхѣ же онъ видитъ скорѣе несчастіе, чѣмъ преступленіе. Паденіе для грека есть борьба при помощи насилія и лукавства между Богомъ и человѣкомъ, борьба, въ которой первый побѣждаетъ какъ-бы случайно и

вообще благодаря внѣшней силѣ. Въ Ветхомъ Завѣтѣ грѣхъ есть преступленіе, отчужденіе твари отъ всесвятаго Творца, безусловно-зависимаго существа отъ безусловно-независимаго.

Нужно замѣтить вообще, что истина паденія и первороднаго грѣха, какъ говоритъ одинъ ученый изслѣдователь [1]), есть одна изъ тѣхъ, противъ которыхъ наиболѣе постоянно возставала человѣческая гордость и которую человѣкъ всячески старается устранить отъ себя. Отсюда изъ всѣхъ первобытныхъ преданій касательно первоначальнаго состоянія человѣчества это именно затемнилось въ народной памяти раньше другихъ. Какъ только люди почувствовали тотъ восторгъ, который возбудили въ нихъ успѣхи ихъ цивилизаціи и ихъ побѣды въ матеріальномъ мірѣ, они начали отвергать эту идею. Религіозные мыслители, выступавшіе внѣ Откровенія, признававшагося избраннымъ народомъ, не обращали никакого вниманія на паденіе. Да и какъ это ученіе могли они примирять съ бреднями распространеннаго повсюду пантеизма и эманаціи? Отвергая понятіе первороднаго грѣха и замѣняя ученіе о твореніи ученіемъ эманаціи, большинство народовъ языческой древности приходили къ печальной теоріи четырехъ вѣковъ, какъ это мы видимъ въ священныхъ книгахъ Индіи и въ поэзіи Гезіода. Древній міръ былъ убѣжденъ въ томъ, что надъ нимъ тяготѣетъ законъ паденія и постепеннаго вырожденія. По мѣрѣ теченія времени и все бо́льшаго удаленія отъ первоначальнаго пункта истеченія, все портилось и ухудшалось. Это результатъ неумолимой судьбы и самаго хода ихъ развитія. Въ этомъ роковомъ развитіи по направленію къ паденію не оставалось мѣста для человѣческой свободы; все вращается въ кругѣ, изъ котораго нѣтъ никакого исхода. По Гезіоду, каждый вѣкъ обнаруживаетъ собою ухудшеніе сравнительно съ предшествующимъ; и каждый изъ этихъ вѣковъ, взятыхъ въ отдѣльности, идетъ по той же самой нисходящей линіи, какъ и весь міръ. Въ Индіи понятіе о четырехъ вѣкахъ (такъ-наз. *югахъ*), развиваясь и производя свои естественныя слѣдствія, привело къ теоріи Манвантары. Согласно этой новой теоріи, міръ, закончивъ свои четыре періода постепеннаго вырожденія, подвергается разрушенію, причемъ все достигаетъ такого разложенія, что уже не въ состояніи существовать дольше. Тогда возникаетъ новая вселенная съ новымъ человѣчествомъ, обреченнымъ на тотъ же самый кругъ необходимаго и рокового развитія, и они

---

[1]) *Lenormant*, Histoire ancienne de l'Orient, 9-е изданіе, t. I, pp. 28 и сл.

проходятъ въ свою очередь опять четыре юги, пока не наступитъ новое разрушеніе, и такъ далѣе до безконечности. Здѣсь такимъ образомъ выступаетъ фатализмъ подъ самою жестокою и неумолимою формою, и, естественно, дѣлается крайне гибельнымъ для всякой истинной нравственности. Тамъ не можетъ быть никакой отвѣтственности, гдѣ нѣтъ свободы. Равно нѣтъ въ дѣйствительности ни добра, ни зла тамъ, гдѣ испорченность есть результатъ непреодолимаго и рокового закона развитія.

Насколько же утѣшительнѣе библейское сказаніе, хотя бы на первый разъ оно и казалось жестокимъ для человѣческой гордости, и какіе несравненные просвѣты открываетъ оно для духа! Оно повѣствуетъ, что человѣкъ, вскорѣ послѣ своего сотворенія, палъ изъ своего состоянія первобытной чистоты и эдемскаго блаженства. Въ силу закону наслѣдственности, повсюду замѣчаемой въ природѣ, грѣхъ, совершенный первыми предками человѣчества, въ употребленіи ихъ нравственной свободы, послужилъ причиной осужденія и ихъ потомковъ на наказаніе; перенесенное на нихъ первоначальное пятно, сдѣлало и ихъ предрасположенными ко грѣху. Но это предрасположеніе ко грѣху не осуждаетъ человѣка роковымъ образомъ къ его совершенію; онъ можетъ избѣгнуть его, разумно пользуясь свободой воли; и съ ея же помощію онъ можетъ, при личномъ усиліи, постепенно подняться изъ того состоянія матеріальнаго паденія и бѣдствія, въ которое онъ повергнутъ былъ грѣхомъ своихъ предковъ. Языческое представленіе четырехъ вѣковъ развертываетъ предъ нами картину постепеннаго вырожденія, между тѣмъ какъ весь ходъ Библейской исторіи, съ ея начальнаго пункта въ первыхъ главахъ книги Бытія, представляетъ зрѣлище постепеннаго поднятія человѣчества отъ самаго момента его первоначальнаго паденія. Съ одной стороны, жизнь его изображается какъ постепенное схожденіе внизъ, съ другой,—какъ постепенное восхожденіе. Ветхій Завѣтъ, разсматриваемый съ общей точки зрѣнія, лишь косвенно занимается тѣмъ прогрессивнымъ ходомъ человѣческой жизни, который замѣчается въ развитіи матеріальной цивилизаціи, хотя онъ и съ достаточною точностью отмѣчаетъ главныя стадіи ея развитія. Но онъ ясно изображаетъ предъ нами картину нравственнаго прогресса и все болѣе выясняющагося развитія религіозной истины, пониманіе которой все болѣе пріобрѣтаетъ духовной чистоты и широты среди избраннаго народа, сообразно съ послѣдовательнымъ рядомъ ступеней, отмѣчаемыхъ призваніемъ Авраама,

провозглашеніемъ Моисеева закона и, наконецъ, миссіей пророковъ, которые въ свою очередь возвѣщаютъ о послѣднемъ и верховномъ завершеніи этого развитія. Развитіе это должно завершиться пришествіемъ Мессіи, и слѣдствіемъ этого послѣдняго факта должно было явиться стремленіе къ совершенству, предѣлъ котораго заключается въ безконечномъ. Эта идея возстанія послѣ паденія,—плодъ свободнаго усилія человѣка, поддерживаемаго Божественною благодатью и стремящагося въ предѣлахъ своихъ способностей къ завершенію Божественнаго плана,—существовала, какъ показываютъ намъ ветхозавѣтныя книги, только у одного народа, именно народа израильскаго; но христіанскій духъ распространилъ этотъ взглядъ на всеобщую исторію человѣчества, и такимъ образомъ возникло то понятіе закона, неизвѣстнаго древности, закона непрерывнаго развитія, которому такъ непреодолимо предано наше время, но который, какъ не должно забывать, всецѣло обязанъ своимъ происхожденіемъ христіанству.

Библейская критика пыталась подвергнуть сомнѣнію историческую достовѣрность событія паденія первыхъ людей, причемъ она хотѣла видѣть здѣсь простую эмблему или философему, представляющую одинъ изъ многихъ способовъ объясненія зла въ мірѣ. Но для такого сомнѣнія нѣтъ достаточныхъ основаній. Оно могло имѣть значеніе въ то время, когда наука не располагала массою преданій народовъ, которыя всѣ изображаютъ то же самое событіе и самою своею всеобщностью подтверждаютъ его достовѣрность. Въ виду этого критики, не осмѣливаясь вполнѣ отрицать этого событія и допуская въ немъ историческую основу, хотятъ видѣть въ подробностяхъ повѣствованія прикрасы послѣдующаго воображенія. Основой, будто бы, могъ служить фактъ, что Ева увидѣла, какъ змѣй ѣлъ ядовитый плодъ, и сама взяла и ѣла этотъ плодъ, а потомъ подала и своему мужу; отъ особенныхъ свойствъ этого плода въ нихъ обоихъ сразу пробудились чувственные помыслы и явилось первое чувство стыда. Въ такомъ необычномъ для нихъ напряженномъ состояніи громъ показался имъ голосомъ Божіимъ; въ страхѣ они убѣжали изъ рая, и сами нашли себѣ наказаніе за свою вину въ безплодности внѣрайской почвы, въ трудахъ земледѣлія и въ мукахъ дѣторожденія. Подобный историческій фактъ и могъ, будто бы, послужить основой преданій всѣхъ народовъ. Поэтому библейскій рай есть будто бы то же, что золотой вѣкъ другихъ народовъ; древо жизни—греческая амброзія или индійская амрита; искушеніе имѣетъ для себя параллель въ спорѣ Кришны съ змѣемъ, или въ

персидскомъ миѳѣ объ Ариманѣ, обольщающемъ первыхъ людей подъ видомъ змѣя. Но такой взглядъ, открывая доступъ всевозможнымъ предположеніямъ и толкованіямъ, менѣе всего можетъ служить къ объясненію факта. Притомъ онъ имѣетъ въ виду лишь физическую сторону дѣла, такъ какъ ядовитый плодъ могъ повліять лишь на тѣла; между тѣмъ, въ библейскомъ повѣствованіи главное слѣдствіе паденія сказалось на нравственномъ существѣ людей, и тотъ громадный нравственный переворотъ, который совершился въ человѣчествѣ вслѣдствіе именно преступленія заповѣди, отнюдь не можетъ быть объясненъ подобнымъ толкованіемъ. Подобное толкованіе затемняетъ только дѣйствительный, возвышенный смыслъ библейскаго повѣствованія и низводитъ его на тотъ низкій уровень, на которомъ мы видѣли его у древнихъ языческихъ народовъ. Такимъ образомъ, критика, отступающая отъ истиннаго взгляда на библейское сказаніе, неизбѣжно впадаетъ въ то же заблужденіе, въ какое впадала мысль языческихъ народовъ, огрубѣвшая и помрачившаяся вслѣдствіе лишенія озаряющаго свѣта Откровенія.

Но, имѣя вполнѣ историческій характеръ, Библейская исторія грѣхопаденія первыхъ людей имѣетъ въ то же время глубокій философскій смыслъ: она представляетъ Богооткровенное рѣшеніе труднѣйшаго вопроса о происхожденіи зла въ мірѣ. Зло, по нему, есть слѣдствіе свободнаго поступка первыхъ людей. Человѣкъ по своей свободной природѣ могъ исполнить и не исполнить данную ему заповѣдь. Эта возможность свободнаго самоопредѣленія предполагаетъ двоякую сторону отношеній человѣка. Въ самой природѣ человѣка, какъ сотвореннаго существа, лежитъ возможность этихъ двоякихъ отношеній; по отношенію къ Творцу отношеніе его должно было выражаться въ полномъ послушаніи и повиновеніи Ему, но по отношенію къ себѣ самому, какъ существу, получившему назначеніе самобытнаго, свободнаго существованія, получаетъ преобладаніе стремленіе къ упроченію этой самобытности и независимости. Только подъ условіемъ этого двоякаго влеченія возможно свободное самоопредѣленіе. Равновѣсіе этихъ отношеній къ Творцу и собственной природѣ составляетъ ту норму бытія, которую всегда бы долженъ былъ сохранять человѣкъ, то равновѣсіе духа и тѣла, которое составляетъ истинную сущность человѣческаго бытія. Отъ свободнаго выбора человѣка зависѣло,—сохранять ли это равновѣсіе разумнымъ самоограниченіемъ, или нарушить его, давъ преобладаніе влеченію природы къ

самобытности. Отсюда, когда человѣкъ не удержался на равновѣсіи этихъ двусторонних отношеній и склонился въ сторону преобладанія своей личной свободы, то свободу онъ превратилъ въ произволъ и этимъ произволомъ открылъ входъ злу въ свою нравственную природу и во весь міръ. Но такъ какъ первый человѣкъ былъ не просто одною личностью въ рядѣ многихъ другихъ, а личнымъ исходнымъ пунктомъ для развитія всего человѣчества, то и зло, вошедшее въ міръ чрезъ перваго человѣка, вошло въ него не какъ случай или примѣръ, а какъ дѣйствительное начало, простирающее свое разрушительное вліяніе на все развитіе,—источникъ, отравляющій потокъ на всемъ его теченіи. Конечно, человѣческой личности нельзя разсматривать только какъ продуктъ своихъ родителей; въ происхожденіи ихъ участвуетъ и творческій актъ; но естественная основа, которая въ каждой отдѣльной личности не только сотворена, но и прирождена, для каждаго послѣдующаго поколѣнія обусловливается предшествовавшими. Какъ отдѣльныя личности, такъ и народы представляютъ послѣдовательные пункты въ одномъ цѣльномъ органическомъ развитіи, начинающемся съ перваго человѣка и потому, по необходимости, воспроизводящемъ его нравственную и физическую природу. Каждый отдѣльный человѣкъ при своемъ рожденіи начинаетъ уже ненормальное развитіе жизни, общимъ признакомъ котораго является разладъ между плотію и духомъ [1]). На степени естественной жизни разладъ этотъ обнаруживается въ господствѣ грѣховныхъ помысловъ и влеченій. Въ духовной жизни онъ выражается въ перевѣсѣ мірскихъ знаній надъ религіозными, въ преобладаніи культурныхъ, матеріальныхъ интересовъ надъ нравственными, духовными. Такое направленіе въ развитіи есть отклоненіе воли отъ Бога, стремленіе къ ложной самобытности. И такъ какъ это общее явленіе грѣховности, выражающееся во множествѣ психологическихъ формъ, свой корень имѣетъ въ извращеніи отношенія между тѣми факторами, которые созидаютъ человѣческую жизнь, именно между космическимъ и Божественнымъ началами, то понятно, что самъ человѣкъ не можетъ избавиться отъ зла, такъ какъ оно имѣетъ свое основаніе въ господствѣ общихъ причинъ, лежащихъ внѣ его свободнаго самоопредѣленія. Но такъ какъ, съ другой стороны, грѣхопаденіе произвело не перемѣну въ самой человѣческой сущности, а только нарушеніе составляющихъ

---

[1]) Римл. VII; Гал. V, 17.

человѣческую жизнь отношеній, и слѣдовательно въ человѣкѣ сохранилось по существу доброе начало, не перестающее противодѣйствовать злу, побуждающее его постоянно бороться со зломъ, то въ этомъ заключается возможность будущаго избавленія. Избавленіе это, однако же, мыслимо только подъ условіемъ содѣйствія высшей Силы, имѣющей по исполненіи временъ придти на помощь человѣчеству и возстановить первоначально нарушенное отношеніе человѣка къ Богу и равновѣсіе составляющихъ его силъ. И надежда на это-то избавленіе пробуждена и поддержана была великимъ обѣтованіемъ о пришествіи Спасителя міра.

ГЛАВА IV.

Рай земной.

Рай былъ потерянъ прародителями. Но такъ какъ онъ былъ назначенъ только для невинныхъ людей, а таковыхъ уже не было между потомками „познавшихъ добро и зло“, то онъ остался потеряннымъ и для остального человѣчества. О немъ осталось только смутное воспоминаніе у народовъ, затемненное массою вымысловъ. Но, какъ колыбель человѣчества, рай не переставалъ привлекать къ себѣ вниманіе изслѣдователей, и трудно указать другой предметъ, который вызвалъ бы столько изслѣдованій о себѣ. Главный интересъ въ этомъ вопросѣ состоитъ въ географическомъ опредѣленіи положенія рая. Память народовъ потеряла ясное представленіе о немъ, и фантазія часто даже совсѣмъ не даетъ ему мѣста на землѣ. Но такъ какъ библейское повѣствованіе, хотя и слишкомъ въ краткихъ чертахъ, все-таки опредѣляетъ его географическое положеніе, то этимъ наукѣ дается исходный пунктъ для изысканій. Съ этою цѣлью изслѣдованы были всѣ три материка Стараго свѣта: рай искали во всѣхъ странахъ—отъ Китая до Канарскихъ острововъ, отъ Лунныхъ горъ до Балтійскаго моря, во всѣхъ мѣстахъ, которыя представляютъ хотя малѣйшее сходство съ географическими данными Библіи, и даже подъ сѣвернымъ полюсомъ. Нѣкоторые изслѣдователи совершенно отчаялись опредѣлить его положеніе и даже заявляли, что все сказаніе о раѣ не что иное, какъ мистическій образъ, недѣйствительность, и по-

тому отыскивать мѣстонахожденіе рая значитъ то же, что отыскивать мѣстонахожденіе миѳическихъ садовъ Гесперидъ или царства золотого руна. Но это значитъ разрубать, а не разрѣшать вопросъ. Библейское повѣствованіе все-таки даетъ нѣкоторыя географическія данныя для опредѣленія мѣстонахожденія потеряннаго рая. Исходя изъ него, можно составить хотя приблизительное представленіе о немъ [1]).

Библейское повѣствованіе такъ опредѣляетъ его: „И насадилъ Господь Богъ рай въ Едемѣ на востокѣ. Изъ Едема выходила рѣка для орошеніи рая, и потомъ раздѣлялась на четыре рѣки. Имя одной Фисонъ: она обтекаетъ всю землю Хавила, ту, гдѣ золото; и золото той земли хорошее; тамъ бдолахъ и камень оникъ. Имя второй рѣки Гихонъ (Геонъ); она обтекаетъ всю землю Кушъ. Имя третьей рѣки Хиддекель (Тигръ): она протекаетъ предъ Ассиріею (съ евр. по восточной сторонѣ Ассиріи). Четвертая рѣка Евфратъ“ [2]).

Изъ этого описанія прежде всего ясно, что Едемъ—это обширная страна на востокѣ, въ которой находился рай, какъ меньшее помѣщеніе, назначенное собственно для обитанія первыхъ людей. Затѣмъ въ дальнѣйшемъ описаніи его представляется одна большая рѣка, которая раздѣляется на четыре меньшія рѣки. Въ описаніи послѣднихъ обращаетъ на себя вниманіе различное отношеніе историка къ нимъ. Одну изъ этихъ рѣкъ онъ представляетъ, повидимому, вполнѣ извѣстною своимъ читателямъ, и потому ограничивается простымъ упоминаніемъ о ней, какъ, напр., о Евфратѣ; о другой говоритъ подробнѣе, описываетъ страну, по которой она протекаетъ (Хиддекель), а остальныя двѣ предполагаетъ совсѣмъ мало извѣстными, и потому подробно останавливается не только на указаніи странъ, по которымъ онѣ протекаютъ, но описываетъ и произведенія, которыми эти страны славятся. Евфратъ, самая большая рѣка историческаго Востока, дѣйствительно пользовалась въ древности большою извѣстностью, и евреямъ могла быть извѣстна не менѣе другихъ народовъ, такъ какъ съ ея береговъ вышелъ ихъ великій родоначальникъ Авраамъ, а во время рабства въ Египтѣ, евреи по всей вѣроятности, не разъ были водимы туда воинственными фараонами XVIII династіи, во время ихъ походовъ въ Ассирію. Другая рѣка, называющаяся по-еврейски Хиддекель, не пользовалась такою извѣстностью, какъ Евфратъ, а потому

---

[1]) См. *Herzog*, Real-Encyclopaedie, Bd. 20 (1886 г.), ст. Paradies, стр. 332—377.
[2]) Быт. II, 8, 10—14.

историкъ прибавляетъ, что это та рѣка, которая протекаетъ предъ Ассиріею. Этой послѣдней подробности достаточно было, чтобы дать понятіе о рѣкѣ Хиддекель. Ассирія во время написанія книгъ Моисея уже пользовалась большимъ политическимъ значеніемъ и извѣстностью на Востокѣ. Что эти двѣ рѣки суть именно тѣ рѣки, которыя теперь называются Евфратомъ и Тигромъ и орошаютъ равнину Месопотаміи,—съ этимъ, болѣе или менѣе, соглашаются всѣ изслѣдователи, потому что первая изъ нихъ и доселѣ носитъ то же названіе, а вторая хотя и называется у географовъ Тигромъ, но у мѣстныхъ жителей и до сихъ поръ сохранила свое библейское названіе—Хиддекель (на армян. языкѣ—рѣка Декель). Самую главную трудность представляютъ другія двѣ рѣки—Фисонъ и Гихонъ. Множество ученыхъ изслѣдователей трудились надъ опредѣленіемъ этихъ рѣкъ, и для этого перебрали всѣ большія рѣки Европы, Азіи и Африки,—но все было напрасно [1]).

Прежде чѣмъ отыскивать названныя рѣки, необходимо вникнуть въ смыслъ изображенія историкомъ той рѣчной системы, къ которой принадлежатъ и эти двѣ рѣки. Историкъ описываетъ одну большую рѣку *(нагаръ)*, которая раздѣлялась на четыре меньшія рѣки *(рашимъ)*. Въ какомъ отношеніи находятся эти рѣки между собою? По общему представленію, меньшія рѣки не что иное, какъ рукава большой рѣки. Но такое представленіе не соотвѣтствуетъ даже буквальному смыслу слова *рашимъ*, которымъ обозначаются четыре меньшія рѣки. „Рашимъ“ значитъ „головы“, что на географическомъ языкѣ можно передать вѣрнѣе всего словомъ „верховья“. Такимъ образомъ э емскую рѣчную систему нужно представлять такъ, что четыре истока или верховья соединяются въ одну большую рѣку. Противъ такого представленія возражаютъ, что историкъ говоритъ не о томъ, что четыре меньшія рѣки „соединяются“ въ одну большую, а напротивъ о томъ, что одна большая „раздѣляется“ на четыре меньшія. Это возраженіе, однако, нетрудно устранить. Изслѣдованіе рѣкъ идетъ, большею частью, не внизъ по ихъ теченію, а вверхъ по теченію. Такъ какъ море въ древности представляло лучшіе пути сообщенія и морскіе берега были оживленнѣе и населеннѣе, чѣмъ внутреннія части материковъ, то путешествіе въ глубь материковъ начиналось съ устья рѣкъ и продол-

[1]) Одни видѣли въ нихъ Гангъ и Нилъ, другіе—Фазисъ (Ріонъ) и Араксъ, берущія свое начало въ возвышенностяхъ Арменіи, третьи—Сыръ-Дарью и Аму-Дарью, и т. д.

жалось до истока. И теперь еще путешественники, чтобы проникнуть въ глубь Африки, начинаютъ свое путешествіе съ устья Нила. Идя вверхъ по теченію, они находятъ, что Нилъ раздѣляется на двѣ рѣки (истока)—Бѣлый Нилъ и Голубой Нилъ. Такъ и въ древности изслѣдованіе рѣчной системы Едема могло начаться съ Персидскаго залива, куда впадаетъ общее русло ея; поднимаясь вверхъ по теченію, изслѣдователь находилъ, что общее русло раздѣлялось на двѣ рѣки — Евфратъ и Тигръ, а потомъ и на другія рѣки. Въ этомъ смыслѣ всего естественнѣе представлять описаніе историка, по которому одна рѣка раздѣлялась на четыре рѣки, т.-е. на четыре истока. Такимъ образомъ мы знаемъ большую рѣку,—соединенное русло истоковъ, называющееся теперь Шат-эл-Арабомъ и впадающее въ Персидскій заливъ, и два истока—Евфратъ и Тигръ. Гдѣ же другіе истоки этой большой рѣки, называющіеся въ библейскомъ повѣствованіи—Фисонъ и Гихонъ?

Какъ ни мало изслѣдована еще область разсматриваемой рѣчной системы, куда, до послѣдняго времени, благодаря господству полудикихъ разбойничьихъ племенъ, весьма труденъ былъ доступъ путешественникамъ и изслѣдователямъ, все-таки и теперь можно съ вѣроятностью сказать, что рѣки Фисонъ и Гихонъ суть не что иное, какъ существующія еще и теперь двѣ рѣки, называемыя Куранъ и Керка. Если ѣхать изъ Персидскаго залива въ Шат-эл-Арабъ, то, миновавъ песчаные наносы его устья, послѣ 16 часовъ ѣзды, прибудешь къ мѣсту, гдѣ отдѣляется такъ называемое восточное устье; чрезъ два часа выше на восточномъ берегу открывается городъ Моаммерахъ съ крѣпостью Г'афаръ, а подъ его стѣнами устье рѣки, которая, направляясь съ востока, вливаетъ свои воды въ Шат-эл-Арабъ, именно устье Курана. Кураномъ она называется не болѣе 200 лѣтъ; въ маршрутѣ Тимура 1392 года она называлась еще Хагар-Данга, вѣроятно, по своей полноводности; греки и римляне называли ее Евлеей — Εὐλαῖος (Дан. VIII, 2—Улай), что̀ съ персидскаго значитъ чистая, прозрачная вода, которою дѣйствительно славилась эта рѣка, такъ что Киру изъ нея доставлялась вода для питья въ Сузы. Моисей эту самую рѣку называетъ Фисонъ, и опять по ея особенности. Фисонъ съ евр. значитъ скачущій, прыгающій, и такое названіе вполнѣ оправдывается особенностями ея теченія. Бассейнъ ея представляетъ собою четверичную террасу. Первая верхняя терраса идетъ отъ подошвы одной вершины Загрошскаго хребта (Куги Зердъ), гдѣ рѣка беретъ свое на-

чало, до развалинъ верхняго Сузана. Падая съ этой террасы, рѣка образуетъ свой первый порогъ. Вторая терраса идетъ до города Бундикира и включаетъ въ себя три необычайно плодородныя равнины (посѣвъ даетъ самъ 100 и 200). По словамъ Ролинсона, онѣ въ мартѣ были покрыты такимъ богатствомъ и разнообразіемъ полевыхъ цвѣтовъ какого онъ еще нигдѣ не встрѣчалъ на Востокѣ. Третья терраса начинается отъ города Бундикира, гдѣ въ Куранъ впадаетъ съ сѣверо-востока большой притокъ Дицфулъ; страна эта теперь безплодна и пустынна. Четвертая терраса начинается отъ Аваца, теперешняго главнаго города области; эта мѣстность въ древности была сплошь покрыта лѣсами и сахарнымъ тростникомъ, теперь же кой-гдѣ разбросаны деревушки и финиковые сады, едва напоминающіе о древнемъ плодородіи. Переходомъ съ третьей террасы на четвертую служитъ замѣчательный водопадъ, состоящій изъ семи пороговъ, чрезъ которые рѣка съ пѣной и шумомъ стремится внизъ. Чрезъ послѣднюю террасу рѣка течетъ уже спокойнѣе къ своему устью—въ Шат-эл-Арабъ; до Аваца ходили большіе морскіе корабли, а флотъ Александра Великаго проходилъ даже до Бундикира и оттуда вверхъ по Дицфулу до Сузъ; до самаго Бундикира Куранъ имѣетъ не менѣе 150 саженъ ширины. Таковъ Фисонъ, рѣка водопадовъ, первое верховье общей большой рѣки Шат-эл-Араба.

Второе верховье есть Гихонъ, теперешняя Керка. Пройдя устье Курана, на 8 часовъ пути выше, лежитъ на западномъ берегу значительный городъ—древняя Басра, а еще выше на 11 часовъ пути встрѣчается устье рѣки, которая такъ же, какъ и первая, съ восточной стороны впадаетъ въ Шат-эл-Арабъ. Это—устье рѣки Керки. Турки и персы называютъ ее по одному изъ ея притоковъ Карасу, т.-е. черная вода. Бассейнъ этой рѣки до сихъ поръ почти совсѣмъ не изслѣдованъ, и трудно указать карту, на которой бы правильно изображалось ея теченіе. Библейское названіе ея Гихонъ (прорывающійся) имѣетъ близкое отношеніе къ ея географическимъ особенностямъ. Керка образуется изъ двухъ истоковъ, изъ которыхъ сѣверный реретъ начало на западѣ Гамайдана (древней Экбатаны) при южномъ склонѣ Куги-Елвенда, а южный недалеко отъ города Негавенды; соединенное русло ихъ течетъ на западъ и, встрѣчая на своемъ пути горную страну, съ шумомъ прорывается чрезъ нее, извиваясь по глубокимъ ущельямъ. Мѣстность здѣсь необыкновенно дикая и почти недоступная. Ролинсонъ проникъ сюда первый изъ европейцевъ. На протяже-

ніи 300 шаговъ утесы до того стѣсняютъ здѣсь теченіе рѣки (имѣющей вообще до 50 саж. ширины), что одинъ молодой курдъ въ присутствіи Ролинсона перепрыгивалъ съ одного берега на другой надъ кипящею бездной; маленькій мостъ служитъ средствомъ для перехода туземцевъ и ихъ стадъ. Прорвавшись чрезъ эту колоссальную преграду, рѣка начинаетъ течь свободнѣе и уже широкимъ русломъ вступаетъ въ открытую мѣстность, съ роскошными рощами и лугами, покрытыми истинно-райскимъ разнообразіемъ и богатствомъ цвѣтовъ. Принявъ въ себя два притока, она вступаетъ въ Месопотамскую равнину и затѣмъ впадаетъ въ Шат-эл-Арабъ въ указанномъ выше мѣстѣ. Таковъ Гихонъ, второе верховье общей большой рѣки.

Третье верховье есть Хиддекель или Тигръ, четвертое—Евфратъ, о которыхъ уже сказано выше.

Теперь остается опредѣлить географическое положеніе тѣхъ странъ, которыя находятся въ связи съ этой рѣчной системой; страны эти—Ассирія, Кушъ, Хавила и Едемъ.

Объ Ассиріи историкъ въ своемъ повѣствованіи упоминаетъ для точнѣйшаго опредѣленія рѣки Хиддекеля, очевидно предполагая, что Ассирія для его читателей извѣстнѣе, чѣмъ названная рѣка. Иначе и не могло быть, потому что Хиддекель просто географическое названіе, между тѣмъ какъ Ассирія—названіе въ то же время историческое. Свое названіе она получила отъ Ассура, второго сына Симова, который поселился по ту сторону Тигра, гдѣ впослѣдствіи образовалось сильное государство. Моисей при своемъ описаніи имѣлъ въ виду не государство еще, а только родину Ассура, гдѣ жили его потомки. Занятая ими страна на сѣверѣ граничила съ горою Араратомъ, на востокѣ съ Загрошскимъ горнымъ хребтомъ, на югѣ и западѣ — съ верхнимъ теченіемъ Тигра. Такимъ образомъ указаніе Моисея, что Тигръ протекаетъ предъ Ассиріею или по восточной сторонѣ ея, вполнѣ согласно съ ея географическимъ опредѣленіемъ.

Далѣе историкъ упоминаетъ другія страны—Кушъ и Хавила. Названія ихъ также имѣютъ библейско-историческое происхожденіе. Хушъ, по Быт. X, 6—8 и Пар. I, 8—10, былъ старшій сынъ Хама и отецъ Хавилы и Нимрода. Хамиты подъ предводительствомъ Нимрода поселились въ землѣ Сеннааръ; рядомъ съ нею, отдѣляемая только Тигромъ, лежитъ страна, называемая теперь Кузи-станъ (*станъ*—перс. *земля*). Ее обтекаетъ рѣка Керка. Какъ самое названіе Кузи, такъ и обтекающая ее рѣка Керка поразительно совпадаютъ

съ описаніемъ библейскаго историка, по которому рѣка Гихонъ (Керка) „обтекаетъ всю землю Кушъ". За рѣкой Керкой лежитъ третья страна, которую обтекаетъ рѣка Куранъ (Фисонъ). Это—не что иное, какъ земля Хавила, древняя Елемаида, позднѣйшая Сузіана. Библейскій историкъ говоритъ, что Гихонъ обтекаетъ всю землю Кушъ, и дѣйствительно Керка описываетъ дугу вокругъ Кузи-стана; подтверждается также теперешнею географіей и то указаніе, что Фисонъ обтекаетъ всю землю Хавила: Куранъ описываетъ вокругъ Сузіаны даже двѣ дуги. Земля Хавила была для читателей исторіи менѣе извѣстна, чѣмъ страна Кушъ; поэтому историкъ счелъ необходимымъ къ ея имени присоединить еще другія указанія, именно на ея произведенія: хорошее золото, бдолахъ и камень оникъ. Въ изслѣдованіяхъ относительно положенія рая этому указанію обыкновенно придается особенное значеніе. Для современниковъ Моисея оно было еще важнѣе, такъ какъ они путемъ азіатско-египетской торговли получали золото, бдолахъ и оникы изъ этой именно страны. Но оправдываетъ ли эта страна своими произведеніями указаніе историка? Что касается двухъ минералогическихъ произведеній, то нужно прежде всего сказать, что внутренность всего хребта Загрошскихъ горъ еще не изслѣдована; но что такой громадный хребетъ долженъ заключать въ себѣ и металлы и драгоцѣнные камни,—это не подлежитъ сомнѣнію. По крайней мѣрѣ, низмѣнность при его подошвѣ, Вавилонская равнина, богата драгоцѣнными камнями, именно сердоликами (по-греч. *сардіонъ*, отъ г. Сардъ, откуда обыкновенно привозились эти камни). Равнымъ образомъ богаты ими и острова Персидскаго залива, который омываетъ землю Хавила. Одинъ путешественникъ, на открытомъ дворѣ у гробницы Даніила, замѣтилъ три камня такой красоты и цѣнности, какихъ рѣдко можно встрѣтить. Ролинсонъ уже не нашелъ этихъ камней.

Что же такое Едемъ?—Послѣ представленныхъ изысканій, теперь нетрудно отвѣтить и на этотъ вопросъ. Едемъ, это—Месопотамія, Месопотамія не только въ тѣсномъ смыслѣ, какъ область между Евфратомъ и Тигромъ, но во всей своей протяженности между Аравійскою пустынею и Сирійскими горами на западѣ, Армянскимъ Тавромъ на сѣверѣ, Загрошскимъ хребтомъ на востокѣ и Персидскимъ заливомъ на югѣ. Изъ Едема, говоритъ историкъ, выходитъ рѣка,— и дѣйствительно: Шат-эл-Арабъ съ своими четырьмя верховьями течетъ изъ Месопотаміи въ Персидскій заливъ; страна, гдѣ насажденъ

былъ садъ и гдѣ одна рѣка раздѣляется на четыре верховья, находилась въ Едемѣ, и она доселѣ находится въ Месопотаміи. Едемъ означаетъ блаженство, прелестную, плодоносную и блаженную страну среди суровыхъ, непривѣтливыхъ или требующихъ тяжелаго труда окрестностей, среди песковъ и горъ. Месопотамія же и есть этотъ Едемъ, чудесный цвѣтникъ передней Азіи. Имя Едема и исторически утвердилось въ Месопотаміи, хотя только для отдѣльной части ея. Что это имя впослѣдствіи стало прилагаться и къ другимъ странамъ, выдававшимся своею красотою предъ окружающими мѣстностями, это неудивительно и не должно приводить въ смущеніе: таковы извѣстный портовый городъ въ Аравіи—Аденъ, Бейт-эл-Джанне, что̀ значитъ Домъ рая—на восточномъ склонѣ Ермона, деревня Едемъ на вершинѣ западнаго Ливана, Едемъ—въ Зендавестѣ,—т. е. орошаемая рѣками Курой и Араксомъ Эриванская область, родина персидскаго огнепоклонничества. Всѣ эти Едемы находятся внѣ рѣчной системы дѣйствительнаго Едема и притомъ позднѣйшаго происхожденія. О Месопотамскомъ Едемѣ сохранились слѣды изъ времени пророковъ, именно въ четырехъ мѣстахъ: 3 Цар. XIX, 12, Исаіи XXXVII, 12 Іезек. XXVII, 23 и Амос. I, 5. Въ первыхъ двухъ мѣстахъ между подданными царя Ассиріи поименовываются дѣти Едема въ Θелассарѣ; въ третьемъ одинъ изъ торговцевъ великаго торговаго города Тира называется Едемъ; въ четвертомъ предсказывается, что въ Киръ отведены будутъ Дамаскъ и Бетъ-Едемъ—съ общимъ прибавленіемъ—народъ Арама. Послѣднее изъ этихъ четырехъ мѣстъ можно бы еще относить къ ливанской мѣстности. Но другія мѣста по связи названія Едема съ другими именами, несомнѣнно относящимися къ Месопотаміи, говорятъ именно о месопотамскомъ Едемѣ.

Но заслуживаетъ ли Месопотамія названія Едема? Чтобы видѣть это, достаточно взглянуть на карту, на положеніе этой знаменитой рѣчной системы среди окружающихъ ее горъ, пустынь и морскихъ береговъ; всѣ свидѣтельства библейской и классической древности, а также средневѣковыя мусульманскія описанія достаточно говорятъ объ этомъ. Если же нѣкоторые новѣйшіе путешественники представляютъ нѣсколько иное описаніе ея, то противъ нихъ можно поставить многихъ другихъ, которые не находятъ словъ для восхваленія ея. При этомъ, однако же, нельзя забывать различія въ ея положеніи въ древнее и новѣйшее время: надъ ней въ теченіе тысячелѣтій пронеслись страшныя бури опустошеній при смѣнѣ могучихъ царствъ, да и теперь

разрушительное турецкое управленіе, всего болѣе обрушивающееся на богатыя провинціи, содѣйствуетъ лишь разоренію и обѣдненію Месопотаміи. Тѣмъ не мѣнѣе, естественныя условія, дающія этой рѣчной системѣ право на названіе Едема, сохранились доселѣ, и гдѣ человѣкъ хоть сколько-нибудь помогаетъ природѣ, тамъ она опять поражаетъ своею роскошью и богатствомъ.

Мы представили теперь общую картину знаменитой рѣчной области, системы рѣкъ и орошаемыхъ ими странъ; мы видѣли, какъ одна рѣка — Шат-эл-Арабъ—предъ глазами путешественника, поднимающагося вверхъ по теченію, раздѣляется на четыре рѣки, изъ которыхъ Куранъ есть библейскій Фисонъ, Керка—библейскій Гихонъ, Хиддекель—Тигръ и Евфратъ; изслѣдовали также отдѣльныя страны месоптамскаго Едема, изъ которыхъ лежащая на юговостокѣ Сузіана есть библейская Хавила, лежащій на сѣверъ отъ нея Кузистанъ—библейскій Кушъ, а еще сѣвернѣе по ту сторону верхняго теченія Тигра—Ассирія, а въ срединѣ Месопотаміи, между Тигромъ и Евфратомъ, земля Нимрода—Сеннааръ. Теперь остается еще опредѣлить ту мѣстность среди этихъ странъ, гдѣ находился собственно такъ-называемый рай.

Садъ или рай былъ насажденъ въ Едемѣ; слѣдовательно, нужно искать его внутри рѣчной системы Месопотаміи. Но внутри этой системы уже не остается другой мѣстности, на которую можно указать, кромѣ долины Шат-эл-Араба, и эта только мѣстность прямо и во всѣхъ отношеніяхъ можетъ соотвѣтствовать повѣствованію историка. Если взглянуть на карту Месопотаміи, то окажется, что дѣйствительно нѣтъ другой мѣстности, которую бы иначе можно было считать раемъ: область Курана есть земля Хавила, область Керки—земля Кушъ, область верхняго Тигра—Ассирія, область между Тигромъ и Евфратомъ—земля Сенааръ; по сю сторону Евфрата вплоть до Корны идетъ пустыня. Отъ Корны же до песчаныхъ наносовъ устья Шат-эл-Араба не только по восточной сторонѣ этой рѣки между Кураномъ, Керкой и Тигромъ, но и по западной сторонѣ ея разстилается низменная равнина, образуемая береговою полосою въ 30—40 верстъ ширины и до 200 верстъ длины, равнина, носящая на себѣ несомнѣнные слѣды древняго богатства и роскоши. Рѣка круто поворачиваетъ на юго-востокъ, гдѣ къ ней на нѣсколько миль подходитъ край аравійской возвышенности и образуетъ на подобіе склона Загрошскаго хребта на востокѣ высокую ограду для рѣчной равнины,

причемъ уровень ея все болѣе понижается къ Персидскому заливу: такъ образуется низменная долина, которая во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ единственную въ своемъ родѣ долину Ситтимъ. По ту сторону рѣки береговая полоса долины переходитъ въ область Сузіану, надъ террасообразно поднимающейся почвою которой виднѣются синія очертанія Загрошскаго хребта; по сю сторону рѣки великолѣпная береговая мѣстность понемногу поднимается до желтой полосы Аравійской возвышенности, а въ срединѣ чрезъ самую долину величественная рѣка мощно катитъ свои волны, орошая обѣ стороны, причемъ въ одно время года она наводняетъ всю долину, сообщая ей необыкновенную плодородность.

Возражаютъ, что эта долина часто изображается такими черными красками и такъ будто бы нездорова, что ни въ какомъ случаѣ не могла быть мѣстомъ прелестнаго рая и колыбелью первыхъ людей. Въ этомъ возраженіи есть доля правды, потому что при теперешнемъ запустѣніи страны подъ господствомъ турецкаго правительства она дѣйствительно во многихъ отношеніяхъ не представляетъ подобія древнему раю. При отсутствіи всякой очистки и ремонтировки многочисленныхъ каналовъ, нѣкогда представлявшихъ превосходную сѣть для благовременнаго отвода или задержанія воды, изъ нихъ образовались болота, которыя неспособны отводить воду, когда это нужно, и въ то же время задерживаютъ ее, когда не нужно; отсюда при значительной высотѣ температуры происходитъ усиленное гніеніе и цвѣтеніе воды, отъ которой поднимаются нездоровыя испаренія, отравляющія воздухъ. При неправильности орошенія, почва во многихъ мѣстахъ перегораетъ и трескается, и жаръ при юговосточномъ вѣтрѣ или даже при затишьѣ бываетъ такъ силенъ, что люди падаютъ въ изнеможеніи. Но, чтобы правильно судить о теперешнемъ состояніи этой богатой области, необходимо помнить, что она была дѣйствительнымъ Едемомъ только до паденія, а со времени его она понесла тяжкое проклятіе за вину человѣка и уже, конечно, не можетъ представлять прежней роскоши. Но и помимо паденія, какъ ни роскошна страна, она все-таки требуетъ обработки: первобытный рай отличался всѣмъ богатствомъ и плодородностью еще дѣвственной, не подвергавшейся проклятію, почвы; тѣмъ не менѣе, Богъ заповѣдалъ людямъ обрабатывать его. И спустя тысячелѣтія, гдѣ прилагался въ этой странѣ трудъ для ея обработки, тамъ почва ея постепенно обнаруживала свое райское богатство, и, напротивъ,

гдѣ этого не было, она обращалась въ пустыню. Впрочемъ, и теперь, при всей заброшенности Месопотамской долины со стороны человѣка, въ ней нельзя не замѣтить слѣдовъ ея прежняго лучшаго состоянія. Выше было уже упомянуто, какъ славилась въ Средніе вѣка мѣстность Аваца богатствомъ хлѣба и сахарнаго тростника; но если спуститься и въ низменную долину (Авацъ лежитъ на одной изъ возвышеннѣйшихъ террасъ р. Курапа), особенно если вступить въ береговую мѣстность Басры за Шат эл-Арабомъ, то какой прелестный видъ представляетъ эта страна и теперь, если человѣкъ обрабатываетъ ее! Она славилась своимъ великолѣпіемъ и богатствомъ еще въ Средніе вѣка подъ владычествомъ персовъ и арабскихъ халифовъ, и волшебныя, чарующія картины сказокъ «Тысячи и одной ночи» съ своими замками и базарами, садами и пальмовыми рощами въ значительной части относятся къ этой именно мѣстности. По ту сторону Шата и теперь лежитъ прекраснѣйшая береговая мѣстность между первыми двумя верховьями, Кураномъ и Керкой; это настоящій садъ финиковыхъ лѣсовъ; за этими финиковыми лѣсами начинается царство осоки и камыша, еще далѣе отъ рѣки—пастбища, и затѣмъ начинается мѣстность, покрытая скудными солончаковыми растеніями, однообразіе которыхъ нарушается лишь группами тамарисковъ, анисовъ и акацій,— это та мѣстность, которая нѣкогда была родиной сахарнаго тростника. Стоитъ только туземцу двинуть рукой, и каждый клочокъ этой пустынной почвы опять превращается въ поле, дающее богатѣйшія жатвы риса, ячменя и пшеницы. То же самое и по сю сторону Шата, но только здѣсь плодородіе обработанной почвы еще больше и райская природа почвы еще сильнѣе бросается въ глаза. По сю сторону долина туземцами дѣлится на двѣ части—сѣверную (Шемалъ) отъ Корны до Басры, и южную (Джунубь) отъ Басры до впаденія рѣки въ Персидскій заливъ, и обѣ онѣ представляютъ восхитительный видъ. Двойной поясъ финиковыхъ пальмъ густо покрываетъ берега величественной рѣки, и къ плеску ея волнъ примѣшивается тысячеголосное пѣніе всевозможныхъ птицъ; небольшіе протоки и канавы, дающіе рѣкѣ возможность разливаться на 15 верстъ въ ширину, кишатъ всевозможными рыбами; на бархатныхъ лугахъ позади пальмовыхъ рощъ пасутся многочисленныя стада верблюдовъ, лошадей, воловъ, овецъ и козъ, между тѣмъ какъ дикіе звѣри—носороги, медвѣди и львы живутъ въ отдаленныхъ пустынныхъ мѣстахъ, и только изрѣдка змѣя высовываетъ голову изъ богатой растительности. Гдѣ

человѣкъ прилагаетъ хоть малѣйшій трудъ къ обработкѣ почвы, она превращается въ богатѣйшія поля риса, маиса, пшеницы и сахарнаго тростника, или въ коверъ прелестныхъ цвѣтовъ, въ особенности розъ и миртовъ, надъ которыми красуются всевозможные плоды: яблоки, груши, сливы, вишня, виноградъ, смоквы, миндали, орѣхи, абрикосы, персики, гранаты, лимоны и апельсины. Какова же была эта страна въ то время, когда она только что была насаждена для человѣка и когда ее еще не осквернилъ грѣхъ, когда она не испытала еще мертвящаго дыханія проклятія и смерти!—въ то блаженное время, когда воды рѣчного бассейна, управленіе которыми было ввѣрено человѣку, только съ пользою орошали садъ, когда болота съ своими испареніями еще не отравляли воздуха, а прохладные вѣтерки съ горъ и моря настолько умѣряли жаръ, что солнце не палило въ полдень и дыханіе ночи не было холоднымъ; когда волкъ еще пасся съ ягненкомъ, левъ еще питался травой вмѣстѣ съ волами, еще не было порчи и разрушенія въ остальномъ твореніи; когда Отецъ первыхъ людей еще бесѣдовалъ съ ними, какъ съ Своими дѣтьми, еще ходилъ съ ними подъ тѣнистыми вѣтвями прежняго рая!

Такова мѣстность бывшаго рая. Греческій переводъ LXX-ти толковниковъ называетъ эту мѣстность παράδεισος, что значитъ въ собственномъ смыслѣ «садъ», а Моисей просто называлъ ее огородомъ—*ганъ*. Послѣднее названіе предполагаетъ обгороженность почвы, извѣстную симметрію въ расположеніи растительности, соединеніе прекраснаго съ полезнымъ и большую легкость въ обработкѣ и поддержаніи почвы. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ долина Шата вполнѣ заслуживаетъ своего названія. Она была дѣйствительно обнесена естественной оградой: на востокѣ оградой ей служила возвышающаяся террасами земля Хавила, идущая до самаго хребта Загрошъ, на югѣ—Персидскій заливъ, на западѣ Аравійская возвышенность и на сѣверѣ—развѣтленіе рѣчного бассейна, служащее въ то же время соединяющимъ путемъ въ остальныя части Едема. Климатъ, почва, растительное и животное царства еще и теперь, когда остаются едва блѣдные слѣды прежняго величія и красоты, представляютъ собой соединеніе лучшихъ свойствъ, которыми только отличается вся страна месопотамскаго Едема. Наконецъ, растительность долины заключала въ себѣ все, что только нужно было человѣку, и въ полной мѣрѣ соединяло прекрасное съ полезнымъ. Здѣсь люди могли жить безъ одежды, что теперь невозможно даже въ Кашемирской долинѣ, и въ

то же время могли найти все, что нужно было для одѣянія. Здѣсь было все нужное для ихъ пропитанія, прежде чѣмъ они научились обрабатывать землю, и все то, что необходимо было для дальнѣйшей обработки ея. Но эта обработка не требовала напряженія—до пота лица. Эта долина представляетъ, на подобіе Нильской долины, такую же наносную, жирную и мягкую почву, которая въ извѣстное время принимаетъ въ себя сѣмена безъ плуга и другихъ земледѣльческихъ пособій и даетъ богатѣйшія жатвы; миріады мелкихъ рыбъ изобразживаютъ ее во время наводненія и такимъ образомъ помогаютъ человѣку, такъ что обработка почвы, равно какъ рытье канавъ для орошенія удаленныхъ отъ берега мѣстностей или для отвода водъ, облегчается какъ-бы невидимой рукой.

Эта блаженная страна была потеряна первыми людьми. «И изгналъ Богъ Адама изъ сада Едемскаго и поставилъ у него на востокѣ Херувима и пламенный мечъ обращающійся, чтобы охранять пути къ дереву жизни». Что такое этотъ «мечъ обращающійся», который сталъ заграждать пути къ древу жизни? Это въ нѣкоторомъ смыслѣ тѣ теперешнія непроходимыя палящія пустыни, которыя дѣйствительно часто заграждаютъ путь въ долину Шата. Онѣ наглядный остатокъ заслуженнаго первыми людьми проклятія. Пустыни эти въ извѣстную часть года покрываются осокой, камышомъ и другими сорными травами, а въ другую часть все это сожигается палящимъ солнцемъ, и пустыни становятся знойными и непроходимыми. При первомъ произнесеніи проклятія и изгнанія изъ рая, заграждѳніемъ къ нему могъ служить и подземный огонь, такъ какъ почва тамъ вулканическая.

Итакъ, отягченные грѣхомъ и пораженные горемъ первые люди изгнаны были изъ рая къ востоку. Лѣса и луга, по которымъ лежалъ ихъ путь, изсохли, жизнь природы стала замирать подъ проклятіемъ грѣха, которое прародители навлекли на прекрасный дотолѣ міръ. Они проходятъ равнину и поднимаются на предгорія Иранской возвышенности. Они оглядываются назадъ,—и тамъ внизу лежитъ блаженная страна; надъ ней поднимается пламя: то Херувимъ, вѣстникъ Божественной правды, своимъ пламеннымъ мечомъ ограждаетъ путь къ древу жизни.

ГЛАВА V.

Первыя поколѣнія.

Лишившись своего прежняго блаженнаго жилища, первые люди поселились къ востоку отъ Едема. Рай отъ нихъ лежалъ на западъ,— гдѣ ежедневно исчезало отъ взоровъ ихъ солнце, напоминая своей потухающей вечерней зарей то, чего они лишились за свой грѣхъ. Эта восточная внѣрайская страна сдѣлалась колыбелью человѣчества. Здѣсь начались первые труды обыденной суровой жизни, и здѣсь же явилось первое поколѣніе „рожденныхъ" людей. „Адамъ позналъ жену свою Еву, и она зачала и родила сына, которому дала имя Каинъ, что значитъ: пріобрѣла я человѣка отъ Господа". При первомъ рожденіи Ева переживала совершенно новыя, неизвѣстныя ей состоянія,— беременность и болѣзненность родовъ. По счастливомъ совершеніи рожденія, послѣдствіемъ котораго явилось новое, дорогое для нея существо, она пришла въ восторгъ, который и выразился въ наименованія этого существа. При этомъ ей вспомнилось и обѣтованіе, данное ей Іеговою, которое также имѣетъ близкое отношеніе къ имени перваго рожденнаго человѣка. Но Ева жестоко ошиблась, предполагая въ своемъ первомъ сынѣ начало избавленія отъ постигшей ее кары: въ немъ явилось для нея лишь начало новыхъ, неизвѣстныхъ еще ей страданій и горя. Впрочемъ, Ева и сама поняла, что она слишкомъ скоро стала лелѣять себя надеждой на исполненіе обѣтованія, и потому, когда родился у нея второй сынъ, она назвала его Авелемъ, что значитъ призракъ, ничтожество, паръ.

Теперь уже первые люди не одни: образовалось семейство, а вмѣстѣ съ нимъ стали вырабатываться и новыя отношенія. Съ приращеніемъ семейства увеличились потребности, для удовлетворенія которыхъ понадобился усиленный трудъ. Уже съ первыхъ дней новаго положенія, въ которое люди поставлены были грѣхопаденіемъ, потребности оказались разнообразными: требовалось добывать пищу и одѣяніе. Соотвѣтственно этому произошло у первыхъ людей и раздѣленіе труда: первый сынъ Каинъ сталъ обрабатывать землю, для удовлетворенія первой потребности—питанія, а второй—Авель сталъ заниматься скотоводствомъ, для добыванія шерсти, а также и молока.

Выборъ рода труда и занятій первыхъ братьевъ, конечно, зависѣлъ отъ различія ихъ характеровъ и склонностей. Занятія еще больше раздѣлили ихъ, и между первыми братьями скоро произошло соперничество, кончившееся страшнымъ злодѣяніемъ, какого дотолѣ еще не видѣла земля. «Однажды Каинъ принесъ отъ плодовъ земли даръ Господу. И Авель также принесъ отъ первородныхъ стада своего и отъ тука ихъ. И призрѣлъ Господь на Авеля и на даръ его; а на Каина и на даръ его не призрѣлъ». Причину этого, конечно, нужно видѣть не только въ качествѣ самыхъ даровъ, но и особенно во внутреннемъ расположеніи для принесенія ихъ. Этимъ навсегда давался урокъ, что жертва Богу должна соединяться съ внутренней жертвой добраго сердца и добродѣтельной жизни. Между тѣмъ, если Авель принесъ свою жертву съ вѣрою, подтверждаемою доброю жизнью, то напротивъ Каинъ принесъ ее, очевидно, безъ внутренняго участія, такъ какъ въ жизни «дѣла его были злы» (1 Іоан. III, 12).

Увидѣвъ предпочтеніе, оказанное брату, Каинъ сильно огорчился, и омраченное лицо его поникло. На немъ появились зловѣщія черты. Но совѣсть (этотъ голосъ Божій внутри человѣка) заговорила въ Каинѣ: «почему ты огорчился, и отчего поникло лицо твое? Если дѣлаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? а если не дѣлаешь добраго: то у дверей грѣхъ лежитъ; онъ влечетъ тебя къ себѣ, но ты господствуй надъ нимъ». Каинъ, однако, не послушался предостереженія и отворилъ грѣху дверь своего сердца. Зазвавъ своего довѣрчиваго брата въ поле, онъ убилъ его,—совершивъ невиданное еще землею злодѣяніе. Въ этомъ фактѣ нѣкоторые видятъ выраженіе преобладанія земледѣлія надъ пастушествомъ, какъ начала высшей ступени культуры. Но онъ имѣетъ большее значеніе, чѣмъ простая культурно-историческая эмблема. Каинъ является первымъ человѣкомъ, который далъ волю грѣху. Возобладавъ надъ сердцемъ, грѣхъ не замедлилъ заявить свое существо и во внѣшнемъ дѣлѣ. Здѣсь также впервые происходитъ борьба двухъ поколѣній въ человѣческомъ родѣ. Начинаясь отъ этого перваго убійства, кровавый потокъ проходитъ чрезъ всю исторію,—причемъ Каины непрерывно убиваютъ Авелей [1]).

Страшное злодѣяніе, впервые нарушившее порядокъ природы, не могло остаться безъ наказанія. «Гдѣ Авель, братъ твой?» спросилъ Господь Каина. „Не знаю: развѣ я сторожъ брату моему?“—отвѣ-

[1]) Матѳ. XXIII, 35.

чалъ убійца, показывая такимъ отвѣтомъ, какой страшный шагъ впередъ сдѣлало зло со времени паденія прародителей. Эта дерзость, это безстыдное отрицаніе не допускали возможности дальнѣйшаго испытанія, и Господь прямо обратился къ убійцѣ съ опредѣленіемъ наказанія. „Что ты сдѣлалъ? голосъ крови брата твоего вопіетъ ко Мнѣ отъ земли. И нынѣ проклятъ ты отъ земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего отъ руки твоей. Когда ты будешь воздѣлывать землю, она не станетъ больше давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанникомъ и скитальцемъ на землѣ". Окровавленная земля въ силу этого опредѣленія должна была потерять свое прежнее плодородіе, такъ что Каину нельзя уже было оставаться на ней. Проклятіе, вызванное первородныхъ грѣхомъ, также пало на землю и только посредственно на человѣка; теперь же, когда грѣхъ дошелъ до убійства, проклятіе падаетъ уже на самого убійцу, но не безусловное проклятіе, а проклятіе изгнанія, въ силу котораго земля въ качествѣ исполнительницы воли Божіей, не давая своихъ плодовъ Каину, должна была принудить его скитаться по ней. Въ виду тяжести возложеннаго наказанія, упорство Каина сломилось и перешло въ малодушіе и отчаяніе. „Наказаніе мое, воскликнулъ онъ, больше, нежели снести можно. Пусть всякій, кто встрѣтится, убьетъ меня". Но это желаніе Каина, вызванное его отчаяніемъ, было преступно и потому не могло быть исполнено. Какъ наказанный убійца, онъ долженъ былъ служить предостерегающимъ примѣромъ для другихъ. Поэтому всякому, кто бы рѣшился на убійство Каина, должно было

всемеро отомститься. Поникшее, искаженное злодѣйствомъ лицо его должно было служить знакомъ, чтобы никто, встрѣтившись съ нимъ, не убилъ его,—будетъ ли то дикій звѣрь, или кто изъ братьевъ его.

И пошелъ Каинъ скитаться по землѣ, и наконецъ поселился въ землѣ Нодъ, еще далѣе на востокъ отъ Едема. Трудно опредѣлить точнѣе положеніе этой страны. Различные изслѣдователи указывали на сѣверную Индію, Китай и друг. Во всякомъ случаѣ, это — земля, удаленная отъ первичнаго поселенія людей, страна „изгнанія", какъ показываетъ и ея названіе [1]). Но туда онъ удалился не одинъ. Какъ ни велико было его злодѣяніе и оскорбленіе, нанесенное чистотѣ и святости братской любви, изъ среды размножившихся за это время братьевъ, сестеръ и послѣдующихъ поколѣній нашлись люди, которые рѣшились послѣдовать за Каиномъ въ страну изгнанія, такъ что онъ поселился тамъ съ женой. Здѣсь у него родился сынъ, котораго онъ назвалъ Енохомъ. Удаленный отъ остального общества людей, предоставленный своей собственной судьбѣ, Каинъ, отъ природы суровый и упорный, теперь еще съ бо̀льшимъ упорствомъ долженъ былъ бороться съ природой и внѣшними условіями жизни. И онъ, дѣйствительно, весь отдался тяжелому труду для обезпеченія своего существованія и былъ первымъ человѣкомъ, который построилъ городъ, какъ начало осѣдлой и культурной жизни. Городъ названъ былъ по имени сына его Еноха. Нѣкоторые изслѣдователи возражаютъ противъ этого факта, что будто-бы немыслимо допустить постройку города въ такое раннее время. На это нужно сказать, что до этого событія могло пройти отъ происхожденія человѣка уже нѣсколько столѣтій, въ продолженіе которыхъ люди могли придти къ мысли о лучшихъ средствахъ защиты своего существованія отъ внѣшнихъ враговъ. Притомъ подъ именемъ „города", конечно, нельзя разумѣть въ собственномъ теперешнемъ смыслѣ городъ, а просто ограду, возведенную для защиты находившагося среди ея жилища.

Поколѣніе Каина стало быстро увеличиваться, а вмѣстѣ съ тѣмъ продолжалась начатая его родоначальникомъ культура. Изъ среды его выходили люди, которые, наслѣдовавъ отъ Каина упорную волю въ борьбѣ съ природой, продолжали неустанно изыскивать новыя средства для успѣшнѣйшаго веденія ея. Особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи семейство Ламеха, пятаго потомка въ поколѣніи Каина по

---

[1]) Нодъ—съ евр. *бѣгство*, *изгнаніе*.

прямой линіи [1]). Самъ Ламехъ замѣчателенъ въ исторіи человѣчества тѣмъ, что онъ первый нарушилъ естественный, установленный при началѣ, порядокъ брачныхъ отношеній и ввелъ многоженство, сдѣлавшееся впослѣдствіи источникомъ ужаснаго попранія человѣческаго достоинства женщины, особенно на Востокѣ. Подчиняясь своей страстной натурѣ, онъ взялъ себѣ двѣ жены—Аду и Циллу. Отъ нихъ родились сыновья, которые сдѣлались изобрѣтателями первыхъ ремеслъ и искусствъ. Отъ Ады родился Іавалъ. Онъ первый изобрѣлъ палатки и съ ними началъ вести настоящую кочевую жизнь, перенося шатры и перегоняя стада съ одного мѣста на другое. Братъ его Іувалъ былъ болѣе поэтической натуры и прославился изобрѣтеніемъ инструментовъ, посредствомъ которыхъ можно выражать порывы души. Онъ первый изобрѣлъ гусли и свирѣль и есть отецъ всѣхъ играющихъ на нихъ. Гусли или арфа, по-еврейски *кинноръ*, перешедшая къ грекамъ, у которыхъ удержалось за этимъ инструментомъ его еврейское названіе—к и н у р а, по описанію Іосифа Флавія, имѣла десять струнъ, на которыхъ играли при помощи плектра — особой музыкальной палочки. Изобрѣтеніе Іувала, конечно, представляло простѣйшую форму струннаго инструмента. Замѣчательно при этомъ, что первые музыкальные инструменты изобрѣтены братомъ перваго скотовода-кочевника, принимавшимъ, вѣроятно, въ занятіяхъ послѣдняго близкое участіе: счастливый досугъ этого занятія давалъ болѣе всего поводовъ къ такому изобрѣтенію.—Отъ Циллы у Ламеха также родился замѣчательный сынъ, по имени Тувалъ-Каинъ. Онъ прославился самымъ полезнымъ изобрѣтеніемъ для развитія культуры, именно пришелъ къ мысли воспользоваться металлами для приготовленія изъ нихъ прочныхъ орудій для защиты и хозяйственныхъ цѣлей и сталъ ковать эти орудія изъ мѣди и желѣза. До него всѣ орудія для защиты или инструменты для домашнихъ хозяйственныхъ занятій, вѣроятно, приготовлялись изъ кремня, дерева или костей. Дикіе народы до сихъ поръ обходятся съ такими орудіями, и въ постепенномъ приближеніи ихъ къ цивилизованнымъ народамъ эти первобытныя орудія смѣняются сначала мѣдными или бронзовыми (въ южной Америкѣ—золотыми), а потомъ уже желѣзными,—служащими признакомъ довольно высокой культуры. Возражаютъ, будто бы невѣроятно, чтобы Тувалъ-Каинъ въ такое раннее время могъ изобрѣсти металлическія орудія. Но если

---

[1]) Енохъ, Ирадъ, Мехіаель, Маѳусалъ и Ламехъ. Быт. IV, 18.

Тувалъ-Каинъ былъ современникомъ Еноха (потомка Сиѳова), то рожденіе его относится, по меньшей мѣрѣ, къ 500 году по еврейскому лѣтосчисленію, и къ 1000 году по хронологіи LXX-ти отъ сотворенія перваго человѣка,—время, достаточное для значительнаго развитія культуры, особенно при той упорной борьбѣ съ природой, какой отличалось все поколѣніе Каина. Тотъ фактъ, что самые древніе жители Европы не знали употребленія металловъ, какъ показываютъ открытія кремневыхъ орудій въ могилахъ, не можетъ служить доказательствомъ, что употребленіе металловъ не было извѣстно раннимъ потомкамъ Адама. Если бы, напр., европейскіе поселенцы Австраліи на тысячу лѣтъ были совершенно разъединены съ остальнымъ міромъ, то было бы вполнѣ возможно, что они, несмотря на свое теперешнее высокое культурное состояніе, лишились бы многихъ орудій цивилизованной жизни, и можетъ быть, если бы не оказалось каменнаго угля, извести и туземныхъ металловъ, забыли бы самое употребленіе металлическихъ орудій.—У Тувалъ-Каина была сестра Ноема, „прекрасная“, названная такъ, конечно, соотвѣтственно ея физической особенности. Преданіе называетъ ее изобрѣтательницею звуковъ и пѣсенъ.

Итакъ, въ потомствѣ изгнанника Каина произошли различные роды жизни и занятій, искусства и орудія. Ему обязаны своимъ началомъ кочевой образъ жизни, музыка и обработка металловъ,—эти начатки культуры. Какъ объяснить тотъ фактъ, что на долю потомства отверженника и изгнанника выпала честь изобрѣтенія полезнѣйшихъ орудій цивилизаціи? Объясненія его нужно искать именно въ этомъ отверженіи и изгнаніи. Отверженное людьми, потомство Каина всецѣло отдалось природѣ; опираясь единственно на самопомощь, оно начало упорную борьбу съ ней, чтобы этой борьбой завоевать себѣ то, чего оно лишилось въ обществѣ отвергшаго его человѣчества; отверженное также Богомъ, оно сосредоточило свои мысли на видимомъ и чувственномъ, въ немъ положило цѣль своей жизни, и чтобы смягчить тяжесть своего отверженнаго состоянія, оно направило всѣ свои помыслы на улучшеніе и обезпеченіе своего существованія. Чтобы утишить тоску и томленіе отверженной Богомъ души, потомки Каина изобрѣли музыку, которая, углубляя человѣка въ созерцаніе внутреннихъ силъ природы и духа и развлекая сердце разнообразіемъ игры, нѣсколько утоляла жажду религіозной потребности и давала удовлетвореніе волнующемуся духу. Вызванныя такимъ образомъ естественными потребностями жизни и духа, эти орудія и искусства, хотя и

возникли на отверженной почвѣ, тѣмъ не менѣе, не заключаютъ въ самихъ себѣ ничего преступнаго; напротивъ, какъ средства высшей культурной жизни, они были усвоены и остальнымъ человѣчествомъ и приняты даже религіею, такъ что въ послѣдующей исторіи музыкальные инструменты составляютъ принадлежность самыхъ священныхъ и торжественныхъ событій. Музыкѣ Св. Писаніе даетъ просторъ вѣчности. Гласъ музыкальной трубы, по ученію Откровенія, раздается и на небесахъ.

Непосредственно за изобрѣтеніемъ музыки слѣдуетъ начало поэзіи, потому что поэзія есть музыка въ словахъ,—и именно лирической поэзіи, потому что лирическая поэзія, какъ непосредственное изліяніе быстро являющихся сильныхъ чувствъ, самая древняя. Началомъ своимъ она обязана самому Ламеху, этому отцу столькихъ изобрѣтателей. Восхищенный изобрѣтеніями своихъ сыновей, и особенно Тувалъ-Каина, онъ сказалъ своимъ женамъ:

Ада и Цилла, послушайте голоса моего;
Жены Лам-ховы, внимайте словамъ моимъ;
Я убилъ *бы* мужа *за* [1]) язву мнѣ,
И отрока за рану мнѣ,
Если за Каина отмстится всемеро,
То за Ламеха въ семьдесятъ разъ всемеро.

Въ этомъ шестистишіи представляется первый примѣръ собственно поэтической рѣчи въ первобытную эпоху. Въ немъ, однако же, выступаютъ всѣ характеристическія особенности позднѣйшей поэзіи: 1) ритмъ, т.-е. стройная смѣна повышеній и пониженій, 2) созвучіе, т.-е. равная протяжность соотвѣтствующихъ стиховъ, 3) параллелизмъ въ расчлененіи мыслей, эта главная особенность еврейской поэзіи, соотвѣтствующая ритмическому сжиманію и расширенію сердца, 4) строфы и 5) изысканность выраженія, отступающая отъ обыденной рѣчи. Хотя Ламехъ говорилъ не по-еврейски, тѣмъ не менѣе, эта пѣснь представляетъ вѣрное отраженіе еврейской, какъ самой древней, поэзіи. Что касается содержанія этой первобытной поэмы, то понятная въ общемъ, она въ частности представляетъ почти неразрѣшимыя трудности, надъ которыми пробовали свое искусство знаменитые и многочисленные переводчики и толкователи. Темнота и загадочность ея

---

[1]) Въ Синод. переводѣ этотъ предлогъ переведенъ предлогомъ *въ*; частица *бы* вставлена въ соотвѣтствіе предлагаемому пониманію этого стиха.

составляютъ такое свидѣтельство ея глубокой древности, что ея не осмѣливаются отрицать даже наиболѣе рьяные критики. Общій смыслъ поэмы таковъ. Среди насилій и жестокостей того времени, особенно свирѣпствовавшихъ между потомками Каина, Ламехъ утѣшаетъ своихъ женъ увѣренiемъ, что съ помощью мѣднаго и желѣзнаго оружія, находящагося теперь, благодаря изобрѣтенію Тувалъ-Каина, въ его рукахъ, онъ можетъ убить всякаго, кто бы осмѣлился оскорбить его; и если Каину было обѣщано, что за него отмстится всемеро, то въ рукахъ потомства Ламехова теперь есть средство отмстить за себя въ семьдесятъ разъ всемеро. Въ этой поэмѣ выразился тотъ духъ высокомѣрія и самонадѣянности, которымъ отличалось въ своей жизни и въ своемъ характерѣ потомство изгнанника. Ламехъ смотритъ на только-что изобрѣтенное оружіе, которое выковалъ его сынъ, и изъ груди его вырывается пѣсня торжества. Какъ далеко онъ опередилъ своего предка Каина, принужденнаго безпомощно скитаться по землѣ! Онъ не нуждается теперь уже въ посторонней помощи, и самъ съумѣетъ защитить себя во всякое время. Онъ не только не боится убійства, но онъ самъ воспѣваетъ убійство. Вотъ къ чему пришло потомство перваго убійцы!

Такъ произошла первобытная цивилизація съ ея хорошими и дурными свойствами. Небезъинтересно теперь сдѣлать еще общій взглядъ на возникновеніе цивилизаціи, какъ оно представляется на основаніи научныхъ изысканій. Преданія древнѣйшихъ народовъ— финикіянъ, египтянъ, грековъ и другихъ, какъ бы вторя Библейской исторіи, относятъ начало земледѣлія и вообще культуры къ самымъ раннимъ вѣкамъ. На основаніи этихъ преданій и изслѣдователи исторіи, какъ, напр., Гердеръ, Шлоссеръ, Линкъ [1]) и др., также пришли къ заключенію, что прирученіе животныхъ, земледѣліе, обработка металловъ относятся къ незапамятнымъ временамъ, и что въ историческій періодъ эти искусства сдѣлали сравнительно небольшое движеніе впередъ. Этимъ преданіямъ и научно-историческимъ выводамъ, повидимому, противорѣчатъ недавнія открытія человѣческихъ остатковъ и орудій человѣческой промышленности, найденныхъ въ древнѣйшихъ формаціяхъ земной поверхности. Этнологи различаютъ каменный вѣкъ, бронзовый вѣкъ и желѣзный вѣкъ, которые послѣдовательно переживала Европа; въ продолженіе перваго употреблялись только кремневыя орудія, въ продолженіе второго бронзовыя, и въ продолженіе третьяго

[1]) Hävernik, Specielle Einl. in Pent. 1856, стр. 208, 209.

вошли въ употребленіе желѣзныя орудія. На основаніи этого, а равно и того, что человѣческіе черепы раннихъ временъ, повидимому, меньше по объему и ниже по организаціи, чѣмъ черепы цивилизованныхъ людей, нѣкоторые изслѣдователи приходятъ къ предположенію, что первыя времена были временами дикости, и цивилизація возникла уже значительно позже. Такъ, извѣстный геологъ Ляйель говоритъ, что «если бы первобытный человѣкъ дѣйствительно былъ надѣленъ высшею умственною силою и вдохновеннымъ знаніемъ, и обладалъ такою же способностью къ усовершенію и развитію, какъ его теперешнее потомство, то степень развитія, которой бы люди достигли теперь, была бы неизмѣримо выше“ [1]). Идя въ этомъ предположеніи дальше, геологъ замѣчаетъ, что среди остатковъ этого первобытнаго человѣка тогда слѣдовало бы находить не грубую глиняную посуду и кремневыя орудія, а нѣчто въ родѣ произведеній Фидія и Праксителя. На это прежде всего нужно сказать, что библейская лѣтопись не представляетъ перваго человѣка „одареннымъ высшими умственными способностями и вдохновенными знаніями“. Она говоритъ только, что первый человѣкъ введенъ былъ въ рай воздѣлывать его, что первая рѣчь его была несовершенна и упражнялась въ наименованіи животныхъ, что онъ имѣлъ простую заповѣдь для упражненія своихъ нравственныхъ силъ и соотвѣтствующее обѣщаніе. Въ нравственномъ отношеніи онъ находился въ состояніи невинности, соотвѣтственнымъ которой было и его умственное состояніе. Что касается развитія знаній, то многіе народы, будучи по своему образованію и развитію гораздо ниже перваго человѣка и его ближайшаго потомства, такъ и остаются въ одномъ положеніи на цѣлыя тысячелѣтія безъ видимаго прогресса, опровергая этимъ предположеніе о необходиомъ и неуклонномъ развитіи впередъ. Общимъ выводомъ изъ Библейской лѣтописи о первобытномъ состояніи человѣка можетъ быть то, что это было не состояніе дикости, а скорѣе состояніе первичной цивилизаціи. И этому не противорѣчатъ, а скорѣе подтверждаютъ геологическія данныя. Упомянутый выше геологъ говоритъ: «Мы должны помнить, что геологія не даетъ прочнаго доказательства для утвержденія того факта, что такъ-называемыя низшія расы человѣчества въ хронологическомъ порядкѣ всегда предшествуютъ высшимъ расамъ». Напротивъ, нѣкоторые изъ наиболѣе древнихъ остатковъ человѣка и человѣче-

[1]) Ch. Lyell, Antiquity of Man, p. 378.

скихъ орудій даютъ указанія на существованіе довольно высокой цивилизаціи. Въ долинѣ Огіо находится много кургановъ, служившихъ храмами, мѣстами защиты и погребенія; они содержатъ глиняную посуду, скульптурныя украшенія, серебряныя и мѣдныя вещи, каменныя орудія вмѣстѣ съ черепами мексиканскаго типа. Надъ ними впослѣдствіи поросли густые лѣса, въ которыхъ краснокожіе индѣйцы цѣлыя столѣтія вели свое жалкое существованіе. Фактъ этотъ доказываетъ, что здѣсь въ древнѣйшее время была высокая культура, которая послѣ исчезла, и на мѣсто ея водворилась дикость. Что касается ископаемыхъ череповъ, найденныхъ въ Европѣ, то извѣстный подъ именемъ „Неандертальскаго черепа“ дѣйствительно представляетъ собою низшій типъ и ближе, чѣмъ обыкновенно, подходитъ къ черепамъ обезьянъ. Тѣмъ не менѣе, по своей вмѣстимости въ 75 кубическихъ дюймовъ, онъ больше, чѣмъ черепа нѣкоторыхъ людей и изъ среды теперь существующихъ народовъ. Онъ былъ найденъ въ пещерѣ вмѣстѣ съ остатками медвѣдя: но это нисколько не доказываетъ его большой древности. Онъ можетъ быть очень древнимъ, но можетъ быть и сравнительно недавнимъ. Черепъ, найденный въ Энгизѣ около Льежа, повидимому, современный мамонту и относимый Ляйелемъ къ послѣ-пліоценовой формаціи, хотя въ лобной части нѣсколько и узокъ, но въ общемъ совершенно похожъ на черепа европейскихъ народовъ; черепъ такъ-называемаго Денисскаго ископаемаго человѣка, также, повидимому, современный мамонту и послѣднему извержѳнію Пюйскихъ вулкановъ и, слѣдовательно, самый древній изъ ископаемыхъ череповъ, принадлежитъ къ обыкновенному кавказскому или европейскому типу. Все, что можно вывести изъ разсмотрѣнія этихъ череповъ, это то, что было нѣкогда время, когда люди были въ менѣе цивилизованномъ состояніи, чѣмъ теперь, и когда въ ихъ жизни физическая сторона преобладала надъ умственной—и только, но ничуть не то, что первобытный человѣкъ былъ вполнѣ дикимъ существомъ и только впослѣдствіи поднялся изъ животнаго состоянія. Такимъ образомъ, геологическія данныя не противорѣчатъ, а скорѣе подтверждаютъ Библейскую лѣтопись, что именно человѣкъ въ его первобытномъ состояніи не былъ безпомощнымъ, звѣроподобнымъ дикаремъ, а имѣлъ, по меньшей мѣрѣ, зачатки цивилизаціи и умственной жизни. При помощи этихъ зачатковъ первымъ людямъ нетрудно было начать ту культурную жизнь, которая особенно заявила о себѣ въ потомствѣ Каина. Культуру эту, конечно, нельзя понимать въ тепе-

решнемъ ея смыслѣ, какъ уже и замѣчено было выше, и земледѣліе Каина можно понимать въ томъ смыслѣ, что онъ доставалъ и приготовлялъ для пищи плоды, травы, коренья и пр., а еще не сѣялъ въ теперешнемъ смыслѣ пшеницу, рожь, ячмень и т. п. Хотя съ другой стороны нужно замѣтить, что эти хлѣбныя растенія были открываемы вмѣстѣ съ самыми древними ископаемыми остатками человѣческой промышленности. Вообще, зачатки культуры, по словамъ историка, предшествуютъ исторіи, и голосъ всѣхъ народовъ своими древнѣйшими преданіями свидѣтельствуетъ, что Божество впервые научило человѣка обрабатывать землю и указало ему тѣ плоды, обработка которыхъ могла быть ему особенно полезна [1]).

Потомки Каина всю свою дѣятельность направили на обезпеченіе матеріальной жизни. Эти чисто житейскія заботы до такой степени поглощали всѣ силы Каинова поколѣнія, что оно очевидно совершенно пренебрегало интересами духовной жизни. Отличаясь упорною самонадѣянностью, оно видимо жило въ полномъ порабощеніи житейской суетѣ и отличалось грубымъ безвѣріемъ, съ неизбѣжными плодами—пороками и преступленіями. При такомъ направленіи оно очевидно не могло быть истиннымъ представителемъ человѣческаго рода и тѣмъ болѣе хранителемъ великихъ духовныхъ сокровищъ—перваго обѣтованія о Спасителѣ и связанныхъ съ нимъ первобытныхъ религіозныхъ и нравственныхъ установленій. Оно, по своей грубой односторонности, грозило только извратить предназначенный человѣчеству историческій ходъ развитія. Этому одностороннему направленію необходимъ былъ противовѣсъ. И онъ дѣйствительно явился въ поколѣніи новаго сына Адамова Сиѳа, родившагося на мѣсто убитаго Авеля. Сиѳомъ начинается въ исторіи то поколѣніе людей, которое по своему духовному настроенію представляло полную противоположность потомству Каина. Въ поколѣніи Каина люди, поклоняясь единственно матеріальной силѣ, всѣ свои способности (до полнаго забвенія о Богѣ) обращали на вырабатываніе и пріобрѣтеніе средствъ, увеличивающихъ эту силу; здѣсь напротивъ вырабатывалось и развивалось совершенно иное, болѣе возвышенное направленіе, которое, пробуждая въ людяхъ смиренное сознаніе человѣческой безпомощности и грѣховности, устремляло ихъ помыслы къ верховному Покровителю, давшему падшимъ людямъ обѣтованіе будущаго избавленія. Направленіе это заявило о

[1]) Link, Urwelt, 1834, I, стр. 399 и сл.

себѣ уже при сынѣ Сиѳа—Еносѣ: «тогда, говоритъ библейская лѣтопись, начали призывать имя Господа Бога (Іеговы)» [1]). Это конечно не значитъ, чтобы до этого времени совершенно не было въ употребленіи молитвъ, какъ призыванія Бога. Религія стала выражаться во внѣшнихъ формахъ, а слѣдовательно и въ молитвѣ, еще при первыхъ сыновьяхъ Адама—въ приношеніи Богу дара. Отсюда выраженіе это означаетъ лишь то, что теперь въ поколѣніи Сиѳа это призываніе имени Господа Бога сдѣлалось открытымъ исповѣданіемъ ихъ вѣры въ Бога, знаменіемъ, которое отличало ихъ отъ Каинова поколѣнія съ его грубымъ безвѣріемъ и нечестіемъ. Высшимъ выразителемъ и представителемъ этого направленія явился Енохъ, который «ходилъ предъ Богомъ», т. е. во всей своей жизни отражалъ высоту первоначальной человѣческой чистоты и святости. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ первый созналъ, къ какой безднѣ порочности и грѣховности можетъ привести каиновское направленіе, и выступилъ первымъ проповѣдникомъ и пророкомъ, предвозвѣщавшимъ страшный судъ Божій надъ «нечестивыми». „Се, говорилъ онъ, идетъ Господь со тьмами святыхъ ангеловъ Своихъ сотворитъ судъ надъ всѣми, и обличитъ всѣхъ между ними нечестивыхъ во всѣхъ дѣлахъ, которыя произвело ихъ нечестіе, и во всѣхъ жестокихъ словахъ, которыя произносили на Него нечестивые грѣшники» (Іуд. 15, 16). Въ награду за это высокое благочестіе и великую вѣру Богъ «взялъ его» съ грѣшной земли и тѣмъ освободилъ отъ вызванной грѣхомъ смерти [2]).

Новое поколѣніе, въ которомъ проявилось противоположное каиновскому направленіе, будучи носителемъ истинной религіи и связаннаго съ нею обѣтованія, естественно должно было стать тѣмъ корнемъ, изъ котораго предстояло развиться всему дереву человѣчества. И оно дѣй-

---

[1]) Быт. IV, 26. Здѣсь съ ясностью выступаетъ Божество подъ видомъ Іеговы. Отличіе Елогима отъ Іеговы весьма важно. Въ то время какъ подъ именемъ Елогимъ выступаетъ общая творческая, космическая сила, подъ именемъ Іеговы Божество является въ опредѣленной личности. Здѣсь религіозное сознаніе представляетъ значительный шагъ впередъ. По смыслу И х. III, 14, Іегова есть сущій въ абсолютномъ смыслѣ, но который въ человѣчествѣ и его исторіи открывается какъ «Вседержитель, который есть, и былъ, и грядетъ» (Апокал. I, 8), какъ начало и конецъ, какъ Творецъ, Искупитель и Совершитель всего чрезъ Логоса и Св. Духа. Греческое имя Θεός, означающее, по Іерониму, благоговѣйный страхъ, съ которымъ должно относиться къ Богу, соотвѣтствуетъ по своему смыслу имени Елогимъ. Къ такому же смыслу приближается и божество индійской Веды, носящее названіе *Гуди* (откуда нѣмец. Gott).

[2]) Существуютъ различныя толкованія факта «взятія» Еноха, но достаточное объясненіе его находится въ Евр. XI, 5.

ствительно стало имъ. Ходъ историческаго развитія, начинаясь отъ перваго человѣка и раздѣляясь на два теченія, главнѣйшимъ своимъ русломъ направился въ сторону этого именно поколѣнія. Въ этомъ поколѣніи выступаютъ одинъ за другимъ тѣ великіе представители первобытнаго человѣчества или патріархи, которые, крѣпкіе духомъ и тѣломъ, призваны были долговѣчнымъ трудомъ развивать и сохранять начала, долженствовавшія лечь въ основу жизни всѣхъ дальнѣйшихъ поколѣній. Для успѣшнѣйшаго осуществленія своего назначенія они, по особому промышленію Божію, надѣлены были необыкновенною долговѣчностью, такъ что каждый изъ нихъ почти цѣлое тысячелѣтіе могъ быть живымъ хранителемъ и истолкователемъ ввѣреннаго имъ обѣтованія. Первый человѣкъ Адамъ, это первый виновникъ совершившагося въ исторіи человѣчества переворота и первый свидѣтель великаго обѣтованія о Спасителѣ, жилъ 930 лѣтъ; его сынъ Сиѳъ—912 лѣтъ; сынъ Сиѳа Енось—905 лѣтъ; представители послѣдующихъ поколѣній. Каинанъ—910 лѣтъ, Малелеилъ—895, Іаредъ—962, Енохъ, жизнь котораго прервана взятіемъ на небо,—365, Маѳусалъ—969, Ламехъ—777 и сынъ послѣдняго Ной—950 лѣтъ. Объ этой необычайной долговѣчности патріарховъ единогласно свидѣтельствуетъ преданіе всѣхъ древнихъ народовъ. Іосифъ Флавій справедливо говоритъ по этому поводу: „объ этой долговѣчности свидѣтельствуютъ всѣ писавшіе какъ у эллиновъ, такъ и у варваровъ, и никто не въ правѣ при видѣ теперешней короткой жизни считать ложнымъ это всеобщее преданіе» [1]). При сужденіи о ней нужно имѣть въ виду, что патріархи эти были близкіе потомки только что созданныхъ людей (и притомъ созданныхъ безсмертными), естественныя условія жизни были отличны отъ нынѣшнихъ, сама жизнь была проста и естественна, да и вообще въ состояніи прыроды послѣ райскаго ея состоянія не вдругъ произошли тѣ перемѣны, которыя сдѣлали ея вліяніе часто разрушительнымъ для жизни. Еще и теперь продолжительность жизни человѣческой достигаетъ до 200 лѣтъ и между африканскими арабами, по свидѣтельству путешественниковъ, даже не рѣдко. Почему же нельзя считать возможною болѣе чѣмъ въ 200 лѣтъ продолжительность жизни въ первобытное время, когда первобытные ископаемые остатки указываютъ на грандіозные размѣры и исполинскую крѣпость жившихъ тогда существъ? Доказано, что нѣкоторыя животныя и осо-

[1]) Hävernik, Einl. S. 215. Antiq. I, 3, 9.

бенно птицы и теперь живутъ 300—400 лѣтъ. Не невозможно поэтому, что и человѣкъ въ странѣ своего первоначальнаго происхожденія и при образѣ жизни, болѣе сообразномъ съ природой, чѣмъ теперь, могъ жить такъ долго, какъ именно свидѣтельствуетъ лѣтопись библейская [1]).

О жизни патріарховъ свящ. лѣтопись не даетъ никакихъ дальнѣйшихъ подробностей. Она какъ бы предоставляетъ послѣдующимъ вѣкамъ наполнить содержаніе ихъ жизни всѣмъ, что есть лучшаго и возвышеннѣйшаго въ человѣчествѣ. Это были величественные памятники первобытной жизни, на которыхъ послѣдующее человѣчество должно было читать лѣтопись своего бытія. Ихъ было десять, и каждый изъ нихъ былъ поистинѣ памятникомъ какъ вѣрности Бога въ исполненіи Своего обѣтованія, такъ и вѣры и терпѣнія отцовъ. Каждый изъ нихъ жилъ назначенное ему время и каждый передавалъ ввѣренныя ему на храненіе вѣру и обѣтованіе своему наслѣднику съ его поколѣніемъ. Для лучшаго сохраненія этого великаго завѣта имъ и дана было чудесно долгая жизнь. Каждое поколѣніе могло при передачѣ сохраняемаго имъ преданія своимъ отдаленнымъ потомкамъ подтверждать его своимъ личнымъ свидѣтельствомъ. Такъ Адамъ могъ разсказывать о своей блаженной жизни въ раю, о грѣхопаденіи и данномъ ему великомъ обѣтованіи объ избавленіи отъ рабства грѣха и смерти въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, до рожденія Ламеха, отца Ноева; а послѣдніе патріархи, какъ Ламехъ и Маѳусалъ дожили даже до того времени, когда начато было построеніе ковчега, имѣвшаго послужить колыбелью для новаго послѣпотопнаго человѣчества, такъ какъ послѣдній изъ нихъ умеръ уже предъ самымъ потопомъ. Если даже въ новѣйшее время, когда чрезвычайно усовершенствовались всѣ способы пріобрѣтенія знаній, служащіе могучимъ пособіемъ къ сохраненію разъ выработанныхъ истинъ, личныя свидѣтельства лицъ объ извѣстныхъ великихъ событіяхъ имѣютъ первостепенное значеніе для сохраненія истиннаго понятія объ этихъ событіяхъ, то тѣмъ болѣе имѣли значеніе личное свидѣтельство и преданіе патріарховъ о первобытныхъ временахъ въ то время, когда такое свидѣтельство было единственнымъ источникомъ знанія о нихъ.

Все, что намъ сообщается о жизни большинства изъ десяти допотопныхъ патріарховъ, ограничивается тѣмъ, что они жили, родили

---

[1]) Delitsch, Genesis, примѣч. 42.

сыновъ и дочерей и—умерли. Священный бытописатель съ особенною торжественностью говоритъ о каждомъ изъ патріарховъ, что „онъ умеръ». Въ этомъ краткомъ свидѣтельствѣ замѣчается глубочайшій смыслъ ветхозавѣтной исторіи. Оно показываетъ, что смерть, какъ плодъ нарушенія первобытной заповѣди, уже водворила свое царство на землѣ, «смерть царствовала отъ Адама» (Рим. V, 14) со всѣми ея уроками о страшныхъ послѣдствіяхъ грѣха и о загоравшейся надеждѣ на освобожденіе отъ нея черезъ втораго Адама. Да, всѣ эти великіе патріархи умерли; они «умерли въ вѣрѣ, не получивъ обѣтованій, а только издали видѣли оныя, и радовались и говорили о себѣ, что они странники и пришельцы на землѣ» (Евр. XI, 13).

Хотя всеобщее преданіе, нашедшее богооткровенное выраженіе въ св. Писаніи, такъ мало сообщаетъ о жизни допотопныхъ патріарховъ, но память о нихъ сохранялась въ послѣдующіе вѣка даже и среди народовъ, уклонившихся отъ истиннаго богопознанія и слѣдовательно лишившихся богооткровеннаго источника знаній о судьбахъ первобытнаго человѣчества. Въ сказаніяхъ различныхъ языческихъ народовъ мы встрѣчаемъ поразительные слѣды этого общаго преданія, которые невольно приводятъ насъ къ убѣжденію, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ отдаленнымъ отголоскомъ одного и того же преданія.

Такъ прежде всего историческая память различныхъ народовъ сохранила преданіе о самомъ числѣ допотопныхъ патріарховъ. Ихъ было, какъ извѣстно, десять (считая отъ Адама до Ноя включительно), и это именно число съ поразительною точностью повторяется въ сказаніяхъ самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга народовъ, несмотря на то, что каждый изъ нихъ надѣляетъ этихъ патріарховъ различными свойствами и титулами, сообразно съ своими собственными взглядами на нихъ [1]). Изъ отрывковъ Бероза, вавилонскаго жреца времени Александра Великаго, мы видимъ, что у халдеевъ было преданіе о десяти допотопныхъ царяхъ, хотя, къ сожалѣнію, отрывки эти дошли до насъ въ такомъ несовершенномъ видѣ, что мы не имѣемъ никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній объ этомъ. Ассирійское преданіе, передаваемое Абиденомъ, также ставитъ во главѣ своего народа до основанія Ниневіи десять поколѣній героевъ, бывшихъ послѣдовательно главами управлявшихся ими городовъ. Тотъ же самый Абиденъ, одинъ изъ греческихъ полиграфовъ, которые въ періодъ

[1]) Lenormant, Histoire ancienne de l'Orient, t. I, p. 41 и сл.

преемниковъ Александра Великаго безуспѣшно старались распространять среди своихъ соотечественниковъ преданія и исторію народовъ Азіи, передаетъ также армянское преданіе о жизни десяти героевъ-предковъ до Арама, который именно окончательно и образовалъ этотъ народъ и далъ ему свое имя, преданіе, которое потомъ принято было Мар-Абасомъ-Катиной и писателями школы Эдесской, а послѣ нихъ Моисеемъ Хоренскимъ, національнымъ историкомъ Арменіи. Священныя книги иранцевъ, приписываемыя Зороастру, во главѣ человѣчества ставятъ десять героевъ совершенно миѳическаго характера, которые слѣдуютъ за Гайомаретаномъ, образцовымъ человѣкомъ,—героевъ, вокругъ которыхъ группируются всѣ преданія о первобытныхъ вѣкахъ до того момента, когда они получаютъ болѣе человѣческій и почти полуисторическій характеръ. Такъ именно представляются Парадаты древняго преданія, сдѣлавшіеся десятью Пешдадійскими царями позднѣйшей иранской легенды, воплощенной въ эпопею персидскимъ поэтомъ Фирдуси,—первые земные цари, „люди древняго закона“, которые «питались чистымъ напиткомъ гаома и сохраняли святость». Въ космогоническихъ легендахъ индійцевъ мы встрѣчаемъ девять брамадикъ, которые, вмѣстѣ съ своимъ родоначальникомъ Брамой, составляютъ десять и которые называются десятью „питрисами“ или „отцами“. Китайцы насчитываютъ десять императоровъ, имѣвшихъ божественную природу, между Фу-Ги и Гоангъ-Ти, государемъ, съ котораго уже начинаются историческія времена и которымъ именно отмѣчается наступленіе десятаго періода; эти десять императоровъ послѣдовательно управляли народомъ отъ сотворенія человѣка и начала „человѣческаго верховенства на землѣ“. Наконецъ, чтобы не приводить излишнихъ примѣровъ, достаточно еще замѣтить, что германцы и скандинавы признавали десять предковъ Водана или Одина, какъ арабы признавали десять миѳическихъ царей Ада, первобытнаго народа ихъ полуострова, самое имя котораго означаетъ „древній“. Въ Египтѣ первыя времена существованія человѣчества отмѣчаются царствованіемъ боговъ на землѣ. Отрывки египетскаго лѣтописца Манеѳона, относящіеся къ этимъ первобытнымъ временамъ, дошли до насъ въ такомъ измѣненномъ состояніи, что трудно съ большею или меньшею увѣренностью опредѣлить, сколько именно авторъ допускалъ этихъ божественныхъ царствованій. Но отрывки, дошедшіе до насъ отъ знаменитаго историческаго Папируса Туринскаго, содержащаго списокъ египетскихъ династій, сдѣланный іероглифически, повидимому

ясно указываютъ на существованіе десяти боговъ-царей, которые вначалѣ именно и управляли человѣчествомъ.

Это постоянное повтореніе у столькихъ различныхъ народовъ того же самаго числа десяти является поистинѣ поразительнымъ, и это тѣмъ болѣе, что тутъ дѣло идетъ несомнѣнно о числѣ кругломъ и систематически обозначаемомъ. Было бы напрасно находить объясненіе этого числа 10 въ какомъ-либо изъ утонченныхъ умозрѣній религіозной философіи язычества, касательно таинственнаго значенія числа. Преданіе о десяти допотопныхъ патріархахъ имѣетъ свой корень не въ этой уже позднѣйшей ступени развитія человѣческаго духа, а очевидно въ гораздо болѣе ранней и первобытной. Оно уноситъ насъ къ гораздо болѣе отдаленной эпохѣ, именно къ эпохѣ дѣйствительно первобытной, когда предки всѣхъ народовъ, у которыхъ мы встрѣчаемъ это преданіе, жили еще вмѣстѣ, чѣмъ только и можетъ быть объяснена общность этихъ преданій. Отсюда само собою видно, въ какую глубокую древность первобытнаго человѣчества вводитъ насъ библейское преданіе о допотопныхъ патріархахъ,—преданіе, находящее столь поразительное подтвержденіе въ параллельныхъ преданіяхъ другихъ народовъ.

Въ преданіяхъ древнихъ народовъ находится отголосокъ и того библейскаго сказанія, которое связываетъ построеніе перваго города съ первымъ убійствомъ, совершеннымъ однимъ братомъ надъ другимъ. Это опять одно изъ тѣхъ преданій, которыя встрѣчаются почти повсюду и, очевидно, имѣютъ свой корень въ той первобытной эпохѣ, когда еще люди жили вмѣстѣ и такимъ образомъ имѣли одни общія преданія. Слѣдъ этого преданія можно бы прослѣдить отъ Каина, построившаго первый городъ Енохъ послѣ убійства Авеля, до Ромула, который основалъ городъ Римъ на крови своего брата Рема. Впослѣдствіи это преданіе расширилось и дало происхожденіе даже широко распространенному суевѣрію, которое имѣетъ мѣсто въ преданіяхъ почти всѣхъ народовъ и которое язычество часто осуществляло даже на практикѣ, прибѣгая къ возмутительному варварству: основаніе всякаго города сопровождалось человѣческимъ жертвоприношеніемъ, какъ будто бы онъ не могъ существовать безъ скрѣпленія его чистою человѣческою кровью.

Другимъ, всеобще распространеннымъ вѣрованіемъ древняго человѣчества было то, что люди первыхъ вѣковъ отличались огромнымъ ростомъ и что жизнь ихъ была чрезвычайно продолжительною.

У грековъ понятіе объ исполинскомъ ростѣ первыхъ людей тѣсно связывалось съ представленіемъ о ихъ автохтоніи. Аркадія иногда называлась Гигантидой и Ликія—Гигантіей по необычайному росту, которымъ отличались ихъ первобытные жители. Преданія о поколѣніи исполиновъ, рожденныхъ отъ земли, связывались также съ южною частью острова Родоса и Коса. Кизикъ показывалъ на своей землѣ плотину, которая, будто бы, построена была этими именно исполинами. Эта именно идея, что первобытные герои имѣли исполинскій ростъ, сдѣлалась общимъ мѣстомъ классической поэзіи, и она, повидимому, подтверждалась открытіемъ громадныхъ скелетовъ, которые и принимались за скелеты этихъ именно героевъ. Берозъ, на основаніи халдео-вавилонскаго преданія, говоритъ, что первые люди отличались чудовищнымъ ростомъ и чудовищною силою, и будто бы были таковыми даже и ихъ первыя поколѣнія послѣ потопа. Въ національныхъ преданіяхъ Арменіи Мар-Абасъ-Катина почерпнулъ также сказаніе о древнихъ исполинахъ этой страны и Месопотаміи, о ихъ насиліяхъ и о борьбѣ двухъ наиболѣе страшныхъ изъ нихъ: Бела вавилонскаго и Гаига армянскаго. Всѣ арабскія легенды также единогласно свидѣтельствуютъ о томъ, что первобытные досемитическіе народы Аравійскаго полуострова, сыновья Амалика и Ада, были исполины, и эти народы исчезли уже въ глубокой древности, такъ что отъ нихъ не осталось никакого другого слѣда, кромѣ воспоминанія о ихъ нечестіи и насиліи. Это, очевидно, то же самое преданіе, которое встрѣчается и въ библейскомъ повѣствованіи, гдѣ говорится объ исполинахъ, прославившихъ себя насиліями и всеобщимъ нечестіемъ. Разсматривая съ общей точки зрѣнія, подобное преданіе не имѣетъ ничего противъ себя и въ данныхъ науки, такъ какъ первобытная жизнь, какъ положительно доказано, обыкновенно проявлялась въ самыхъ грандіозныхъ формахъ, и преданіе это дѣлается тѣмъ болѣе правдоподобнымъ, въ виду подтверждаемаго также народными сказаніями преданія о необычайной долговѣчности первобытныхъ людей.

ГЛАВА VI.

Древность человѣческаго рода.

Допотопные патріархи, являясь памятниками общей жизни человѣчества въ первобытныя времена, въ то же время представляютъ собою тѣ эпохи, по которымъ историку приходится построять хронологію первобытной исторіи. Построеніе ея облегчается и упрощается тѣмъ, что счетъ лѣтъ патріархамъ ведется въ библейской лѣтописи троякій: 1) отъ начала жизни до рожденія перваго сына; 2) отъ рожденія перваго сына до конца жизни и 3) число лѣтъ всей жизни. Особенно важенъ первый счетъ. Онъ даетъ возможность провести непрерывную линію лѣтъ отъ Адама до Ноя: слѣдуетъ только складывать годы каждаго, прожитые до рожденія перваго сына. Такъ, Адаму было 130 лѣтъ, когда у него родился сынъ Сиѳъ, Сиѳу было 105 лѣтъ при рожденіи Еноса, Еносу было 90 лѣтъ при рожденіи Каинана. Сумма этихъ лѣтъ составитъ періодъ отъ сотворенія Адама до рожденія Каинана: $130 + 105 + 90 = 325$ лѣтъ. Тѣмъ же способомъ можно опредѣлить количество лѣтъ отъ Адама до Ноя, отъ котораго началась новая эпоха въ исторіи человѣчества: нужно сложить годы патріарховъ, прожитые каждымъ изъ нихъ до рожденія перваго сына, и сумма будетъ представлять искомое число. Но при видимой простотѣ, лѣтосчисленіе представляетъ почти неразрѣшимыя трудности въ другомъ отношеніи. Чтобы установить хронологію этой первобытной эпохи, необходимо еще предварительно найти прочную опору въ самомъ счетѣ лѣтъ жизни патріарховъ — какъ всей, такъ и до рожденія перваго сына; такъ этотъ счетъ довольно значительно разнится въ трехъ наиболѣе древнихъ и авторитетныхъ текстахъ библейской лѣтописи: еврейскомъ, самаританскомъ и греческомъ. Разницу эту можно видѣть изъ нижеприведенной [с. 170] сравнительной таблицы.

Надъ разрѣшеніемъ и соглашеніемъ этого разногласія въ счетѣ лѣтъ трудились многочисленные толкователи, но до сихъ поръ дѣло не выяснено съ достаточною полнотою. Дѣлались всевозможныя предположенія. Одни объясняютъ эту разницу изъ случайныхъ ошибокъ переписчиковъ св. книгъ; другіе въ отступленіяхъ самаританскаго текста видятъ послѣдовательное стремленіе къ уменьшенію невѣроятной будто бы долговѣчности патріарховъ, а въ отступленіяхъ греческаго

	Еврейскій текстъ.			Самаританскій.			Греческій LXX.		
	Лѣта до рожд. перваго сына.	Остатокъ лѣтъ.	Вся жизнь.	Лѣта до рожд. перваго сына.	Остатокъ лѣтъ.	Вся жизнь.	Лѣта до рожд. перваго сына.	Остатокъ лѣтъ.	Вся жизнь.
Адамъ . . .	130	800	930	130	800	930	230	700	930
Сиѳъ	105	807	912	105	807	912	205	707	912
Еносъ . . .	90	815	905	90	815	905	190	715	905
Каинанъ . .	70	840	910	70	840	910	170	740	910
Малелеилъ . .	65	830	895	65	830	895	165	730	895
Іаредъ	162	800	962	62	785	847	162	800	962
Енохъ . . .	65	300	365	65	300	365	165	200	365
Маеѳсалъ . . .	187	782	969	67	653	720	187 (167)	782	969
Ламехъ . . .	182	595	777	53	300	653	188	565	753
Ной	500	—	—	500	—	—	500	—	—
До потопа . . .	100	—	—	100	—	—	100	—	—
Годъ потопа . .	1656	—	—	1307	—	—	2262	—	—

текста отъ еврейскаго видятъ стремленіе семидесяти толковниковъ подвести библейское лѣтосчисленіе подъ формы египетскаго; иные, наконецъ, въ уменьшенныхъ показаніяхъ еврейскаго текста видятъ преднамѣренное искаженіе текста іудеями, желавшими этимъ доказать, что еще «не пришло исполненіе временъ», которое по древнему пророчеству должно было совершиться на шестой тысячѣ лѣтъ отъ сотворенія міра. Больше вѣроятія имѣютъ первое и послѣднее предположенія, хотя быть можетъ существовали и другія причины, еще не открытыя наукой. Вообще, нужно имѣть въ виду, что хронологія есть одинъ изъ самыхъ спорныхъ пунктовъ въ библейской исторіи, такъ какъ въ самой Библіи нѣтъ достаточной опредѣленности въ лѣтосчисленіи. Кромѣ того, что самые древніе тексты Библіи въ своихъ цифровыхъ показаніяхъ расходятся на сотни лѣтъ, въ самыхъ частностяхъ лѣтосчисленія есть столько данныхъ для различныхъ выводовъ, что хронологи построили множество системъ лѣтосчисленія, доходящихъ до 200. Главная причина такой неопредѣленности прежде всего могла заклю-

чаться въ ошибкахъ переписчиковъ св. книгъ, — ошибкахъ, которыя легче всего сдѣлать именно въ цифрахъ, такъ какъ при неразборчивости рукописи у переписчика нѣтъ возможности догадаться по контексту, какъ это бываетъ при перепискѣ неразборчивыхъ словъ. Что такія ошибки именно были, доказательствомъ этого служитъ Быт. V, 25 — 27 стихи, гдѣ въ переводѣ LXX толковниковъ говорится, что Маѳусалъ жилъ 167 лѣтъ до рожденія Ламеха и 802 года послѣ него: «всѣхъ же дней Маѳусала было 969 лѣтъ». Но при такомъ опредѣленіи его лѣтъ является странная несообразность, именно, что Маѳусалъ жилъ 14 лѣтъ послѣ потопа. Ясно, что здѣсь вкралась ошибка, и потому въ большинствѣ списковъ и переводовъ съ греческаго цифра 167 обыкновенно исправляется на 187, какъ это значится и въ русскомъ переводѣ. Отсюда мы можемъ заключить, что хронологія, какъ не имѣющая прямого отношенія къ основнымъ началамъ вѣры и нравственности, есть предметъ второстепенный въ Библіи и точное опредѣленіе ея не входило въ задачу бытописателя, а предоставлено усмотрѣнію разума и изысканіямъ наукъ.

Тщательное изслѣдованіе между тѣмъ показываетъ, что для составленія точной и полной библейской хронологіи нѣтъ твердыхъ данныхъ не только въ отдѣльныхъ цифрахъ лѣтъ жизни патріарховъ, но и въ самыхъ родословныхъ, которыя не проведены съ безусловною послѣдовательностью. Такъ, въ еврейскомъ текстѣ въ родословной послѣпотопныхъ патріарховъ пропущенъ Каинанъ, и говорится, что «Арфаксадъ родилъ Салу», между тѣмъ какъ по греческому тексту LXX и свидѣтельству ев. Луки (III, 37) Сала былъ внукъ Арфаксада и сынъ Каинана. Такимъ образомъ здѣсь нужно допустить или ошибку въ еврейскомъ текстѣ, или съ другой стороны слово «родилъ» понимать не въ строгомъ смыслѣ сыновства, а въ смыслѣ вообще потомства. Что слово это употребляется въ Библіи въ такомъ именно широкомъ смыслѣ, показываетъ Матѳ. I, 8 стихъ, гдѣ читаемъ: «Іорамъ *родилъ* Озію»; между тѣмъ изъ исторіи извѣстно, что Озія былъ не сыномъ Іорама, а его праправнукомъ (*Іорамъ*—Охозія—Іоасъ—Амасія—*Озія*). Еще неопредѣленнѣе употребленіе въ еврейскомъ языкѣ слова «сынъ», которое часто прилагается къ отдаленнымъ потомкамъ. Лаванъ въ Быт. XXIX, 5 называется сыномъ Нахоровымъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности онъ былъ внукомъ его отъ Ваѳуила (Быт. XXIV, 15 и 29); Шевуилъ въ 1 Пар. XXVI, 24 называется сыномъ Гирсона, сына Моисеева, хотя жилъ нѣсколько столѣ-

тій спустя послѣ него; Христосъ называется «сыномъ Давидовымъ» и т. д. Въ виду этого нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что бытописатель могъ опустить нѣкоторыя звенья генеологіи патріарховъ допотопныхъ и послѣпотопныхъ, чтобы подвести ихъ подъ извѣстную симметрію — по десяти родовъ въ каждой, подобно тому, какъ это сдѣлалъ ев. Матѳей, опуская нѣкоторыя звенья родословной Христа, чтобы подвести ее подъ три симметрическія группы, состоящія каждая по четырнадцати родовъ (I, 17). Если же такъ, то библейская хронологія не можетъ быть опредѣлена съ безусловною точностью, и опредѣленіе ея можетъ имѣть значеніе лишь приблизительное, какового и совершенно достаточно для главной цѣли библейскаго повѣствованія, именно показанія постепеннаго хода вѣры и нравственности ветхозавѣтнаго человѣчества, жаждавшаго избавленія свыше.

Несмотря на указанную неопредѣленность библейской хронологіи, въ Библіи однако же достаточно данныхъ для того, чтобы опредѣлить съ приблизительной точностью время существованія человѣка на землѣ или вообще древность человѣческаго рода. Допуская нѣкоторыя предположенія о возможности опущенія тѣхъ или другихъ поколѣній въ лѣстницѣ исторической жизни человѣчества, мы этимъ самымъ отнюдь не ниспровергаемъ того несомнѣннаго факта, что жизнь человѣческаго рода на землѣ имѣетъ сравнительно весьма ограниченную древность, и историческая жизнь его восходитъ не далѣе 5—6 тысячъ лѣтъ до Р. Христова, какъ это именно и признается на основаніи греческаго лѣтосчисленія православною Церковью. Иначе старается опредѣлить количество лѣтъ жизни на землѣ новѣйшая наука, построяющая свою хронологію на своихъ собственныхъ данныхъ— геологическихъ, историческихъ, этнологическихъ и филологическихъ. Жизнь человѣка на землѣ она опредѣляетъ сотнями тысячъ лѣтъ. Въ виду этого различія не лишне подробнѣе разсмотрѣть основы научной хронологіи.

Основателемъ научногеологической хронологіи жизни человѣка на землѣ былъ извѣстный геологъ Лайель, который первый на основаніи открытыхъ ископаемыхъ остатковъ человѣка сталъ утверждать, что такъ какъ человѣкъ современенъ мамонту и другимъ подобнымъ уже несуществующимъ видамъ, то онъ живетъ на землѣ уже по меньшей мѣрѣ 100.000 лѣтъ. Послѣдователи Ляйеля не замедлили удвоить и утроить эту цифру, и скоро дѣло дошло до того, что повидимому оказался недостатокъ въ цифрахъ для опредѣленія числа лѣтъ жизни

человѣка на землѣ, такъ что Гексли въ своей рѣчи на собраніи членовъ «британскаго общества», какъ-бы въ отчаяніи махнувъ рукой, сказалъ только, что «появленіе человѣка на земномъ шарѣ нужно отнести къ эпохѣ *неизмѣримо* болѣе отдаленной, чѣмъ какая до сихъ поръ назначалась самыми смѣлыми мыслителями». Выводы геологіи основываются на двухъ предположеніяхъ, что 1) остатки человѣка—кремневыя орудія и т. п. открываются въ слояхъ земли иногда вмѣстѣ съ костями мамонта и что 2) теперешній процессъ наслоенія былъ одинаково медленнымъ и въ прежнія самыя отдаленныя эпохи. Послѣднее предположеніе имѣетъ особенно большое значеніе для геологической хронологіи. Если дѣйствительно процессъ наслоенія всегда былъ одинаковъ, то тѣ слои, подъ которыми найдены остатки человѣка и мамонта, могли образоваться только въ громадное количество лѣтъ. Но дѣло въ томъ, что такое предположеніе не имѣетъ для себя никакихъ прочныхъ основаній, и многіе геологи, принимая общіе принципы *Ляйеля*, допускаютъ въ то же время, что въ прежнія времена могли дѣйствовать и такія причины, благодаря которымъ наслоеніе формацій производилось съ гораздо большею быстротою, чѣмъ теперь. Первое предположеніе, что человѣкъ современенъ мамонту, можетъ быть вѣрно; но жизнь самого мамонта требуетъ еще болѣе точнаго опредѣленія. Въ прошломъ [19] столѣтіи въ Сибири найденъ былъ во льду мамонтъ, кожа и шерсть котораго повидимому приспособлены къ жизни въ холодномъ климатѣ, а мясо сохранилось до того, что эскимосы готовы были употреблять его въ пищу. Если за льдомъ признать большую сохраняющую силу, то и въ такомъ случаѣ будетъ невѣроятно, чтобы это животное могло сохраняться не только 100.000, но даже и болѣе 6.000 лѣтъ. Вѣроятно также, что человѣкъ существовалъ уже въ то время, когда животныя, теперь обитающія только въ тропическомъ климатѣ, жили еще въ лѣсахъ Европы. Но сколько лѣтъ требовалось для того, чтобы климатъ Европы изъ тропическаго сдѣлался умѣреннымъ,—вопросъ этотъ трудно разрѣшить. Перемѣна въ направленіи теплаго потока—Гольфштрема, измѣненіе въ сравнительной высотѣ воды и суши, вызванныя какими-либо особенными причинами, могли сравнительно быстро измѣнить климатъ Европы. Притомъ и въ земныхъ отложеніяхъ и пещерахъ вмѣстѣ съ мамонтомъ открываются только кремневыя орудія, но не человѣческія кости, что также уменьшаетъ силу доказательности этого факта, такъ какъ кремневыя орудія могли оказаться вмѣстѣ съ остатками мамонта

и помимо прямого сожительства и современности съ нимъ человѣка.— Есть и другіе факты, представляющіе неразрѣшимыя трудности для признанія громадной древности человѣка. Принимая во вниманіе теперешнюю скорость возрастанія населенія, нужно полагать, что то количество народонаселенія земного шара, которое существуетъ въ настоящее время, отъ одной четы могло образоваться не болѣе какъ въ 6.000 лѣтъ [1]). О таковомъ же сравнительно незначительномъ количествѣ лѣтъ жизни человѣка на землѣ свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что искусства, науки, изобрѣтенія и вообще всѣ проявленія творчески изобрѣтательнаго духа человѣка существуютъ весьма недавно въ исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, былъ бы совершенно непонятенъ фактъ, что люди цѣлыя сотни тысячъ лѣтъ жили жалкими дикарями— съ своими кремневыми орудіями, а потомъ какъ бы по мановенію волшебнаго жезла въ шесть тысячъ лѣтъ создали всѣ чудеса цивилизаціи. Трудно даже предполагать, чтобы человѣкъ въ такой громадный періодъ времени, при отсутствіи всякой культуры, дающей ему власть надъ міромъ, могъ сохранить свое существованіе на землѣ, когда онъ по своей физической слабости и безпомощности постоянно подвергался опасности со стороны многочисленныхъ сильнѣйшихъ его животныхъ.

Уже эти факты значительно подрываютъ состоятельность геологическихъ предположеній о древности человѣка. Но предположенія эти еще болѣе подрываются непрочностью самыхъ данныхъ, которыми геологія пользуется въ своихъ изслѣдованіяхъ. Вотъ примѣры. Въ раскопкахъ, производившихся на наносныхъ берегахъ Нила, на значительной глубинѣ были найдены осколки глиняной посуды — очевидный признакъ человѣческаго существованія. Вычисляя по степени быстроты и количеству наслоенія, ученые пришли къ заключенію, что эта посуда принадлежала людямъ, жившимъ за нѣсколько десятковъ тысячъ лѣтъ до библейскаго Адама, и потому назвали эти осколки доадамовскими. Но вслѣдъ затѣмъ было сдѣлано новое открытіе, которое сразу опровергло только-что сдѣланное предположеніе. Еще на болѣе значительной глубинѣ, около пьедестала статуи Рамзеса II, былъ найденъ осколокъ съ выбитымъ на немъ греческимъ рисункомъ, судя по которому этотъ новый осколокъ никакъ нельзя отнести дальше,

---

[1]) Потопъ нарушаетъ точность этого вычисленія; но она подтверждается тѣмъ, что число лѣтъ полагается не въ 7, а въ 6 тысячъ.

какъ за три столѣтія до Р. Х. или ко времени завоеванія Египта Александромъ Македонскимъ. Ученый инженеръ Стефенсонъ, производившій работы въ Египтѣ въ сосѣдствѣ Даміетты, сдѣлалъ еще болѣе замѣчательное въ этомъ отношеніи открытіе: въ самыхъ глубокихъ осадкахъ Нила, куда только проникали любознательные заступъ и лопата ученыхъ изслѣдователей и гдѣ по соображеніямъ послѣднихъ должны бы быть остатки людей, жившихъ милліоны лѣтъ тому назадъ,—тамъ онъ нашелъ кирпичъ со штемпелемъ Магомета Али, т.-е. изъ времени уже магометанскаго владычества надъ Египтомъ. На основаніи такихъ данныхъ трудно строить какія-либо серьезныя соображенія.

Въ прошломъ [18-мъ] столѣтіи сторонники чрезвычайной древности человѣческаго рода основывали свои заключенія на высоко-научныхъ основаніяхъ, въ родѣ астрономическихъ данныхъ, доставлявшихся египетскими зодіаками, наклоненіемъ земной оси, положеніемъ созвѣздій и т. п. Такъ, Дюпюи, авторъ нѣкогда знаменитой книги о „Происхожденіи всѣхъ религій", приходилъ въ восторгъ, находя точное подтвержденіе своимъ идеямъ въ древнихъ зодіакахъ. Но онъ еще былъ умѣренъ въ своихъ положеніяхъ: „нѣтъ надобности относить долѣе чѣмъ за четырнадцать или пятнадцать тысячъ лѣтъ іероглифическихъ фигуръ зодіака, который греки приняли отъ египтянъ и халдеевъ". Гордый своимъ открытіемъ, онъ прибавлялъ: „такъ я бросилъ якорь истины въ глубину океана вѣковъ". Но онъ бросилъ свой якорь, какъ оказывается по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, въ глубину океана не истины, какъ онъ думалъ, а заблужденія, потому что въ то самое время, когда была издана его книга, во Франціи родился ребенокъ, будущій Шамполіонъ, который тридцать лѣтъ спустя открылъ тайну чтенія іероглифовъ. И тогда оказалось, что египетскіе зодіаки относились не къ такой древности, которая опредѣлялась четырнадцатью или пятнадцатью тысячами лѣтъ, а къ періоду уже римскаго владычества, потому что іероглифы на нихъ содержали имена первыхъ римскихъ императоровъ—Августа, Тиверія и другихъ. Такъ открытіе Дюпюи оказалось чистымъ вымысломъ. Этотъ замѣчательный фактъ показываетъ, какъ нужно быть осторожнымъ въ заключеніяхъ касательно древности человѣческаго рода.

Необычайную древность человѣческаго рода старались обосновать на чрезвычайной древности отжившихъ или существующихъ цивилизацій, но, какъ оказывается, и здѣсь недостаетъ надлежащихъ осно-

ваній. Китайская хронологія, какъ предполагалось въ одно время, уходила въ изумительную глубь вѣковъ, но болѣе тщательное изслѣдованіе этого предмета въ послѣднее время [19-й в.] показало, что историческій періодъ въ Китаѣ достигаетъ не дальше какъ за 2200 лѣтъ до Р. Хр., а нѣкоторые изслѣдователи даже относятъ начало исторической жизни Китая къ 781 или во всякомъ случаѣ не дальше 1154 года. Индія также, какъ предполагали въ одно время, имѣла исторію, туманные періоды которой будто бы явно подрывали ученіе св. Писанія о сравнительной недавности происхожденія человѣка. Но наука теперь съ увѣренностью полагаетъ, что самое раннее событіе, какое только можетъ прослѣдить исторія Индіи, есть выселеніе арійскихъ племенъ съ плоскихъ возвышенностей Азіи въ равнины Индустана, что во всякомъ случаѣ было не раньше 2000 лѣтъ до Р. Хр.

Потерпѣвъ неудачу на исторіи Китая и Индіи, сторонники теоріи о чрезвычайной древности человѣческаго рода прибѣгли къ помощи Египта, какъ странѣ, которая, повидимому, предоставляла въ своей цивилизаціи незапамятную древность. Но и египетская древность оказалась весьма ненадежной основой въ этомъ отношеніи. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ самое разногласіе между учеными въ опредѣленіи начала исторической жизни Египта. Беккъ, извѣстный нѣмецкій египтологъ, относитъ время царствованія Менеса, который всѣми признается первымъ царемъ египетскимъ, къ 5702 г. до Р. Хр. Унгеръ, другой великій нѣмецкій ученый, предпочитаетъ 5613 годъ. Маріеттъ-Бей, французскій египтологъ, директоръ археологическаго музея въ Каирѣ, вычеркиваетъ нѣсколько столѣтій и опредѣляетъ царствованіе Менеса въ 5004 году до Р. Хр., въ чемъ ему слѣдуетъ Ленорманъ, его наиболѣе извѣстный ученикъ. Профессоръ Масперо думаетъ, что 4500 годъ представляется болѣе правильнымъ числомъ въ этомъ отношеніи. Бругшъ-Бей, нѣмецкій ученый, давно пребывавшій въ Египтѣ, авторъ извѣстной «Исторіи Египта, всецѣло извлеченной изъ памятниковъ», предпочитаетъ 4455 годъ. Лепсіусъ и Эберсъ, учитель и ученикъ, но оба одинаково извѣстные египтологи, думаютъ, что Менесъ царствовалъ за 3892 года до Р. Хр. Бунзенъ, не менѣе извѣстный знатокъ древности, сначала назначилъ для Менеса 3623-й годъ, но позднѣе пришелъ къ мысли, что 3059-й годъ правильнѣе. Англійскій ученый Берчъ, директоръ египетскаго отдѣла въ Британскомъ музеѣ, извѣстный своими спеціальными изслѣдованіями, опредѣляетъ, что Менесъ царствовалъ за 3000 лѣтъ до Р. Хр.

Стюартъ Пулъ, директоръ нумизматическаго отдѣла въ Британскомъ музеѣ и извѣстный своими египтологическими изслѣдованіями, признаетъ годомъ царствованія Менеса 2718 годъ, и наконецъ покойный Вилькинсонъ, знаменитая книга котораго о древнихъ египтянахъ [1]) придаетъ особенный вѣсъ его мнѣнію, соглашается въ общемъ съ Пуломъ и относитъ начало царствованія Менеса къ 2691 году до Р. Хр. Такимъ образомъ между высшей и низшей цифрами въ этихъ исчисленіяхъ разница оказывается не менѣе какъ въ 3011 лѣтъ, и эта разница тѣмъ замѣчательнѣе, что всѣ эти цифры принадлежатъ вычисленіямъ одинаково извѣстныхъ и одинаково ученыхъ людей! Чтобы наглядно показать, какъ велико это разногласіе, достаточно сказать, что по такому вычисленію современные историки должны были бы расходиться напр. въ опредѣленіи начала царствованія покойнаго Государя Александра II, настолько, что одни говорили бы, что онъ началъ царствовать съ 1855 года, а другіе, на тѣхъ же ученыхъ основаніяхъ, утверждали бы, что онъ былъ современникомъ Моисея или египетскаго фараона Тотмеса III!..

Причина такого чудовищнаго разногласія заключается въ томъ, что единственнымъ основаніемъ для египетской хронологіи до настоящаго времени служатъ списки фараоновъ, приводимые различными древними писателями изъ потерянной книги Манеѳона, египетскаго жреца III столѣтія до Р. Хр. Но его данныя были источникомъ постоянныхъ недоумѣній для ученыхъ, такъ какъ онъ слѣдуетъ египетскому обычаю исчисленія всѣхъ лѣтъ царей, которые царствовали болѣе или менѣе вмѣстѣ, какъ напр., когда сынъ былъ коронованъ еще при жизни своего отца. Не удивительно, что такой египтологъ, какъ Бругшъ, долженъ былъ сказать, что одинъ этотъ источникъ заблужденія «представляетъ такія сомнѣнія и трудности на пути изслѣдованія, что заставляетъ отчаяваться въ возможности точной хронологической таблицы древне-египетской монархіи“ [2]). Вдобавокъ къ этому, сами египтяне не имѣли никакого понятія о точной хронологіи и не даютъ никакихъ прочныхъ данныхъ для вычисленій. Числа Манеѳона такъ запутаны, что „легко могутъ подходить подъ всевозможныя хронологическія системы“; причемъ един-

---

[1]) Wilkinson, The Manners and customs of ancient Egyptias, I—III, London, 1879.

[1]) Brugsch, History of Egypt. vol. I, p. 120.

ственно правильный списокъ царскихъ именъ, заключающійся въ документѣ, найденномъ въ Абидосѣ, и извѣстный подъ названіемъ Туринскаго Папируса, настолько испорченъ, что представляетъ весьма недостаточную помощь для провѣрки списковъ Манеѳона. Мало того: памятники болѣе и болѣе начинаютъ подрывать его числовыя данныя, такъ что, если только мы не захотимъ безъ всякаго основанія передѣлывать его списки по своему собственному желанію, не остается ничего другого, кромѣ ожиданія, пока какое-либо счастливое открытіе не избавитъ насъ отъ этого опаснаго эксперимента. Бругшъ основываетъ свои данныя на вычисленіи, что на каждыя сто лѣтъ приходилось въ точности по три царствованія; между тѣмъ не менѣе извѣстный ученый оріенталистъ, каноникъ Ролинсонъ, говоритъ, что средняя продолжительность царствованія восточныхъ царей опредѣлялась въ двадцать лѣтъ. Но даже если бы этого было еще недостаточно для того, чтобы подорвать всякое довѣріе къ египетской хронологіи, великимъ затрудненіемъ въ ея опредѣленіи является то обстоятельство, что никто еще не знаетъ, какіе именно цари царствовали вмѣстѣ или когда каждый изъ нихъ началъ царствовать отдѣльно.

Возникновеніе вавилонской цивилизаціи долго предполагали, на основаніи отрывковъ книги Бероза, вавилонскаго жреца, жившаго въ III столѣтіи до Р. Хр., столь же древнимъ, какъ и египетской. Но здѣсь также новѣйшія болѣе точныя изслѣдованія разсѣяли всѣ преувеличенія. Ученые теперь въ общемъ согласны между собой въ томъ, что самые ранніе слѣды вавилонской исторіи относятся не далѣе, какъ къ 2500 году до Р. Хр., хотя Берозъ относилъ потопъ за 41.697 лѣтъ и легенды клинообразныхъ плитъ назначаютъ 432.000 лѣтъ для царствованія десяти царей, жившихъ до этого великаго бѣдствія. Англійскіе ассиріологи, Смитъ и Сэйсъ, думаютъ, что «никакіе современные памятники не могутъ быть относимы раньше, чѣмъ за 2300 лѣтъ до Р. Хр., и даже это число, быть можетъ, слишкомъ велико для наиболѣе древнихъ изъ извѣстныхъ намъ памятниковъ». Полагая достаточно времени для первыхъ ступеней племеннаго или національнаго развитія, вавилонская исторія такимъ образомъ можетъ уводить насъ не далѣе какъ за 3000 лѣтъ до Р. Хр.

Съ какой бы стороны поэтому мы ни взглянули, нигдѣ не представляется достаточно данныхъ для отнесенія появленія человѣка на землѣ дальше, чѣмъ опредѣляетъ Библія, и, напротивъ, всѣ основанія заставляютъ признать библейское положеніе о сравнительной не-

давности жизни человѣка на землѣ. Если такимъ образомъ исторія древнѣйшихъ народовъ не помнитъ болѣе трехъ тысячъ лѣтъ, то такой фактъ совершенно непонятенъ съ точки зрѣнія баснословныхъ хронологическихъ теорій. Въ самомъ дѣлѣ, страненъ и невѣроятенъ фактъ, что человѣчество, проживъ сотни тысячъ лѣтъ, помнитъ изъ нихъ и можетъ назвать историческими только какія-нибудь пять-шесть тысячъ лѣтъ. Этотъ фактъ невѣроятенъ въ той же степени, какъ былъ бы невѣроятенъ параллельный ему фактъ въ жизни отдѣльнаго человѣка, когда бы, напр., человѣкъ, прожившій сто лѣтъ, изъ всей своей столѣтней жизни помнилъ только какія-нибудь пять-шесть лѣтъ.

Въ доказательство необычайной древности человѣческаго рода, затѣмъ, указывали и на различія человѣческихъ расъ. Контрастъ между негромъ и другими вѣтвями человѣческаго рода представляетъ, повидимому, особенно яркое доказательство этого, причемъ особенно часто указывается на то обстоятельство, что о неграхъ упоминается въ историческомъ египетскомъ документѣ отъ времени седьмой династіи, гдѣ они изображаются совершенно такими же, какъ на памятникахъ позднѣйшаго времени. Но возникновеніе новаго типа и даже новаго цвѣта среди людей не неизвѣстно даже въ предѣлахъ историческаго періода. Евреи на Востокѣ теперь такъ же черны, какъ и мѣстные жители, между тѣмъ какъ евреи холодныхъ странъ часто бѣлокуры, какъ и другіе сѣверные народы. Американцы во всей своей физической внѣшности и въ очертаніи своего лица рѣзко отличаются отъ англичанъ, хотя они близкіе потомки послѣднихъ. Турки въ Европѣ въ нѣсколько столѣтій настолько удалились отъ своего первоначальнаго татарскаго типа, что ихъ теперь относятъ даже къ кавказской расѣ, хотя мы знаемъ о ихъ монгольскомъ происхожденіи. Мадьяры въ тысячу лѣтъ потеряли почти всякіе слѣды татарскихъ чертъ своихъ предковъ—остяковъ сѣверной Сибири. Высокіе, сухопарые американскіе индѣйцы могутъ быть признаны потомками приземистыхъ и скулистыхъ монголовъ Азіи только по неопровержимому свидѣтельству ихъ языковъ. Кто бы могъ подумать, что неуклюжій лапландецъ принадлежитъ къ тому же самому семейству, какъ и высокій, стройный, красивый венгерецъ, и однако же они одного и того же происхожденія. Что касается негровъ, то они очевидно получили свои типическія особенности вслѣдствіе особенныхъ условій своей жизни въ тропическомъ климатѣ. «Настоящій африканецъ», говоритъ одинъ компетентный изслѣдователь, «имѣетъ

мѣдный цвѣтъ и стоитъ выше негра въ умственномъ и физическомъ отношеніи. Можно думать, что негръ, обитающій только прибрежныя области или болотистыя области внутренней части материка, первоначально принадлежалъ къ мѣдно-красной расѣ и что его вырожденіе въ типѣ всецѣло зависѣло отъ вліянія климата и пищи» [1]). Примѣры подобнаго вліянія внѣшнихъ условій, особенно пищи, извѣстны и въ новѣйшее время. Такъ, необычайныя лишенія жителей Коннемары въ Ирландіи въ года, предшествовавшіе голоду 1847 года, повели къ измѣненію во всемъ ихъ физическомъ типѣ: скулы сдѣлались выдающимися, какъ у негровъ, и замѣтно было вырожденіе во всемъ человѣкѣ. Нужно помнить кромѣ того, что видоизмѣненіе структуры или цвѣта, совершившись разъ, дѣлается постояннымъ, и что обстоятельства могутъ приводить къ этому видоизмѣненію до изумительной степени въ самое короткое время, какъ и въ низшихъ животныхъ.

Глубокую древность человѣка выводили наконецъ также изъ лингвистическихъ основаній. Языки, говорятъ, вырабатываются чрезвычайно медленно, и потому невозможно предполагать, чтобы въ какія-нибудь пять-шесть тысячъ лѣтъ изъ одного первичнаго языка могли образоваться многочисленные языки, совершенно непохожіе одинъ на другой. Возраженіе это прямо устраняется извѣстнымъ библейско-историческимъ событіемъ, имѣвшимъ своимъ послѣдствіемъ смѣшеніе языковъ и разсѣяніе народовъ. Но и помимо этого событія, лингвистическія основанія не имѣютъ надлежащей прочности. Языки медленно измѣняются только тогда, когда они окончательно вырабатываютъ свои формы и имѣютъ твердо установившуюся литературу; напротивъ, тѣ языки, которые не имѣютъ литературы, измѣняются чрезвычайно быстро. Дикія племена, раздѣлившись и разсѣявшись по разнымъ странамъ, чрезъ два-три поколѣнія уже перестаютъ понимать другъ друга. Такой же, хотя и менѣе быстрой, измѣнчивости подвержены даже и самые высокоразвитые языки. Латинскій напр. языкъ, при всей выработанности своихъ формъ, измѣнился въ итальянскій менѣе чѣмъ въ пятьсотъ лѣтъ. Но, говорятъ, мало десятка тысячъ лѣтъ для образованія такого совершенства грамматическихъ формъ, какими отличается напр. языкъ Гомера или языкъ Ведъ, между тѣмъ какъ библейская хронологія удѣляетъ для нихъ только 900—1200 лѣтъ. Возраженіе это можетъ имѣть значеніе только при

[1]) Reade, Antropological Review (Nov. 1864), p. 341.

предположеніи, что развитіе языка всегда идетъ одинаково ровно; но извѣстно, что бываютъ въ исторіи народа періоды такого возбужденія, когда народъ въ одно или два столѣтія сразу поднимается на такую высоту, для которой при обычномъ ходѣ развитія потребовались бы тысячелѣтія. Отъ грубаго языка сатиръ Эннія до блестящаго стиха Горація разстояніе два столѣтія, а качественная разница можетъ быть опредѣлена только тысячелѣтіями. Отъ Третьяковскаго до Пушкина менѣе столѣтія, а разница въ языкѣ—неизмѣримая.

Изъ всего сказаннаго съ достаточною очевидностью слѣдуетъ, что разсмотрѣнныя основы научной хронологіи не представляютъ надлежащей прочности для того, чтобы опредѣлять древность человѣка сотнями тысячъ и милліонами лѣтъ, и, напротивъ, въ большинствѣ подтверждаютъ библейскую хронологію, что и даетъ ей рѣшительное преимущество.

КНИГА ВТОРАЯ.

Міръ послѣпотопный.

ГЛАВА VII.

Потопъ.

Необычайное долголѣтіе допотопныхъ патріарховъ было особеннымъ даромъ, который имѣлъ весьма важное значеніе въ первобытной исторіи человѣчества, какъ для скорѣйшаго населенія земли и распространенія полезныхъ знаній, такъ и особенно для сохраненія чистоты богопочитанія и вѣры въ данное первымъ людямъ обѣтованіе Избавителя. Но этотъ великій даръ, при разъ совершившемся уклоненіи съ истиннаго пути, могъ послужить и удобнымъ средствомъ умноженія и распространенія зла въ человѣчествѣ. Необычайная рѣдкость случаевъ смерти, съ ея ужасами, лишала людей одного изъ страшнѣйшихъ предостереженій для ихъ совѣсти; затѣмъ сообщество злыхъ людей содѣйствовало умноженію зла и порока, а кажущаяся отдаленность суда или избавленія могла придавать смѣлость самому дерзкому невѣрію и кощунству. Все зависѣло отъ того, какое изъ двухъ поколѣній первобытнаго человѣчества возьметъ перевѣсъ:— Сиѳово, какъ выступившее носителемъ идеальныхъ началъ исторіи, или Каиново, всецѣло предавшееся грубому матеріализму. На сторонѣ перваго была преемственность великихъ преданій и обѣтованій, которыя всѣ помыслы людей должны были направлять къ высшей цѣли— искупленію падшаго человѣчества отъ рабства грѣху и смерти; но на сторонѣ второго были всѣ искушенія нестѣсненнаго пользованія осязательными благами настоящаго. Тутъ какъ бы вновь предоставлялось человѣку во всей полнотѣ воспользоваться дарованнымъ ему

благомъ свободнаго самоопредѣленія и показать, куда болѣе направляются его помыслы—къ Богу, или міру. Но если уже въ Едемѣ человѣкъ оказалъ явное предпочтеніе міру и нарушилъ заповѣдь Божію, то теперь подчинившаяся тлѣнію природа человѣческая, въ силу самой тяжести первороднаго грѣха, явно тяготѣла къ міру съ его прелестями, и только отдѣльные избранники имѣли въ себѣ достаточно духовнаго мужества, чтобы противиться этому общему тяготѣнію и хранить себя отъ общаго увлеченія грѣхомъ. Такъ именно и случилось. Прелести міра имѣли слишкомъ соблазнительный характеръ для падшаго человѣчества, и оно всецѣло отворило дверь своего сердца грѣху и всякому беззаконію.

И вотъ, дѣйствительно, зло стало сильно разростаться въ мірѣ; но высшаго своего развитія оно достигло вслѣдствіе смѣшенія между собою потомковъ Каина и Сиѳа, и именно, когда по грубому влеченію чувственности „сыны Божіи (потомки Сиѳа) увидѣли дочерей человѣческихъ, что онѣ красивы, и брали ихъ себѣ въ жены, какую кто избралъ». Въ это время земля была уже значительно населена, но вмѣстѣ съ заселеніемъ ея распространилось страшное зло порочности и развращенія. «И увидѣлъ Господь Богъ, что велико развращеніе человѣковъ на землѣ, и что всѣ мысли и помышленія сердца ихъ были зло во всякое время». Это очевидно была не простая естественная порочность испорченной натуры, а всеобщее господство открытаго и дерзкаго грѣха и возстанія противъ Бога. Отъ преступно-сладострастнаго общенія потомковъ Сиѳовыхъ съ потомками Каиновыми произошло поколѣніе «исполиновъ на землѣ». Полагаясь на свою силу, они внесли въ человѣческое общество ужасы насилія, безправія, хищничества, сладострастія и всеобщаго невѣрія въ обѣтованіе будущаго избавленія. Когда поколѣніе Сиѳа жило обособленнымъ, оставалась еще надежда на сохраненіе истинной религіи и связаннаго съ нею обѣтованія, а теперь погибла и эта надежда, и оставался единственный исходъ для искорененія порока и невѣрія на землѣ—истребить все существующее человѣчество. И вотъ, при видѣ такого состоянія людей, „раскаялся (говоря по-человѣчески) Господь, что создалъ человѣка на землѣ, и возскорбѣлъ въ сердцѣ Своемъ. И сказалъ Господь: истреблю съ лица земли человѣковъ, которыхъ Я сотворилъ, отъ человѣка до скотовъ, и гадовъ, и птицъ небесныхъ истреблю; ибо Я раскаялся, что создалъ ихъ». Какъ созданныя одно-

Всемірный потопъ.

временно съ человѣкомъ и для человѣка, животныя постоянно должны раздѣлять участь человѣка.

Но волны порока еще не залили всего человѣчества. Среди него оказался человѣкъ, который „обрѣлъ благодать предъ очами Господа Бога". Это былъ Ной, сынъ Ламеха, «человѣкъ праведный и непорочный въ родѣ своемъ»; онъ «ходилъ предъ Богомъ», какъ и его предокъ Енохъ. И вотъ, когда земля „растлилась предъ лицомъ Божіимъ и наполнилась злодѣяніемъ", когда «всякая плоть извратила путь свой на землѣ», Господь благоволилъ сподобить Ноя великой чести быть родоначальникомъ новаго человѣчества на мѣсто прежняго растлѣннаго, которое обречено было на заслуженную имъ гибель. Праведный судія открылъ Ною Свое божественное рѣшеніе и сказалъ ему: «конецъ всякой плоти пришелъ предъ лицо Мое, и Я истреблю ихъ съ лица земли. Сдѣлай себѣ ковчегъ, Я наведу на землю потопъ водный, чтобы истребить всякую плоть, въ которой есть духъ жизни, подъ небесами; все, что есть на землѣ, лишится жизни. Но съ тобою поставлю завѣтъ Мой, и войдешь въ ковчегъ ты, и сыновья твои, и жена твоя, и жены сыновъ твоихъ съ тобою». Откровеніе было страшное, и въ виду того, что кругомъ царствовало самое дерзкое невѣріе, служило сильнымъ испытаніемъ вѣры. Богъ назначилъ сто двадцать лѣтъ на раскаяніе человѣческому роду, и въ это время Ной долженъ былъ приступить къ своему необычайному сооруженію, которое могло вызывать у окружающихъ людей лишь насмѣшки и угрозы. Но вѣра его была непоколебима.

Ной былъ не только наслѣдникомъ праведности и вѣры, но и проповѣдникомъ ея на землѣ, и, «получивъ откровеніе о томъ, что еще не было видимо» (Евр. XI, 7), приступилъ къ сооруженію ковчега для спасенія дома своего, обличая своею проповѣдью весь міръ съ его невѣріемъ и беззаконіемъ. Ковчегъ строился по точному указанію Божію—изъ дерева гоферъ, что болѣе всего подходитъ къ кипарису, и былъ осмоленъ внутри и снаружи. Длина ковчега 300 локтей, ширина 50 локтей, и высота 30 локтей [1]). Наверху было

[1]) Если считать локоть въ 21 дюймъ (т.-е. 12 вершковъ), то это составитъ 525 футовъ длины, 87½ ширины и 52 съ половиной высоты. По вычисленію бл. Августина, размѣры ковчега въ его трехъ измѣреніяхъ были тѣ же, что и пропорціональные размѣры нормальнаго человѣческаго тѣла, „длина котораго отъ подошвы до маковки въ шесть разъ болѣе ширины груди и въ десять разъ болѣе толщины или глубины лежашей фигуры человѣка, измѣряемой по прямой линіи отъ земли". Въ 1609 году одинъ голландецъ, Петръ

сдѣлано длинное отверстіе по всему ковчегу—въ локоть ширины, для свѣта и воздуха, а сбоку дверь. Онъ долженъ былъ состоять изъ трехъ ярусовъ, со множествомъ отдѣленій въ нихъ. Послѣднія предназначались для всѣхъ животныхъ, которыхъ Богъ также заповѣдалъ взять съ собою (по семи паръ чистыхъ и по одной нечистыхъ), а также и для жизненныхъ припасовъ. «И сдѣлалъ Ной все, что повелѣлъ ему Господь Богъ». Несомнѣнно во время этой величественной постройки Ной продолжалъ вмѣстѣ съ тѣмъ «проповѣдывать праведность», особенно когда это вызывалось присутствіемъ любопытствующихъ и насмѣхающихся людей беззаконія, приходившихъ смотрѣть на его построеніе. Но самой краснорѣчивой и громкой проповѣдью было это самое сооруженіе. Долготерпѣніе Божіе все еще ожидало пробужденія покаянія и во время самаго построенія ковчега, но все было напрасно. Издѣваясь надъ проповѣдью и грознымъ предостереженіемъ, люди становились еще болѣе беззаботными и беззаконными. Они „ѣли, пили, женились и выходили замужъ, до того дня, какъ вошелъ Ной въ ковчегъ, и не думали, пока не пришелъ потопъ и не истребилъ всѣхъ» (Матѳ. XXIV, 38, 39). Ко времени окончанія построенія ковчега Ною было шестьсотъ лѣтъ, и тогда, не видя больше надежды на раскаяніе грѣшнаго человѣчества, Господь повелѣлъ Ною войти въ ковчегъ со всѣмъ своимъ семействомъ и опредѣленнымъ количествомъ животныхъ. «Ибо чрезъ семь дней, сказалъ Онъ, Я буду изливать дождь на землю сорокъ дней и сорокъ ночей; и истреблю все существующее, что Я создалъ, съ лица земли". Ной повиновался и вошелъ въ ковчегъ со своими тремя сыновьями: Симомъ, Хамомъ и Іафетомъ, со своей женой и женами своихъ сыновей, захвативъ и всѣхъ отобранныхъ животныхъ, и «Господь затворилъ за нимъ ковчегъ". И вотъ, когда прошли и эти семь дней, прошелъ послѣдній срокъ, данный для покаянія, „воды потопа пришли на землю. Въ шестисотый годъ жизни Ноевой, во второй мѣсяцъ, въ семнадцатый (по-греч. 27) день мѣсяца (т. е. по нашему счисленію, если здѣсь имѣется въ виду гражданскій еврейскій годъ—около начала или половины ноября) разверзлись всѣ источники великой бездны, и

Янсенъ въ Гоорнѣ, построилъ корабль какъ-разъ по формѣ Ноева ковчега (хотя и меньшихъ размѣровъ, именно въ 120 футовъ длины, 20—ширины и 12—высоты), и оказалось, что при такой формѣ корабль представляетъ гораздо большую вмѣстительность (именно на одну треть), чѣмъ при обычной формѣ построенія кораблей.

окна небесныя отворились; и лился на землю дождь сорокъ дней и сорокъ ночей".

Такъ совершилось великое наказаніе Божіе развращенному и утопавшему во злѣ человѣчеству. Вода быстро затопляла все и поднималась все выше и выше, на пятнадцать локтей покрывая даже высочайшія горы. «И лишилась жизни всякая плоть, движущаяся по землѣ, и птицы, и скоты, и звѣри, и всѣ гады, ползающіе по землѣ, и всѣ люди. Все, что имѣло дыханіе духа жизни въ ноздряхъ своихъ на сушѣ, умерло. Истребилось всякое существо, которое было на поверхности (всей) земли; остался только Ной, и что было съ нимъ въ ковчегѣ». Вода же прибывала въ теченіе полутораста дней или пяти мѣсяцевъ. Вся поверхность земли покрылась водою, и по этому необъятному морю носился только одинъ ковчегъ Ноевъ, заключавшій въ себѣ лишь избранное сѣмя для развитія новой жизни на землѣ. „И вспомнилъ Богъ о Ноѣ и о всѣхъ бывшихъ съ нимъ въ ковчегѣ, и навелъ Богъ вѣтры на землю, и воды остановились". Источники бездны закрылись, дождь прекратился, и вода пошла на убыль. Ровно черезъ пять мѣсяцевъ съ начала потопа ковчегъ остановился на горахъ Араратскихъ. Въ первый день десятаго мѣсяца показались верхи горъ, а еще по прошествіи сорока дней Ной уже открылъ окно въ ковчегѣ, и выпустилъ перваго вѣстника, ворона, который, однакоже, вылетѣвъ и найдя видимо обильную для себя пищу въ трупахъ на вершинѣ обнажившихся горъ, не далъ яснаго извѣщенія о состояніи земли, а неопредѣленно «отлеталъ и прилеталъ, пока осушилась земля отъ воды». Выпущенный затѣмъ голубь, не найдя сухого мѣста, возвратился въ ковчегъ, но выпущенный опять черезъ семь дней онъ возвратился со свѣжимъ масличнымъ листомъ во рту, и Ной такимъ образомъ „узналъ, что вода сошла съ земли". Выпущенный еще черезъ семь дней, голубь уже не возвратился. Тогда Ной открылъ кровлю ковчега и увидѣлъ, что поверхность земли обсохла, а къ двадцать седьмому дню второго мѣсяца шестисотъ перваго года жизни Ноя, т.-е. ровно черезъ годъ со времени наступленія потопа, и совсѣмъ высохла.

Тогда Господь повелѣлъ Ною выйти изъ ковчега и распустить животныхъ для размноженія на землѣ. По выходѣ изъ ковчега первою мыслью Ноя было воздать благодареніе Господу за столь чудесное спасеніе; онъ устроилъ жертвенникъ Господу, взялъ чистыхъ животныхъ и птицъ и принесъ ихъ во всесожженіе. Такое благочестіе Ноя

было пріятно Господу и „Онъ сказалъ въ сердцѣ Своемъ: не буду болѣе проклинать землю за человѣка, потому что помышленіе сердца человѣческаго—зло отъ юности его, и не буду больше поражать всего живущаго, какъ Я сдѣлалъ. Впредь во всѣ дни земли сѣяніе и жатва, холодъ и зной, лѣто и зима, день и ночь не прекратятся».

Такъ какъ Ной со своимъ семействомъ являлся новымъ родоначальникомъ человѣчества на землѣ, то Богъ повторилъ ему благословленіе, нѣкогда данное первымъ людямъ. „И благословилъ Богъ Ноя и сыновъ его, и сказалъ имъ: плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю (и обладайте ею)". Всѣ звѣри были приведены человѣку въ подчиненіе и ему разрѣшено было кромѣ растительной пищи употребленіе въ пищу и мяса животныхъ, но не крови ихъ, потому что „въ крови животныхъ душа ихъ". Въ то же время данъ былъ законъ противъ человѣкоубійства—на томъ основаніи, что всѣ люди братья, и потому всякое убійство есть братоубійство, и что человѣкъ созданъ по образу Божію. Первый убійца былъ изгнанъ изъ общества людей, но жизнь его объявлена неприкосновенной; теперь было постановлено, что „кто прольетъ кровь человѣка, того кровь прольется рукою человѣка". Этимъ закономъ, очевидно, устанавливалось право гражданской власти наказывать убійцъ смертью. Такимъ образомъ къ установленію субботы и брака было присоединено три новыхъ постановленія—о воздержаніи отъ употребленія крови, о запрещеніи убійства и о правѣ гражданской власти. Это такъ называемые «Ноевы законы», которыхъ іудеи насчитывали семь, прибавляя къ нимъ еще постановленія противъ идолопоклонства, богохульства, распутства и воровства. Наконецъ въ завершеніе этихъ отдѣльныхъ постановленій Богъ заключилъ съ Ноемъ торжественный завѣтъ, т.-е. одинъ изъ тѣхъ договоровъ, которыми Онъ изъ любви къ людямъ принималъ на Себя извѣстныя обязательства, чтобы посредствомъ ихъ и на человѣка возложить спасительныя для него обязательства. Въ силу этого завѣта Онъ торжественно обѣщалъ Ною, что „не будетъ болѣе истреблена всякая плоть водами потопа, и не будетъ уже потопа на истребленіе земли", и знаменемъ этого завѣта была указана радуга, появляющаяся на небѣ послѣ дождя въ знакъ того, что это не дождь потопа, а дождь благословленія.

Съ исторіей потопа связываются нѣкоторыя недоумѣнія, которыя заставляютъ иногда перетолковывать ея дѣйствительный смыслъ. Такъ, нѣкоторые считаютъ невозможнымъ разумѣть здѣсь въ собственномъ

смыслѣ всемірный потопъ, покрывшій всю землю, и понимаютъ его всемірность лишь въ смыслѣ всеобщаго погубленія людей въ тѣхъ странахъ, на которыхъ они успѣли дотолѣ разселиться. Но такое ограниченіе ничѣмъ не оправдывается, хотя оно и не непримиримо съ прямыми библейскими выраженіями, и напротивъ опровергается геологическими слѣдами потопа въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ земной поверхности. Притомъ и наукѣ извѣстны такіе перевороты на землѣ, когда цѣлые материки покрывались водою, какъ напр. материкъ Атлантида, закрытый теперь Атлантическимъ океаномъ. Если такія явленія возможны въ силу естественныхъ переворотовъ, то тѣмъ понятнѣе становится въ полномъ смыслѣ всемірный потопъ, какъ страшное Божіе наказаніе для истребленія жизни на грѣшной землѣ. Если допустить всемірность потопа, то будто бы немыслимо было собрать всѣ породы животныхъ въ томъ помѣщеніи, какое представлялъ Ноевъ ковчегъ. Но нужно имѣть въ виду, что въ ковчегъ могли быть взяты лишь такія породы, которыя рѣшительно не могли пережить потопа и просуществовать въ водѣ даже въ видѣ зародышей и сѣмени, чтобы послѣ возродиться изъ нихъ отъ солнечной теплоты или другихъ благопріятныхъ для возбужденія жизни условій; затѣмъ по теперешнему разнообразію породъ нельзя судить о породахъ допотопныхъ, которыхъ было несравненно меньше; и наконецъ многія породы несомнѣнно прямо были обречены на истребленіе, какъ напр. всѣ тѣ страшныя допотопныя чудовища (мамонты, мастодонты, плеозавры, птеродактилы и пр.), которыя находятся въ слояхъ земли и теперь не существуютъ въ дѣйствительности. Такимъ образомъ за исключеніемъ всего этого останется уже не такъ много, чтобы не помѣститься въ ковчегѣ, съ которымъ по величинѣ и вмѣстительности не можетъ сравняться ни одинъ даже изъ теперешнихъ исполинскихъ кораблей, плавающихъ по океанамъ. Что же касается вообще истинности исторіи потопа, то она находитъ поразительное подтвержденіе во всеобщности преданія о немъ у различныхъ и самыхъ отдаленныхъ между собой народовъ.

И дѣйствительно, преданіе о потопѣ есть самое распространенное, и ему по праву принадлежитъ названіе всемірнаго преданія по преимуществу. Слѣды его встрѣчаются у всѣхъ самыхъ отдаленныхъ народовъ. Видно, что это великое событіе глубоко запечатлѣлось въ памяти родоначальниковъ послѣпотопнаго человѣчества, которые передавали своимъ потомкамъ разсказъ о немъ, какъ великое предостереженіе для послѣдующихъ поколѣній, сохранившихъ воспоминаніе о

немъ и по разселеніи изъ первоначальной колыбели. Какъ и естественно, преданія отдѣльныхъ народовъ съ теченіемъ времени неизбѣжно должны были получить оттѣнки мѣстныхъ условій и принять легендарный характеръ, но общій смыслъ преданія сохранился неизмѣнно у всѣхъ народовъ, именно, что человѣчество своими злыми дѣлами прогнѣвало Бога, который и истребилъ его, за исключеніемъ одного благочестиваго семейства, сдѣлавшагося родоначальникомъ обновленнаго человѣческаго рода. При этомъ особенно замѣчательно то обстоятельство, что совѣсть человѣчества сохранила воспоминаніе и о томъ, что главными виновниками бѣдствія, постигшаго землю, были именно «исполины», которые своими злыми дѣлами насилія и похотей сдѣлали землю мѣстомъ всевозможныхъ ужасовъ и мерзостей. Такое преданіе неизмѣнно повторяется у всѣхъ народовъ, гдѣ только сохранилось воспоминаніе о самомъ потопѣ.

Какъ и всѣ другія преданія о первобытной жизни человѣчества, преданіе о потопѣ не съ одинаковою полнотою и точностью сохранилось у всѣхъ народовъ; но самое интересное и сходное къ библейскимъ повѣствованіе найдено у древнихъ вавилонянъ, такъ называемое Халдейское повѣствованіе. Оно давно уже было извѣстно по передачѣ его на греческомъ языкѣ вавилонскимъ жрецомъ Берозомъ въ III вѣкѣ до Р. Христова, имѣвшимъ своею цѣлью ознакомить грековъ съ преданіями своей родины; но такъ какъ можно было подозрѣвать, что Берозъ, какъ писавшій по-гречески и въ столь позднее время, могъ привнести въ свой разсказъ и черты, заимствованныя изъ Библіи, то ему и не придавали должнаго значенія до послѣдняго времени, когда открытъ былъ халдейскій подлинникъ этого преданія. Именно при разборѣ найденной въ развалинахъ Ниневіи библіотеки послѣдняго царя Ассиріи Сарданапала, англійскій ученый ассиріологъ Джоржъ Смитъ нашелъ и прочиталъ большую поэму, въ которой 11-я пѣснь и содержитъ повѣствованіе о потопѣ. Поэма найдена въ трехъ копіяхъ съ обозначеніемъ, что онѣ сдѣланы съ древнѣйшаго оригинала (отъ XVII вѣка до Р. Христова) и такимъ образомъ свободны отъ постороннихъ вліяній. Герой поэмы нѣкій Издубаръ, которому его предокъ Ксисутръ, десятый изъ первобытныхъ царей (Ной—десятый изъ патріарховъ), разсказываетъ о томъ, какъ онъ спасся отъ потопа. Приведемъ халдейскій разсказъ въ обѣихъ его формахъ.

Разсказавъ сначала о девяти допотопныхъ царяхъ, халдейскій жрецъ затѣмъ такъ излагаетъ исторію потопа:

„По смерти Обартеса, его сынъ, Ксисутръ [1]) царствовалъ восемнадцать саръ (64.800 лѣтъ); при немъ совершился великій потопъ, исторія котораго разсказывается въ священныхъ письменахъ слѣдующимъ образомъ. Кронось (Эа) явился ему во снѣ и возвѣстилъ, что въ пятнадцатый день мѣсяца Дезія (ассирійскій мѣсяцъ Сиванъ, немного раньше лѣтняго солнцестоянія) всѣ люди погибнутъ отъ потопа. Онъ поэтому повелѣлъ ему взять начало, средину и конецъ всего, что было обозначено письменно, и бѣжать въ городъ солнца, въ Сиппару, потомъ построить корабль и войти въ него со всѣмъ семействомъ и своими наиболѣе близкими друзьями, запасти въ корабль провизію для пищи и питья и ввести туда животныхъ—пернатыхъ и четвероногихъ; наконецъ, все приготовить къ плаванію. И когда Ксисутръ спросилъ, куда направить ему свой корабль, онъ отвѣчалъ: «къ богамъ, которымъ онъ долженъ былъ молиться о благѣ людей». Ксисутръ повиновался и построилъ корабль, длиною въ пять стадій и шириною въ двѣ стадіи; онъ собралъ все, что ему было предписано, и ввелъ въ корабль свою жену, своихъ дѣтей и своихъ близкихъ друзей. Скоро наступилъ потопъ. Когда потопъ прошелъ и началъ уменьшаться, Ксисутръ выпустилъ нѣсколько птицъ. Онѣ, не найдя ни пищи, ни мѣста, гдѣ бы можно было сѣсть, возвратились въ корабль. Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого Ксисутръ вновь выпустилъ ихъ; но онѣ возвратились опять въ корабль съ грязью въ ногахъ. Наконецъ, выпущенныя въ третій разъ птицы не возвратились болѣе. Тогда Ксисутръ понялъ, что земля освободилась отъ воды; онъ сдѣлалъ отверстіе въ кровлѣ корабля и увидѣлъ, что корабль остановился на горѣ. Онъ сошелъ съ своею женою, своею дочерью и своимъ матросомъ, поклонился землѣ, воздвигъ жертвенникъ и принесъ жертву богамъ; и въ этотъ моментъ онъ исчезъ со всѣми сопровождавшими его. Между тѣмъ оставшіеся въ кораблѣ, не видя возвращенія Ксисутра, въ свою очередь сошли на землю и стали искать его, называя его по имени. Ксисутра они не видѣли болѣе, но услышали голосъ съ неба, повелѣвавшій имъ быть благочестивыми въ отношеніи боговъ и возвѣщавшій, что Ксисутръ, въ награду за свое благочестіе,

---

[1]) Газизадра—по халдейскому педлиннику.

былъ взятъ на небо для обитанія среди боговъ, и что его жена, его дочь и управитель корабля раздѣлили съ нимъ эту честь. Голосъ возвѣстилъ оставшимся кромѣ того, чтобы они направились въ Вавилонъ и, сообразно съ велѣніями судьбы, вырыли зарытыя въ Сиппарѣ письмена для передачи ихъ людямъ. Онъ прибавилъ еще, что страна, гдѣ они находились, была Арменія. Эти послѣдніе, услышавъ голосъ, принесли жертву богамъ и пѣшкомъ возвратились въ Вавилонъ. Отъ корабля Ксисутра, остановившагося наконецъ въ Арменіи, часть существуетъ еще и теперь въ горахъ Гордіенскихъ въ Арменіи, и паломники приносятъ оттуда асфальтъ, который они собираютъ на развалинахъ и пользуются имъ для охраненія себя отъ зла. Что касается спутниковъ Ксисутра, то они жили въ Вавилонѣ, вырыли зарытыя въ Сиппарѣ письмена, основали многочисленные города, построили храмы и возстановили Вавилонъ».

Въ этомъ изложеніи уже нельзя не видѣть отчасти личной обработки Бероза, желавшаго изложить халдейское преданіе для грековъ въ возможно простой и связной формѣ. Поэтому открытый теперь подлинникъ преданія имѣетъ болѣе первобытный характеръ и носитъ на себѣ печать безъискусственности, которая и придаетъ ему особенный интересъ. Къ сожалѣнію, многія мѣста въ поэмѣ, вслѣдствіе порчи плитъ совершенно недоступны для чтенія, и потому переводъ является съ неизбѣжными пробѣлами, которые можно восполнять только по догадкѣ. Вотъ какъ читается этотъ халдейскій подлинникъ преданія о потопѣ [1]):

„Я хочу открыть тебѣ, Издубаръ, исторію моего спасенія и разсказать тебѣ о рѣшеніи боговъ.

Городъ Сурипакъ [2]), городъ, который ты знаешь, расположенъ на Евфратѣ;
Онъ былъ древній, и въ немъ (не почитали) боговъ.
(Я одинъ былъ) ихъ служитель, великимъ богамъ.
(Боги держали совѣтъ по внушенію) Ану.

---

[1]) Lenormant, Histoire ancienne de l'Orient, t. I, стр. 60 и сл.

[2]) Сурипакъ, изъ котораго переписчики Бероза, чрезъ рядъ послѣдовательныхъ ошибокъ, сдѣлали Ларанху, былъ городъ нижней Халдеи, расположенный близъ моря, такъ какъ говорится о „корабляхъ Сурипака". Религіозно-аккадійское названіе этого города было Ма-уру—„городъ корабля", чѣмъ, безъ сомнѣнія, дѣлается намекъ на легенду о построеніи его Газизадрой. Въ мусульманскихъ преданіяхъ мѣстомъ посадки Ноя въ свой корабль былъ Куфа, на западномъ рукавѣ Евфрата, или по другимъ. Вавилонъ, или же Айнварда, въ Месопотаміи.

(Потопъ былъ предложенъ) Беломъ
(И одобренъ Набу, Нергаломъ и) Нинибомъ.
И богъ (Эа), господь непреложный,
Сообщилъ ихъ повелѣніе въ сновидѣніи.
Я слышалъ повелѣніе судьбы, которое онъ провозгласилъ,
И онъ сказалъ мнѣ:
«Человѣкъ изъ Суррипака, сынъ Убаратуту,
Сдѣлай себѣ корабль и снаряди его (быстро).
(Потопомъ) я разрушу сѣмя и жизнь.
Введи въ корабль сѣмя всего живущаго.
Корабль, который ты построишь,
Долженъ быть въ шестьсотъ локтей ширины и (60?) вышины.
(Спусти его) на океанъ и покрой его кровлей».
Я понялъ и сказалъ богу Эа, моему господину:
«(Корабль), который ты мнѣ повелѣлъ построить такъ,
Когда я сдѣлаю его, будутъ смѣяться надо мною малые и старые».
(Эа открылъ свои уста и) сказалъ, говоря мнѣ, своему слугѣ:
«(Если они будутъ смѣяться надъ тобою), ты имъ скажешь [1]):
(Будетъ наказанъ) тотъ, который причинитъ мнѣ вредъ,
(Потому что покровительство боговъ) есть у меня [2])...
Какъ трупы...
...Я произнесу свой судъ надъ тѣмъ, что вверху и что внизу...
...Затвори корабль...
...Въ надлежащее время, которое я укажу тебѣ,
Войди въ него и затвори за собою двери корабля.
Внутри твой хлѣбъ, твоя утварь, твоя провизія,
Твои богатства, твои мужскіе и женскіе слуги и молодые люди,
Скотъ полевой и дикія животныя, которыхъ собралъ ты
И которыхъ я посмотрю у тебя, будутъ спасены въ кораблѣ».
Газизадра открылъ свои уста и сказалъ, говоря богу Эа, своему господину:
«Никто не дѣлалъ (такого) корабля.
На подводной части я утвержу...
Я увижу... и корабль...
Корабль, который ты повелѣлъ мнѣ построить (такъ), который въ . . . . .
. . . . . .

(Здѣсь пробѣлъ въ нѣсколько стиховъ).

«Въ пятый день поднялись два его бока.
Для закрытія его было четырнадцать запоровъ,
Четырнадцать всего, считая въ томъ и верхнее.
Я сдѣлалъ ему кровлю и покрылъ ее.
Я плавалъ въ немъ въ шестой (день);

---

[1]) Магометъ говоритъ въ Коранѣ, очевидно по народному преданію іудеевъ своего времени: „онъ построилъ корабль, и каждый разъ, какъ начальники его народа проходили мимо него, то смѣялись надъ нимъ.—„Не смѣйтесь надо мною, говорилъ Ной, потому что я буду въ свою очередь смѣяться надъ вами, какъ вы смѣетесь надо мною, и вы узнаете, на кого падетъ наказаніе, которое постигнетъ строптивыхъ. Это наказаніе постоянно останется надъ вашею головою".

[2]) Здѣсь плита крайне разрушена и не можетъ быть прочитана вполнѣ.

Я раздѣлилъ его ярусы въ седьмой;
Я раздѣлилъ внутреннее помѣщеніе въ восьмой.
Я задѣлалъ отверстія, которыми входила вода.
Я потратилъ на внѣшность его трижды 3,600 мѣръ асфальта,
И трижды 3,600 мѣръ асфальта внутри.
Трижды 3,600 человѣкъ носильщиковъ носили на своихъ головахъ корзинки съ провизіей.
Я отдѣлилъ 3,600 корзинъ для прокормленія моего семейства,
И для матросовъ отдѣлилъ дважды 3,600 корзинъ.
Для (прокормленія) я убилъ быковъ;
Я назначилъ порціи на каждый день.
На случай нужды въ питьѣ
Я собралъ боченковъ вина столько же, сколько воды въ рѣкѣ;
А провизіи запасъ столько, сколько праха на землѣ.
Все, что было у меня, я собралъ;
Все, что было серебра у меня, я забралъ;
Все, что было у меня золота, я собралъ;
Все, что было у меня живаго сѣмени, я собралъ;
Все помѣстилъ я въ кораблѣ, всѣхъ слугъ моихъ и служанокъ моихъ,
Скотъ полевой, звѣрей полевыхъ...
Потопъ приготовилъ Самасъ (богъ Солнца),
И сказалъ, говоря вечеромъ: «Великій дождь пошлю я съ неба;
Войди въ корабль и запри дверь».
Открылся потопъ, о которомъ онъ сказалъ,
Говоря вечеромъ: «Пошлю дождь великій съ неба».
Въ день, когда я праздновалъ его праздникъ,
Въ день бодрствованія, я устрашился.
Я вошелъ въ корабль и заперъ за собою дверь...
Утромъ поднялась яростная буря,
Широко простираясь отъ края горизонта.
Раманъ (богъ бури) загремѣлъ посреди неба...
Духи разрушители понеслись по горамъ и долинамъ, опустошая землю,
Наводненіе Рамана достигло неба.
Великолѣпная земля обратилась въ пустыню.
Смыло поверхность земли, истреблено все живущее съ лица земли;
Братъ не увидѣлъ болѣе брата... все погибло.
Я видѣлъ море въ сильномъ волненіи и весь родъ человѣческій погибшимъ...
Какъ тростникъ плавали трупы...
На двѣнадцать локтей поднялся корабль надъ поверхностью земли.
На горѣ Низиръ остановился корабль.
На седьмой день я выпустилъ голубя:
Голубь полетѣлъ, не нашелъ мѣста покоя и возвратился.
Я выпустилъ ласточку: ласточка полетѣла, не нашла мѣста покоя и возвратилась.
Я выпустилъ ворона: воронъ леталъ
И видѣлъ уменьшеніе водъ и... не вернулся назадъ.
Я выпустилъ животныхъ на всѣ четыре вѣтра.
Я совершилъ благодарственное возліяніе.
Я воздвигъ жертвенникъ на вершинѣ горы...
Боги собрались, обоняя его благоуханіе.
Издали показалась великая богиня (Иштара),
Поднявъ великій поясъ, сдѣланный для славы боговъ (т.-е. радугу),
Богъ Эа отверзъ уста свои и сказалъ,

Сказалъ воинственному Белу:
«О ты, вѣстникъ боговъ, воинъ,
Ты излилъ воды потопа.
Пусть грѣшникъ несетъ тяжесть своихъ грѣховъ,
Богохульникъ—тяжесть своего богохульства.
Праведный внизу да не будетъ погубленъ.
Вѣрующій да не будетъ уничтоженъ.
Вмѣсто произведенія новаго потопа,
Пусть львы и гіены появятся и сократятъ число людей;
Пусть будетъ голодъ и пусть земля опустошится.
Пусть явится Диббара (богъ эпидеміи)
И пусть покоситъ людей.
Я не открылъ этого рѣшенія великихъ боговъ;
Газизадра истолковалъ сонъ и понялъ, что боги рѣшили.
Богъ Белъ вошелъ въ корабль, взялъ за руку меня и поднялъ меня.
Онъ велѣлъ мнѣ встать вмѣстѣ съ женою моею.
Онъ заключилъ союзъ (или завѣтъ) и далъ это благословеніе.
Въ присутствіи Газизадры и его народа:
«Когда Газизадра и жена его и народъ восхищены будутъ,
Чтобы сравняться съ богами,
Тогда Газизадра долженъ быть посланъ въ отдаленныя страны у устья потоковъ».
Они взяли меня, послали въ отдаленныя страны у устья потоковъ».

Таковъ знаменитый халдейскій разсказъ о потопѣ, представленный здѣсь лишь съ незначительными сокращеніями. Изъ этого изложенія сами собой обнаруживаются точки сходства и различія его съ библейскимъ повѣствованіемъ. Въ Библіи ничего не говорится о зарытіи писаній и нѣтъ ни слѣда того грубаго политеизма, который обезображиваетъ халдейскій разсказъ въ обѣихъ его редакціяхъ. Длина ковчега, по Берозу, относится къ его ширинѣ, какъ 5 : 2; въ книгѣ Бытія какъ 6 : 1, а на халдейскихъ плитахъ какъ 10 : 1. У Бероза и на плиткахъ вмѣсто простого патріарха, какимъ является Ной, выступаетъ царь, и вмѣсто спасенія одного только семейства, въ халдейскомъ ковчегѣ спасаются друзья, слуги и молодые люди со всѣми царскими сокровищами. По сказанію ассирійскихъ надписей, потопъ продолжался только шесть дней и ночей;—по книгѣ Бытія онъ продолжался 40 дней и ночей, и до исчезновенія водъ прошло всего 150 дней. Въ Библіи говорится, что Ноемъ взято было въ ковчегъ по семи паръ чистыхъ животныхъ и по одной парѣ нечистыхъ; въ халдейскомъ разсказѣ не дѣлается никакого разграниченія между чистыми и нечистыми. Самасъ (богъ Солнца) говоритъ: „войди въ корабль и затвори дверь“; въ Библіи говорится: „и Господь затворилъ его“. По обоимъ разсказамъ ковчегъ покрытъ былъ земляною смолою. По халдейскому

разсказу изъ ковчега выпускались голубь, ласточка и воронъ, а по библейскому повѣствованію — воронъ и голубь. Въ халдейскомъ разсказѣ и книгѣ Бытія одинаково радуга является какъ знакъ божественнаго удовлетворенія принесенною послѣ потопа жертвою, и въ обоихъ дѣлается увѣреніе, что земля никогда уже не будетъ наказана подобною формою разрушенія. Различная однако же судьба постигаетъ спасенныхъ. По халдейскому повѣствованію, равно какъ и по разсказу Береза, нѣкоторые изъ нихъ берутся богами; въ книгѣ Бытія они остаются живыми для заселенія земли. Халдейское повѣствованіе, очевидно, смѣшало исторію Еноха съ исторіей Ноя. Но во всякомъ случаѣ мы имѣемъ здѣсь независимое преданіе необычайной древности, повѣствующее о томъ именно великомъ потопѣ, который уничтожилъ весь человѣческій родъ, исключая немногихъ, и былъ наказаніемъ за ихъ грѣхи. Существенная разница халдейскаго разсказа отъ библейскаго заключается въ томъ, что халдейскій разсказъ всецѣло проникнутъ грубымъ политеизмомъ и подробно занимается разсказомъ объ участіи въ этомъ великомъ событіи различныхъ боговъ, между тѣмъ какъ библейскій разсказъ строго держится единобожія, вслѣдствіе чего онъ отличается болѣе возвышеннымъ и серьезнымъ характеромъ и самъ собою обнаруживаетъ свое сверхъестественное происхожденіе. Между прочимъ бросается въ глаза еще одна черта, которою халдейскій разсказъ рѣзко отличается отъ библейскаго и показываетъ мѣстный вавилонскій колоритъ. Въ книгѣ Бытія названіе ковчега tebaḥ означаетъ ящикъ, а не корабль, и ничего не говорится о спускѣ его на воду, равно какъ не упоминается ни о морѣ, ни о плаваніи, ни о матросѣ. Напротивъ того, въ халдейской эпопеѣ все указываетъ на то, что она составлена была народомъ приморскимъ; всѣ черты обнаруживаютъ нравы и обычаи прибрежныхъ жителей Персидскаго залива. Газизадра входитъ въ корабль, спеціально приготовленный для плаванія; этотъ корабль спускается на воду, и съ нимъ дѣлается опытъ плаванія; всѣ его щели законопачиваются и закрѣпляются смолою, и управленіе его ввѣряется матросу [1]).

---

[1]) Нелишне замѣтить, что халдейскій разсказъ о потопѣ такъ же, какъ и разсказъ о твореніи, наноситъ рѣшительный ударъ раціоналистической критикѣ, которая старается и въ библейскомъ повѣствованіи о потопѣ видѣть сводку разнородныхъ и разновременныхъ сказаній, предполагая, что одни изъ этихъ сказаній, принадлежатъ элогисту, другія іеговисту. Такъ, будто бы мѣста въ Быт. VI, 8, 13, 9, 12, 20, 17, 22, 18 и VII, 11, 13, 14, 15, 16, 18, 21 и 22 принадлежатъ элогисту, а Быт. VI, 5 и 7, VII, 1—9, 17 и 23—

Весьма сходно съ халдейскимъ преданіемъ и находится въ прямой зависимости отъ него преданіе арамейское, которое въ свою очередь распространилось далѣе на западъ, даже среди грековъ и римлянъ. Вотъ какъ оно передается неизвѣстнымъ авторомъ книги „О Сирійской богинѣ“ (по предположенію Лукіаномъ): „Когда я спросилъ, какъ старъ этотъ храмъ (храмъ Сирійской богини въ Іераполѣ), говоритъ авторъ, и какой богинѣ, по ихъ мнѣнію, онъ посвященъ былъ, я получилъ много объясненій тайно и открыто; нѣкоторыя изъ нихъ своеобразны, но другія согласны съ греческимъ мнѣніемъ. Большинство говорили, что основалъ его Девкаліонъ изъ Скиѳіи, во дни котораго случился страшный потопъ. Исторію о Девкаліонѣ я слышалъ отъ грековъ, которые говорятъ, что настоящій родъ человѣческій не первый, такъ какъ первый былъ совершенно истребленъ, но произошелъ отъ Девкаліона. Первоначальный родъ, говорятъ они, отличался насиліями и повиненъ былъ во многихъ преступленіяхъ; не соблюдалъ ни клятвъ, ни гостепріимства и не показывалъ жалости другъ къ другу, за что онъ и былъ жестоко наказанъ. Земля разверзлась и излила много воды; выпали страшные дожди; потоки вышли изъ береговъ, и море расширило свои берега, такъ что воды покрыли все, и человѣческій родъ погибъ. Остался въ живыхъ одинъ только Девкаліонъ, вслѣдствіе его мудрости и благочестія, для возстановленія рода человѣческаго. Спасся онъ такимъ образомъ. Онъ построилъ большой корабль, въ который ввелъ своихъ женъ и дѣтей и въ который вошелъ и самъ. Въ то же время туда вошли свиньи, лошади, львы, змѣи и всѣ другія животныя, которыхъ питаетъ земля. Онъ принялъ ихъ всѣхъ въ ковчегъ свой. Тамъ они не дѣлали ему вреда, потому что между ними была большая дружба, которую Зевсъ вложилъ въ ихъ сердца, и такъ они жили въ ковчегѣ, пока продолжался потопъ. Таковъ разсказъ, передаваемый греками о Девкаліонѣ. Іераполитанцы прибавляютъ къ нему нѣчто весьма удивительное. Они говорятъ, что въ ихъ странѣ открылась большая щель, которая поглотила всѣ воды, и что послѣ этого Девкаліонъ воздвигъ жертвенникъ и построилъ храмъ Юнонѣ надъ этою щелью. Я видѣлъ ее; она очень узкая и

іеговисту. Халдейскій разсказъ между тѣмъ содержитъ все это въ одномъ цѣльномъ повѣствованіи и такимъ образомъ совершенно ниспровергаетъ эту искусственную теорію, доказывая, во всякомъ случаѣ, что Моисею исторія потопа по всемъ ея содержаніи могла быть извѣстна даже по преданію отъ древнѣйшихъ временъ.

расположена подъ храмомъ. Была ли она когда-нибудь большая и теперь съузилась — я не знаю; но я видѣлъ ее, она совершенно маленькая. Въ настоящее время они приносятъ въ храмъ воду дважды въ году; не только жрецы, но и множество народа изъ всей Сиріи, Аравіи и изъ-за Евфрата ходятъ на море и приносятъ ее. Затѣмъ они выливаютъ ее сначала въ храмъ, изъ котораго она течетъ въ разсѣлину. Они дѣлаютъ это, какъ разсказываютъ, во исполненіе повелѣнія Девкаліона и въ воспоминаніе понесеннаго бѣдствія и даннаго ему избавленія".

Индія въ свою очередь также имѣла сказаніе о потопѣ, сходство котораго съ библейскимъ и халдейскимъ повѣствованіями весьма значительно. Самая древняя и простая форма его находится въ *Сатапата-Браманѣ*, одной изъ священныхъ книгъ Индіи. Эта часть священныхъ книгъ впервые была переведена Максомъ Мюллеромъ, и она читается такъ: «въ одно утро Ману [1]) принесли воды для обмыванія; и когда онъ умывался, рыба оказалась въ его рукахъ. И она обратилась къ нему съ такими словами: «защити меня, и я спасу тебя".—Отъ чего ты спасешь меня?—„Потопъ погубитъ все твореніе, и вотъ отъ этого-то я спасу тебя".—Какъ же я могу защитить тебя? Рыба отвѣчала: «такъ какъ мы малы, то находимся въ большой опасности, потому что рыба поглощаетъ рыбу; побереги меня сначала въ какомъ-нибудь сосудѣ. Когда я сдѣлаюсь слишкомъ большою, вырой прудъ, чтобы пустить меня туда. Когда я выросту еще больше, отнеси меня въ океанъ. Тогда я и буду спасена отъ погибели». Скоро рыбка сдѣлалась большою рыбою. Она говоритъ Ману: «въ тотъ самый годъ, когда я достигну своего полнаго роста, наступитъ потопъ. Построй тогда корабль и поклонись мнѣ. Когда поднимутся воды, войди въ этотъ корабль, и я спасу тебя». Продержавъ рыбу, какъ она просила его, Ману отнесъ ее въ океанъ. Въ тотъ годъ, какъ она сказала, Ману построилъ корабль и поклонился рыбѣ. И когда насталъ потопъ, онъ вошелъ въ корабль. Тогда рыба приплыла къ нему, и Ману привязалъ канатъ корабля къ рогу рыбы, и такимъ образомъ рыба привела его къ сѣверной горѣ. Рыба сказала ему: «я спасла тебя; привяжи корабль къ дереву, чтобы вода не унесла его, когда ты будешь находиться на горѣ, и какъ

---

[1]) Ману Вайвасвата—образецъ и предокъ человѣчества въ индійскихъ легендахъ.

только спадутъ воды, сойди оттуда». Ману сходилъ по мѣрѣ пониженія воды, и это-то именно называютъ схожденіемъ Ману на сѣверной горѣ. Потопъ погубилъ всѣхъ тварей, и остался одинъ Ману». Въ индійской литературѣ извѣстны четыре формы сказанія о потопѣ, но, какъ основательно доказываетъ Бюрнуфъ, его не встрѣчается въ этическихъ гимнахъ, наиболѣе древнихъ санскритскихъ писаніяхъ, и отсюда самое сказаніе является чужимъ привнесеннымъ произведеніемъ семитическаго или скорѣе вавилонскаго происхожденія. Сильнымъ подтвержденіемъ этого служитъ то, что здѣсь допускается превращеніе Вишну въ рыбу, между тѣмъ въ Индіи нѣтъ никакого слѣда поклоненія рыбамъ, и въ миѳологіи не встрѣчается ни малѣйшаго намека на это. Но рыбообразный богъ былъ выдающимся божествомъ въ Вавилонѣ. Образъ бога Эа, играющаго столь выдающуюся роль въ халдейскихъ сказаніяхъ о потопѣ, почти всегда сочетаетъ форму человѣка и рыбы, подобно богу Дагону, который былъ перенесенъ изъ Месопотаміи на почву Палестины. Сходство индійскаго преданія съ библейскимъ повѣствованіемъ однако же довольно замѣчательно. Вишну (по одному индійскому сказанію) даетъ предостереженіе: „въ семь дней всѣ твари будутъ погублены“, и въ св. Писаніи говорится: „еще семь дней, и Я пролью дождь на землю“. „Въ семь дней море вышло изъ своихъ береговъ“, говоритъ Пурана; „послѣ семи дней, воды потопа были на землѣ“, говоритъ книга Бытія. Точно такъ же по вавилонскому сказанію потопъ начинается вечеромъ седьмого дня и начинаетъ убывать послѣ семи дней. Неоднократное употребленіе того же самаго числа служитъ дальнѣйшимъ основаніемъ для предположенія, что индійское преданіе вышло изъ той же самой страны, какъ и сказаніе ассирійскихъ таблицъ, и такимъ образомъ находится въ близкомъ даже географическомъ соотношеніи съ библейскимъ повѣствованіемъ.

У иранцевъ въ священныхъ книгахъ, которыя составляютъ основу Зароастровой религіи и восходятъ къ весьма отдаленной древности, есть также преданіе о потопѣ, но оно получаетъ у нихъ совершенно своеобразный характеръ и во многихъ существенныхъ чертахъ отступаетъ отъ только-что изложенныхъ. Въ нихъ разсказывается, какъ Йима, который въ его первоначальномъ представленіи является отцомъ человѣчества, былъ извѣщенъ Ормуздомъ, добрымъ Богомъ, о томъ, что земля будетъ опустошена разрушительнымъ потопомъ. Богъ повелѣлъ ему построить убѣжище, именно четырехугольный садъ, об-

несенный загородью, и туда ввести сѣмена людей, животныхъ и растеній для сохраненія ихъ отъ уничтоженія. И дѣйствительно, когда наступилъ потопъ, остался незатопленнымъ только одинъ садъ Йимы со всѣмъ, что содержалось въ немъ; и о спасеніи его было возвѣщено ему птицей каршиптой, посланной Ормуздомъ.

У грековъ было два главныхъ, значительно различавшихся между собою сказанія о потопѣ, погубившемъ первобытное человѣчество. Первое связывается съ именемъ Огигеса, древнѣйшаго царя Беотіи или Аттики, личности настолько миѳической, что она совершенно теряется во мракѣ вѣковъ; самое имя его, повидимому, происходитъ отъ слова, которое первоначально означало въ арійскихъ нарѣчіяхъ „потопъ“, по-санскритски *oga*. По этому сказанію, въ его время вся страна была наводнена потопомъ, воды котораго поднимались до неба и отъ котораго онъ спасся въ кораблѣ съ нѣсколькими спутниками. Второе преданіе находится въ ѳессалійской легендѣ о Девкаліонѣ. Когда Зевсъ рѣшилъ истребить людей бронзоваго вѣка, преступленія котораго возбудили его гнѣвъ, Девкаліонъ, по совѣту Прометея, своего отца, построилъ ковчегъ, въ которомъ онъ и спасся съ своею женою Пиррой. Наступилъ потопъ; ковчегъ плавалъ по волѣ волнъ въ теченіе девяти дней и девяти ночей и наконецъ занесенъ былъ водами на вершину Парнаса. Девкаліонъ и Пирра вышли изъ него, принесли жертву и вновь заселили землю, когда они, по повелѣнію Зевса, бросали позади себя «кости земли», т.-е. камни, которые и превращались въ людей. Этотъ потопъ Девкаліона въ греческомъ преданіи носитъ на себѣ наиболѣе признаковъ всемірнаго потопа. Мало того: писатели говорятъ, что онъ распространялся на всю землю и что человѣчество погибло все. Въ Аѳинахъ, для умилостивленія за души, погибшія во время потопа, въ память этого событія совершалась особая церемонія, подъ названіемъ гидрофорія, которая имѣла столь близкое сходство съ церемоніей, совершавшейся въ Іераполѣ Сирійскомъ, что трудно здѣсь не видѣть сирофиникійскаго заимствованія. Рядомъ съ храмомъ Зевса Олимпійскаго въ землѣ показывали даже отверстіе, длиною въ одинъ локоть, чрезъ которое, какъ говорятъ, воды потопа ушли въ землю. Каждый годъ, въ третій день праздника Антесѳерій, «день печали», посвященный мертвымъ, т.-е. въ тринадцатый день мѣсяца Антистрія, около начала марта, въ эту разсѣлину выливалась вода съ примѣсью муки и меда. Другіе, напротивъ, ограничивали потопъ Девкаліоновъ одною Греціею. Они говорили даже,

что эта катастрофа уничтожила только большую часть населенія страны, но что многіе могли спастись отъ нея на высокихъ горахъ. Такъ, Дельфійская легенда разсказывала, что жители этого города, слѣдуя за бѣгущими волками, спаслись въ одной пещерѣ на вершинѣ Парнаса, гдѣ они и построили городъ Ликорею. Мысль, что одновременно спасшихся было много въ различныхъ мѣстахъ, была естественно подсказана послѣдующимъ миѳографамъ желаніемъ примирить между собою мѣстныя легенды различныхъ странъ Греціи, которыя допускали, что спаслись и другіе герои, кромѣ Девкаліона. Во Фригіи преданіе о потопѣ было столь же національнымъ, какъ и въ Греціи. Отъ него городъ Апомея получилъ свое прозваніе *Кивотосъ,* т.-е. ковчегъ, такъ какъ считался мѣстомъ, гдѣ будто бы остановился ковчегъ. Городъ Иконія съ своей стороны заявлялъ тѣ же притязанія. Равнымъ образомъ жители области Милійской, въ Арменіи, показывали на вершинѣ горы, называемой Барисъ, остатки ковчега, которые, впрочемъ, показывались также паломникамъ на Араратѣ въ первые вѣка христіанства, подобно тому, какъ, по разсказу Бероза, на горахъ Гордіенскихъ въ его время показывались остатки корабля Газизадры.

Во второмъ и третьемъ столѣтіяхъ христіанской эры, вслѣдствіе сочетанія и смѣшенія іудейскихъ и христіанскихъ преданій въ умахъ, еще привязанныхъ къ язычеству, религіозные представители Апомеи Фригійской велѣли отчеканить монеты, на которыхъ изображался открытый ковчегъ и въ немъ спасенный отъ потопа патріархъ съ женой; они принимаютъ голубя, который приноситъ имъ масличную вѣтвь, а затѣмъ рядомъ съ ковчегомъ они изображаются уже выходящими изъ ковчега для принятія земли въ свое владѣніе. На ковчегѣ греческими буквами написано имя Ноя. Такимъ образомъ, въ это время языческое жречество фригійскаго города уже приняло библейскій разсказъ съ его именами, который и вытѣснилъ древнее мѣстное преданіе. Въ этихъ легендахъ разсказывалось также, что незадолго до потопа царствовалъ святой человѣкъ, по имени Аннахъ, который проповѣдывалъ и занималъ престолъ болѣе 300 лѣтъ; по всему видно, что это было лишь воспроизведеніе библейскаго Еноха съ его 365 годами жизни, ознаменованной хожденіемъ предъ Богомъ.

Что касается вѣтви кельтскихъ народовъ, то въ поэтическихъ сказаніяхъ кимровъ Галліи мы находимъ преданіе о потопѣ, которое, несмотря на его сравнительно позднюю редакцію, составленную подъ формою такъ называемыхъ тріадъ, заслуживаетъ однако же нѣкотораго

вниманія. Какъ и всегда, легенда носитъ на себѣ мѣстныя черты, и о потопѣ разсказывается, какъ о трехъ страшныхъ катастрофахъ острова Придена или Британіи, причемъ двѣ другія состояли въ опустошеніи огнемъ и въ опустошительной засухѣ. «Первымъ изъ этихъ событій—говорится тамъ—было разлитіе «озера потоковъ» и распространеніе по всей поверхности страны наводненія, отъ котораго погибли всѣ люди, за исключеніемъ Двифана и Двифахи, которые спаслись въ кораблѣ безъ снастей; и ими-то опять былъ заселенъ островъ Приденъ». Хотя тріады въ ихъ настоящей формѣ относятся не ранѣе какъ къ XIII или XIV вѣку, замѣчаетъ одинъ изслѣдователь [1]), однако же нѣкоторыя изъ нихъ несомнѣнно основываются на очень древнихъ преданіяхъ, и въ этомъ отношеніи ничто не указываетъ на заимствованіе изъ книги Бытія. Нельзя, быть можетъ, сказать того же самаго о другой тріадѣ, гдѣ говорится о кораблѣ Нефидъ-нафъ-нейфіонъ, въ которомъ плавало по парѣ всѣхъ живыхъ тварей во время разлитія озера Линнъ Иліона, что весьма похоже на корабль Ноя. Отсюда становится яснымъ, что у кимровъ было свое мѣстное преданіе о потопѣ.

Среди европейскихъ народовъ литовцы позже всѣхъ приняли христіанство и въ тоже время были тѣмъ народомъ, языкъ котораго болѣе оставался близкимъ къ своему арійскому корню. У нихъ была легенда о потопѣ, основа которой была несомнѣнно древнею, хотя она и приняла наивный характеръ народнаго разсказа, въ которомъ отдѣльныя черты могли быть заимствованы даже изъ Библіи со времени перваго проповѣдничества у нихъ христіанскихъ миссіонеровъ. По этой легендѣ, богъ Прамзима, видя полное господство безпорядковъ на землѣ, послалъ двухъ исполиновъ, Ванду и Вейю, воду и вѣтеръ, для опустошенія ея. Эти исполины, въ своей ярости, ниспровергли все, и только нѣкоторые люди спаслись отъ гибели на горѣ. Затѣмъ охваченный чувствомъ сожалѣнія, Прамзима, который готовился ѣсть небесные орѣхи, уронилъ около горы скорлупу, въ которой люди нашли себѣ убѣжище и которую пощадили исполины. Избѣгнувъ гибели, они потомъ разселились. Одна чета, очень преклонныхъ лѣтъ, осталась въ этой странѣ и скорбѣла о томъ, что у нея нѣтъ дѣтей. Прамзима, для утѣшенія ихъ, посылаетъ имъ свою радугу и предписываетъ имъ «прыгать чрезъ кости земли», что поразительно напоминаетъ исторію

[1]) *Pictet*, Les origines indoeuropeennes, t. II, p. 619.

Девкаліона. Престарѣлые супруги дѣлаютъ девять скачковъ, и отъ этого рождаются девять новыхъ четъ, которыя дѣлаются родоначальниками девяти литовскихъ племенъ.

Но если преданіе о потопѣ занимаетъ столь большое мѣсто въ легендарныхъ воспоминаніяхъ всѣхъ вѣтвей арійской расы, то памятники и подлинные тексты Египта, несмотря на все богатство заключающихся въ нихъ космогоническихъ умозрѣній, не представляютъ, повидимому, ни малѣйшаго намека на воспоминаніе о потопѣ. Когда греки разсказывали египетскимъ жрецамъ о потопѣ Девкаліоновомъ, то они отвѣчали имъ, что долина Нила была спасена какъ отъ потопа, такъ и отъ пожарища, произведеннаго Фаэтономъ. Къ этому они прибавляли даже, что греки обнаруживали слишкомъ много дѣтскаго легковѣрія, приписывая столько важности этому событію, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, было много и другихъ мѣстныхъ катастрофъ, сходныхъ съ нимъ. Тѣмъ не менѣе сами египтяне признавали погубленіе первобытныхъ людей богами по причинѣ ихъ возмущенія и нечестія. Объ этомъ событіи разсказывается въ одной главѣ священныхъ книгъ Тагутъ, знаменитыхъ герметическихъ книгъ египетскаго жречества, начертанныхъ на стѣнахъ одной изъ отдаленнѣйшихъ комнатъ погребальнаго подземнаго храма царя Сети I въ Ѳивахъ. Текстъ этотъ переведенъ и изданъ Эдуардомъ Навилемъ. Сцена происходитъ въ концѣ царствованія бога Ра, перваго земного царствованія по толкованію ѳивскихъ жрецовъ, второго по толкованію жрецовъ мемфисскихъ, которые въ началѣ всѣхъ вещей полагали царствованіе Фта прежде царствованія Ра. Разгнѣванный нечестіемъ и преступленіями созданныхъ имъ людей, богъ этотъ собираетъ на совѣтъ съ собою и другихъ боговъ въ такой тайнѣ, «чтобы люди не знали объ этомъ и сердца ихъ не устрашились». На совѣтѣ порѣшено погубить родъ человѣческій. Одна богиня (вѣроятно Тефнута или Сехета, хотя имя ея нельзя разобрать на надписи) посылается затѣмъ для исполненія приговора. «Богиня пошла и избила людей на землѣ». Но когда избіеніе было совершено, гнѣвъ бога Ра прошелъ, и онъ началъ сожалѣть о совершенномъ дѣлѣ. Великая умилостивительная жертва окончательно утишила его божественный гнѣвъ, и между нѣсколькими спасшимися отъ гибели людьми и божествомъ заключается торжественный договоръ, причемъ богъ клянется уже никогда не погублять ихъ. Хотя этотъ разсказъ во многихъ отношеніяхъ отступаетъ отъ другихъ разсказовъ и, главнымъ образомъ, отъ библейскаго

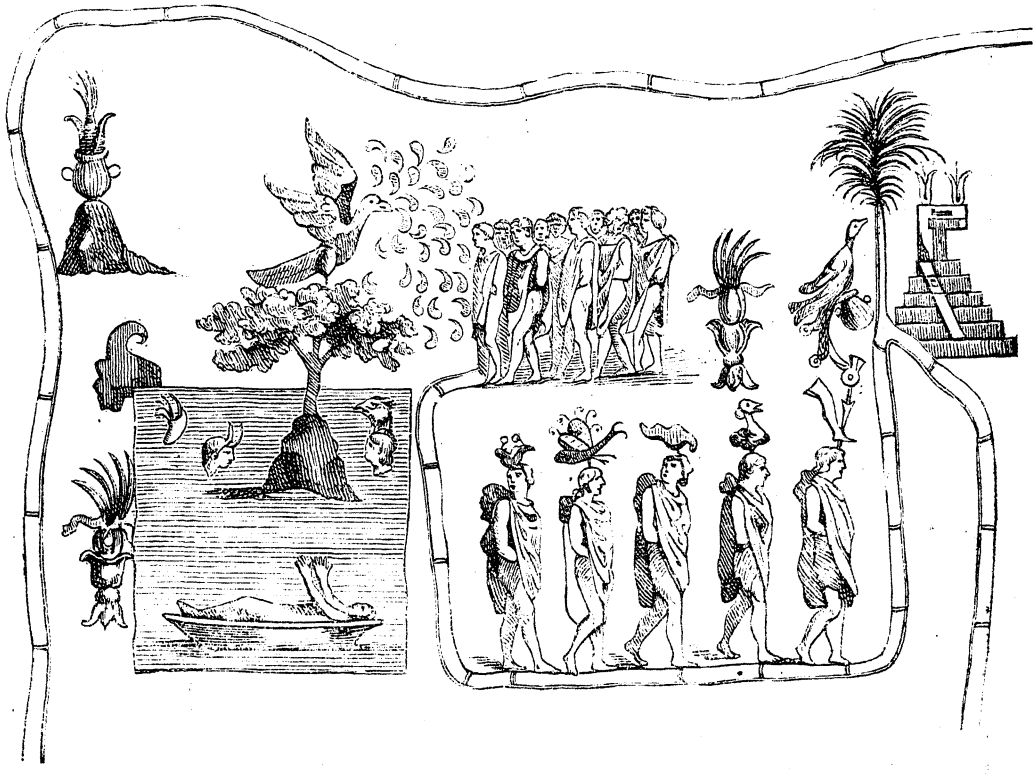
разсказа о потопѣ, такъ какъ родъ человѣческій погубляется по нему не потопомъ, но чрезъ избіеніе, совершаемое богиней Тефнутой или Сехетой съ львиной головой, тѣмъ не менѣе и тутъ можно видѣть нѣкоторыя черты сходства. Въ немъ также говорится о развращеніи людей, которое и возбудило божественный гнѣвъ; это развращеніе наказывается уничтоженіемъ человѣчества, и отъ избіенія спасаются лишь нѣсколько людей, которые и сдѣлались распространителями новаго человѣческаго рода. Наконецъ, по истребленіи людей приносится умилостивительная жертва, которая утишаетъ гнѣвъ боговъ, и между божествомъ и обновленнымъ человѣчествомъ заключается торжественный договоръ, скрѣпляемый клятвою не губить его больше. Существенная разница заключается лишь въ самомъ способѣ погубленія. «Египтяне», говоритъ Вигуру, «сохранили воспоминаніе о погубленіи людей, но такъ какъ наводненіе у нихъ было источникомъ богатства и жизни, то они видоизмѣнили это первобытное преданіе по своему; родъ человѣческій, вмѣсто того, чтобы погибать отъ воды, по ихъ преданію, былъ истребленъ другимъ способомъ, и наводненіе, это величайшее благодѣяніе Нильской долины, сдѣлалось въ ихъ глазахъ знакомъ умилостивленія гнѣва бога Ра» [1]).

Но преданіе о потопѣ не ограничивается предѣлами Стараго свѣта и находитъ явный откликъ и въ Новомъ свѣтѣ—въ Америкѣ. При этомъ невольно поражаетъ замѣчательное обстоятельство, что разсказы американскихъ туземцевъ даже ближе стоятъ къ преданію библейскому, чѣмъ у народовъ Стараго свѣта, представляя, такимъ образомъ, поразительное доказательство происхожденія американскаго населенія отъ общихъ родоначальниковъ послѣпотопнаго человѣчества.

Самыя замѣчательныя изъ американскихъ легендъ о потопѣ находятся въ Мексикѣ, потому что онѣ имѣютъ болѣе опредѣленную форму, выражавшуюся въ символическихъ и мнемоническихъ документахъ, относящихся ко времени гораздо раньше соприкосновенія туземцевъ съ европейцами. По этимъ документамъ, Ной мексиканскаго потопа былъ Коксъ-Коксъ, называемый у нѣкоторыхъ народовъ Теоципактли или Тецци. Онъ спасся отъ потопа вмѣстѣ съ своей женой, Ксохикецаль, въ суднѣ или, по другимъ преданіямъ, на плотѣ изъ кипарисовыхъ деревъ. Изображеніе, касающееся потопа Коксъ-Кокса, находится и у ацтековъ, мицтековъ, запотековъ, тласкальтековъ и

[1]) Vigouroux, La Bible, t. I, p. 258 и 259.

мехоаканезовъ. Преданіе этихъ послѣднихъ въ особенности представляетъ еще болѣе поразительное сходство, чѣмъ другихъ народовъ, съ библейскимъ повѣствованіемъ и халдейскими сказаніями. Въ немъ разсказывается, что Тецпи вошелъ въ обширный корабль съ своей женой, съ своими дѣтьми, съ нѣсколькими животными и сѣменами,



Потопъ и разселеніе народовъ по мексиканскому преданію [1]).

сохраненіе которыхъ было необходимо для существованія человѣческаго рода. Когда великій богъ Тецкатликопа повелѣлъ, чтобы воды удалились въ свои мѣста, Тецпи выпустилъ изъ корабля коршуна. Птица эта, питающаяся мертвыми тѣлами, не возвратилась по причинѣ огромнаго числа труповъ, которыми усыпана только что освободившаяся отъ воды земля. Тецпи выслалъ тогда другихъ птицъ, изъ

[1]) На этой гравюрѣ, сдѣланной съ древней копіи отъ 1566 года, изображенъ Коксъ-Коксъ на спасательной лодкѣ изъ кипариса, плавающей по волнамъ потопа. Изъ среды водъ виднѣется вершина горы Конгуаканъ. На деревѣ, возвышающемся на вершинѣ горы, сидитъ орелъ, раздающій языки первымъ людямъ, происшедшимъ отъ Коксъ-Кокса, такъ какъ они дотолѣ лишены были возможности говорить. Затѣмъ изображены предки различныхъ народовъ, отправляющіеся въ путь для разсѣленія.

числа которыхъ возвратилась только одна, колибри, держа въ своемъ клювѣ вѣтвь съ распустившимися листьями. Тогда Тецпи, видя, что почва начала покрываться новою зеленью, оставилъ свой корабль на горѣ Колгуаканъ.

Наиболѣе древній документъ, изъ которато можно познакомиться съ космогонической системой мексиканцевъ, извѣстенъ подъ названіемъ Codex Vaticanus, по Ватиканской библіотекѣ, гдѣ онъ сохраняется. Онъ представляетъ собою четыре символическія картины, изображающія четыре періода міра, предшествовавшіе настоящему вѣку. Первый называется Тлатонатіу, «солнцемъ земли». Это вѣкъ исполиновъ или квинамеевъ, первыхъ обитателей Анагуака, которые были погублены голодомъ. Второй періодъ, называющійся Тлетонатіу, «солнцемъ огня», оканчивается нисшествіемъ на землю Ксіутефктли, бога огненной стихіи. Всѣ люди были превращены въ птицъ и не избѣгли пожарища. Только одна человѣческая чета нашла себѣ убѣжище въ пещерѣ и населила вселенную послѣ этого разрушенія. Третій вѣкъ Эгекатонатіу, «солнце вѣтра», заканчивается катастрофой, которую произвелъ ужасный ураганъ, поднятый Квецалкогуатлемъ, богомъ воздуха. За немногими исключеніями почти всѣ люди, въ силу этого урагана, были превращены въ обезьянъ. Наступаетъ, наконецъ, четвертый вѣкъ, такъ называемый Атонатіу, «солнце воды». Онъ оканчивается великимъ наводненіемъ, истиннымъ потопомъ. Всѣ люди превращаются въ рыбъ, исключая одного человѣка съ своей женой, которые спасаются въ лодкѣ, сдѣланной изъ кипариса. На картинѣ изображается Матлалькуейя, богиня водъ, съ ея спутникомъ Тлалокомъ, богомъ дождя, которые оба устремляются на землю. Коксъ-Коксъ и Ксохикецаль, два человѣческихъ существа, спасшіяся отъ бѣдствія, изображены сидящими на стволѣ дерева, на которомъ и плаваютъ по срединѣ воды. Этотъ потопъ изображается какъ послѣдній переворотъ, какой только совершался на лицѣ земли.

Только-что изложенное космогоническое сказаніе представляетъ очевидное сходство съ четырьмя вѣками или югами Индіи и съ идеей Манвантары, по которымъ происходитъ смѣна разрушенія міра и возобновленія человѣчества. Сходство ихъ междусобою таково, что даже невольно возникаетъ вопросъ, могли ли мексиканцы, сами по себѣ, совершенно независимымъ образомъ составить себѣ представленіе, до такой точности приближающееся къ представленію индійцевъ, или же они получили его изъ Индіи тѣмъ или другимъ путемъ. Преданіе о потопѣ

и система четырехъ вѣковъ, съ которой неразлучно въ Мексикѣ это преданіе, невольно ставятъ передъ нами вопросъ, къ которому всегда приходится прибѣгать, когда дѣло идетъ объ американскихъ цивилизаціяхъ, именно вопросъ о полной самобытности этихъ цивилизацій и о тѣхъ привнесеніяхъ, которыя онѣ могли получить изъ Азіи, благодаря буддистскимъ миссіонерамъ или другимъ въ какую-нибудь опредѣленную эпоху. При настоящемъ состояніи знанія невозможно рѣшать этого вопроса ни отрицательно, ни утвердительно, и всѣ попытки, которыя дѣлались для его разрѣшенія, были слишкомъ преждевременны и поэтому не могли привести къ какому-либо болѣе прочному результату.

Какъ бы то ни было, ученіе о послѣдовательныхъ вѣкахъ и о разрушеніи человѣчества въ первомъ изъ этихъ вѣковъ потопомъ находится и въ своеобразной книгѣ Пополь-Ву, сборникѣ миѳологическихъ преданій туземцевъ Гватемалы, написанномъ на особомъ языкѣ тайнымъ приверженцемъ древней религіи и открытомъ, переписанномъ и переведенномъ на итальянскій языкъ въ началѣ прошлаго столѣтія доминиканцемъ Францискомъ Химинецомъ. Въ немъ говорится, что послѣ творенія боги, увидѣвъ, что животныя не могли ни говорить, ни боготворить ихъ, захотѣли создать людей по своему собственному образу. Они сдѣлали ихъ сначала изъ глины. Но эти люди были непрочны и не могли вращать головы; они говорили, но не понимали ничего. Тогда боги разрушили это свое несовершенное дѣло потопомъ. Приступивъ къ дѣлу во второй разъ, они сдѣлали человѣка изъ дерева и женщину изъ древесной смолы. Эти созданія были гораздо выше предъидущихъ; они двигались и жили не какъ животныя; они говорили, но совершенно непонятнымъ образомъ и не думали о богахъ. Тогда Гураконъ, сердце неба, богъ грозы, излилъ на землю воспламененную смолу, и земля въ то же время была поколеблена страшнымъ землетрясеніемъ. Всѣ люди, происшедшіе отъ четы изъ дерева и смолы, погибли, за исключеніемъ нѣсколькихъ, которые превратились въ лѣсныхъ обезьянъ. Наконецъ, боги сдѣлали изъ бѣлаго и желтаго маиса четырехъ совершенныхъ людей: Баламъ-Кице—„смѣющагося ягуара», Баламъ-Агапъ—«ягуара ночи», Могуента—«знаменитое имя», и Ики-Баламъ—«ягуара луны». Они были велики и сильны, видѣли все, знали все и благодарили боговъ. Но эти послѣдніе испугались рѣшительнаго успѣха своего дѣла и стали опасаться ихъ превосходства, поэтому они набросили легкое покрывало, въ

родѣ тумана, на внѣшность четырехъ людей, которая сдѣлалась подобною внѣшности теперешнихъ людей. Когда они спали, то боги сотворили имъ четыре жены необычайной красоты, и отъ трехъ изъ нихъ родились кихеи, а Ики-Баламъ и его жена Кокиксага не имѣли дѣтей. Этотъ разсказъ, съ его цѣлымъ рядомъ неудачныхъ опытовъ со стороны боговъ создать человѣка, такъ что они принуждены были два раза разрушать свое несовершенное дѣло, прежде чѣмъ, наконецъ, удалось имъ достигнуть желаемаго, очевидно, чрезвычайно далекъ отъ библейскаго разсказа, достаточно далекъ, чтобы устранять всякое подозрѣніе о вліяніи и здѣсь проповѣдей христіанскихъ миссіонеровъ на эту туземную гватемальскую легенду. И однако же здѣсь мы находимъ вѣрованіе, что первый родъ человѣческій былъ уничтоженъ въ началѣ временъ великимъ наводненіемъ.

Много легендъ о великомъ наводненіи въ первыя времена собрано также у американскихъ племенъ, оставшихся въ дикомъ состояніи. Но по самой своей сущности эти легенды, по необходимости, оставляютъ мѣсто для сомнѣнія. Онѣ записаны не самими туземцами, такъ какъ мы знаемъ о нихъ лишь чрезъ посредство другихъ людей, которые иногда даже невольно при передачѣ ихъ могли произвести значительныя видоизмѣненія и несознательно сближать ихъ съ библейскимъ повѣствованіемъ. Затѣмъ онѣ собраны вообще въ довольно позднюю эпоху, когда индійскія племена уже находились въ продолжительномъ соприкосновеніи съ европейцами, которые и могли принести въ ихъ преданіе совершенно новые для нихъ элементы. Эти разсказы поэтому могли бы имѣть лишь слабое значеніе, еслибы не было у насъ другихъ болѣе положительныхъ фактовъ, которые мы замѣчаемъ въ Мексикѣ, Гватемалѣ и Никарагвѣ и которые доказываютъ существованіе преданія о потопѣ у народовъ Америки до прибытія туда европейскихъ завоевателей. Въ виду этихъ фактовъ, преданія дикихъ племенъ Новаго свѣта о потопѣ заслуживаютъ упоминанія, хотя и съ нѣкоторымъ ограниченіемъ. Наиболѣе замѣчательнымъ въ этомъ отношеніи преданіемъ служитъ преданіе Ирокезовъ, такъ какъ оно наиболѣе свободно отъ какихъ-либо европейскихъ вліяній. Оно похоже на дѣтскій пересказъ повѣствованія Индіи съ тѣмъ различіемъ, что тутъ, вмѣсто рыбы, выступаетъ собака, которая и спасаетъ человѣка, избѣгшаго потопа. «Собака въ теченіе нѣсколькихъ дней не переставала съ необычайною настойчивостью бѣгать по берегамъ рѣки, пристально смотря въ воду и воя, какъ бы чуя какое-либо бѣдствіе.

Господинъ ея, разгнѣванный подобнымъ ея поведеніемъ, приказалъ ей грубымъ тономъ войти въ домъ; тогда она начала говорить и открыла объ угрожающемъ бѣдствіи. Она закончила свое предсказаніе заявленіемъ, что ея господинъ и его семейство могутъ спастись отъ потопленія лишь тогда, когда онъ броситъ ее немедленно въ воду, потому что тогда она сдѣлается ихъ спасительницею. Она поплыветъ искать лодку для того, чтобы въ ней могли спастись тѣ, которыхъ она хотѣла спасти, но онъ не долженъ терять ни одного момента, такъ какъ скоро долженъ былъ настать страшный дождь, который произведетъ всеобщее наводненіе и погубитъ все. Человѣкъ повиновался тому, что сказала его собака; и онъ, такимъ образомъ, былъ спасенъ со своимъ семействомъ, и они-то именно опять населили землю».

У таманаковъ караибскаго племени береговъ Оренока есть также легенда о потопѣ, по которой мужчина и женщина одни только избѣгли гибели, забравшись на вершину горы Тапанаку. Тамъ они бросали назадъ отъ себя, чрезъ свои головы, плоды кокоса, изъ котораго вышло новое поколѣніе мужчинъ и женщинъ. Если эта передача вѣрна, то здѣсь мы видимъ любопытное сходство съ существенными чертами извѣстной греческой исторіи о Девкаліонѣ и Пиррѣ.

Русскіе изслѣдователи замѣтили существованіе дѣтскаго повѣствованія о потопѣ у жителей Алеутскихъ острововъ, составляющихъ географическую цѣпь между Азіей и С. Америкой, и на крайнемъ сѣвероамериканскомъ берегу у колошъ. Путешественникъ Генри разсказываетъ такое преданіе, записанное имъ у индѣйцевъ Великихъ озеръ. «Отецъ индѣйскихъ племенъ нѣкогда обиталъ у восходящаго солнца. Будучи возвѣщенъ во снѣ, что настанетъ потопъ и опустошитъ землю, онъ построилъ себѣ плотъ, на которомъ и спасся съ своей женой и со всѣми животными. Такъ онъ плавалъ нѣсколько мѣсяцевъ по водамъ. Животныя, которыя говорили тогда, сильно жаловались и роптали на него. Наконецъ, явилась новая земля. Онъ сошелъ на нее со всѣми животными, которыя съ этого времени лишились способности говорить въ наказаніе за ихъ ропотъ противъ своего спасителя». Племена Канады и долины Миссисипи въ своихъ грубыхъ легендахъ разсказывали, что всѣ люди были погублены потопомъ, и тогда великій Духъ, чтобы опять населить землю, преобразовалъ животныхъ въ людей. У племени чиппивеевъ есть также разсказъ о человѣкѣ, который спасся отъ потопа. Чтобы узнать, осушилась ли земля, онъ посылалъ изъ своего судна птицу нырка;

затѣмъ, по возвращеніи на освободившуюся отъ воды землю, онъ сдѣлался возстановителемъ человѣческаго рода и основателемъ общества.

Въ пѣсняхъ жителей Новой-Калифорніи говорится также объ очень отдаленной эпохѣ, когда море выходило изъ своихъ береговъ и покрывало землю. Всѣ люди и всѣ животныя погибли вслѣдствіе этого потопа, посланнаго верховнымъ богомъ Чинигъ-Чинигомъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ, которые спаслись на высокой горѣ, куда не достигала вода. Коммиссары Соединенныхъ Штатовъ, которымъ поручено было изслѣдованіе территоріи Новой-Мексики, когда она вошла въ предѣлы владѣній великой Американской республики, констатировали существованіе такого же преданія у различныхъ мѣстныхъ племенъ этой обширной страны. Разсказы того же рода замѣчены и другими путешественниками въ различныхъ частяхъ С. Америки, и всѣ они имѣютъ бблышее или меньшее сходство съ библейскимъ повѣствованіемъ. Но всѣ эти разсказы передаются вообще слишкомъ неопредѣленно, чтобы можно было безусловно довѣрять тѣмъ подробностямъ, которыми они сопровождаются.

Сначала думали, что преданія о потопѣ нѣтъ у народовъ, населяющихъ острова Океаніи, но теперь удостовѣрено, что такое же преданіе есть и у полинезійской расы, хотя оно, очевидно, и окрашено чертами мѣстныхъ наводненій, составляющихъ обычный бичъ этихъ острововъ. Наиболѣе знаменитый разсказъ этого рода найденъ на островахъ Таити, и онъ болѣе другихъ носитъ на себѣ признаки сходства съ потопомъ первобытныхъ временъ. Но этотъ разсказъ, какъ и всѣ разсказы этой части свѣта, имѣетъ совершенно дѣтскій характеръ, свойственный легендамъ полинезійскихъ народовъ, и кромѣ того таитское повѣствованіе можетъ быть легко объяснено воспоминаніемъ объ одномъ изъ морскихъ разливовъ, столь частыхъ въ Полинезіи. Въ немъ даже нѣтъ наиболѣе существенной черты всѣхъ разсказовъ о дѣйствительномъ потопѣ. Островъ Тоа-Марама, на которомъ, по таитскому разсказу, спаслись грѣшники, возбудившіе гнѣвъ бога водъ тѣмъ, что они забросили свою удочку въ его волоса, конечно едва ли можетъ имѣть хотя отдаленное сходство съ ковчегомъ. Правда, что по одной изъ редакцій таитской легенды два грѣшника спаслись на Тоа-Марамѣ не только со всѣми семействами, но и со свиньей, собакой и парой куръ, что отчасти похоже на введеніе животныхъ въ ковчегъ. Съ другой стороны, нѣкоторыя черты разсказа острововъ Фиджи, особенно тотъ, по которому въ теченіе многихъ

лѣтъ послѣ этого событія жители постоянно держали на-готовѣ лодки на случай, еслибы опять наступилъ потопъ, скорѣе очевидно относится къ мѣстному явленію, морскому наводненію, чѣмъ къ всемірному потопу въ собственномъ смыслѣ. Но тѣмъ не менѣе и въ этихъ разсказахъ нельзя не видѣть хотя отдаленнаго и искаженнаго отголоска общечеловѣческаго преданія о потопѣ, и это служитъ новымъ подтвержденіемъ общей распространенности этого преданія, находящаго свое истинное и полное выраженіе въ библейскомъ повѣствованіи.

Длинный рядъ только-что изложенныхъ преданій даетъ полное основаніе утверждать, что повѣствованіе о потопѣ есть повѣствованіе всемірное, встрѣчающееся во всѣхъ развѣтвленіяхъ человѣческаго рода. Такое воспоминаніе, согласующееся во всѣхъ своихъ существенныхъ частяхъ у самыхъ различныхъ и отдаленныхъ народовъ, уже по этому самому не можетъ быть миѳомъ, изобрѣтеннымъ случайно. Ни одинъ религіозный или космогоническій миѳъ не носитъ на себѣ такого универсальнаго характера. Отсюда съ необходимостью вытекаетъ заключеніе, что оно представляетъ собою воспоминаніе о событіи дѣйствительномъ и страшномъ, которое настолько сильно поразило воображеніе первыхъ родоначальниковъ человѣческаго рода, что память о немъ никогда уже не изглаживалась и у ихъ потомства. Эта катастрофа случилась еще въ первобытное время, прежде чѣмъ главы семействъ, отъ которыхъ произошли послѣдующія поколѣнія, раздѣлились и разъединились между собою; иначе пришлось бы, вопреки всякому вѣроятію и здравымъ законамъ критики, допустить, что въ столь различныхъ и отдаленныхъ одна отъ другой странахъ и мѣстностяхъ земнаго шара могли произойти мѣстныя явленія, совершенно схожія между собою, и что воспоминаніе о нихъ всегда принимало совершенно одинаковую форму, связанную съ обстоятельствами, которыя не съ необходимостью могли представляться уму человѣческому.

ГЛАВА VIII.

Колыбель послѣпотопнаго человѣчества и родословіе народовъ.

Мѣсто, гдѣ по библейскому повѣствованію остановился ковчегъ послѣ потопа, называется горами Араратскими. Начиная съ извѣстнаго времени, воспоминаніе это всегда прилагалось къ наиболѣе высокой горѣ горной цѣпи Арменіи, которая, въ теченіе различныхъ

переселеній, совершавшихся по этой странѣ, получила въ дѣйствительности названіе Арарата уже болѣе, чѣмъ за девять вѣковъ до христіанской эры, хотя эта горная цѣпь у первыхъ туземныхъ жителей извѣстна была подъ названіемъ Мазисъ. Бо̀льшая часть толкователей св. Писанія приняли это воззрѣніе, хотя другіе уже въ первые вѣка христіанства предпочитали слѣдовать даннымъ халдейскаго преданія, разсказаннаго Берозомъ, которое относило мѣсто выхода Ксисутра къ болѣе южной части той же самой цѣпи, къ горамъ Гордіенскимъ, именно къ горамъ теперешняго Курдистана, къ сѣверовостоку отъ Ассиріи. Гора Низиръ, гдѣ по преданію, прочитанному на клинообразныхъ плитахъ Ниневіи, остановился ковчегъ, въ которомъ спасся патріархъ отъ потопа, составляла южную часть этой горной цѣпи. Ея положеніе подъ 36^0 восточной широты въ дѣйствительности точно опредѣляется указаніями, которыя мы находимъ въ историческихъ надписяхъ ассирійскаго царя Ассурназирбала, именно въ разсказѣ объ одной военной экспедиціи, предпринятой имъ въ эту страну. Отправившись изъ мѣстности, сосѣдней съ Арбелами, онъ переправился чрезъ рѣку Забъ, въ ея нижнемъ теченіи, и шелъ все время къ востоку.

Если внимательно изслѣдовать библейскій текстъ, то также трудно допускать, чтобы въ мысли священнаго писателя упоминаемый имъ Араратъ, какъ мѣсто остановки ковчега, былъ именно Араратомъ Арменіи. Нѣсколькими стихами дальше (Быт. XI, 2) прямо говорится, что потомство Ноя „двинулось (очевидно съ мѣста остановки ковчега) съ востока“ на западъ и нашло въ землѣ Сеннааръ (т. е. Месопотаміи) равнину, гдѣ и поселилось. Это свидѣтельство болѣе согласуется съ данными халдейско-вавилонскаго преданія о горѣ Низиръ, какъ исходномъ пунктѣ возобновленнаго человѣчества послѣ потопа. Слѣдовательно, въ этомъ именно направленіи и нужно искать библейскаго Арарата. И дѣйствительно, если провести линію дальше по направленію къ востоку, чрезъ горы Гордіенскія, и поискать наиболѣе высокой вершины, на которой могъ бы остановиться ковчегъ, то мы придемъ къ цѣпи горъ Индукушъ, или даже къ тѣмъ горамъ, гдѣ беретъ свое начало Индъ. И замѣчательно, что это именно какъ разъ и есть тотъ послѣдній пунктъ, на которомъ сходится преданіе касательно колыбели послѣ-потопнаго человѣчества у двухъ главныхъ народовъ древняго міра, сохранившихъ наиболѣе чистыя и обстоятельныя воспоминанія о первобытныхъ временахъ, наиболѣе сходныя съ

повѣствованіемъ Библіи и священныхъ книгъ Халдеи, именно индійцевъ и иранцевъ.

Во всѣхъ легендахъ Индіи происхожденіе людей относится къ горѣ Меру, жилищу боговъ, столбу, соединяющему небо и землю. Эта гора Меру, позднѣе перемѣщалась нѣсколько разъ вслѣдствіе постепеннаго передвиженія арійцевъ въ Индіи: брамины центральной Индіи хотѣли имѣть священную гору по сосѣдству съ собою и они перенесли ея имя сначала на гору Каиласа, потомъ на гору Магапанта (называющуюся еще Сумеру), и еще позднѣе, съ распространеніемъ буддійскихъ ученій у бирманцевъ, китайцевъ и сингалайцевъ, каждый изъ этихъ народовъ присвоивалъ названіе Меру какой-нибудь горѣ въ своей собственной странѣ. Въ виду возможности такого перенесенія историческихъ названій изъ одной мѣстности въ другую, не невозможно предположеніе, что подобнымъ же образомъ и названіе Арарата постепенно перемѣщалось съ одного мѣста на другое, будучи сначала прилагаемо къ горамъ Гордіенскимъ и затѣмъ къ Арарату Арменіи. Но первобытная Меру находилась на сѣверѣ по отношенію къ первому мѣстожительству арійскихъ племенъ на индійской почвѣ, въ Пенджабѣ и на берегахъ верхняго Инда. И это не была просто вымышленная гора, чуждая земной географіи; баронъ Экштейнъ[1]) вполнѣ доказалъ ея дѣйствительное существованіе около Серика древнихъ, т.-е. юго-восточной части Тибета.

Но указанія иранцевъ еще болѣе точны и еще болѣе согласны съ тѣми указаніями, которыя вытекаютъ изъ Библіи, потому что они были менѣе удалены отъ первобытной колыбели, которая, вслѣдствіе этого, и не приняла у нихъ столь туманнаго характера. Ихъ точныя воспоминанія о послѣдовательныхъ мѣстожительствахъ ихъ расы, содержащіяся въ одной изъ древнѣйшихъ главъ приписываемыхъ Зороастру книгъ, считаютъ мѣстомъ первоначальнаго разселенія людей и особенно иранцевъ Эріану-Веджу, которая описывается какъ страна сѣверная, холодная и гористая; съ нея-то племя персовъ и спустилось на югъ къ Согдіанѣ. Тамъ возвышается пупъ водъ, священная гора Гара-Березаити по Зендавестѣ, Албордж новѣйшихъ персіянъ, со склона которой течетъ не менѣе священная рѣка Арвандъ, та рѣка, изъ которой пили воду первые люди. Знаменитый

[1]) Eckstein, De quelques legendes bramaniques, qui se rapportent au berceau de l'espèce humaine, Paris 1856.

французскій изслѣдователь Бюрнуфъ доказалъ самымъ несомнѣннымъ образомъ, что Гара-Березаити есть Болоръ или Белуртагъ, и что Арвандъ есть Яксарта или, вѣрнѣе, Таримъ. Правда, что имена Березаити и Арвандъ позднѣе служили для обозначенія болѣе удаленныхъ горъ и рѣкъ Бактріаны: они послѣдовательно прилагались къ горамъ и рѣкамъ Персіи, Мидіи, Месопотаміи, Сиріи и Малой Азіи, и, не безъ удивленія, ихъ можно опять встрѣтить въ классическихъ именахъ Берикинта Фригійскаго и Оронта Сирійскаго. Это послѣднее имя особенно любопытно потому, что мы встрѣчаемъ его уже въ египетскихъ надписяхъ восемнадцатой и девятнадцатой династій, и оно, конечно, принесено было въ сѣверную Сирію не арійскими народами, но семитами. Только-что указанные факты составляютъ такимъ образомъ результатъ перемѣщенія, которому подвергаются всѣ мѣстности легендарной географіи первобытныхъ временъ. Народы, при своихъ переселеніяхъ, переносятъ съ собою свои древнія имена, съ которыми связываются дорогія имъ воспоминанія, и прилагаютъ ихъ къ новымъ горамъ и рѣкамъ, которыя они находятъ въ странахъ своего новаго поселенія [1]). То же самое именно и случилось съ именемъ Арарата. Ученый изслѣдователь Обри доказалъ, что гора, которую арійскіе народы считали священной колыбелью человѣчества, первоначально носила въ его воспоминаніи имя Аріарата, „колесница покланяемыхъ“, „потому что около ея вершины, по ихъ мнѣнію, вращалась колесница семи браминскихъ Магарши, семи персидскихъ Амеша-Цпентасъ и семи халдейскихъ Каккаби, т. е. колесница семи звѣздъ Большой Медвѣдицы“. Это названіе Аріарата и есть источникъ названія Арарата, и только уже позднѣе первыя арійскія племена, пришедшія въ Арменію, перенесли это названіе на гору, называвшуюся раньше Мазисъ. Отсюда библейское сказаніе о первобытномъ Араратѣ, какъ лежащемъ къ востоку отъ Сеннаара или Ассиріи, въ точности совпадаетъ съ преданіями народовъ арійскихъ.

Всѣ народныя преданія такимъ образомъ въ удивительномъ согласіи съ священнымъ повѣствованіемъ приводятъ насъ къ огромной

---

[1]) Этотъ интересный фактъ переселенія географическихъ названій изъ одной страны въ другую вмѣстѣ съ переселенцами повторяется въ новѣйшее время. Извѣстно, что Америка переполнена названіями городовъ, рѣкъ, озеръ и горъ, буквально перенесенными изъ стараго свѣта, даже часто безъ прибавленія эпитета «новый» (Іоркъ— Нью-Іоркъ, Орлеанъ — Нью Орлеанъ, Лондонъ и пр.).

гористой мѣстности Малой Бухаріи и западнаго Тибета, какъ къ мѣсту, откуда распространился родъ человѣческій. Тамъ именно четыре величайшихъ рѣки Азіи: Индъ, Таримъ, Оксусъ и Яксарта берутъ свое начало, и наиболѣе высокими пунктами являются Белуртагъ и обширная плоская возвышенность Памира, столь пригодная для пропитанія первобытнаго населенія, находившагося еще въ пастушескомъ состояніи, и самое названіе которой въ ея первоначальной формѣ было Упа-Меру, т. е. «страна подъ Меру», или, быть можетъ, Упа-Мира, «страна около озера», что именно послужило поводомъ къ названію Меру. На эту именно мѣстность указываютъ даже и нѣкоторыя воспоминанія грековъ, особенно священное выраженіе ἄνθρωποι μέροπες, которое по первоначальному своему смыслу, несомнѣнно означало «людей, происшедшихъ изъ Меру». Воспоминанія другихъ народовъ о первобытномъ отечествѣ ихъ предковъ также сходятся въ этомъ направленіи, хотя и не прямо указываютъ на центральный пунктъ, такъ какъ эти преданія отчасти затемнены самою отдаленностью этого мѣста. Китайцы считали себя происшедшими изъ Куенъ-Лунъ. Монгольскія племена связываютъ свои наиболѣе древнія легенды съ Тіаншанемъ и Алтаемъ, финскія племена—съ Ураломъ, потому что эти двѣ цѣпи, такъ сказать, преграждали имъ видъ болѣе отдаленныхъ горъ. Но стоитъ только продлить отъ нихъ двѣ линіи въ указываемомъ ихъ воспоминаніями о первобытной колыбели направленіи, и онѣ встрѣтятся между собою въ Малой Бухаріи или вообще въ той цѣпи высочайшихъ горъ, которая и признается преданіями различныхъ народовъ въ качествѣ колыбели послѣпотопнаго человѣчества.

Такимъ образомъ, библейскій Араратъ былъ тѣмъ горнымъ узломъ въ Средней Азіи, который господствуетъ надъ всѣмъ Старымъ свѣтомъ и окружающая который мѣстность, именно плоская среднеазіатская возвышенность, представляетъ наиболѣе удобствъ для первобытнаго поселенія. Это именно та страна, къ которой тяготѣли сами люди послѣ изгнанія изъ рая. Туда именно, къ востоку отъ Едема, удалились первые люди, и еще дальше въ этомъ же направленіи удалился суровый и мрачный Каинъ, искавшій удаленія отъ общества людей. Среднеазіатская возвышенность, будучи родиной хлѣбныхъ растеній и главнѣйшихъ домашнихъ животныхъ, и сдѣлалась колыбелью послѣпотопнаго человѣчества. Представляя собою какбы обширную чашу, окаймленную со всѣхъ сторонъ горами, она питала семейство Ноя,

пока оно не размножилось до того, что переполнило эту чашу и по необходимости должно было разселиться во всѣхъ направленіяхъ. Это разселеніе также нашло отголоски въ библейскомъ повѣствованіи, которое вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ и родословіе народовъ въ ихъ первоначальномъ происхожденіи отъ трехъ сыновей Ноя, какъ родоначальниковъ обновленнаго человѣчества.

Ко времени происхожденія Пятокнижія ходъ разселенія народовъ уже настолько опредѣлился и закончился, что Моисей могъ составить полную родословную всѣхъ главнѣйшихъ народовъ древности, съ показаніемъ ихъ происхожденія отъ Ноя. Эта именно родословная грамота, представляющая несомнѣнно древнѣйшій и лучшій этнографическій документъ, какой только дошелъ до насъ изъ древности, заключается въ знаменитой десятой главѣ книги Бытія. Снабжая этнологовъ, филологовъ и археологовъ, историковъ, географовъ и политиковъ, не менѣе какъ и толкователей Библіи, въ высшей степени драгоцѣнными и вмѣстѣ достовѣрными свѣдѣніями, какія только доступны теперь наукѣ, касательно первобытныхъ народностей земли, сначала въ ихъ образованіи, затѣмъ въ ихъ мѣстожительствѣ, эта глава вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ, что библейскій бытописатель обладалъ историко-географическими познаніями, равныхъ которымъ не представлялъ ни одинъ изъ извѣстнѣйшихъ историковъ древности. Это родословіе даетъ тотъ мостъ, чрезъ который всякій ученый изслѣдователь получаетъ возможность безопасно перейти чрезъ бездну вѣковъ, лежащую между древнимъ міромъ, что истребленъ былъ потопомъ, и новымъ человѣчествомъ, важнѣйшимъ и избраннѣйшимъ представителемъ котораго сдѣлалось сѣмя Авраамово. Критика естественно всячески старалась подорвать историческую достовѣрность этого документа и усиливалась приравнять его къ подобнымъ же родословнымъ таблицамъ, встрѣчающимся и у другихъ народовъ. Въ частности ее приравнивали къ миѳологической этнографіи грековъ, въ которой народы эти преобразуются въ личныхъ героевъ, выступающихъ въ качествѣ родоначальниковъ дорянъ, эолійцевъ, іонійцевъ, ахеянъ, для которыхъ подыскивались родоначальники съ тождественными именами, какъ Доръ, Эолъ, Іонъ и Ахей. Ее приравнивали также къ индусскимъ произведеніямъ, въ которыхъ цѣлые народы, варварскія племена и даже чужеземныя расы выставляются какбы происходящими отъ одного корня съ самими индусами, причемъ племенныя имена преобразованы въ имена патріарховъ-предковъ, которые будто бы уклонились отъ

браминской религіи. Но это явное смѣшеніе расъ какъ въ греческой, такъ и индійской родословной, неотрицаемое присутствіе въ обѣихъ несомнѣнныхъ миѳическихъ элементовъ и крайняя спутанность самыхъ сказаній дѣлаютъ очевиднымъ громадное различіе между этими языческими родословными и библейскимъ родословіемъ народовъ. «Весь древній міръ, говоритъ Деличъ, не имѣетъ ничего такого, что̀ по всемірности могло бы равняться этой библейской родословной. Землеописательные отдѣлы эпическихъ поэмъ индусовъ и нѣкоторыя изъ пуранъ такъ сильно расходятся между собой даже въ отношеніи самой Индіи, что объ остальныхъ странахъ и говорить нечего, такъ какъ даже сосѣднія страны у нихъ теряются въ туманѣ дикихъ и чудовищныхъ разсказовъ о нихъ. Ихъ система семи міровыхъ острововъ (*двина*), лежащихъ вокругъ Меру, занимается болѣе мірами боговъ и духовъ, чѣмъ землей человѣка. Нигдѣ еще нельзя найти столь всеобщаго обзора національныхъ связей» [1]). И этотъ обзоръ столь точенъ, сохранился столь неизмѣннымъ въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій, что вызываетъ невольное благоговѣніе со стороны послѣдующихъ историковъ и этнографовъ. Другіе старались поколебать древность этой родословной и отнести ее къ послѣ-Моисеевымъ временамъ, чтобы затѣмъ и сообщаемыя въ ней данныя лишить исторической достовѣрности, какъ лишь предположительныя. Болэнъ относилъ ея происхожденіе не раньше какъ ко времени Вавилонскаго плѣна, основываясь на порядкѣ и положеніи, въ какомъ стоятъ въ ней народы, и въ особенности указывая на то, что „Ассирія, Ниневія и страна за Евфратомъ (занимающія видное положеніе въ таблицѣ) были въ это время ближе всего знакомы евреямъ“ [2]). По мнѣнію Кнобеля, родословная возникла не ранѣе 1000 года до Р. Хр., была продуктомъ такихъ географическихъ и этнографическихъ знаній, которыя израильтяне пріобрѣли въ то время черезъ сношенія съ Финикіей, и предназначалась въ качествѣ картины состоянія человѣчества и распредѣленія народовъ гдѣ-нибудь между двѣнадцатымъ и десятымъ вѣками до Р. Хр., причемъ главнымъ доводомъ въ подтвержденіе этого положенія выставляется то, что родословная обнимаетъ почти всю территорію, которую обнимала финикійская торговля во времена Соломона и Хирама. Съ большею основательностью однако же такіе изслѣдо-

---

[1]) Delitsch, Genesis, стр. 213.

[2]) Bohlen, Введеніе въ книгу Бытія, т. II, стр. 207.

ватели, какъ Деличъ и Гэверникъ, утверждаютъ, что сама родословная носитъ на себѣ явные слѣды происхожденія изъ патріархальныхъ временъ, а также и расширенія ея чрезъ ея ознакомленіе съ народами земли, пріобрѣтенное израильтянами въ Египтѣ,—мнѣніе, которое вполнѣ согласуется съ вселенскимъ преданіемъ, что авторомъ книги, въ которой родословная составляетъ одну главу, былъ Моисей, получившій въ Египтѣ высшее образованіе. Указывались еще нѣкоторыя филологическія затрудненія, представляемыя будто бы родословной. Такъ, финикіяне и хананеи производятся въ ней отъ Хама, между тѣмъ какъ по языку и мѣстожительству ихъ слѣдовало бы производить отъ Сима и причислять къ семитическимъ народомъ. По мнѣнію Болэна, они будто бы были несомнѣнные семиты, которые однако же израильскимъ лѣтописцемъ изъ національной гордости были отнесены къ проклятому роду Хамову, «чтобы они не могли входить въ тѣсное общеніе съ евреями». Но такое категорическое заявленіе не находитъ оправданія въ наукѣ, которая имѣетъ полную возможность доказать, что это хамитскіе народы, но они, вторгшись въ семитскія владѣнія и завоевавъ семитскія племена, приняли языкъ послѣднихъ, забывъ свой собственный. Исторія представляетъ не мало примѣровъ подобныхъ превращеній, и наука, какъ увидимъ дальше, блистательно подтверждаетъ это положеніе и въ данномъ случаѣ.

Что касается самаго плана, по которому составлена родословная, то онъ обнаруживаетъ замѣчательную правильность и стройность. Народы земли въ ней, во-первыхъ, раздѣлены на три группы, изъ которыхъ каждая ставится въ связь съ однимъ изъ сыновей Ноя, какъ ея родоначальникомъ. Имѣя особыхъ родоначальниковъ, каждая группа вмѣстѣ съ этимъ имѣетъ и отдѣльное мѣстожительство на поверхности земли: іафетиты, или народы, происшедшіе отъ Іафета, занимаютъ страны по берегамъ Каспійскаго, Чернаго и Средиземнаго морей; хамиты, или потомки Хама, поселились въ болѣе теплыхъ странахъ сѣверной Африки и Аравіи, и семиты, или потомки третьяго сына Ноева, Сима, поселились вообще въ долинѣ рѣкъ Тигра и Евфрата и никогда не переселялись далеко отъ мѣста своего первоначальнаго поселенія. Затѣмъ, во-вторыхъ, каждому отдѣльному народу въ различныхъ группахъ приписывается особый племенной родоначальникъ, который въ иныхъ случаяхъ есть внукъ, а въ другихъ и правнукъ или праправнукъ Ноя. При этомъ имя родоначальника обыкновенно превращается и въ имя цѣлаго народа. Въ-третьихъ,

авторъ указываетъ и самыя соображенія, по которымъ народы распредѣляются по группамъ. Этими соображеніями были: физическое родство—«по племенамъ своимъ», лингвистическое родство—«по языку своему», географическая близость—«по семьямъ ихъ», національныя особенности—«въ народахъ ихъ» и историческое развитіе—«по родамъ ихъ». Въ-четвертыхъ, порядокъ, въ которомъ вводятся обозрѣваемые народы, обусловливается также особыми соображеніями. Прежде всѣхъ описываются народы Іафетова племени, и это потому, что они болѣе другихъ удалились отъ теократическаго центра или даже раньше другихъ основали колыбель человѣчества. Хамитамъ отведено второе мѣсто, и это не потому, чтобы эти два сына Ноева имѣли въ глазахъ бытописателя первенствующее значеніе, но выведены первыми сообразно съ общимъ планомъ бытописателя, который всегда излагаетъ второстепенныя линіи раньше съ тою цѣлью, чтобы, перейдя къ главной линіи, затѣмъ безъ перерыва продолжать нить главнаго повѣствованія. Родословная заканчивается семитами, потому что чрезъ нихъ именно идетъ линія, приводящая къ родоначальнику избраннаго народа, Аврааму. Тотъ же самый порядокъ замѣтенъ и въ географическомъ распредѣленіи народовъ, причемъ бытописатель начинаетъ съ отдаленнѣйшихъ и постепенно переходитъ къ ближайшимъ. Все это и необходимо имѣть въ виду при изслѣдованіи этого знаменитаго документа.

Библейское родословіе народовъ, какъ сказано выше, начинается съ Іафетова племени. Первымъ изъ его сыновей упоминается Гомеръ. Это былъ родоначальникъ Киммерійцевъ древности, Кимвровъ римскихъ временъ и Кимровъ или Кельтовъ еще и теперь существующаго племени. Ихъ первоначальнымъ мѣстожительствомъ былъ отдаленнѣйшій сѣверъ, какой только былъ извѣстенъ грекамъ или римлянамъ, на что между прочимъ есть указаніе и въ Одиссеѣ. Именно, по словамъ этой поэмы,

У глубокотекущихъ водъ океана —
Тамъ Киммеріянъ печальная область, покрытая вѣчно
Влажнымъ туманомъ и мглой облаковъ; никогда не являетъ
Оку людей лица лучезарнаго Геліосъ, землю ль
Онъ покидаетъ, всходя на звѣздами обильное небо,
Съ неба ль, звѣздами обильнаго, сходитъ, къ землѣ обращаясь;
Ночь безотрадная тамъ искони окружаетъ живущихъ [1]).

[1]) Одисея, xi, 14—19.

Это мрачное описаніе относится къ сѣверному берегу Чернаго моря, къ Крыму, и къ берегамъ Азовскаго моря. Черное море въ древности носило названіе Киммерійскаго, и другія мѣстности въ этихъ странахъ одинаково указываютъ на преобладаніе киммерійскаго племени. Самое названіе Крымъ въ дѣйствительности есть лишь испорченное слово «Кимры». Это былъ народъ воинственный и свирѣпый, и древняя исторія часто повѣствуетъ о ихъ нашествіяхъ на болѣе цивилизованныя страны. Такъ, у пророка Іезекіиля (xxxviii, 2—6) предсказывается о ихъ военномъ нашествіи съ сѣвера въ союзѣ съ другими народами, нашествіи, которое внесетъ ужасъ и разрушеніе. Нашествія ихъ на Малую Азію, особенно когда сами они были тѣснимы скиѳами, были обычнымъ источникомъ страха за семь столѣтій до Р. Хр. Но наибольшая часть ихъ держалась отдаленныхъ странъ, гдѣ они обитали въ лѣсахъ вплоть до лѣсовъ Германіи. Впослѣдствіи полуостровъ Ютландія сдѣлался ихъ главнымъ мѣстопребываніемъ и извѣстенъ былъ подъ ихъ именемъ; но они распространились и во Францію, Испанію и Британію, и до сихъ поръ продолжаютъ существовать въ кельтическихъ племенахъ западной Европы, включая и Великобританію. Такъ, валлійцы доселѣ называютъ себя кимрами, и Кумберландъ самымъ своимъ названіемъ указываетъ на ихъ существованіе въ этомъ округѣ.

У Гомера было три сына: Ашкеназъ, Рифатъ и Ѳогарма. Это были также родоначальники сойменныхъ имъ народовъ, опредѣлить которые, однако же, не легко. Ашкеназъ, по самому своему значенію въ смыслѣ «дойльщиковъ лошадей», указываетъ на номадовъ, въ родѣ позднѣйшихъ татаръ или древнихъ скиѳовъ, обитавшихъ въ возвышенныхъ степяхъ западной Азіи въ сосѣдствѣ съ киммерійцами, съ которыми они были родственны по крови. Слѣды ихъ, быть можетъ сохранились въ названіи рѣки Асканіи въ Малой Азіи и въ именахъ Скандія и Скандинавія, но вообще такое предположеніе довольно сомнительно. Рифатъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ названіемъ баснословныхъ Рифейскихъ горъ, въ пещерахъ которыхъ, по сказаніямъ грековъ, родился сѣверный вѣтеръ и которыя греки относили къ сѣверу извѣстнаго имъ міра. Но гораздо больше вѣроятности въ томъ предположеніи, которое поставляетъ его въ связь съ горною цѣпью Рифата, снѣговымъ хребтомъ въ Арменіи за Тигромъ. Ѳогарма упоминается у пророка Іозекіиля (xxvii, 13, xxxviii, 6) какъ народъ, торгующій лошадьми и мулами на базарахъ Тира и какъ родственный

съ Гомеромъ или кимрами въ предстоящемъ нашествіи на Палестину. Въ этомъ соотношеніи замѣчательно, что армяне, грузины и вообще кавказскія племена еще и теперь производятъ свое происхожденіе чрезъ какого-то Торгону отъ Гомера и называютъ себя „домомъ Торгона“ или, какъ значится въ Библіи Θогармы. Всѣ эти племена индогерманскія или арійскія.

Магогъ, второй изъ сыновей Іафета, въ другихъ мѣстахъ встрѣчается въ Библіи какъ имя страны вмѣстѣ съ Гогомъ, княземъ племенъ, извѣстныхъ подъ названіями Рошъ, Мешехъ и Θувалъ (Іезек. xxxvш, 2; xxxix, 1). Послѣдніе двое называются въ книгѣ Бытія пятымъ и шестымъ сыновьями Іафета. Отсюда, повидимому, можно заключать, что «Магогъ» былъ неопредѣленный терминъ у евреевъ для обозначенія варварскихъ племенъ сѣверной Азіи, подобно «скиѳамъ» у грековъ. Бл. Іеронимъ приводитъ мнѣніе іудеевъ его времени, что этимъ именемъ обозначались «страшные безчисленные скиѳскіе народы». Изъ новѣйшихъ толкователей, Кнобель отождествляетъ его со славянами настоящаго времени, а Гезеній и др. понимаютъ подъ Рошемъ новѣйшихъ русскихъ. Іезекіиль описываетъ ихъ дикимъ и страшнымъ племенемъ всадниковъ (xxvш, 15; xxxix, 3), вооруженныхъ луками, и это описаніе подходитъ къ скиѳамъ, которые дѣлали нашествіе на Палестину въ 625 г. до Р. Хр. Но названіе это прилагалось и къ другимъ народамъ, потому что Θувалъ и Мешехъ являются не только варварскими всадниками, разъѣзжающими на степныхъ коняхъ, но въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ своихъ частяхъ и торговымъ народомъ, который привозилъ на корабляхъ въ Тиръ желѣзо и мѣдь для продажи (Іезек. xxvii, 13). Замѣчательно, что Θувалъ представляетъ явное созвучіе съ персидскимъ словомъ, обозначающимъ мѣдь или бронзу, и Мешехъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ есть сосѣдній народъ—халибы, которые извѣстны были въ древности добываніемъ мѣди. Подтвержденіемъ этому служитъ то что, Геродотъ упоминаетъ о тибарейцахъ и мосхахъ вмѣстѣ, какъ народахъ, живущихъ къ юго-востоку отъ Чернаго моря, и говоритъ, что они разрабатывали мѣдныя руды и входили въ девятнадцатую сатрапію царства Дарія [1]). Ассирійскія надписи, кромѣ того, говорятъ о народѣ и о землѣ мусковъ въ сѣверной Ассиріи, и подъ ними, по всей вѣроятности, нужно разумѣть Мешехъ Библіи.

---

[1]) Herod. iii, 94; vii, 78.

Слѣдующее имя въ спискѣ Мадай, очевидно, тождественно съ тѣмъ самымъ именемъ, подъ которымъ извѣстны мидяне на ассирійскихъ памятникахъ и великой надписи Дарія. Іаванъ указываетъ на страну грековъ или іонійцевъ въ обширномъ смыслѣ этого слова, что подтверждается и ассирійскими плитами, гдѣ это названіе встрѣчается почти безъ всякаго измѣненія, именно въ формѣ Іавану. При этомъ замѣчательно, что такое названіе употреблялось также и Даріемъ Мидяниномъ [1]).

Тирасъ, седьмой сынъ Іафета, не можетъ быть отождествленъ съ такою же легкостью. По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, какъ древняго, такъ и новаго времени, это имя указываетъ на жителей Ѳракіи, которые въ древности занимали всю страну, лежащую къ сѣверу отъ Мраморнаго моря и Эгейскаго архипелага. Но вѣрнѣе позднѣйшее предположеніе, по которому имя это прилагается къ турсеноямъ, къ турскамъ, или тускамъ, вѣтви этрусскаго племени въ его наиболѣе древнихъ сѣверныхъ поселеніяхъ, задолго до того, какъ оно проникло въ Италію. Они въ самой отдаленной древности были извѣстны въ качествѣ мореходовъ и морскихъ разбойниковъ не только въ итальянскихъ водахъ, но также и подъ названіемъ турсеноійскихъ пелазговъ въ Греческомъ архипелагѣ. Интересно, что этотъ народъ дѣлалъ нашествіе на Египетъ въ союзѣ съ ахеянами, лидійцами, сицилійцами, сардинянами и другими племенами уже въ XIV столѣтіи до Р. Хр. [2]).

Этимъ и исчерпывается родословная семи сыновей или непосредственныхъ потомковъ Іафета. Но затѣмъ слѣдуетъ списокъ народовъ или племенъ, происшедшихъ отъ Іавана или грековъ. Первымъ изъ нихъ былъ Елисъ; о немъ Іезекіиль говоритъ (xxvii, 7), что онъ обиталъ по сѣверному берегу Средиземнаго моря, откуда привозилась въ Тиръ знаменитая пурпурная краска. То обстоятельство, что морская улитка, дававшая эту краску, находилась не только на берегахъ Лаконіи, но и залива Коринѳскаго и около различныхъ острововъ Греческаго архипелага, вмѣстѣ съ названіемъ этой области Елидой въ Пелопонезѣ, повидимому указываетъ на то, что эта именно страна и разумѣется здѣсь. Елиса однако же переводится въ сирійской Библіи какъ «область въ Италіи», и упоминаніе о ней, въ связи съ

---

[1]) Schrader, Keilinschriften und das Alte Testament, p. 13.
[2]) *Chabas*, Etudes de l'antiquité historique. Paris 1873.

Тарсисомъ и Киттимомъ, подъ чѣмъ иногда разумѣется вся греческая территорія, привело нѣкоторыхъ къ мысли, что подъ этимъ именемъ разумѣется Сицилія.

Тарсисъ несомнѣнно указываетъ на знаменитый финикійскій портъ въ Испаніи за проливомъ Гибралтарскимъ, между двумя устьями Гвадалквивира, т.-е. „Большой рѣки“ [1]). Имя Тарсисъ поразительно подтверждаетъ положеніе библейской лѣтописи народовъ, указывая на то, что это поселеніе впервые сдѣлано было арійскимъ или іафетовымъ племенемъ, такъ какъ самое слово это оказывается лишь формой санскритскаго или арійскаго слова *тариша* — „море“ или „морской берегъ“, каковое значеніе, по древнему преданію раввиновъ, всегда и прилагалось къ нему. Такъ, прежде чѣмъ финикіяне поселились въ этой области, другое племя уже дало ей имя, усвоенное ими и впослѣдствіи прилагавшееся къ цѣлой области. По мнѣнію Кнобеля, первоначальные поселенцы этой области были вѣтвью этрусковъ, осѣвшихъ здѣсь раньше, чѣмъ они окончательно сдѣлали Италію своимъ главнымъ сѣдалищемъ [2]). Не безъинтересно слѣдить за этими древними движеніями людей, происходившими цѣлыя тысячелѣтія тому назадъ, и наблюдать за тѣмъ, что именно привлекало ихъ въ тѣ или другія страны. Такъ, Тарсисъ славился съ самой глубокой древности изобиліемъ серебра и другихъ металловъ, добывавшихся въ тамошнихъ рудникахъ, а также и зерновымъ хлѣбомъ. Уже во времена Соломона, за тысячу лѣтъ до Р. Хр., большіе корабли, плававшіе туда, были извѣстны подъ названіемъ кораблей тарсисскихъ, и это названіе вообще прилагалось къ большимъ торговымъ кораблямъ, куда бы они ни плавали [3]). Изъ оживленныхъ гаваней Тарсиса повсюду развозились большіе грузы желѣза, олова, серебра, свинца и другихъ металловъ, равно какъ и зерноваго хлѣба, чѣмъ вообще Тарсисъ славился въ древности по всему Востоку. Народы были также промышленны тогда, какъ и теперь: рыбаки дѣятельно занимались своими сѣтями, рудокопы копались въ нѣдрахъ горъ, мо-

---

[1]) Названіе „Гвадалквивиръ“ придано этой рѣкѣ арабами во время ихъ пребыванія въ Испаніи. Не имѣя въ своемъ языкѣ слова для обозначенія „рѣки“ въ нашемъ смыслѣ, они назвали эту рѣку „Гдол-кеберъ“—„большая вода“ или водный потокъ.

[2]) Völkertafel, стр. 86.

[3]) Такъ, корабли, плававшіе по Красному морю и торговавшіе въ Офирѣ (въ южной Аравіи или даже въ Индіи), назывались также кораблями тарсисскими. Ис. xxiii, 1, 14; 3 Цар. ix, 28; x, 22; xx, 49; 2 Пар. ix, 21; xx, 36, 37.

реплаватели работали на судахъ, кузнецы и столяры гремѣли своими молотами, ювелиры выдѣлывали драгоцѣнныя вещи — все именно такъ, какъ это мы видимъ и теперь. Такъ однообразна жизнь человѣческая!

Третій сынъ Іавана носилъ имя Киттимъ или Хиттимъ, и подъ нимъ разумѣется одна изъ отраслей греческаго племени,—народъ, мѣстожительство котораго описывается въ видѣ острова или прибрежной страны. Острова Киттимскіе часто упоминаются въ св. Писаніи (Іерем. ii, 10). Около нихъ именно направлявшійся домой Тирскій флотъ услышалъ о паденіи своего великаго города, и тамъ именно тиряне искали себѣ убѣжища (Ис. xxiii, 1—12). І. Флавій уже во времена Христа отождествлялъ это названіе съ именемъ Кипръ и въ доказательство этого указывалъ на названіе одного кипрскаго города—Киттіонъ или Киттій, прибавляя, что то же самое названіе прилагалось въ болѣе широкомъ смыслѣ и къ другимъ островамъ и къ большей части прибрежныхъ странъ Средиземнаго моря [1]). «Оно особенно употреблялось», прибавляетъ другой древній писатель, самъ жившій на островѣ Кипрѣ, «о кипрянахъ и родосянахъ, а также о македонянахъ, потому что они были кипрскаго или родосскаго происхожденія» [2]).

Четвертый сынъ Іавана называется въ еврейскомъ подлинникѣ Библіи Доданимъ [3]), но, по общему предположенію изслѣдователей, это слово нужно читать Роданимъ, такъ какъ очень легко было замѣнить одну букву другою; тѣмъ болѣе что въ греческомъ и другихъ древнихъ переводахъ имя это значится именно въ формѣ Роданимъ. Оно, безъ сомнѣнія, указываетъ на греческое населеніе острова Родоса, который считался однимъ изъ острововъ киттимскихъ и въ связи съ которымъ постоянно находились родосяне.

Этимъ и заканчивается родословная потомковъ Іафета, которые такимъ образомъ распредѣлялись въ своей древней исторіи по странамъ, извѣстнымъ евреямъ на крайнемъ сѣверѣ, отъ центральной Азіи и Арменіи до дикихъ лѣсныхъ странъ къ сѣверу отъ Чернаго и Эгейскаго морей, а также и въ Греціи; причемъ потомки же ихъ впослѣдствіи мало по малу распространились до Сициліи, Испаніи и до большихъ острововъ восточной части Средиземнаго моря. Точное соотвѣт-

---

[1]) Antiqq. i, 6, 1.

[2]) Епифаній, † въ 403 г. по Р. Хр. Haer. xxx, 25.

[3]) Также и въ русскомъ переводѣ. Быт. x, 4.

ствіе этого распредѣленія съ позднѣйшими результатами этнологической науки поразительно.

За родословной Іафета слѣдуетъ родословная Хама. Самое слово Хамъ, по еврейски, означаетъ „теплый“ или „жаркій“, и слѣдовательно указываетъ на югъ. То же слово употреблялось и у египтянъ, и оно было обычнымъ названіемъ среди нильскаго населенія для ихъ страны, вслѣдствіе «чернаго» или темнаго цвѣта ихъ почвы [1]). Хамъ изображается какъ отецъ южныхъ или черныхъ племенъ, въ противоположность Іафету, отъ котораго произошли сѣверные народы, причемъ всѣ жившіе между ними относились къ Симу.

Къ этой группѣ человѣчества относятся четыре большихъ народа, происшедшихъ отъ сыновей Хама, именно: Кушъ, Мицраимъ, Ѳутъ и Ханаанъ. Хушъ или Кушъ было древнимъ египетскимъ названіемъ для страны между водопадами Нила и Абиссиніей и для жившихъ на югъ отъ Египта народовъ, кромѣ негровъ. Она такимъ образомъ почти отождествляется съ теперешней Нубіей и съ болѣе древнимъ употребленіемъ имени Эѳіопія у грековъ. Черныя племена были однако же извѣстны подъ названіемъ эѳіоповъ по обѣимъ сторонамъ Аравійскаго залива, и Геродотъ даже говоритъ объ азіатской вѣтви этой расы. У Гомера это названіе прилагается ко всѣмъ племенамъ и странамъ извѣстныхъ тогда южныхъ частей міра, и подобнымъ же образомъ Кушъ былъ общимъ терминомъ у древнихъ евреевъ для обозначенія тѣхъ же странъ и племенъ (Быт. п, 13), потому что народы, которые въ родословной таблицѣ считаются происшедшими отъ Куша, включаютъ жителей какъ южной Азіи, такъ и Африки (Быт. х, 7). Но не нужно забывать, что эти материки въ древнія времена не были точно разграничиваемы между собой; такъ что даже Геродотъ относилъ Египетъ къ Азіи, хотя онъ и сознавалъ затруднительность такого дѣленія. Даже и въ такое позднее время, какъ времена Христа, географы говорятъ о «кусситахъ» Сузіанской области за Тигромъ и Евфратомъ. Нимродъ, затѣмъ, первый сынъ Куша, считался первымъ царемъ Вавилона и лежащей вокругъ него области. Отсюда быть можетъ месопотамскій царь Хусарсаѳемъ, времени судей, самымъ своимъ именемъ указываетъ на существованіе Кушитскаго

[1]) Имя это доселѣ сохраняется въ словахъ алхимія и химія. Онѣ буквально значатъ: „черное искусство“—отъ Кемія—Хемъ—черный. Онѣ перешли къ намъ чрезъ арабовъ изъ Египта.

царства въ этой области до сравнительно поздняго времени (Суд. III, 8). Кромѣ того, въ Персіи еще и теперь есть провинція у устьевъ Евфрата, носящая знаменательное въ этомъ отношеніи названіе Хузистанъ.

Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ Кушъ употребляется въ Библіи, равно какъ употреблялся и древними египтянами, для обозначенія страны къ югу отъ водопадовъ Нила (Іезек. XXXIX, 10), включая Кордофанъ вмѣстѣ съ Абиссиніей и теперешней Нубіей. Эта большая полоса земли въ древности гораздо менѣе смѣшиваема была въ своей этнографіи, чѣмъ даже въ настоящее время, потому что безчисленные историческіе перевороты способствовали происхожденію разнообразныхъ смѣшанныхъ племенъ, происшедшихъ отъ смѣшенія кушитовъ семитовъ и негровъ. Въ глубокой древности не было такого смѣшенія, такъ какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ не упоминается о семитическихъ племенахъ въ этихъ странахъ, хотя Геродотъ въ V столѣтіи до Р. Хр. упоминаетъ объ арабахъ вмѣстѣ съ африканскими эѳіопами въ войскѣ Ксеркса [1]). Нѣтъ также указанія и на присутствіе негрскихъ племенъ, потому что даже египетскіе памятники дѣлаютъ явное различіе между эѳіопами и неграми къ западу отъ ихъ страны. Подобно всѣмъ народамъ, уже упомянутымъ въ родословной таблицѣ, кушиты принадлежали къ кавказской расѣ. Правда, что эѳіопскій языкъ, употреблявшійся ими въ теченіе позднѣйшихъ вѣковъ, имѣетъ существенно семитическій характеръ, но это можетъ быть объяснено тѣмъ, что эѳіопскія расы смѣшались съ семитическими въ Аравіи [2]) и усвоили ихъ языкъ, подобно тому, какъ норманны приняли французскій языкъ, или какъ латинскій языкъ сдѣлался языкомъ многихъ народовъ, какъ напр. галловъ, иберійцевъ и другихъ, вошедшихъ въ предѣлы Римской имперіи. И теперь еще есть племена, несомнѣнно представляющія остатки древнихъ кушитовъ, и языкъ ихъ одинаково отличенъ какъ отъ семитическаго языка абиссинцевъ съ одной стороны, такъ и отъ негрскихъ языковъ съ другой, причемъ и физическими особенностями они явно отличаются отъ тѣхъ и другихъ. Типическій африканецъ вообще весьма рѣзко отличается отъ негра, особенности котораго впервые появляются подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій и общественнаго вырожденія. Простой цвѣтъ не служитъ еще показателемъ расы, такъ какъ, напр., современные евреи бываютъ всевозможныхъ цвѣтовъ,

---

[1]) Herod. VII. 69.

[2]) Knobel, Völkertafel, стр. 257.

смотря по обитаемой ими мѣстности, отъ темнолицаго еврея Индіи до свѣтловолосаго еврея Даніи.

Отъ Куша произошло пять родоначальниковъ различныхъ народовъ, именно: Сева, Хавила, Савта, Раама и Савтеха. Изъ нихъ Сева, „мужи“, по свидѣтельству І. Флавія, составляли древнее царство Мероэ, окруженное въ видѣ острова рукавами Нила, и это указаніе вообще признается вѣрнымъ. Это племя, такимъ образомъ, занимало часть теперешней Нубіи, къ сѣверу отъ Кордофана и Абиссиніи, мѣстность, которая въ древности лежала на прямомъ караванномъ пути между Аравіей и Индіей съ одной стороны и Африкой—съ другой, и служила источникомъ богатства и благосостоянія для страны вообще и для городовъ въ особенности. О Севѣ только два раза упоминается въ св. Писаніи; въ одномъ говорится, что этотъ народъ славился своимъ ростомъ (Ис. XLV, 14), и въ другомъ говорится о немъ, какъ о „крѣпкомъ и бодромъ народѣ, страшномъ отъ начала и донынѣ, который попираетъ все и страна котораго разрѣзывается рѣками“ (Ис. XVIII, 2, 7). Геродотъ описываетъ ихъ подобнымъ же образомъ, какъ самыхъ рослыхъ и красивыхъ людей, которые выбирали себѣ царя за ростъ и силу и часто жили до 120 лѣтъ [1]).

Хавила—имя, которое упоминалось уже при описаніи Едема; но оно, повидимому, прилагалось въ древности и къ другимъ отдаленнымъ странамъ. Нибуръ нашелъ неподалеку отъ берега Персидскаго залива мѣстечко, носившее названіе Хувайла, но это не вяжется съ упоминаніемъ Хавилы въ связи съ эѳіопскими племенами, живущими въ Африкѣ. Это, повидимому, была страна, извѣстная теперь подъ названіемъ Іеменъ въ югозападной Аравіи, гдѣ было мѣсто еще извѣстное въ римскія времена подъ названіемъ Уайла. Но это могла быть и африканская страна у устьевъ Краснаго моря, гдѣ древніе называли одинъ заливъ Авалитскимъ. Въ томъ и другомъ случаѣ она была бы въ близкомъ сосѣдствѣ съ Севой.

Имя Савты можетъ быть отождествлено съ названіемъ древнеаравійскаго торговаго города Саввабы или Сабботы, лежавшаго къ востоку отъ Іемена или Хавилы. Если такъ, то намъ извѣстно, что этотъ богатый городъ въ позднѣйшія времена имѣлъ 60 храмовъ и ревниво оберегалъ свою монополію въ торговлѣ благовоніями. Раама, повидимому, указываетъ на страну, лежавшую еще дальше къ востоку,

[1]) Herod. III, 20—21.

чѣмъ Савта, и достигавшую Персидскаго залива, гдѣ въ прежнія времена было мѣсто, извѣстное подъ названіемъ Регма—форма, въ которой греческая Библія передаетъ это имя. Подъ названіемъ Савтеха извѣстна была область, которая лежала еще далѣе на востокъ и составляла новую персидскую провинцію Караманію, лежащую противъ Регмы на другомъ берегу Персидскаго залива.

Отъ Раамы произошли два народа: Шева и Деданъ: въ первомъ изъ нихъ можно видѣть сабейцевъ счастливой Аравіи, народъ, славившійся въ древности своею обширною торговлею драгоцѣнными произведеніями своей страны, благовоніями, бальзамомъ, мурромъ и проч. (Іов. VI, 19; Іезек. XXVII, 23, XXVIII, 13). Такая торговля была причиной того, что они считались богатѣйшимъ народомъ древности, и это именно придало особенный интересъ посѣщенію Соломона Савской царицей, подробно описываемому въ св. Писаніи (3 Цар. X, 1; 2 Паралип. IX, 1). Прибытіе ея въ глазахъ израильтянъ было одною изъ величайшихъ почестей, какую только можно было оказать дому Давидову. Отсюда вполнѣ было естественно, что Исаія, изображая славу Мессіанскихъ временъ, говорилъ, что цари Савы принесутъ ему золото и ладанъ, а псалмопѣвецъ предсказывалъ, что они принесутъ ему золото (Ис. LX, 6; Пс. LXXI, 15). Деданъ, всегда упоминающійся вмѣстѣ съ Шевой, далъ свое имя обширной странѣ въ Аравіи, къ сѣверу отъ Шевы, и потомки его постепенно распространились до южныхъ предѣловъ Едома (Іерем. XLIX, 8). Замѣчательно, что Деданъ и Шева встрѣчаются и между потомками Авраама (Быт. XXV, 3). Причиной этого, вѣроятно, было то, что потомки Дедана и Шевы постепенно распространялись на сѣверъ сначала въ караванномъ странствованіи, а затѣмъ и постоянными поселеніями, среди племенъ, происшедшихъ отъ Авраама, жившихъ въ этихъ частяхъ, пока наконецъ всѣ эти племена не сдѣлались одной смѣшанной расой. О Нимродѣ, другомъ потомкѣ Куша, какъ имѣющемъ особый историческій интересъ, будетъ сказано послѣ.

Имя второго сына Хамова, Мицраимъ, съ самыхъ древнихъ временъ, среди семитическихъ народовъ, придавалось „двумъ Египтамъ“, хотя въ строгомъ смыслѣ оно придавалось лишь тому, что теперь извѣстно подъ названіемъ нижняго Египта, раздѣлявшагося на два округа, такъ какъ Верхній Египетъ не извѣстенъ былъ древнему міру до персидскаго нашествія. Имя это означаетъ „укрѣпленный“ или „запертый“, чѣмъ, повидимому, указывается на крѣпкую воен-

ную стѣну, которая, почти на протяженіи 250 верстъ, защищала нильскую долину отъ набѣговъ азіатскихъ племенъ [1]). Физическія особенности египтянъ, ихъ языкъ и даже ихъ понятія показываютъ, что они были вѣтвью кавказскаго племени [2]), причемъ переселеніе ихъ съ юга и присутствіе туземныхъ племенъ, поведшее къ постепенному смѣшенію крови, служатъ объясненіемъ того обстоятельства, что муміи и изображенія болѣе ранняго времени ближе подходятъ къ кавказскому типу и стоятъ дальше отъ африканскаго, чѣмъ муміи и изображенія болѣе поздняго времени. Стоитъ только вглядѣться въ древнія скульптурныя и живописныя изображенія, чтобы видѣть, что на нихъ изображается народъ одной съ нами расы. Въ Луврскомъ музеѣ, напр., есть фигура писца, чрезвычайно древняя, и черты его совершенно европейскія, лишь съ легкимъ красноватымъ оттѣнкомъ кожи. Цари, жрецы и воины, какъ наиболѣе оберегавшіе чистоту своей крови, ясно показываютъ, что этотъ народъ вышелъ изъ той же самой колыбели, гдѣ сначала жило семитское племя.

Отъ Мицраима произошли Лудимъ, Анамимъ, Легавимъ, Нафтухимъ, Патрусимъ, Каслухимъ и Кафторимъ. Подъ Лудимомъ, вѣроятно, разумѣются или сами египтяне, или берберійцы сѣверной Африки. Первое мнѣніе съ большимъ остроуміемъ поддерживается Эберсомъ, и такъ какъ это слово означаетъ, подобно Сева, „мужи“, то неудивительно, что этотъ именно народъ называлъ себя такъ въ отличіе отъ всѣхъ другихъ народовъ, которые онъ, подобно египтянамъ, презиралъ какъ низшія расы. „Они считали себя“, говоритъ Геродотъ, «лучшими изъ всѣхъ людей» [3]). Анамимъ, по мнѣнію Эберса и Бругша, были то же, что аму,—семитическое племя пастуховъ, которые поселились на плоскихъ и болотистыхъ пастбищахъ нижней Дельты и въ одномъ округѣ въ восточной половинѣ средняго Египта [4]). Но это мнѣніе не идетъ дальше предположенія.

Легавимъ были того же племени, какъ и лубимы [5]) или ливійцы, *лубу* египетскихъ памятниковъ. На этихъ послѣднихъ они

---

[1]) Ebers, Aegypten und die Bücher Mose's, стр. 79. По мнѣнію Эберса тамъ было даже двѣ стѣны, на что быть можетъ и указываетъ двойственная форма слова Мицраимъ.

[2]) Ebers, стр. 40—54.

[3]) Herod. II, 121.

[4]) Aegypten etc., стр. 103.

[5]) 2 Парал. XII, 3; XVI, 8; Наум. III, 9.

описываются какъ народъ, живущій на западѣ отъ Египта и распространяющійся оттуда, подъ общимъ названіемъ *темгу* до безпредѣльнаго океана и заходящаго солнца. Ливійцами въ древнія времена собственно назывались племена, живущія въ странѣ къ западу отъ Нила, отъ береговъ Средиземнаго моря до довольно отдаленнаго юга по обширному сѣверному берегу Африки. На памятникахъ они изображаются со свѣтлой кожей, раскрашенными, одѣтыми въ разноцвѣтные плащи, съ остроконечными бородами и явно кавказскими чертами; въ Ѳивахъ и въ Дельтѣ о нихъ говорили, какъ о «бѣлыхъ людахъ запада». Эберсъ приводитъ поразительныя данныя въ доказательство того, что они сначала пришли съ острововъ Средиземнаго моря, привлекаемые быть можетъ плодородіемъ африканскаго берега, которое, какъ видно изъ множества развалинъ, несомнѣнно въ древности было значительнѣе, чѣмъ теперь. Однако же еврейское имя Легавимъ, подобно придававшемуся имъ египтянами, означаетъ жителей сухой и безводной страны, такъ что, исключая узкой береговой полосы, страна ихъ, повидимому, всегда была сравнительно пустынною.

Нафтухимъ и Патрусимъ—дали свои имена древнимъ областямъ Мемфиса и Ѳивъ въ ихъ священныхъ названіяхъ, въ противуположность простымъ народнымъ названіямъ (каждый египетскій городъ имѣлъ два названія: священное и народное). Мемфисъ и его область упоминаются первыми, быть можетъ вслѣдствіе большой древности; потому что Ѳивы, съ ихъ высоко вліятельной религіей и храмами, сдѣлались знаменитыми уже въ болѣе позднее время, чѣмъ городъ царей, строителей пирамидъ. Патрусимы были, можетъ быть, городъ и область бога Па-Гаторъ; Нафтухимъ—можетъ быть городъ и область бога Пта, но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ мы не должны здѣсь видѣть какого-либо особаго племени, отличнаго отъ окружающихъ египтянъ.

Каслухимъ съ достаточною основательностью отождествляется съ населеніемъ, находившимся въ области, идущей отъ восточныхъ предѣловъ наводненій Нила, вдоль морского берега, до южныхъ предѣловъ Палестины. Здѣсь лежала къ западу отъ рѣки Египетской (теперь Вади-эл-Аришъ), Сирбонскихъ озеръ и горы Касія—сухая область, извѣстная своими солончаками, отравлявшими почву и оставлявшими лишь незначительныя мѣста, годныя для обработки. Соль эта, однако же, была важнымъ предметомъ торговли, такъ какъ финикіяне на сѣверѣ и въ Дельтѣ были извѣстными солильщиками въ

древности; и хотя египтяне вообще относились съ отвращеніемъ къ морской рыбѣ, какъ къ нечистой, и къ самой соли, Африка однако же вообще потребляла ее въ большемъ количествѣ, и она легко могла быть отсюда отправлена во всѣхъ направленіяхъ, такъ какъ большая дорога между Азіей и Африкой шла какъ разъ чрезъ эту соляную область. Названіе Каслухимъ давалось этому населенію отъ горы Касія въ ихъ территоріи; отсюда Кас-лох, или «сожженный холмъ» древнихъ египтянъ. Населеніе это, по Эберсу, было финикійскаго происхожденія, но по своимъ нравамъ и обычаямъ жизни сдѣлалось совершенно египетскимъ.

Подъ Кафторимомъ Эберсъ разумѣетъ поселеніе финикійцевъ въ отдаленнѣйшія времена на берегахъ Дельты, прежде чѣмъ египтяне распространились до этихъ сѣверныхъ предѣловъ. Кафтъ было египетскимъ названіемъ для этого народа и этихъ колоній. По его предположенію, они сначала занимали острова Греческаго архипелага, включая Критъ, и оттуда переселились въ Нильскую Дельту; онъ поддерживаетъ этотъ взглядъ съ большою ученостью. Филистимлянъ онъ считаетъ остаткомъ могущественной вѣтви кафтаримовъ, которые, достигнувъ сначала Египта, по необходимости двинулись въ Палестину—мѣсто своего окончательнаго поселенія чрезъ земли каслухимовъ. Въ высшей степени пріятно видѣть точность показанія Библіи даже въ столь незначительномъ предметѣ, какъ движеніе этого племени въ самыя раннія времена, точность, доказываемую новѣйшими научными изысканіями. Къ этому можно прибавить, что въ древнихъ и іудейскихъ манускриптахъ вмѣсто кафтаримъ читается: жители Даміетты, т.-е. береговъ Дельты.

Это указаніе на переселеніе племенъ на зарѣ исторіи, какъ ни кратко оно само по себѣ, проливаетъ глубоко интересный свѣтъ на величайшій шагъ въ умственномъ развитіи человѣчества, именно на введеніе алфавита. Въ теченіе своего долгаго поселенія въ Египтѣ финикіяне научились изображать звуки посредствомъ знаковъ, заимствованныхъ изъ священнаго письма египтянъ, и эти знаки сначала были перенесены въ Палестину и оттуда распространились ко всѣмъ народамъ востока и запада. Выйдя сначала съ одного острова на Персидскомъ заливѣ, этотъ народъ рано освоился съ Средиземнымъ моремъ, омывавшимъ берега его страны у подножія Ливана, и распространился съ одной стороны на острова Леванта и Эгеи и съ другой до еще необитаемыхъ, но богатыхъ береговъ египетской Дельты. Тамъ рыбныя ловли сразу открыли новую отрасль промышлен-

ности для этого народа, обладавшаго особеннымъ инстинктомъ и способностью къ торговлѣ. Соль страны каслухимовъ и Ливіи дала имъ возможность начать рыбосольный промыслъ, какъ это было уже на сѣверѣ въ Сидонѣ, такъ какъ и самое имя Сидонъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, просто означаетъ рыболовное мѣсто, хотя по мнѣнію другихъ оно указываетъ на то обстоятельство, что одинъ изъ главныхъ финикійскихъ боговъ имѣлъ форму рыбы. Прибрежныя поселенія скоро распространились на югъ, такъ какъ финикіяне даже почти еще болѣе славились своей колонизаціей, чѣмъ торговлей. Устья Нила въ то время сплошь покрыты были папирусомъ и другими водяными растеніями, которыя теперь встрѣчаются только въ Нубіи. Въ водахъ его было множество огромныхъ крокодиловъ, гиппопотамовъ и другихъ большихъ животныхъ, а камышъ давалъ убѣжище безчисленнымъ стаямъ птицъ всякаго рода. Но египтянѣ съ юга, а финикіяне съ сѣвера, прочищая себѣ путь подобно новѣйшимъ піонерамъ американскихъ прерій, съ теченіемъ времени встрѣтились между собой, и затѣмъ началось то близкое общеніе между ними, которое имѣло столь благодѣтельное значеніе для цивилизаціи, какъ, напр., въ распространеніи алфавита.

Подъ именемъ Фута или Пута, третьяго сына Хамова, можно разумѣть страну, извѣстную въ іероглифахъ подъ названіемъ Пунтъ, новѣйшую турецкую провинцію Хеджа, тянущуюся вглубь отъ берега Краснаго моря по сѣверной половинѣ его восточнаго берега. Жители Пунта массами запродавали себя въ наемныя войска Тиру и другимъго сударствамъ, и напр., сражались подъ знаменами Египта въ знаменитой Кархемишской битвѣ, хотя по временамъ сражались и противъ самого Египта (Іерем. XLVI, 9; Іезек. XXVII, 10; XXX, 5; Ливія по-еврейски называется Футъ). Они славились также въ качествѣ торговцевъ на рынкахъ Тира, куда они привозили произведенія своихъ ртутныхъ копей, славившихся по всему міру, а также множество благовоній, которыми также славилась ихъ страна. Въ надписяхъ и изображеніяхъ на памятникахъ они изображаются странствующимъ племенемъ темнобураго цвѣта и строго отличаются отъ осѣдлыхъ кушитовъ, въ сосѣдствѣ съ которыми они жили. Самое слово Пунтъ, означающее бѣгство, въ точности указываетъ на ихъ кочевой образъ жизни.

Отъ Ханаана, четвертаго сына Хамова, произошло не менѣе одинадцати народовъ. Первенецъ его Сидонъ, основатель перваго поселенія финикійцевъ на берегу Средиземнаго моря,—поселенія, превра-

тившагося впослѣдствіи въ знаменитый городъ и ставшаго во главѣ другихъ сосѣднихъ городовъ Финикіи. Самое имя Ханаанъ первоначально прилагалось только повидимому къ финикіянамъ и къ береговой равнинѣ у подножія Ливана, на которой былъ построенъ Сидонъ, какъ самое раннее поселеніе; и сюда быть можетъ включалась плодородная равнина Ездрилонская, равно какъ и береговая полоса, простирающаяся на югъ до Египта. Во времена Моисея и Іисуса Навина, однако же, подъ именемъ Ханаанъ разумѣлась вся страна къ западу отъ Іордана, но оно никогда не переходило за эту рѣку. Имя это означаетъ «низменная земля», хотя, вслѣдствіе живаго торговаго смысла, которымъ отличались финикіяне, слово ханаанитъ впослѣдствіи сдѣлалось равнозначущимъ съ словомъ «торговецъ». Самое слово «финикіянинъ», по первоначальному своему смыслу, означаетъ «коричневый» или «темнокрасный», и возникло вслѣдствіе цвѣта этого племени, но сами себя они называли ханаанитами, каковымъ названіемъ ихъ карѳагенскіе собратья гордились еще во времена бл. Августина.

Въ причисленіи финикіянъ родословною книги Бытія къ хамитскому отдѣлу человѣчества нѣкоторые, какъ уже сказано было выше, видѣли серьезное затрудненіе, такъ какъ ихъ языкъ совершенно тождественъ съ языкомъ евреевъ, и такимъ образомъ ихъ нужно бы причислять къ семитскимъ народамъ. Возраженіе это вполнѣ разрѣшается высказаннымъ выше предположеніемъ, что хамиты приняли языкъ покоренныхъ ими семитическихъ племенъ, раньше ихъ поселившихся въ Палестинѣ. Но и помимо этого предположенія—кровное родство родоначальниковъ этихъ расъ естественно могло вліять, особенно въ древнія времена, и на сходство въ языкѣ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, изъ ихъ потомковъ, какъ это и оказалось въ Палестинѣ. Языкъ сначала не могъ служить опредѣленнымъ признакомъ происхожденія, такъ какъ въ отдаленныя времена, когда человѣчество впервые стало разселяться отъ общей колыбели въ Азіи, семейства языковъ разграничивались менѣе ясно, чѣмъ это было впослѣдствіи. Хамитскія племена могли еще говорить семитскимъ языкомъ и разнесли его съ собою въ своихъ странствованіяхъ. Кромѣ того, первоначальное мѣстопребываніе финикіянъ еще болѣе подтверждаетъ библейское сказаніе о ихъ происхожденіи отъ Хама. Мы впервые встрѣчаемся съ ними, когда они прокладывали себѣ путь отъ южной Аравіи къ такъ называемымъ теперь Барейнскимъ островамъ въ Персидскомъ заливѣ. Храмы, еще стоявшіе на этихъ островахъ во времена владычества римлянъ, были, очевидно,

финикійскіе, и жители считали себя потомками этого знаменитаго народа Палестины. Слѣдующимъ мѣстомъ ихъ жительства еще далѣе на сѣверъ были плоскіе берега Персидскаго залива у устья Евфрата, называвшіеся ими сначала Ханааномъ или, по ихъ произношенію — Хна, «низменностью»; каковое названіе впослѣдствіи перенесено было ими и на страну ихъ пребыванія у подошвы Ливана. Гиміариты, родственное имъ аравійское племя, говорившее языкомъ, сходнымъ съ ихъ языкомъ и еврейскимъ, остались въ южной Аравіи; но ханаанитяне предпочли переселиться къ берегамъ Палестины, откуда они, между прочимъ, разселялись, какъ мы видѣли, до Египта, оставаясь въ теченіе цѣлыхъ столѣтій у устьевъ Нила, такъ что египетское искусство, изобрѣтенія, образъ мысли и религіозныхъ воззрѣній сдѣлались общимъ достояніемъ этихъ племенъ и оказывали вліяніе на Сидонъ и Тиръ. Египетская нравственность, грубое языческое идолопоклонство и даже самый характеръ письма были такимъ образомъ введены ими въ Палестину, служа для евреевъ печальнымъ подтвержденіемъ общаго происхожденія ханаанитовъ съ Мицраимомъ. Наконецъ, доказательствомъ хамитскаго происхожденія финикіянъ и другихъ хананеевъ служитъ и самый ихъ характеръ, явно показывающій наклонность къ матеріализму и житейской культурѣ, — общая черта, отличающая хамитскія племена въ древности.

Вторымъ сыномъ Ханана былъ Хетъ, который слѣдуетъ за Сидономъ и пользовался большою извѣстностью въ древней исторіи Палестины. Названіе это прилагается въ ассирійскихъ надписяхъ ко всѣмъ «западнымъ народамъ Сиріи» [1]), вплоть до морскаго берега, такъ что у египтянъ самая Сирія извѣстна была подъ названіемъ Хеты или Хатти. Тамъ народъ этотъ былъ настолько силенъ, что одинъ изъ царей ихъ располагалъ значительнымъ войскомъ и выдерживалъ продолжительную борьбу съ египетскимъ фараономъ Рамзесомъ II; побѣда послѣдняго надъ соединенными силами хетовъ считалась столь великимъ подвигомъ, что прославлялась въ напыщенныхъ стихахъ на шести различныхъ памятникахъ и храмахъ. Центромъ ихъ могущества, повидимому, была одно время Малая Азія, гдѣ въ самое послѣднее время найдены и прочитаны принадлежавшіе имъ памятники, которые доселѣ ошибочно приписывались Рамзесу II. Тамъ они въ свое время

---

[1]) Schrader, Keilinschriften, стр. 27, 31. Они простирались отъ Евфрата до Малой Азіи.

составляли могущественную монархію, имѣвшую большое вліяніе на всѣ окружающія страны. Собственно палестинскіе хеттеи (если только это одно и то же племя) впрочемъ были, повидимому, сравнительно незначительнымъ племенемъ. Во времена Авраама они жили въ Хевронѣ, и во времена Моисея, вмѣстѣ съ аморреями и іевусеями, занимали холмистую мѣстность удѣловъ Ефремова и Іудина (Быт. xxiii; Числ. xiii, 29; Іис. Нав. xi, 3), и въ царствованіе Соломона они принуждаемы были къ насильственнымъ государственнымъ работамъ (3 Цар. ix, 20). Даже въ такое позднее время, какъ времена Ездры, іудеи порицались за связи съ ними (Ездр. ix, 1).

Слѣдующій сынъ Ханаана, Іевусей, былъ родоначальникомъ іевусеевъ, имѣвшихъ своею столицей Іевусъ, впослѣдствіи Іерусалимъ: слово Іевусъ означаетъ, повидимому, на ханаанскомъ языкѣ «безводный» холмъ, причемъ и самый городъ былъ названъ отъ холма, на которомъ онъ находился. Іевусеи принадлежали къ одному изъ мелкихъ ханаанскихъ племенъ и занимали, повидимому, только Іерусалимъ и прилегающій къ нему округъ; но ихъ храбрость и воинственный духъ давали имъ возможность, несмотря на ограниченность своего населенія, сохранять свою независимость въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій противъ израильянъ, такъ что только уже Давидъ могъ взять ихъ главный городъ, бывшій твердыней ихъ царства.

Отъ Аморрея произошли аморреи, также ханаанское племя, жившее въ предѣлахъ западной Палестины. Самое имя ихъ показываетъ, что они были «горцами»; свои города они строили на вершинахъ горъ, что и заставило израильскихъ соглядатаевъ въ ужасѣ разсказывать, что стѣны этихъ городовъ какбы восходили до неба. По описанію пророка Амоса, они были народомъ чрезвычайно рослымъ, высокимъ какъ кедры и крѣпкимъ какъ дубы (Амос. ii, 9), и, повидимому, находились въ нѣкоторомъ родствѣ съ исполинскими племенами Рефаимовъ и сыновей Енаковыхъ (Числ. XIII, 3). Во времена Авраама они жили въ южной части Палестины, въ Хацацонѳемарѣ (пальмовыхъ рощахъ) и въ Хевронѣ (Быт. XIV, 7, 13), но они жили также и въ центральной Палестинѣ (Быт. XLVIII, 22). Во времена Моисея они появляются на холмахъ Іудина удѣла, вплоть до Селы или Петры на югѣ, и въ удѣлахъ къ востоку отъ Іордана, занимавшихся раньше Рефаимами и другими племенами (Быт. XIV, 5; Числ. XIII, 30; Іудиѳ. I, 36), гдѣ они основали два сильныхъ государства, управлявшихся Сигономъ и Огомъ и простиравшихся отъ рѣки Арнона

до сѣверной части Васана. Эти именно племена оказали особенно сильное сопротивленіе израильтянамъ при ихъ вступленіи въ Палестину съ юга, и съ ними же впослѣдствіи велась ожесточенная борьба на восточномъ берегу Іордана. Сигонъ и Огъ, ихъ цари въ этой области, были тогда поражены, и ихъ владѣнія сдѣлались достояніемъ израильтянъ; но южные аморреи были покорены только въ позднѣйшее время Іудинымъ колѣномъ. Аморреи средней Палестины удерживали за собою свои владѣнія еще дольше, но, наконецъ, и они вынуждены были подчиниться силѣ израильтянъ, и жалкій остатокъ ихъ, вмѣстѣ съ другими ханаанскими племенами, долженъ былъ нести государственныя работы въ царствованіе Соломона (3 Цар. IX, 20, 21). Нѣкоторые изъ нихъ оставались однако же до возвращенія іудеевъ изъ плѣна, такъ какъ Ездра выразительно запрещалъ браки между ними и изральтянами.

Отъ Гергесея произошли гергесеи, жившіе гдѣ-нибудь въ центральной Палестинѣ, хотя даже І. Флавій не могъ уже найти никакихъ слѣдовъ отъ нихъ въ свое время [1]). Есть однако же армянское преданіе, свидѣтельствующее, что они во время Іисуса Навина переселились въ Арменію и сдѣлались родоначальниками черкесовъ, живущихъ между Чернымъ моремъ и рѣкою Кубанью, что̀ однако же заставляетъ уже предполагать, что они были не семитскаго, а арійскаго происхожденія.

Отъ сына Ханаанова Евея произошли евеи, жившіе во времена патріарховъ въ Сихемѣ и оставшіеся тамъ и послѣ завоеванія страны израильтянами. Жители Гаваона, которые своею хитростью спасли себѣ жизнь, хотя и обращены были въ рабовъ для служенія при скиніи, принадлежали къ этому племени. Замѣчательно, что этотъ случай указываетъ на существованіе республиканской формы правленія въ Гаваонѣ посредствомъ старшинъ, между тѣмъ какъ евеи Сихема составляли свободную общину подъ властью князя. Они не ограничивались Палестиной, такъ какъ встрѣчаются и на южныхъ склонахъ Ливана и даже въ Имаѳѣ, на Оронтѣ. Но ко времени Соломона они сдѣлались уже незначительнымъ народомъ и были, вмѣстѣ съ другими подобными племенами, принуждены исполнять государственныя работы. Послѣ царствованія Соломона о нихъ уже совершенно не упоминается.

---

[1]) Antiqq. I, 6, 2.

Отъ Аркея произошли аркеи, небольшое ханаанское племя, жившее на сѣверѣ по берегу Палестины, верстъ на сто отъ теперешняго Бейрута. Имя это еще и теперь носятъ развалины города, по срединѣ которыхъ поднимается холмъ въ сто футовъ высоты, бывшій крѣпостью во времена крестовыхъ походовъ.

Отъ Синея произошли синеи, еще болѣе незначительное племя, которое владѣло городомъ Сине и небольшимъ прилегающимъ къ нему округомъ на западномъ склонѣ Ливанскихъ горъ, къ сѣверу отъ аркеевъ; имя это еще сохранялось во времена бл. Іеронима, хотя города уже не было. Причиной того, почему въ родословной упоминается объ этихъ двухъ незначительныхъ племенахъ, повидимому, служитъ то обстоятельство, что, по свидѣтельству І. Флавія, аркеи были включены въ предѣлы колѣна Асирова и вошли въ предѣлы царства Соломонова [1]).

Отъ Арвадея произошли арвадеи, жители города Арада и острова того же имени, на которомъ стоялъ онъ. Мѣстность эта имѣетъ не болѣе версты въ окружности, неподалеку отъ финикійскаго берега, къ сѣверу отъ Триполиса, и получила свое названіе, подобно Тиру, отъ острововъ Персидскаго залива, съ которыхъ первоначально вышло населеніе этихъ странъ. Жители Арада были не только смѣлыми мореходцами и храбрыми воинами, но и промышленными торговцами, и городъ ихъ былъ такъ густо населенъ, что дома строились въ нѣсколько этажей [2]). Островъ этотъ теперь называется Рувейда, и въ древнее время, повидимому, былъ окруженъ стѣною изъ большихъ тесаныхъ камней, а съ сѣверной и западной стороны даже имѣлъ двойныя стѣны.

Отъ Цемарея произошли цемареи, другое финикійское племя, которое, повидимому, жило въ финикійскомъ укрѣпленномъ городѣ Смирнѣ, близъ рѣки Елевѳера, у западной подошвы Ливанской цѣпи. Самое названіе это въ точности соотвѣтствуетъ мѣстности, потому что оно происходитъ отъ арабскаго самара—«стекать» или «стремиться внизъ», и вполнѣ было приложимо къ населенію, жившему на крутыхъ склонахъ, среди журчащихъ горныхъ потоковъ.

Послѣдній сынъ Ханаана былъ Химаѳей; подъ этимъ именемъ извѣстенъ былъ сильный городъ (Химаѳъ или Имаѳъ) на берегу Оронта, въ долинѣ Ливанской, и считался въ свое время весьма важнымъ го-

---

[1]) Antiqq. I, 6, 2; V, 1, 22: Ср. І. Нав. XIII, 5; XIX, 28.
[2]) Strabo, XVI, 753.

родомъ. Подобно Араду, сначала онъ былъ финикійской колоніей и управлялся собственнымъ царемъ во времена Давида. Вслѣдствіе своего положенія на большой дорогѣ финикійской торговли съ Евфратомъ, Химаѳъ рано сдѣлался богатымъ, но взятъ былъ Іероваамомъ II и присоединенъ къ царству Израильскому.

Въ этомъ длинномъ спискѣ хананскихъ народовъ имена, за исключеніемъ Сидона, идутъ съ юга на сѣверъ и совпадаютъ съ границами Іудейскаго царства, по крайней мѣрѣ при первоначальномъ разграниченіи. Отсюда и становится само собою понятнымъ, почему священный писатель съ особенною подробностью останавливается на населеніи этой именно страны, какъ своей собственной.

Народы Африки, Аравіи и Палестины перечисляются въ библейской родословной таблицѣ среди потомковъ Хама, подобно тому, какъ народы сѣверной Азіи и Европы перечислены были среди потомковъ Іафета. Остается прослѣдить еще потомковъ Сима. Изъ нихъ первый— Еламъ. Подъ этимъ именемъ извѣстна страна Еламъ («высокая земля»), тянущаяся по восточному берегу нижняго Тигра и граничившая на западѣ съ провинціей Вавилона, на сѣверѣ — съ Ассиріей и Мидіей и на югѣ—съ Персидскимъ заливомъ. Она такимъ образомъ обнимала части теперешняго Ларистана, Хузистана и Арабистана. Это была живописная гористая страна и столицей ея въ болѣе позднее время былъ знаменитый городъ Шушанъ (или Сузы), такъ часто упоминающійся у пророка Даніила, въ качествѣ резиденціи царей Вавилона, и въ книгѣ Есѳирь, какъ любимый городъ пребыванія персидскихъ царей. Лежа на далекомъ юго-востокѣ отъ различныхъ семитическихъ племенъ и граница съ мидянами, которые относятся къ Іафету или индогерманскому племени, Еламъ, съ самыхъ отдаленныхъ вѣковъ, находился въ постоянныхъ историческихъ сношеніяхъ съ своими семитическими сосѣдями. Неизвѣстно, говорили ли еламитяне какимъ-либо своеобразнымъ семитскимъ нарѣчіемъ, т. е. родственнымъ съ языкомъ сирійскимъ, еврейскимъ, арабскимъ и эѳіопскимъ. Нѣкоторые думали, что еламитяне говорили скорѣе арійскимъ, чѣмъ семитическимъ языкомъ, но для этого нѣтъ никакихъ основаній. Гораздо вѣроятнѣе, что народъ, явно называющійся семитическимъ въ библейской родословной и съ самыхъ отдаленныхъ временъ находившійся въ историческихъ сношеніяхъ съ другими народами того же племени, говорилъ языкомъ родственнымъ съ ассирійскимъ и вавилонскимъ, т.-е. однимъ изъ такъ называемыхъ семитическихъ языковъ. Это не опровергается и возмож-

ностью того, что въ эту страну могло проникнуть какое-либо арійское племя, въ родѣ персидскаго, и вслѣдствіе этого могъ постепенно образоваться смѣшанный языкъ, вошедшій у еламитянъ въ употребленіе. Случайное замѣчаніе Библіи такимъ образомъ подтверждается весьма сильною историческою вѣроятностью.

Любопытнымъ доказательствомъ древности, равно какъ и правильности родословной книги Бытія, служитъ между прочимъ то обстоятельство, что она, упоминая объ Еламѣ, ничего не говоритъ о Персіи. Объясненіе этого обстоятельства заключается въ томъ, что до возвышенія Кира въ VI столѣтіи до Р. Хр. Персія была страною совершенно незначительною и неизвѣстною для остальныхъ народовъ. Фактъ этотъ служитъ краснорѣчивымъ опроверженіемъ тѣхъ критиковъ, которые стараются отнести составленіе книги Бытія ко временамъ плѣна Вавилонскаго, когда такое опущеніе было бы немыслимо.

Вторымъ сыномъ Сима былъ Ассуръ. Это былъ родоначальникъ знаменитой Ассирійской монархіи и строитель Ниневіи и другихъ городовъ. О немъ говорится, что онъ «вышелъ изъ сей (вавилонской) земли, и построилъ Ниневію». При этомъ замѣчательно, что Вавилонъ упоминается раньше Ниневіи, и это обстоятельство вполнѣ подтверждается новѣйшими изысканіями. Ассирійскіе памятники, открытые въ Ниневіи, равно какъ и самый типъ лица населенія, доказываютъ, что Библія вѣрно относитъ жителей Ассиріи къ семитической вѣтви кавказской расы. Языкъ ихъ былъ тотъ же, что и вавилонскаго населенія, и самая письменность была похожа на вавилонскую, причемъ даже въ религіи позднѣйшее государство дѣлало заимствованія у древнѣйшаго. Чрезвычайно замѣчательно то обстоятельство, что бытописатель уже тысячи лѣтъ тому назадъ относилъ ассиріянъ къ семитическимъ народамъ, между тѣмъ открытія новѣйшаго времени показываютъ, что было бы совершенно легко приписать имъ и другое происхожденіе. Новѣйшія изслѣдованія клинообразныхъ надписей показали, что наиболѣе раннимъ населеніемъ, основавшимся впервые на берегахъ Евфрата, было аккадійское, видимо туранскаго или татарскаго происхожденія, и оно впервые внесло сюда культуру и гражданственность. Отъ нихъ вавилоняне и ассиріяне заимствовали свою письменность, свою древнѣйшую религію и многое другое, такъ что было бы естественнѣе говорить, что именно они, а не семитическій народъ основали Ассирію, какъ это было въ дѣйствительности. Аккадійцы были древніе вавилоняне, но Ассирія сначала была семи-

тическаго происхожденія, и самое слово Ассуръ есть имя главнаго бога ассиріянъ, которые повидимому въ лицѣ его боготворили своего основателя. Границы древней Ассиріи сначала были очень незначительны; она обнимала почти ту же самую мѣстность, которая составляла Римскую провинцію Адіавену или южную часть новѣйшей турецкой провинціи Курдистанъ, у источниковъ Тигра и къ югу отъ древней Арменіи, т.-е. на линіи съ новѣйшимъ Алеппо и южнымъ берегомъ Малой Азіи. Для евреевъ Палестины Ассирія такимъ образомъ во всѣ времена была сѣверной державой въ собственномъ смыслѣ этого слова; въ этомъ смыслѣ постоянно и говорятъ о ней пророки.

Часто обсуждался вопросъ, какъ племена столь различнаго происхожденія, въ родѣ кушитскихъ вавилонянъ и семитическихъ ассиріянъ, могли говорить однимъ и тѣмъ же языкомъ; но затрудненіе это, повидимому, возникаетъ отъ неточнаго употребленія выраженія «семитическій». Многіе, если не большинство, изъ народовъ, производимыхъ библейской родословной отъ Хама, въ особенности кушиты, говорили языками этого класса. Еврейскій языкъ въ дѣйствительности былъ сначала только нарѣчіемъ ханаанитянъ, населенія по преимуществу хамитскаго. Даже Исаія называетъ его языкомъ ханаанскимъ (*Ис.* xix, 18). Живя въ теченіе цѣлыхъ поколѣній между ханаанскими племенами, Авраамъ и его потомки усвоили его вмѣсто того языка, которымъ они говорили раньше, именно нарѣчія, по всей вѣроятности, стоящаго гораздо ближе къ арабскому, если судить по первоначальнымъ сношеніямъ Евера, родоначальника евреевъ, съ Іоктаномъ, родоначальникомъ арабовъ. Отдѣленіе племенъ, сдѣлавшихся роданачальникомъ кушитовъ, отъ другихъ того же корня, называемыхъ предками семитской расы (причемъ первые оставили кочевой образъ жизни, а послѣдніе сохранили его), было такимъ образомъ отдѣленіемъ потомковъ Хама отъ потомковъ Сима. Первые пошли на югъ и западъ, послѣдніе—на сѣверъ и востокъ, хотя всѣ были членами одного и того же первоначальнаго семейства, говорили однимъ и тѣмъ же языкомъ, въ его различныхъ нарѣчіяхъ, и исповѣдывали одну и ту же религію, подъ различными символами. Поэтому, вполнѣ возможно было говорить о нихъ этнографически, какъ объ общемъ семействѣ—сиро-арабскомъ или сиро-еѳіопскомъ, въ противуположность съ индо-персидской или индо-германской расой, другимъ большимъ отдѣломъ бѣлой расы. Такимъ образомъ, Библія совершенно справедливо отнесла расы, говорившія такъ называемыми семитическими языками, къ потомкамъ Хама,

хотя только теперь новѣйшая наука открыла это обстоятельство, указаное св. бытописателемъ съ изумительною точностью за тысячи лѣтъ тому назадъ.

Поднимаясь еще выше по великой рѣкѣ, мы затѣмъ встрѣчаемся съ Арфаксадомъ или Арпахшадомъ, областью къ сѣверу отъ Ассиріи въ собственномъ смыслѣ этого слова и къ сѣверо-востоку отъ верхняго Тигра. Это, повидимому, та плоская возвышенность, которая находится между озерами Урумія и Ванъ и, такимъ образомъ, только въ 150 верстахъ къ югу отъ Карса въ Малой Азіи. Арфаксадъ, по библейскому сказанію, былъ предкомъ Авраама въ седьмомъ поколѣніи; но нельзя сказать достовѣрно, имѣется ли въ виду этимъ заявленіемъ то, что страна, называвшаяся Арфаксадъ, была колыбелью еврейской вѣтви семитической расы, или же это имя принадлежало отдѣльному лицу, такъ какъ племя, живя въ извѣстной области, всегда придавало свое имя и населяемой имъ области.

Четвертымъ сыномъ Сима былъ Лудъ, и отъ него, по общему мнѣнію, начиная со времени I. Флавія, произошелъ народъ, населявшій Лидію въ Малой Азіи. Это мнѣніе потверждается самымъ порядкомъ именъ въ родословной, такъ какъ, начиная съ Елама на юго-востокѣ, страны перечисляются правильно къ сѣверо-западу, но начиная съ Лидіи, поворачиваютъ на западъ и оканчиваются на югѣ Арамомъ или Сиріей, лежавшей недалеко отъ нея. О языкѣ лидійцевъ еще не настолько извѣстно, чтобы можно было съ увѣренностью судить, былъ ли онъ семитическій; но нѣкоторые ученые, отнюдь не предрасположенные въ пользу Библіи [1]), признаютъ въ немъ семитическій элементъ и заключаютъ, что онъ принадлежалъ къ этому корню. У Геродота кромѣ того есть преданіе, что первый царь лидійскій былъ сынъ Нина, внукъ Бела, что, повидимому, также указываетъ на семитическое происхожденіе этого народа. Въ отношеніи ихъ языка затѣмъ не нужно забывать, что еслибы доказательства его семитическаго происхожденія были недостаточны, то самый фактъ этотъ еще не можетъ служить рѣшительнымъ опроверженіемъ этого положенія. Лидія, можно еще прибавить, въ древнія времена не ограничивалась предѣлами своего позднѣйшаго состоянія, но была гораздо болѣе обширною страною.

Пятый сынъ Сима, Арамъ, былъ родоначальникомъ такъ назы-

([1] Какъ напр. Lagarde, въ его Gesammelten Abhandlungen, Leipzig, 1866.

ваемой арамейской или сирійской вѣтви семитической расы. Въ ассирійскихъ надписяхъ имя это прилагается къ сѣвернымъ и восточнымъ арамеямъ, включая жителей Имаѳа въ верхнемъ Ливанѣ и Харрана на верхнемъ Евфратѣ, или, другими словами, страну отъ сѣверной Месопотаміи до верхней Сиріи. Но имя это скоро стало прилагаться и ко всѣмъ народамъ, говорившимъ по-арамейски и считавшимся семитическими, исключая тѣхъ, которые относились къ Еламу, Ассуру, Луду и Арфаксаду. Всѣ такія племена, жившія въ Арменіи на сѣверѣ, въ областяхъ Таврa и Ливана на западѣ, въ сѣверной Палестинѣ, въ Аравійской пустынѣ на югѣ и на востокѣ, на берегахъ Евфрата и Тигра, были такимъ образомъ арамейскими или сирійскими, хотя не всѣ эти рѣзко раздѣленныя между собою страны считались Арамомъ или Сиріей (что очевидно есть лишь сокращеніе Ассиріи, вошедшее въ употребленіе уже, по крайней мѣрѣ, со времени Геродота). Обширность ея предѣловъ можно видѣть уже изъ того обстоятельства, что по-арабски она просто называется «сѣверной землей», въ противоположность Йемену или южной землѣ, т.-е. въ противуположность Аравіи въ собственномъ смыслѣ этого слова. «Арамъ», повидимому, значитъ «высокая земля» и такимъ образомъ самымъ названіемъ указываетъ на то, что этимъ именемъ первоначально обозначались гористые и возвышенные округи верхняго Тигра и горнаго хребта Таврa, тянущагося оттуда къ западу въ Малую Азію.

У Арама было четыре сына: Уцъ, Хулъ, Геѳеръ и Машъ. Имя перваго изъ нихъ Уцъ тождественно съ именемъ мѣстожительства патріарха Іова. Вслѣдствіе этого оно подвергалось самымъ тщательнымъ и многочисленнымъ изслѣдованіямъ, но позднѣйшее и болѣе тщательное изслѣдованіе всего этого предмета, повидимому, приводитъ къ отождествленію его съ Васаномъ, къ востоку отъ Іордана, включая округъ Ватанею, Трахонитскую область, Авранъ и Итурею, исключая однако же Галаада. Въ этой области, по преданію, находилась «земля Іова», и народъ еще и теперь называетъ ее такъ, указывая и самое мѣстожительство патріарха въ плодороднѣйшей части Авранскихъ равнинъ. Тамъ доселѣ существуетъ хижина, извѣстная подъ названіемъ «Іовово мѣсто», и показываются источники, въ которыхъ, по свидѣтельству Корана, Іовъ омывался послѣ выздоровленія. Уже въ IV вѣкѣ по Р. Хр. Евсевій Кесарійскій считалъ эту страну родиной патріарха, и Златоустъ свидѣтельствуетъ о томъ, что народъ стекался туда со всѣхъ частей свѣта съ цѣлью

повидѣть груды пепла, на которыхъ сидѣлъ Іовъ, и облобызать землю, ставшую священною вслѣдствіе воспоминаній о немъ. Такому предположенію не противорѣчитъ и то обстоятельство, что мѣстожительство Іова иногда относится, повидимому, къ Аравіи, такъ какъ это послѣднее названіе прилагалось одинаково и къ Аврану, причемъ его южный городъ Восора относился къ Аравіи даже І. Флавіемъ, который считаетъ самый Авранъ страною Уца, признававшагося основателемъ Дамаска и Трахониты.

Хулъ былъ, повидимому, родоначальникомъ племени, поселившагося вокругъ озера Меромскаго, еще и доселѣ извѣстнаго подъ названіемъ Эл-Хуле. Это отчасти болотистая мѣстность, покрытая густыми камышами, и впослѣдствіи была любимымъ мѣстомъ охоты Ирода Великаго, который охотился здѣсь за дикими кабанами и другими большими животными. Но область эта поднимается къ западу болѣе чѣмъ на 1000 футовъ и еще выше по направленію къ востоку, хотя весь округъ не болѣе 8—9 верстъ шириною и около 30 отъ сѣвера къ югу.

Съ именемъ Гевера, третьяго сына Арамова, связывается названіе области Итуреи, лежащей между Уцомъ или Авраномъ на востокѣ и Хуломъ на западѣ. Этотъ быть можетъ тотъ округъ, изъ котораго, какъ царства Гесурскаго, Давидъ взялъ себѣ жену Мааху, мать Авессалома. Машъ, называемый въ переводѣ LXX Месехомъ вѣроятно населилъ окрестности горы Масія, въ сѣверной Месопотаміи, къ югу отъ Арменіи; но еще съ большею вѣроятностью слѣды этого племени можно находить неподалеко отъ Эл-Хуле въ мѣстности, извѣстной подъ названіемъ Маисъ-эл-Джебель [1]).

Послѣ изложенныхъ данныхъ, списокъ именъ дѣлается болѣе родословнымъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, и въ немъ перечисляются потомки Арфаксада, въ которыхъ мы узнаемъ уже извѣстныя историческія имена. У Арфаксада, по переводу LXX, первымъ сыномъ былъ Каинанъ, а по еврейскому тексту Сала. Но библейско-историческое значеніе связывается собственно не съ этими именами, а съ первымъ сыномъ Салы, Евером, самое имя котораго означаетъ „переселенецъ“. Имя это, однако же, прилагалось и къ самой странѣ, подъ которой несомнѣнно разумѣлась часть Месопотаміи (Числ. XXIV, 24). Съ исторіей Евера связывается воспоминаніе о перво-

[1]) Thomson, Land and Book, стр. 25.

начальномъ переселеніи предковъ евреевъ изъ ихъ гористой родины на далекомъ сѣверо-востокѣ въ плодородныя равнины Месопотаміи на юго-западѣ, каковое переселеніе быть можетъ вызвано было давленіемъ средне-азіатскихъ племенъ, которыя съ незапамятныхъ временъ постоянно подвигались по направленію къ юго-западу. Послѣ Евера, меньшая часть халдейской семитической расы, главою которой онъ былъ, раздѣлились и, подъ главенствомъ двухъ его сыновей: Фалека и Іоктана, стала жить отдѣльно въ качествѣ независимыхъ народовъ. Племя Іоктана двинулось къ югу, по направленію въ Аравію, гдѣ оно, повидимому, соединилось съ различными кушитскими племенами, образовавъ такимъ-образомъ смѣшанный народъ, гордившійся своими связями съ Кушемъ, что ближе связывало ихъ съ великимъ патріархомъ Ноемъ, чѣмъ еслибы они находились подъ главенствомъ Евера и своего ближайшаго предка. То же самое повторилось и въ позднѣйшія времена, при подобномъ же смѣшеніи племенъ, происшедшихъ отъ Авраама, съ такимъ же кушитскимъ племенемъ; и такимъ образомъ отсюда легко объясняется упоминаніе однихъ и тѣхъ же именъ среди потомковъ Куша и Авраама. Мѣстомъ поселенія племени Фалека на время, повидимому, была область, гдѣ рѣка Хаваръ впадаетъ въ Евфратъ съ востока, на половинѣ пути своего теченія. Названія существовавшаго здѣсь раньше города—Фалига, повидимому, указываетъ на древнее мѣстожительство племени фалековъ. Тринадцать племенъ, происшедшихъ отъ Іоктана, вообще жили въ Аравіи, хотя опредѣленнаго ничего нельзя сказать въ этомъ отношеніи, такъ какъ внутренность этой страны доселѣ почти еще совсѣмъ не извѣстна изслѣдователямъ.

Такъ заканчивается эта знаменитая родословная, которую Ролинсонъ справедливо называетъ «наиболѣе авторитетною лѣтописью, какую только мы имѣемъ касательно родословія народовъ». Ея историческая точность находитъ изумительное подтвержденіе въ новѣйшихъ филологическихъ и этнографическихъ изслѣдованіяхъ, и этого одного обстоятельства достаточно для того, чтобы видѣть въ ней документъ, не только вполнѣ историческій, но и носящій несомнѣнные признаки высшаго происхожденія [1]).

---

[1]) См. Geikie, Hours, vol. I, ch. XV и XVII.

ГЛАВА IX.

Столпотвореніе Вавилонское и разсѣяніе народовъ.

Потомство Хамово поселилось почти исключительно въ Африкѣ, кромѣ Ханаана, который занялъ Палестину и впослѣдствіи былъ отчасти изгнанъ изъ нея израильтянами. Но былъ еще одинъ потомокъ Хамовъ, который также поселился въ Азіи. Это именно Нимродъ, сынъ Куша, основатель Вавилонскаго царства и покоритель Ассиріи. Это былъ «сильный звѣроловъ», но по своему характеру онъ напоминаетъ перваго строителя городовъ—Каина съ его ближайшимъ потомствомъ. Найдя въ Месопотаміи народъ туранскаго племени, такъ называемыхъ аккадійцевъ, онъ покорилъ ихъ и основалъ собственное царство, во главѣ котораго сталъ городъ Вавилонъ, который быстро разросся въ большую, гордую столицу, ставшую во главѣ многочисленнаго населенія съ цѣлымъ рядомъ другихъ сосѣднихъ городовъ. Это первый извѣстный намъ изъ исторіи примѣръ завоевательной дѣятельности, и она находитъ подтвержденіе въ древнѣйшихъ памятникахъ, сохранившихся до нашего времени. На этихъ памятникахъ двѣ составныя части населенія Халдеи и Вавилона, соединенныя этимъ завоеваніемъ, ясно выступаютъ подъ названіемъ с у м и р о в ъ или «жителей на рѣкѣ», и а к к а д о в ъ или «горцевъ», причемъ первое названіе особенно прилагалось къ жителямъ земли Сумира или Сеннаара, а послѣднее—къ жителямъ земли аккадійцевъ. Слияніе этихъ двухъ племенъ, покореннаго съ покорителемъ, и послужило къ происхожденію вослѣдствіи времени халдейскаго народа, извѣстнаго подъ этимъ названіемъ въ исторіи. Этотъ смѣшанный народъ не нашелъ здѣсь никакихъ болѣе или менѣе прочныхъ строительныхъ матеріаловъ и сначала жилъ, вѣроятно, въ жалкихъ хижинахъ, кое-какъ слѣпленныхъ изъ глины и покрытыхъ рогожами. Но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ матеріальнаго преуспѣянія, они стали употреблять для строительства болѣе прочные матеріалы изъ пальмы и обожженыхъ или высушенныхъ на солнцѣ кирпичей, какъ это можно видѣть по остаткамъ древнѣйшихъ зданій, построенныхъ тамъ именно изъ подобныхъ матеріаловъ. Такъ, на мѣстѣ древняго Вавилона, среди различныхъ храмовъ, найдена одна развалина въ 100 футовъ вышиною и почти въ 600 длиною, оказывающаяся остатками древняго храма

богу Мародаху. Это обширное зданіе, повидимому, представляло собою квадратную пирамиду болѣе чѣмъ въ 600 футовъ вышины и постольку же съ каждой стороны при своемъ основаніи. Чрезвычайная древность этого величественнаго зданія доказывается его таинственнымъ названіемъ Сиггату—«высокій храмъ» на древне-аккадійскомъ языкѣ. Надпись, сдѣланная на ней Навуходоносоромъ, однимъ изъ величайшихъ строителей среди вавилонскихъ царей, показываетъ, что онъ возстановилъ ее за 600 лѣтъ до Р. Хр.; но она возстановлялась уже какъ почтенный остатокъ древности, еще Тиглатъ-Пилассаромъ на столѣтіе раньше.

Но наиболѣе интересный остатокъ отъ древнѣйшихъ вѣковъ Вавилона находится въ Борзиппѣ, верстъ на 18 отъ развалинъ Вавилона, въ той огромной развалинѣ, которая съ незапамятныхъ временъ носитъ названіе Бирс-Нимруда, т.-е. «башни Нимрода». Эта огромная развалина, представляющая собою обнаженный холмъ изъ желтаго песку и кирпичей, близъ лѣваго берега Евфрата, достигаетъ 198 футовъ вышины, а отъ самой основы—235 футовъ. Входить на нее можно съ юго-восточной стороны, и на первый взглядъ она представляетъ собою простой земляной холмъ, между тѣмъ какъ достаточно копнуть его, чтобы видѣть, что это остатокъ построеннаго изъ кирпича зданія. Съ вершины холма предъ взорами открывается обширный ландшафтъ; но огромный остовъ башни Навуходоносоровой, построенной изъ блѣдно-краснаго кирпича, массивно поднимается почти на 40 футовъ выше холма. Почти вся ея поверхность покрыта слоемъ мха, что само по себѣ служитъ достаточнымъ доказательствомъ чрезвычайной древности этой развалины. Многочисленныя птицы находятъ себѣ кровъ въ ея щеляхъ и выступахъ, и вся мѣстность кругомъ покрыта обломками кирпичей, отвалившихся отъ зданія. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ желтый цвѣтъ, другіе—синій или темно-зеленый; многія изъ болѣе крупныхъ плитъ носятъ на себѣ явные признаки того, что онѣ подвергались дѣйствію сильнаго жара [1]). И дѣйствительно, огонь для обжиганія этихъ кирпичей употреблялся столь сильный, что кладчики кирпичей, которые еще и теперь видны на изображеніяхъ, должны были невольно уклоняться отъ своего прямаго положенія. И вообще Бирс-Нимрудъ представляетъ собою

---

[1]) Замѣчательно, что при этой постройкѣ употреблялась вмѣсто извести земляная смола, какъ говорится въ Быт. xi, 3.

такой великій остатокъ древности, съ которымъ едва ли могутъ идти въ сравненіе другія развалины древняго міра.

Что касается первоначальной формы этого огромнаго зданія, извѣстнаго грекамъ подъ названіемъ храма Бела, то она представляла собою семь квадратныхъ башенъ, поднимавшихся одна надъ другою, подобно исполинскимъ ступенямъ. Каждая изъ нихъ была меньше предшествующей, и всѣ онѣ были посвящены семи планетнымъ богамъ, для которыхъ онѣ служили отдѣльными храмами. Въ самомъ низу былъ храмъ Нина, за которымъ слѣдовалъ храмъ Астарты, и затѣмъ одинъ за другимъ слѣдовали храмы Меродаха, Небо, Нергала, Луны и Солнца. Храмъ каждаго бога отличался особымъ цвѣтомъ, такъ что величественная башня представляла собою рядъ цвѣтовъ: черный, бѣлый, фіолетовый, голубой, красный, серебряный и золотой. Подобный планъ постройки не былъ неизвѣстенъ въ древности, и въ Хорсабадѣ, напр., есть подобная же башня, отъ которой остаются слѣды четырехъ уступовъ. По описанію Геродота, башня Бирс-Нимрудъ стояла въ оградѣ въ 1200 квадр. футовъ и сама по себѣ имѣла въ основѣ 606 кв. футовъ, а по свидѣтельству Страбона,—вышиною она была въ одну стадію. Для подъема на вершину башни сдѣлана была витая дорога кругомъ ея сторонъ, съ мѣстами для отдыха по срединѣ пути, причемъ въ самой верхней башнѣ находился просторный храмъ съ великолѣпно-меблированнымъ помѣщеніемъ, въ которомъ стояла кровать и рядомъ съ ней золотой столъ, приготовленный для Небо—того бога, которому посвящено было все зданіе. На кровати въ этой комнатѣ по ночамъ всегда спала жрица. Въ храмѣ, на самомъ нижнемъ уступѣ, было золотое изображеніе Бела на золотомъ тронѣ предъ золотымъ столомъ, стоявшимъ на золотомъ полу; и другая золотая статуя бога въ 24 фута вышиною стояла въ храмовой оградѣ, пока обѣ онѣ не увезены были Ксерксомъ.

Если вѣрны тѣ измѣренія, которыя даютъ намъ древніе писатели, то зданіе это дѣйствительно было огромнымъ, такъ какъ величайшая изъ пирамидъ имѣетъ только 750 кв. футовъ въ своей основѣ и поднимается вверхъ только на 480 футовъ, между тѣмъ какъ эта башня, въ своей основѣ имѣющая болѣе 600 футовъ, вздымалась на 120 футовъ выше ея. Объ огромности ея можно судить, напр., изъ того обстоятельства, что Александръ Великій въ теченіе двухъ мѣсяцевъ употреблялъ 10,000 человѣкъ для удаленія мусора, который нападалъ съ нея въ его время. Нѣкоторые изслѣдователи заподозриваютъ

вѣрность свидѣтельства Геродота, такъ какъ, будто бы, въ его время храмъ этотъ уже находился въ полномъ разрушеніи, произведенномъ Ксерксомъ; но нужно не упускать изъ вида, что Ксерксъ едва ли подвергъ эту башню разрушенію въ собственномъ смыслѣ этого слова, а можно думать, что онъ ограничился только захватомъ ея сокровищъ. Сомнѣнія главнымъ образомъ возбуждаются тѣмъ обстоятельствомъ, что подобное описаніе находится въ видимомъ противорѣчіи съ болѣе скромными размѣрами той великой башни, возобновленной Навуходоносоромъ, которая, повидимому, была тѣмъ же самымъ храмомъ Бела. Въ двухъ надписяхъ разсказывается о томъ, что этотъ царь исправилъ и закончилъ «храмъ семи свѣтилъ или планетъ земли», названіе, которое какъ разъ соотвѣтствуетъ описанію башни Борзиппа, какъ она дѣйствительно и называется. Дотолѣ она оставалась неоконченною съ незапамятной древности,—каковое обстоятельство служитъ поразительнымъ подтвержденіемъ извѣстнаго библейскаго повѣствованія о недоконченной постройкѣ вавилонской башни. Навуходоносоръ однако же говоритъ слѣдующее въ сдѣланной имъ надписи на башнѣ: «одинъ древній царь построилъ храмъ семи свѣтилъ земли, башню Борзиппу вышиною въ 84 фута,—но онъ не окончилъ ея, и много дней прошло съ того времени. Въ то время не было надлежащаго наблюденія за отводными каналами при разливѣ водъ. Дождь и буря размывали обожженные кирпичи, и высушенные на солнцѣ кирпичи на ея крышѣ полопались. Жженные кирпичи самого храма также размыты были въ груды развалинъ. Великій богъ Мародахъ внушилъ мнѣ исправить ее; но я не коснулся мѣстоположенія и оставилъ основныя стѣны нетронутыми. Въ счастливый мѣсяцъ и въ счастливый день я исправилъ жженые кирпичи остова зданія и высушилъ на солнцѣ кирпичи крыши, связавъ ихъ крѣпко каменной работой. Возобновилъ я также и всѣ деревянныя работы и поставилъ мое имя на вершинѣ ея возобновленныхъ стѣнъ. Я поднялъ руку, чтобы окончить ее и возвести ея вершину. Я возстановилъ ее, какъ она была въ древности, и возвелъ ея вершину, какъ она была въ тѣ дни»[1]). По мнѣнія Шрадера, которому принадлежитъ этотъ переводъ надписи, Навуходоносоръ прибавилъ 84 фута къ уже существовавшей башнѣ, дѣлая ее такимъ образомъ въ 168-футовъ вышиною; но это едва ли находитъ подтвержденіе въ самой надписи. Эберсъ съ другой

[1]) Schrader, Keilinschriften, стр. 38.

стороны думаетъ, что теперешній Бирс-Нимрудъ, если только вообще можно считать его за башню вавилонскую, представляетъ собою лишь развалины перваго этажа. Множество подобныхъ строеній въ Вавилонѣ и отдѣльность этой именно башни отъ самаго Вавилона заставляютъ этого ученаго изслѣдователя считать отождествленіе ихъ сомнительнымъ[1]).

Неудивительно, что это исполинское построеніе издавна отождествлялось съ тою знаменитою Вавилонскою башней, которую безумные строители хотѣли возвести высотою до небесъ. Вавилонская башня обязана была своимъ происхожденіемъ Нимроду. Именно, когда онъ покорилъ туземцевъ Месопотаміи и основалъ великую монархію, то такой успѣхъ наполнилъ его необычайной гордостью. Онъ началъ мечтать объ основаніи всемірной монархіи, чтобы объединить подъ своею властью всѣ народы земли и господствовать надъ ними вопреки волѣ Божіей, опредѣлившей потомкамъ Хама быть рабами. И вотъ, съ этою цѣлью основавъ могущественный городъ въ землѣ Сеннааръ, какъ въ древности называлась Месопотамія, потомки Хама составили совѣтъ, на которомъ гордо порѣшили—въ знакъ своего политическаго могущества построить «башню, вышиною до небесъ». Предпріятіе, очевидно, было безумное и неисполнимое, но оно въ то же время было преступное и опасное: преступное потому, что вытекало изъ гордости, граничившей съ самонадѣянностью и отверженіемъ Бога, и опасное потому, что выходило изъ среды проклятаго и неблагословеннаго потомства Хамова. Успѣхъ его въ этомъ дѣлѣ могъ пагубно повліять на остальные народы и такимъ образомъ заразить и ихъ преступною самонадѣянностью и нечестіемъ. И вотъ, когда закипѣла работа, обжигались кирпичи и приготовлялась земляная смола, Господь порѣшилъ наказать ихъ за безумное предпріятіе. «И сказалъ Господь: вотъ одинъ народъ, и одинъ у всѣхъ языкъ, и не отстанутъ они отъ того, что задумали дѣлать. Сойдемъ же и смѣшаемъ тамъ языкъ ихъ, такъ чтобы одинъ не понималъ рѣчи другаго. И разсѣялъ ихъ Господь

---

[1]) Не безъинтересно видѣть, какъ различные ученые различно опредѣляютъ ея высоту. Такъ, Лейярдъ даетъ ей 198 футовъ съ прибавленіемъ 38 для вершины. По мнѣнію Ролинсона, она была всего въ 153½ фута высоты и т. п. Отсюда видно, какъ всѣ измѣренія Лейярда сильно расходятся съ показаніями Геродота и Страбона, и само собою видно, что они находятся въ явномъ противорѣчіи съ свидѣтельствомъ о работахъ Александра Великаго, или съ заявленіемъ Эберса, что въ этихъ развалинахъ мы имѣемъ только развалины перваго этажа.

оттуда по всей землѣ; и они перестали строить городъ и башню. Посему дано ему имя: Вавилонъ; ибо тамъ смѣшалъ Господь языкъ всей земли, и оттуда разсѣялъ ихъ Господь по всей землѣ» (Быт. XI, 6—9).

Столь поразительное событіе не могло не увѣковѣчиться въ памяти народовъ, и мы дѣйствительно встрѣчаемъ его въ преданіяхъ различныхъ народовъ. Наиболѣе ясныя преданія, какъ и естественно, находятся въ халдейскихъ легендахъ и читаются на плиткахъ, найденныхъ въ развалинахъ Ниневіи и прочитанныхъ ассиріологомъ Джоржемъ Смитомъ. Къ сожалѣнію, плиты эти найдены въ весьма разрушенномъ состояніи, но, насколько можно читать ихъ, онѣ, повидимому, разсказываютъ объ этомъ событіи слѣдующимъ образомъ:

«Помышленія человѣческихъ сердецъ были зло,
Такъ что отецъ боговъ отвратился отъ нихъ.
Вавилонъ преступно обратился ко злу
И началъ строить великую башню.
Малые и великіе принялись за работу,
Укладывая фундаментъ.
Они работали ежедневно,
Воздвигая свою твердыню;
Но ночью богъ Ану совершенно прекратилъ ихъ трудъ.
Во гнѣвѣ своемъ онъ излилъ также предъ богами
Свой тайный совѣтъ разсѣять ихъ повсюду
И обратить свое лицо противъ нихъ;
Далъ повелѣніе сдѣлать чуждымъ языкъ ихъ
И воспрепятствовать работѣ ихъ.
Нумантиръ (богъ смѣшенія) сошелъ внизъ;
Они силой противодѣйствовали ему,
Но онъ ниспровергъ ихъ на землю,
Когда они не хотѣли остановить своей работы.
Они возмутились противъ боговъ,
Горько оплакивали Вавилонъ
И скорбѣли весьма много,
Когда ихъ трудъ былъ остановленъ
И они были разсѣяны повсюду» [1]).

Отголоски того же самаго преданія встрѣчаются и у другихъ народовъ. Такъ, Евсевій приводитъ изъ Авидена, греческаго историка, жившаго около II столѣтія до Р. Хр., слѣдующее сказаніе: «Ассиріяне разсказываютъ, что первые люди, произшедшіе изъ земли,

[1]) Smith, Chaldean Genesis, стр. 160—162.

гордые своею силою и исполинскимъ ростомъ, считали себя выше боговъ и, презирая ихъ, задумали построить высокую башню на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Вавилонъ. Она уже почти достигла неба, какъ вѣтры, помогая богамъ, ниспровергли это огромное строеніе на головы строителей; и изъ этихъ развалинъ построенъ былъ Вавилонъ. И хотя люди до этого времени всѣ говорили однимъ и тѣмъ же языкомъ, отселѣ, по устроенію боговъ, они начали говорить различными языками» [1]).

У западныхъ народовъ также сохранились слѣды этого преданія. Отголосокъ его можно видѣть даже въ Одиссеѣ Гомера, гдѣ разсказывается, какъ два великана —

Дерзкіе стали безсмертнымъ богамъ угрожать, что Олимпъ ихъ
Шумной войной потрясутъ и губительнымъ боемъ взволнуютъ;
Оссу на древній Олимпъ взгромоздить, Пеліонъ многолѣсный
Взбросить на Оссу они покушались, чтобъ дерзко добраться до неба;
И угрозу бъ они совершили, когда бы достигли
Мужеской силы; но сынъ громовержца, Латоной рожденный,
Прежде чѣмъ младости пухъ отѣнилъ ихъ ланиты и первый
Волосъ пробился на ихъ подбородкѣ, сразилъ ихъ обоихъ [2]).

Объ этихъ же исполинахъ (алоадахъ, сыновьяхъ Алоэя и Ифимедеи) еще разсказывается, что они, забывшись въ своей гордости, начали строить великую башню, вершина которой, по ихъ предположенію, должна бы достигнуть неба. Но по срединѣ этого безумнаго предпріятія они были поражены богами и низвергнуты въ тартаръ. Даже въ Новомъ Свѣтѣ среди древнихъ индѣйскихъ племенъ было живо воспоминаніе объ этомъ великомъ событіи. Въ Мексиканскомъ манускриптѣ (въ Ватиканской библіотекѣ) разсказывается: «до великаго потопа, совершившагося черезъ 4800 лѣтъ послѣ сотворенія міра, страна Анагуакъ была обитаема исполинами. Всѣ, кто не погибли въ потопѣ, были обращены въ рыбъ, исключая семи, которые бѣжали въ пещеры. Когда воды сбыли, одинъ изъ исполиновъ, прозывавшійся строителемъ, пошелъ въ Халулу, гдѣ, въ память горѣ Илалое, служившей убѣжищемъ ему и его шести братьямъ, онъ воздвигъ искусственный холмъ въ видѣ пирамиды. Онъ приказалъ дѣлать кирпичи у подошвы холмовъ и поставилъ рядъ людей, которые переда-

---

[1]) Euseb., Praeparatio Evangelica, ix, c. 14.
[2]) Одиссея, xi. 313—320.

вали ихъ изъ рукъ въ руки. Но боги съ гнѣвомъ посмотрѣли на это построеніе, вершина котораго должна была достигнуть облаковъ, и, разгнѣванные такимъ предпріятіемъ, они метнули огнемъ на эту пирамиду. Множество строителей погибло, работа была прервана и построенная часть зданія была посвящена богу воздуха». Развалины этой пирамиды во времена испанскаго завоеванія еще извѣстны были подъ названіемъ «горы изъ нежженнаго кирпича».

У самихъ евреевъ сохранилось множество чрезвычайно любопытныхъ сказаній о башнѣ Вавилонской, и нѣкоторыя изъ нихъ заслуживаютъ того, чтобы быть приведенными здѣсь. «Послѣ потопа», разсказывали раввины, «люди боялись другого подобного же посѣщенія и, оставивъ Палестину, ту прекрасную страну, гдѣ жилъ и приносилъ жертву Богу Ной, поселились всѣ вмѣстѣ въ другомъ мѣстѣ, именно на равнинахъ Сеннаара. Но тамъ они уже болѣе не подчинялись кроткому главенству благочестиваго Сима, сына Ноева, но, отвергнувъ царство Божіе, стали оказывать почтеніе Нимроду, сыну Хуша, сына Хамова. Но Нимродъ былъ человѣкъ сильный крѣпостью и могуществомъ. Рожденный уже въ старости своего отца, онъ былъ чрезвычайно имъ любимъ и получилъ отъ него въ даръ одежду, которую Богъ впервые одѣлъ Адама, когда онъ изгнанъ былъ изъ рая. Эта одежда перешла отъ Адама къ Еноху, а отъ него къ Маѳусалу и къ Ною, который взялъ ее съ собою въ ковчегъ. Тамъ она была украдена Хамомъ и тайно передана имъ своему сыну Хушу. Нимродъ, когда одѣлся въ эту одежду, былъ непреодолимъ и непобѣдимъ. Птицы и звѣри лѣсные падали передъ нимъ, и онъ легко покорялъ всѣхъ враговъ своихъ. Такъ онъ сдѣлался царемъ Вавилона и все болѣе расширялъ свое владычество, такъ что своею хитростью заставилъ людей признавать себя господиномъ всей земли и убѣдилъ ихъ уже не взирать болѣе на Бога, но всецѣло полагаться на свою собственную силу. Отсюда то и произошло изреченіе, что съ начала міра не было никого, подобнаго Нимроду, страшнаго и могущественнаго въ разрушеніи и грѣшнаго передъ лицемъ Божіимъ. Чѣмъ долѣе Нимродъ сидѣлъ на своемъ престолѣ, тѣмъ высокомѣрнѣе становился онъ. Онъ хотѣлъ убить младенца Авраама, въ которомъ видѣлъ опаснаго себѣ соперника, и, не зная, какъ узнать его избилъ 70,000 дѣтей, въ надеждѣ, что среди нихъ погибнетъ и опасный для него ребенокъ. Онъ былъ полонъ предчувствій, что его монархія падетъ и что возстанетъ человѣкъ, который возстановитъ царство Того, Кому только и

принадлежитъ вся слава и все величіе земли. Чтобы воспрепятствовать этому и всецѣло отвратить людей отъ Бога, Нимродъ собралъ весь свой народъ и сказалъ имъ: «построимъ великій городъ и укрѣпимся въ немъ, такъ чтобы намъ не разсѣяться по всей землѣ и не погибнуть въ потопѣ, какъ это случилось съ нашими предками». Въ это время уже распространилась молва, что Богъ хотѣлъ разсѣять людей, чтобы лучше покорить ихъ своей власти. «Воздвигнемъ посреди города башню, столь высокую, чтобы никакой потопъ не могъ подняться выше ея, и столь крѣпкую, чтобы никакой пожаръ, еслибы онъ случился, не могъ разрушить ея. Но мало этого: построимъ ее до небесъ и укрѣпимъ ее на нихъ со всѣхъ ея четырехъ сторонъ, такъ чтобы она была устойчива и чтобы воды небесныя не могли падать на насъ. Воздвигнемъ поэтому вершину ея до неба, прорубимъ небо топорами, чтобы воды небесныя вытекли и никогда опять не подвергали насъ опасности, и такимъ образомъ мы отмстимъ за погубленіе нашихъ предковъ. Такъ мы одолѣемъ Правителя небесъ, сила Котораго заключается только въ этихъ водахъ; затѣмъ мы поразимъ Его стрѣлами и копьями и воздвигнемъ идола на вершинѣ башни съ мечемъ въ рукѣ, чтобы онъ сражался съ небеснымъ Царемъ за насъ. Тогда мы пріобрѣтемъ себѣ великое имя и будемъ управлять всѣмъ міромъ». Хотя не всѣ были настолько безумны, чтобы мечтать о покореніи неба и изгнаніи Бога съ Его престола, однако же они согласились съ желаніемъ Нимрода. Многіе видѣли въ этой башнѣ дѣйствительно оплотъ противъ разсѣянія человѣческаго рода и погубленія его потопомъ. Другіе думали, что этотъ планъ будетъ содѣйствовать идолопоклонству, къ которому они были склонны. Поэтому 600,000 человѣкъ и среди нихъ 1,000 князей взялись за построеніе башни и воздвигли ее настолько, что вершина возвышалась на сто верстъ. Когда камней не достало, они стали обжигать кирпичи и носить ихъ наверхъ; чтобы облегчить работу, они устроили ступени на восточной сторонѣ башни, для восхожденія на вершину, и на западной — для схожденія. Но высота и ширина башни были такъ велики, что когда у строителей не доставало чего-нибудь, то требовался цѣлый годъ для того, чтобы они могли достать нужный матеріалъ. Если какой-нибудь рабочій падалъ съ вершины, то на это никто не обращалъ вниманія; но если отваливался кирпичъ или падалъ, то это вызывало громкіе крики и вопли. Стрѣлы, которыми они стрѣляли въ небо, возвращались назадъ, покрытыя кровью, и они, въ своемъ безуміи,

кричали: «вотъ, мы убили все что есть на небѣ». Аврааму было уже 48 лѣтъ, когда онъ увидѣлъ эту башню, нечестіе и безуміе какового дѣла онъ сразу же почувствовалъ столь глубоко, что, подойдя къ ней, онъ умолялъ строителей оставить свое предпріятіе. Но они смѣялись надъ нимъ и относились къ нему съ такимъ же презрѣніемъ, какъ къ какому-нибудь камню на землѣ. Тогда онъ возвысилъ свой голосъ и воззвалъ къ Богу: «Господи! смѣшай и раздѣли ихъ языки, потому что я вижу только насиліе и ненависть въ этомъ городѣ». И Господь призвалъ семьдесятъ ангеловъ, находящихся вокругъ Его престола и повелѣлъ имъ смѣшать языкъ строителей, такъ чтобы они не понимали другъ друга. Вслѣдствіе этого они должны были оставить строительство и раздѣлились на семьдесятъ народовъ, говорящихъ столькими же различными языками. Верхняя часть башни была разрушена огнемъ, а нижняя часть ниспровергнута землетрясеніемъ, и осталась только средняя».

Наконецъ, отголосокъ преданія объ этомъ библейскомъ событіи встрѣчается даже въ египетскихъ іероглифахъ. «Египетскія преданія», говоритъ извѣстный египтологъ Шаба, «представляютъ замѣчательное сходство съ повѣствованіемъ книги Бытія. Они приписываютъ разсѣяніе народовъ возмущенію нечестивыхъ. Въ надписяхъ храма Эдфу, изданныхъ Навилемъ, мы читаемъ, что доброе начало, подъ солнечной формой Гармахиса, восторжествовало надъ своими противниками въ странѣ къ югу отъ нома (округа) Аполлинополитскаго. Изъ тѣхъ, кто избѣгли избіенія, нѣкоторые переселились къ югу и сдѣлались кушитами, другіе—къ сѣверу и сдѣлались аму, третьи переселились къ западу и сдѣлались народомъ тамагу и четвертые къ востоку и сдѣлались племенемъ шасу. Въ этомъ исчисленіи кушиты включаютъ въ себя и негровъ. Тамагу представляли собою бѣлую расу сѣверной Африки, острововъ Средиземнаго моря и Европы. Среди аму подразумѣваются всѣ великіе народы средней и восточной Азіи — Палестины, Сиріи, Малой Азіи, Халдеи и Аравіи, включая бедуиновъ пустынь и «горъ Азіи». Таково было египетское дѣленіе человѣческаго рода. Можно при этомъ замѣтить, что красная, желтая, черная и бѣлая расы всѣ болѣе или менѣе находились подъ управленіемъ и покровительствомъ боговъ Египта. Египтяне считали всѣхъ иностранцевъ вѣтвями того великаго корня, главнымъ отросткомъ котораго они были сами. Они думали, кромѣ того, что когда человѣческій родъ разсѣялся, они уже знали искусство обработки металловъ и искус-

ство письма, могли воздвигать большія строенія и имѣли уже общественное и религіозное устройство“ [1])

Сколько воздвигнуто было этажей въ вавилонской башнѣ, когда построеніе ея вдругъ остановлено было божественнымъ гнѣвомъ, въ книгѣ Бытія не говорится, но, повидимому, она не была достроена до тѣхъ семи этажей, до которыхъ впослѣдствіи возвелъ ее Навуходоносоръ. Семь было священное число какъ у вавилонянъ, такъ и у евреевъ, и можно быть увѣреннымъ, что въ началѣ было намѣреніе воздвигнуть ее именно въ семь этажей, такъ какъ иначе едва ли бы считалось необходимымъ при возобновленіи довести ее до этой именно высоты. По сравненію съ формою другихъ башенъ, развалины которыхъ еще существуютъ, мы можемъ составить нѣкоторое представленіе о томъ состояніи, въ которомъ осталась она, когда прервана была работа. Въ великомъ башнеобразномъ храмѣ Ура теперь имѣется только три этажа, и на барельефѣ въ Куюнджикѣ башня другого города изображена съ пятью этажами. Для другихъ башенъ, находившихся въ большихъ городахъ Вавилона и Ассиріи, башня Вавилонская, какъ наиболѣе древняя и знаменитая, вѣроятно, служила образцомъ, и можно съ увѣренностью заключать отсюда, что если бы она не осталась неоконченною, то священное число семь навѣрно было бы соблюдено и въ другихъ башняхъ. Замѣчательно, что древне-ассирійское названіе для этихъ башенъ Зиггуратъ или Зикуратъ созвучно съ евр. глаголомъ *закаръ*—«вспоминать», «держать въ умѣ», такъ что самая башня могла означать памятникъ, то, что должно было сохранить имя или память строителей. Если это предположеніе вѣрно, то оно находится въ поразительномъ согласіи съ свидѣтельствомъ книги Бытія, что строители предполагали этою башнею увѣковѣчить свое имя («и сдѣлаемъ себѣ имя», Быт. XI, 4).

Съ исторіей башни Вавилонской связывается обыкновенно вопросъ о прекращеніи единаго первобытнаго языка и о происхожденіи различныхъ языковъ. Ассиріологія, съ точки зрѣнія общей филологіи, не даетъ намъ никакого разъясненія по этому вопросу; но тѣмъ не менѣе новѣйшія ассиро-халдейскія открытія проливаютъ отчасти свѣтъ и на этотъ весьма трудный вопросъ науки. Разрѣшеніе вопроса о первоначальномъ единствѣ языка принадлежитъ собственно филологіи. Но она еще наука совершенно молодая, и, несмотря на чудесную

[1]) C h a b a s, Etudes sur l'antiquité historique, pp. 97—100.

быстроту ея развитія и неутомимую ревность ея ученыхъ тружениковъ, она все еще не въ состояніи разсѣять связывающіяся съ этимъ вопросомъ неясности и не можетъ провести одну непрерывную цѣпь развитія языковъ отъ первоначальнаго корня по всѣмъ его безконечнымъ развѣтвленіямъ, въ какихъ онъ является въ настоящее время.

Тѣмъ не менѣе ея усилія уже увѣнчались однимъ замѣчательнымъ результатомъ, который имѣетъ въ этомъ отношеніи большое значеніе: именно, она имѣетъ достаточно данныхъ для того, чтобы научнымъ образомъ установить *возможность* первоначальнаго единства языковъ и представить сильное основаніе въ пользу ихъ общаго происхожденія. Такъ, Максъ Мюллеръ, говоря объ изученіи филологіи, заключаетъ такими словами: «въ изумительной плодовитости первоначальнаго происхожденія звуковъ и въ инстинктивной родственности тѣхъ корней, которые впослѣдствіи явились у различныхъ племенъ, мы имѣемъ возможность найти наиболѣе полное объясненіе разнообразія языковъ, какъ происшедшихъ отъ одного и того же корня. Мы можемъ понять не только, какъ образовался языкъ, но также и то, какъ онъ, по необходимости, долженъ былъ раздѣлиться на множество нарѣчій, и мы приходимъ къ тому убѣжденію, что каково бы ни было разнообразіе въ существующихъ формахъ и корняхъ человѣческихъ языковъ, изъ этого разнообразія отнюдь нельзя выводить никакого аргумента противъ *возможности* общаго происхожденія этихъ языковъ. Наука о языкѣ приводитъ насъ къ той возвышенности, откуда мы можемъ созерцать даже зарю жизни человѣка на землѣ и гдѣ слова книги Бытія, столь хорошо знакомыя намъ съ дѣтства: «на всей землѣ былъ одинъ языкъ и одно нарѣчіе» (Быт. XI, 1) представляютъ намъ болѣе естественный, болѣе понятный и болѣе научный смыслъ, чѣмъ тотъ, котораго мы достигли бы безъ этого» [1]).

Сравнительная филологія съ своей стороны доказала родство, связывающее между собою различные языки индо-европейскаго и семитическаго семействъ, равно какъ и нѣкоторыя вѣтви туранскаго семейства, но она не имѣетъ возможности идти дальше. Какъ установить, что самыя эти различныя семейства имѣютъ одного и того же предка и суть различныя вѣтви, вышедшія изъ одного и того же ствола? Чтобы установить этотъ фактъ, нужно перестроить за-ново во всей цѣлости или мало-по-малу родословное дерево языковъ. Къ не-

---

[1]) Max Müller, La Science du langage, фр. перев., стр. 426.

счастью, у насъ нѣтъ необходимыхъ для этого данныхъ. Сколько древнихъ нарѣчій уже исчезло безвозвратно! Сколько племенъ и сколько народовъ прошло по земной поверхности, не оставивъ почти никакихъ слѣдовъ своего существованія! Членораздѣльные звуки, которыми они пользовались для сообщенія своихъ чувствъ и своихъ мыслей, не оставили позади себя никакого слѣда, какъ не оставляетъ послѣ себя слѣда корабль, плывущій по океану. Не будемъ однако же отчаяваться; быть можетъ когда-нибудь удастся возстановить удовлетворительнымъ образомъ разрушенія, произведенныя вѣками въ зданіи человѣческаго языка. Двуязычныя плитки, открытыя въ библіотекахъ Ассурбанипала, уже въ значительной степени восполнили одинъ изъ наиболѣе печальныхъ пробѣловъ. Онѣ представляютъ рядомъ съ ассирійскимъ языкомъ другой языкъ, о существованіи котораго еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ было совершенно неизвѣстно наукѣ, именно языкъ аккадійскій. Теперь еще ученые изслѣдователи не могутъ согласиться касательно имени того народа, который имъ говорилъ, и касательно того имени, которое онъ самъ давалъ себѣ: одни, какъ напр. англійскіе ассиріологи и Ленорманъ, которому онъ внушилъ столько прекрасныхъ трудовъ, называютъ его аккадійскимъ, а другіе, какъ, напр., Оппертъ и принявшій его мнѣніе Фридрихъ Деличъ, называютъ его сумирійскимъ. Но остается внѣ всякаго спора тотъ фактъ, что онъ принадлежитъ къ семейству туранскому, т.-е. къ тому семейству языковъ, которое до настоящаго времени не поддавалось никакимъ сближеніямъ, какія только дѣлались между нимъ и большимъ семействомъ индо-европейскимъ. Данныхъ для сравненія изъ древняго времени совершенно не было: священное нарѣчіе, которымъ говорили на берегахъ Евфрата, прежде чѣмъ овладѣли имъ семиты, къ счастью восполняетъ эту пустоту совершенно неожиданнымъ образомъ.

Оппертъ думаетъ, что языкъ сумировъ можетъ стать тою соединительною нитью, которая возобновитъ нити родства между этими двумя великими семействами и докажетъ ихъ общее происхожденіе. Онъ уже открылъ въ сумирійскомъ языкѣ нѣсколько корней, которые встрѣчаются въ санскритскомъ и сходство которыхъ не можетъ быть объяснено случайностью, какъ напр. bat, «умереть», по санскритски badh. Если этому ученому, при его обширныхъ филологическихъ познаніяхъ, удастся подробнѣе изложить и развить это положеніе, то это новѣйшее открытіе послужитъ новымъ

подтвержденіемъ со стороны халдейской древности въ пользу библейскаго повѣствованія.

Что касается соотношенія индо-европейскаго семейства съ семействомъ семитическимъ, то въ этомъ отношеніи филологія еще не дала ничего рѣшительнаго. Никто, конечно, не думаетъ теперь производить санскритскій отъ еврейскаго или еврейскій отъ санскритскаго. Единственный вопросъ, который можно ставить, заключается въ томъ, въ какую именно эпоху санскритскій и еврейскій языки не существовали еще отдѣльно, а составляли одинъ языкъ. Въ то время, какъ ученые, многіе изъ которыхъ пользуются извѣстностью въ наукѣ, отрицаютъ всякое сходство между этими двумя языками, а слѣдовательно и ихъ общее происхожденіе, другимъ удалось найти столько элементовъ, общихъ языкамъ арійскимъ и семитическимъ, что поистинѣ трудно приписать случаю эти многочисленныя совпаденія. Въ настоящее время очевидно, что отдѣленіе этихъ двухъ семействъ языковъ совершилось задолго до этой эпохи, когда они сдѣлались языками флексическими [1]). Слѣдовательно, нельзя искать ихъ соотношенія ни въ ихъ системахъ склоненій или спряженій, ни въ префиксахъ или суффиксахъ, которые послѣ періода агглютинаціи потеряли фонетическую цѣлостность и даже собственное значеніе; между еврейскимъ и санскритскимъ не существуетъ такого соотношенія, какое существуетъ, напр., между санскритскимъ и греческимъ, и если всѣ допускаютъ, что этотъ послѣдній происходитъ отъ санскритскаго (или вѣрнѣе отъ того же языка, какъ и санскритскій), въ періодѣ флексіи, то нельзя того же самаго сказать о еврейскомъ. Слѣдовательно мы приходимъ къ вопросу, были ли семитическій и арійскій языки тождественными въ теченіе періода агглютинаціи. По Максу Мюллеру отвѣтъ не можетъ подлежать сомнѣнію: отдѣленіе двухъ языковъ должно было предшествовать вторичному періоду языка; потому что не только слова,

---

1) Филологія различаетъ три періода въ развитіи каждаго языка: 1) моносиллабическій, когда языкъ состоитъ изъ односложныхъ звуковъ или словъ; 2) агглютинативный, когда изъ отдѣльныхъ звуковъ механически составляются сложныя слова и понятія, и 3) флексическій, когда языкъ получаетъ гибкость чрезъ употребленіе грамматическихъ флексій. Каждый языкъ проходитъ эти ступени развитія, и изъ существующихъ языковъ можно указать примѣры языковъ, находящихся въ томъ или другомъ періодѣ своего развитія (китайскій—моносиллабическій, тюркофинскіе—агглютинативные, европейскіе—флексическіе).

теперь безъ значенія и преобразованныя въ образовательные слоги словъ производныхъ, отличаются въ этихъ двухъ семействахъ языковъ; но что особенно замѣчательно, самый способъ, которымъ эти слоги соединяются съ корнями, также совершенно иной. Въ арійскихъ языкахъ слоги для образованія производныхъ ставятся на концѣ словъ; въ языкахъ семитическихъ они ставятся то въ началѣ, то въ концѣ. Остается, слѣдовательно, искать тождества языковъ семитическихъ и арійскихъ въ первичной эпохѣ развитія языка, именно, въ моносиллабической. Но тогда мы встрѣчаемъ другое затрудненіе: всѣ арійскіе корни моносиллабическіе, а въ настоящемъ состояніи семитическихъ языковъ всѣ корни этихъ послѣднихъ трехбуквенны. Отсюда нужно допустить, что тождество этихъ двухъ языковъ предшествовало эпохѣ, въ которой семитическіе языки усвоили трехбуквенные корни. Относя къ столь отдаленной эпохѣ тождество семитическихъ и арійскихъ языковъ, мы должны отказаться отъ всякой надежды найти много доказательствъ этого первоначальнаго единства. Что осталось въ нашихъ флексическихъ языкахъ отъ того, что составляло ихъ въ эпоху чистаго моносиллабизма? Въ каждомъ изъ арійскихъ языковъ насчитываются десятки тысячъ словъ, но въ дѣйствительности все богатство нашихъ словарей основывается на небольшомъ количествѣ корней. Послѣдніе не превышаютъ 500, и это ограниченное количество корней можетъ быть низведено еще къ меньшему числу. Предполагая также 500 корней въ языкахъ семитическихъ настоящаго времени, какого результата можно ожидать отъ сравненія еврейскаго языка съ санскритскимъ? Оно, очевидно, можетъ дать лишь небольшое число совпаденій, которыя во всякомъ случаѣ не могутъ восходить до 500. Множество общихъ корней въ арійскихъ и семитическихъ языкахъ должно было погибнуть и забыться со временемъ; а другіе корни могли образоваться со времени раздѣленія ихъ на группы. Замѣтимъ при этомъ, что значеніе корневыхъ словъ всегда, по необходимости, бываетъ неопредѣленнымъ, и эта неопредѣленность значенія семитическихъ корней есть одно изъ главныхъ затрудненій, встрѣчаемыхъ изучающими еврейскій языкъ. Смотря по тому, какъ одинъ и тотъ же корень употребляется въ томъ или другомъ сочетаніи, онъ получаетъ совершенно различный смыслъ. Разнообразіе діалектовъ затѣмъ еще болѣе видоизмѣняло этотъ смыслъ, и правописаніе корней часто дѣлало первоначальное тождество неузнаваемымъ. Арійскіе языки

показываютъ намъ, какъ гортанныя, зубныя и губныя согласныя легко смѣшиваются между собою. Придыхательныя буквы часто ставятся одна вмѣсто другой. Даже если въ области парѣчій различіе часто бываетъ весьма значительно, то само собой становится понятнымъ, что еще большее различіе бываетъ между словами одного семейства языковъ и словами другаго. Кромѣ того, когда утверждаютъ, что моносиллабическіе языки не доказываютъ никакого измѣненія въ фонетической цѣлости и въ смыслѣ ихъ корней, то этимъ высказываютъ гипотезу, не оправдываемую фактами. Эткинсъ, посвятившій себя тщательному изученію китайскихъ нарѣчій, заявляетъ, что двѣ изъ провинцій сѣвера значительно различаются между собою. Онѣ не разъ измѣняли начальныя согласныя своихъ словъ и теряли много окончательныхъ буквъ. Когда даже среди существующихъ еще моносиллабическихъ языковъ слова, состоящія изъ одной согласной и одной гласной, обнаруживаютъ столько измѣненій, то тѣмъ болѣе значительныхъ измѣненій нужно ожидать въ корняхъ двухъ языковъ, которые прошли эпоху агглютинаціи, чтобы сдѣлаться языками флексическими.

Такъ неужели въ настоящемъ состояніи языка не существуетъ никакого отношенія между санскритскимъ и еврейскимъ и мы должны говорить, что эти языки представляютъ собою двѣ формы человѣческаго языка, совершенно независимыя? Высказывать такое положеніе было бы безразсудно въ виду попытокъ, сдѣланныхъ такими учеными, какъ Эвальдъ, Римеръ и Аскали, которые сдѣлали множество сближеній между языкими арійскими и семитическими. Эти двое послѣднихъ пришли въ своихъ изслѣдованіяхъ къ результатамъ, которыхъ сначала и ожидать было нельзя [1]). Другіе знаменитые лингвисты равнымъ образомъ сдѣлали новыя открытія, которые подкрѣпляютъ заключеніе первыхъ. Такъ, Раумеръ показалъ, что аргументъ, который извлекали, въ опроверженіе родства индо-европейскихъ языковъ съ семитическими, изъ того обстоятельства, что эти послѣдніе имѣютъ трехбуквенные корни,—не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ въ дѣйствительности между ними много словъ двухбуквенныхъ. Доказано даже, что большинство семитическихъ корней, или даже всѣ, первоначально состояли всего изъ двухъ буквъ. Наконецъ, Фридрихъ Деличъ, въ своихъ ученыхъ

[1]) Meignan, Le monde et l'homme primitif selon la Bible, p. 282—286.

опытахъ объ индо-германскихъ и семитическихъ корняхъ, указалъ столь большое количество корней, общихъ этимъ двумъ семействамъ языковъ, что уже совершенно невозможно объяснить ихъ случайными совпаденіями и обстоятельствами.

Для того, чтобы научно подтвердить истинность библейскаго повѣствованія, намъ достаточно лишь знать, что первоначальное тождество арійскихъ и семитическихъ языковъ отнюдь не было невозможнымъ въ моносиллабическій періодъ образованія этихъ двухъ языковъ. Если при помощи филологіи и нельзя строго установить это тождество, то всетаки нѣтъ достаточныхъ основаній и отвергать его. Историческія свидѣтельства Библіи сохраняютъ за собою полнѣйшій авторитетъ. Желаніе при помощи однихъ грамматическихъ законовъ дойти отъ теперешняго состоянія человѣческаго языка до состоянія первобытнаго, безъ сомнѣнія, было бы желаніемъ и предпріятіемъ неразумнымъ. О смѣшеніи языковъ въ книги Бытія разсказывается, какъ о событіи чудесномъ. Отсюда само собою слѣдуетъ, что его отнюдь нельзя объяснить чисто естественнымъ путемъ. Въ чудесномъ дѣйствіи Бога всегда нужно оставить значительное мѣсто для таинственнаго, непостижимаго, какъ и во всѣхъ великихъ вопросахъ бытія. Такъ это теперь, такъ будетъ и всегда.

Такъ какъ нечестивое потомство Хамово, забывшее Бога и всецѣло полагавшееся на себя, не замедлило бы привить отличавшее его безбожіе всѣмъ другимъ племенамъ и народамъ, которые оно хотѣло объединить подъ владычествомъ Вавилона, то съ разсѣяніемъ народовъ была предотвращена опасность быстраго распространенія этого зла. Но задатки самаго зла всетаки остались, «потому что помышленіе сердца человѣческаго—зло отъ юности его». Расходясь все дальше и дальше отъ первоначальной колыбели человѣчества и тѣхъ родоначальниковъ, которые хранили истинную вѣру въ Бога и связанныя съ нею истины, и встрѣчаясь съ множествомъ невиданныхъ предметовъ и опасностей, народы мало-по-малу стали всецѣло сосредоточиваться на этихъ ближайшихъ предметахъ; у нихъ затемнялась память объ общихъ преданіяхъ предковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ затемнялось и самое понятіе о Богѣ. Среди множества трудностей и опасностей имъ нуженъ былъ такой Богъ, который былъ бы вблизи ихъ и къ которому можно бы прибѣгать за помощью при всякомъ наличномъ бѣдствіи. Между тѣмъ Богъ отцовъ ихъ былъ для нихъ невидимъ и лишь

неясно предносился ихъ воображенію. Въ виду этого они легко могли перейти къ боготворенію чего-нибудь такого видимаго, что могло особенно поражать ихъ воображеніе своимъ величіемъ, красотою, пользою или страхомъ. Такъ произошло идолопоклонство или язычество, которое есть не что иное, какъ отверженіе невидимаго и суевѣрная привязанность къ видимому. Вмѣсто невидимаго Творца и Промыслителя, человѣкъ сталъ боготворить видимое—прежде всего, быть можетъ, солнце, луну и звѣзды, какъ благодѣтельныя свѣтила, дававшія жизнь и руководившія въ странствованіи, затѣмъ предметы окружающаго неодушевленнаго и одушевленнаго міра (полезныхъ или страшныхъ животныхъ), и наконецъ выдающихся чѣмъ-нибудь людей, которые, въ качествѣ героевъ, дѣлались полубогами и по смерти переходили въ сонмъ боговъ. Боготвореніе видимаго неба (сабеизмъ), видимой и особенно одушевленной природы (зоотеизмъ) и человѣка (антропотеизмъ) составляютъ три главныя ступени язычества и какъ внѣшняго его выраженія—идолопоклонства. Эти три вида идолопоклонства нашли впослѣдствіи наиболѣе рѣзкое выраженіе въ трехъ отдѣльныхъ странахъ—Месопотаміи, Египтѣ и Греціи. Правда, человѣкъ не удовлетворялся такимъ грубымъ идолопоклонствомъ, и кромѣ всѣхъ видимыхъ боговъ постоянно признавалъ надъ всѣми и даже надъ богами господство высшей, неумолимой судьбы (въ чемъ нельзя не видѣть темнаго остатка воспоминанія о единомъ всемогущемъ Богѣ—Промыслителѣ), но идолопоклонство уже по самой своей сущности приковывало умъ къ грубо чувственнымъ предметамъ и отвлекало отъ всего сверхчувственнаго. Чувственныя божества заставляли боготворить въ нихъ чувственныя силы и свойства, и съ распространеніемъ нечестія дѣло дошло до того, что люди стали боготворить и оснящать въ своихъ чувственныхъ божествахъ даже грубые пороки, подражаніе которымъ и ставилось въ религіозный долгъ.

И вотъ такимъ образомъ вмѣсто истиннаго боговѣденія и богопочтенія на землѣ распространилось грубое идолопоклонство и нечестіе. Волны грѣха и суевѣрія опять затопляли землю и опять грозили окончательно погубить и искоренить истинную религію съ ея основнымъ корнемъ, заключавшимся въ великомъ обѣтованіи будущаго Спасителя міра отъ рабства грѣху и нравственной смерти. Правда, на землѣ среди всеобщаго идолопоклонства и нечестія оставались еще отдѣльныя лица, которыя сохраняли истинную вѣру. Но окру-

жающая среда скоро могла увлечь и ихъ общимъ потокомъ нечестія. Поэтому, чтобы сохранить сѣмена истинной вѣры для будущаго, необходимо было выдѣлить какого-нибудь носителя ихъ изъ среды беззаконія и сдѣлать его избраннымъ отцомъ и родоначальникомъ новаго поколѣнія вѣрующихъ. Такъ и устроено было благимъ Промысломъ Божіимъ [1]).

---

[1]) Это было черезъ 352 года послѣ потопа по еврейскому счисленію и чрезъ 1207 по греческому. Послѣднее счисленіе представляется болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ даетъ больше историческаго пространства для совершенія изложенныхъ важныхъ событій.

Разногласіе въ опредѣленіи этого времени зависитъ отъ того, что единственными данными для его опредѣленія служатъ лѣта послѣпотопныхъ патріарховъ, показанія которыхъ опять значительно расходятся въ главныхъ текстахъ библейской лѣтописи. Родословіе послѣпотопныхъ патріарховъ начинаетъ Симъ, у котораго чрезъ 2 года послѣ потопа родился Арфаксадъ. Въ этомъ показаніи сходятся всѣ три текста, и потомъ разницу въ показаніи лѣтъ слѣдующихъ патріарховъ до рожденія ими перваго сына можно видѣть въ слѣдующей таблицы:

	Евр.	Греч.	Самар.
Арфаксадъ	35	135	135
Каинанъ	—	130	—
Сала	30	130	130
Еверъ	34	134	134
Фалекъ	30	130	130
Рагавъ	32	132	132
Серухъ	30	130	130
Нахоръ	29	79	79
Ѳарра	70	70	70

Изъ этой таблицы видно, что въ показаніяхъ лѣтъ послѣпотопныхъ патріарховъ греческій и самаританскій тексты сходятся между собой, а еврейскій уклоняется отъ нихъ, послѣдовательно умаляя цифру на сто лѣтъ и въ показаніи лѣтъ Нахора на 50 лѣтъ. Такое отступленіе явно указываетъ на преднамѣренное сокращеніе лѣтъ, и даже цѣлыхъ поколѣній, такъ какъ въ еврейскомъ текстѣ совершенно не значится Каинана. Въ виду почти полнаго согласія греческаго и самаританскаго текстовъ, показаніе ихъ получаетъ больше достовѣрности сравнительно съ еврейскимъ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Авраамъ и его время.

ГЛАВА X.

Родина Авраама.

Въ южной части Месопотаміи, въ такъ называвшейся въ древности Халдеѣ, на правомъ берегу Евфрата, верстахъ въ десяти отъ него находится деревня Мугейръ, основанная на развалинахъ древняго города, остатки котораго видны еще и теперь. Городъ этотъ, какъ видно изъ надписей на памятникахъ, былъ Уръ, называвшійся по мѣсту своего положенія халдейскимъ,—родина Аврама, того великаго избранника Божія, которому выпала великая честь сдѣлаться родоначальникомъ новаго избраннаго Богомъ рода [1]).

Въ древнее время Уръ находился гораздо ближе къ берегу Персидскаго залива, отъ котораго теперь отдѣляетъ его большая полоса наносной земли, и велъ обширную морскую торговлю. Названіе Уръ или Уру есть семитическая форма аккадійскаго Эри, что значитъ «городъ», и, вѣроятно, дано было этому городу, какъ наиболѣе важному въ этой мѣстности или какъ первому осѣдлому мѣсту жительства ея нѣкогда кочевыхъ жителей. Новѣйшее названіе этого мѣста означаетъ «осмоленный»,—очевидно, вслѣдствіе большого количества смолы, находящейся въ окрестностяхъ. Если онъ и не находился на самомъ берегу, то всетаки, расположенный при широкомъ низовьѣ Евфрата, въ дѣйствительности былъ морскимъ городомъ и служилъ въ качествѣ порта для Вавилоніи. Туземныя надписи постоянно го-

[1]) См. W. Deane, Abraham, his Life and Times. London. 1887 г.

Авраамъ.

ворятъ о корабляхъ Ура и объ оживленной торговлѣ, производимой его жителями. Городъ этотъ имѣлъ чрезвычайно большое значеніе и за 2000 лѣтъ до Р. Хр. былъ столицей могущественнаго монарха Урука, основавшаго великій храмъ, посвященный лунному богу Гурки, остатки котораго видны еще и теперь. Монархъ этотъ былъ независимый государь и владѣлъ всей полосой земли, тянущейся къ сѣверу до Ниффера, древняго Халне. Великолѣпіе его зданій и обширность его строительныхъ предпріятій доказываютъ, что онъ обладалъ большими средствами и высокими замыслами. Слѣдуя ошибочному преданію, нѣкоторые толкователи, какъ древніе, такъ и новые, отождествляли Уръ съ греческой Эдессой, новѣйшей Орфой, которая, повидимому, нѣкогда называлась Орра. Этотъ городъ, лежащій въ верхней Месопотаміи, пріобрѣлъ большую извѣстность въ христіанскія времена въ качествѣ столицы того царя Авгаря, который, по преданію, писалъ письмо къ Христу, и даже доселѣ сохраняетъ слѣды преданія объ Авраамѣ въ названіяхъ своей мечети и озера. Но всѣ болѣе вѣроятныя извѣстія, дошедшія до насъ, заставляютъ полагать Уръ въ собственной Халдеѣ, наносной странѣ на берегу Персидскаго залива, и не можетъ быть никакого сомнѣнія, что Мугейръ, какъ свидѣтельствуютъ надписи, и былъ именно Уръ халдейскій [1]). Даже преданіе, приводимое Евсевіемъ изъ Эвполема, дохристіанскаго греческаго историка, что, Уръ или, какъ онъ называетъ, Урія есть вавилонскій городъ Камарина и Халдеополь, соотвѣтствуетъ этому именно взгляду; потому что, какъ замѣчаетъ профессоръ Ролинсонъ, эти имена указываютъ на то, что этотъ городъ былъ посвященъ лунному богу, каковымъ и былъ именно Уръ [2]). Остатки города состоятъ изъ ряда низкихъ кургановъ, расположенныхъ въ овальной формѣ и имѣющихъ около трехъ верстъ въ протяженіи. Самый выдающійся курганъ есть тотъ, на которомъ воздвигнутъ былъ храмъ, и онъ вздымается на 70 футовъ надъ окружающей равниной. Храмъ построенъ былъ изъ большихъ кирпичей, воздвигнутъ на чрезвычайно большомъ подвалѣ и обращенъ къ четыремъ главнымъ странамъ свѣта. Первоначально этотъ подвалъ поднимался уступами, на самомъ верхнемъ изъ которыхъ находилось свя-

---

[1]) Schrader, Keilinschriften und A. T, стр. 129 и сл.

[2]) Dict. of. the Bible, ст. Ur.—Schrader, 130. Камарина—съ арабскаго значитъ „городъ луны“.

тилище, содержавшее изображеніе бога. Храмъ былъ окруженъ роскошными финиковыми рощами, и благодаря своему огромному объему и башнеобразной высотѣ, зданіе это было видно со всѣхъ частей города и заставляло каждаго жителя и прохожаго обращаться съ молитвой къ Гурки, великому богу-лунѣ. Въ самомъ зданіи есть одна особенность, которая подтверждаетъ обстоятельство, указываемое надписями, что оно было дѣломъ двухъ различныхъ монарховъ, ранній изъ которыхъ, повидимому, парствовалъ за 2,200 лѣтъ до Р. Хр. Въ нижнемъ этажѣ кирпичи скрѣпляются смолой, а въ верхнемъ известью. Цилиндры, на которыхъ значится имя основателя, были найдены заложенными по угламъ зданія, какъ это было въ обычаѣ при закладкѣ халдейскихъ зданій. Среди зданій, воздвигнутыхъ строителемъ этого храма, былъ дворецъ, называвшійся домомъ верховнаго князя (Рубу-Циру), развалины котораго можно видѣть еще и теперь. То, что оставилъ неоконченнымъ этотъ монархъ, закончилъ его сынъ Дунги. Этотъ сынъ его, между прочимъ, распространилъ царство своего отца къ сѣверу, такъ что слѣды его строительныхъ работъ можно видѣть въ возстановленіи храма Эреха, а также и въ храмѣ, который онъ воздвигъ въ Вавилонѣ. Около этого времени, вѣроятно, и родился Аврамъ.

Теперешняя Халдея представляетъ чрезвычайно монотонную и безъинтересную картину. Будучи совершенно наносной страной, обязанной своимъ существованіемъ рѣкамъ Тигру и Евфрату, она представляетъ собою низменную равнину, лишенную всякихъ горъ или холмовъ. Но ея удивительное плодородіе не подлежитъ сомнѣнію, и при трудолюбивомъ населеніи, при лучшихъ условіяхъ внѣшняго состоянія, она должна бы представлять поразительный контрастъ съ ея теперешнею обнаженностью и безлюдіемъ. Вмѣсто теперешнихъ печальныхъ полосъ пустыннаго песку тутъ нѣкогда были хорошо орошаемыя и обработанныя поля, бывшія источникомъ богатства для трудолюбиваго поселянина. Геродотъ, самъ посѣтившій эту страну, такъ описываетъ ея плодородіе: «страна эта мало орошается дождемъ, но корень зерноваго хлѣба питается другими способами. Онъ питается рѣкою—не разливомъ ея, какъ въ Египтѣ, но искусственнымъ орошеніемъ. Во всемъ мірѣ нѣтъ еще такого плодородія хлѣба. Правда, тамъ не дѣлается никакихъ попытокъ для разведенія смоковницъ,

винограда [1]), или маслинъ; но зерновымъ хлѣбомъ она такъ богата, что обыкновенно даетъ самъ-двѣсти и въ лучшіе годы самъ-триста. Пшеница и ячмень часто имѣютъ стебель въ четыре пальца толщины. Что касается проса и кунжуда, то я не могу сказать, по крайней мѣрѣ изъ своего личнаго опыта, до какой изумительной высоты растутъ они; потому что уже и то, что я сказалъ касательно произведеній Вавилоніи, должно показаться невѣроятнымъ для тѣхъ, кто никогда не посѣщалъ эту страну. Вся равнина покрыта пальмами, большая часть изъ которыхъ плодовиты, и изъ нихъ жители приготовляютъ хлѣбъ, вино и медъ» [2]). Новѣйшіе путешественники также признаютъ производительную силу этой почвы, въ то же время оплакивая безпечность и лѣность, которыя привели къ ея теперешнему жалкому состоянію. Двумя главными естественными произведеніями служатъ пшеница и финиковая пальма. Первая растетъ такъ скоро и пышно, что ее два раза косятъ и затѣмъ выгоняютъ на нее скотъ, чтобы воспрепятствовать излишнему росту стебля и заставить ее расти въ колосъ. Прекрасная финиковая пальма придаетъ нѣкоторое очарованіе монотонному ландшафту и составляетъ драгоцѣнную принадлежность страны. Польза ея вошла въ пословицу. Кромѣ снабженія жителей хлѣбомъ, добываемымъ изъ ея плодовъ, вина и меда изъ ея сока, она даетъ топливо, веревки, уксусъ и особаго рода бурду для откармливанія скота. Плоды въ родѣ пом-гранатовъ, яблоковъ, винограда и тамариска добываются въ большомъ изобиліи. Но въ странѣ чувствуется недостатокъ въ большомъ строевомъ лѣсѣ, и кипарисъ, акація и пальма лишь изрѣдка встрѣчаются кое-гдѣ. Для возмѣщенія этого недостатка въ строевомъ лѣсѣ, халдеи прибѣгали къ огромному камышу, который почти составляетъ особенность этой мѣстности и изъ котораго и доселѣ арабы дѣлаютъ себѣ дома и лодки. Камышъ употребляется также и для построенія нѣкоторыхъ изъ великихъ халдейскихъ зданій. Изъ тростей этого камыша дѣлался обыкновенно остовъ, который обкладывался кирпичами. Въ странѣ не было камней для зданій; если оказывалась нужда въ камняхъ, то они обыкновенно сплавлялись издалека по рѣкамъ. Но превосходная, находимая по-

---

[1]) Геродотъ дѣлаетъ ошибку, утверждая, что тамъ не разводилось винограда. Вино въ большихъ количествахъ сплавлялось внизъ по Евфрату. См. Ролинсонъ о Геродотѣ, I, 194.

[2]) Herod. I, 193.

всюду глина и высушенные на солнцѣ кирпичи, скрѣпленные земляною смолою, составляли обычный матеріалъ, изъ котораго возводились зданія.

Благодаря чрезвычайному плодородію окружающей мѣстности, промышленность страны была оживленная, и населеніе, отличавшееся мирнымъ промышленнымъ характеромъ, пользовалось полнымъ благосостояніемъ и стояло на высокой ступени цивилизаціи. Необычайная прозрачность воздуха, въ которомъ звѣзды скорѣе пылаютъ, чѣмъ свѣтятъ, дала поводъ къ раннему наблюденію надъ небесными свѣтилами. Астрономія, съ сродной ей астрологіей, была любимымъ предметомъ особаго класса ученыхъ, которые занимались также изученіемъ математики, законодательства и способовъ государственнаго управленія. Письменность уже хорошо была извѣстна, и существовали даже цѣлыя библіотеки, хотя вмѣсто книгъ служили глиняныя плитки съ изображенными на нихъ письменами. Изъ промышленныхъ искусствъ извѣстны были особенно производство тканей, обработка металловъ и гравированіе. Къ несчастью, вся эта богатая цивилизація была насквозь пропитана самымъ грубымъ идолопоклонствомъ и неразлучнымъ съ нимъ нечестіемъ. Вмѣсто жертвенниковъ истинному Богу, повсюду возвышались храмы и капища идоламъ, служеніе которымъ часто принимало грубо-чувственный и постыдный характеръ. Главными божествами считались солнце и луна, за которыми слѣдовали другія второстепенныя божества, какъ меньшія планеты и звѣзды. Имъ строились храмы, посвящались города, дѣлались изъ нихъ изображенія, получавшія значеніе домашнихъ боговъ (терафимы), которымъ ввѣрялось охраненіе благосостоянія отдѣльныхъ семействъ. Если въ высшихъ классахъ сохранялись слѣды болѣе чистыхъ религіозныхъ представленій, то въ низшей массѣ преобладало полное суевѣріе, часто принимавшее самыя грубыя формы. Вѣруя, что судьбы человѣческой жизни и сама природа управляются капризными божествами, лишенными всякаго нравственнаго чувства, народъ прибѣгалъ къ умилостивительнымъ жертвамъ и молитвамъ даже въ такихъ случаяхъ, гдѣ нужно было бы прибѣгать къ простому благоразумію и обычнымъ средствамъ. Вмѣсто употребленія, напр., медицинскихъ средствъ въ болѣзняхъ, они прибѣгали ко всевозможнымъ заговорамъ и причитаніямъ. Большая часть вавилонской литературы, существующей теперь, состоитъ изъ различныхъ формулъ

для устраненія болѣзней и колдовства. Существуетъ также много трактатовъ о гаданіяхъ и предзнаменованіяхъ. Изъ всего этого легко заключить, что народная религія стояла на низкой ступени, и поэтому скорѣе могла содѣйствовать нравственному упадку, чѣмъ возвышенію ея приверженцевъ.

Населеніе Халдеи было смѣшаннаго происхожденія, но главнымъ образомъ кушитскаго племени, какъ именно свидѣтельствуетъ Библія (Быт. X, 8—10) [1]). Но въ Урѣ, какъ одной изъ первоначальныхъ столицъ и важнѣйшемъ портѣ страны, можно было встрѣчать представителей различныхъ племенъ и народностей. Корабли Ура вели торговлю съ Эѳіопіей и странами, лежащими по берегамъ Краснаго моря, названіе котораго распространялось на Персидскій заливъ и даже на Индійскій океанъ; благодаря этимъ сношеніямъ, народъ приходилъ въ соприкосновеніе съ чужеземными народами, и несомнѣнно многіе пришельцы изъ различныхъ странъ поселялись въ ихъ городѣ. Между другими тамъ поселилось и то семитическое семейство, отъ котораго произошелъ Аврамъ, отецъ вѣрующихъ, другъ Божій. Отдаленнымъ предкомъ этого семейства былъ Еверъ, происшедшій чрезъ Арфаксада отъ Сима. Арфаксадъ, въ смыслѣ названія страны, представляетъ собою область, лежащую на сѣверѣ Ассиріи, на границѣ Арменіи; изъ этой мѣстности евреи или потомки Евера переселились на югъ. Обычной причиной подобныхъ переселеній несомнѣнно была та непосѣдная жажда къ перемѣнѣ и исканіе новыхъ поприщъ жизни, которыя какбы врождены человѣку съ цѣлью побуждать его стремиться къ совершенству. Неизвѣстно, что собственно заставило это семейство семитовъ промѣнять любимый ими пастушескій образъ жизни на осѣдлость въ промышленномъ, бойкомъ, безпокойномъ городѣ. Въ этомъ

---

[1]) Новѣйшіе изслѣдователи предполагаютъ, что Вавилонія сначала была населена туранскими племенами (родственными туркамъ и татарамъ настоящаго времени), которыя изобрѣли клинообразную систему письма, и что они были побѣждены и лишены своихъ владѣній семитами. Вѣрно ли это положеніе или нѣтъ, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, говоритъ профессоръ Сейсъ, что эти ранніе поселенцы говорили агглютинативнымъ языкомъ, т.-е. языкомъ, въ которомъ грамматическія отношенія образуются не чрезъ измѣненіе флексій, но чрезъ присоединеніе независимыхъ словъ, какъ, напр., мѣстоименій къ глаголамъ въ спряженіи, и предлоговъ къ существительнымъ въ склоненіи. Языкъ ихъ былъ сроденъ съ діалектомъ, употреблявшимся въ Еламѣ, и вѣроятно аккадійскій языкъ, какъ онъ называется, былъ средствомъ сообщенія между различными племенами всей обширной области на берегахъ рѣкъ Тигра и Евфрата.

городѣ они со своими простыми пастушескими привычками должны были чувствовать себя крайне отчужденными среди населенія, всецѣло преданнаго торговлѣ, искусствамъ и строительству. Повсюду встрѣчающееся идолопоклонство должно было казаться имъ крайнимъ извращеніемъ ихъ собственныхъ чистыхъ религіозныхъ преданій. Подъ открытымъ небомъ, на свободномъ воздухѣ равнинъ, они могли поклоняться Господу, какъ поклонялся ихъ предокъ Ной; но здѣсь атмосфера была переполнена идолопоклонничествомъ и все кругомъ могло лишь затемнять ихъ высшія религіозныя вѣрованія и склонять ихъ къ ложной религіи.

Отцомъ этого семитическаго семейства былъ Ѳарра. У него образовалось въ Урѣ собственное семейство, состоявшее изъ трехъ сыновей: Аврама, Нахора и Арана, которые въ свою очередь поженились, и у послѣднихъ двухъ были свои дѣти, а жена Аврама, Сара (сестра ему по отцу, но не отъ одной матери), была безплодна. Положеніе этого семейства въ идолопоклонической странѣ несомнѣнно было тяжелое. Кругомъ царило самое омерзительное для него идолослуженіе. Самый Уръ халдейскій, какъ уже сказано, былъ даже центромъ мѣстнаго идолопоклонства и славился своими храмами идоламъ, среди которыхъ самымъ почитаемымъ была Луна. Все это такъ тяготило благочестивое семейство Ѳарра, и особенно его старшаго сына Аврама, что они, не видя возможности долѣе оставаться въ идолопоклоннической и нечестивой странѣ, жители которой, быть можетъ, къ тому же враждебно относились къ нимъ за ихъ истинную вѣру и непоклоненіе идоламъ, намѣревались совсѣмъ оставить ее и переселиться въ землю Ханаанскую. Но различныя связи съ страною всетаки удержали ихъ отъ этого и они переселились лишь въ другой халдейскій городъ Харранъ, гдѣ и остановились на жительство [1]). Харранъ, имя котораго удержалось за одной деревней до настоящаго времени, лежалъ на рѣкѣ Балихѣ, притокѣ Евфрата въ верхней Месопотаміи. Слово Харранъ есть, вѣроятно, аккадійское и значитъ „дорога“, что можетъ указать на то, что городъ этотъ былъ рас-

[1]) Св. архидіаконъ Стефанъ, въ своей знаменитой рѣчи предъ синедріономъ, видѣлъ здѣсь первое призваніе Аврааму (Дѣян. vii, 2, 3). Но бытописатель ничего не говоритъ объ этомъ особомъ призваніи, просто заявляя о переселеніи Ѳарры, какбы по личному побужденію (Быт. xi, 31).

положенъ на большой дорогѣ съ востока на западъ. И дѣйствительно, расположенный въ мѣстности, отъ которой расходилось много дорогъ къ знаменитымъ бродамъ Тигра и Евфрата, Харранъ представлялъ собою важный коммерческій пунктъ и находился въ торговыхъ сношеніяхъ съ финикійскимъ Тиромъ. Онъ былъ посвященъ тому же самому божеству, какъ и городъ Уръ, именно богу Лунѣ, символомъ котораго былъ конический камень съ звѣздою наверху. Весь этотъ округъ съ древнѣйшаго времени принадлежалъ правителямъ Вавилоніи, и Харранъ былъ пограничнымъ городомъ ея, командовавшимъ большой дорогою, которая вела въ Сирію и Палестину. Это была мѣстность, закрытая горами и рѣками и представлявшая большое разнообразіе въ почвѣ и климатѣ, вслѣдствіе ея возвышеннаго положенія и обилія воды. Самъ Харранъ лежалъ въ центрѣ богатой наносной равнины, славившейся чудеснымъ плодородіемъ. По описанію одного недавняго путешественника, «съ каждымъ шагомъ впередъ отъ Орфы, на пути къ Харрану, холмы справа и слѣва равнины отступаютъ все дальше и дальше, пока вы не оказываетесь посрединѣ безбрежной равнины, усѣянной то оазисами чрезвычайно яркихъ цвѣтовъ, то богатыми и зеленѣющими пастбищами, покрытыми стадами овецъ и козъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими верблюдами, пасущимися подъ надзоромъ сына или дочери ихъ владѣльца. При взглядѣ на эту картину, легко понять, почему сыны этой открытой мѣстности, бедуины, такъ любятъ ее и не могутъ разстаться съ нею: ни одна другая страна не была бы столь пригодна для нихъ. Воздухъ столь свѣжъ, горизонтъ столь далекъ и человѣкъ чувствуетъ себя столь свободнымъ, что страна эта, повидимому, нарочно создана для тѣхъ, жизнь которыхъ состоитъ въ странствованіи и которые не признаютъ никакой власти, кромѣ своей собственной... Самая деревня Харранъ состоитъ изъ нѣсколькихъ коническихъ домовъ, въ родѣ ульевъ, построенныхъ изъ камней, наложенныхъ другъ на друга безъ всякой глины или извести. Эти дома имѣютъ отверстія для свѣта на крышѣ, и ютятся у подошвы разрушеннаго замка, построеннаго на холмѣ, который дѣлаетъ Харранъ виднымъ со всей окружающей равнины. Главные жители мѣстности—бедуинскія племена, которыя занимаются пастушеской жизнью въ окрестностяхъ. Одно изъ этихъ племенъ—Аназеи, раскинуло свои палатки изъ черной козьей шерсти у подошвы холма, между нимъ и источникомъ Ревекки. Женщины по вечерамъ приходили черпать

сюда воду, и все кругомъ носило на себѣ отпечатокъ самыхъ отдаленныхъ временъ» [1]).

Въ этой-то мѣстности и жилъ нѣкогда Ѳарра съ своими сыновьями. Между тѣмъ, окружающая среда не осталась безъ вліянія и на это благочестивое семейство: самъ Ѳарра къ концу жизни, повидимому, поддался идолопоклонству (Іис. Нав. XXIV, 2), и такимъ образомъ опасность угрожала вѣрѣ даже въ этомъ ея убѣжищѣ. Тогда Господь опредѣлилъ взять изъ этого именно семейства человѣка, чтобы сдѣлать его Своимъ избраннымъ орудіемъ въ дѣлѣ сохраненія истинной религіи въ мірѣ. Божественный выборъ палъ на Аврама. Это былъ несомнѣнно самый вѣрующій и благочестивый членъ въ семействѣ, и, по іудейскому преданію, онъ еще въ дѣтствѣ проявилъ необычайную преданность истинной религіи. Будучи еще отрокомъ, Аврамъ, при видѣ окружающаго его грубаго идолопоклонства, тревожно занятъ былъ великимъ вопросомъ: право ли поступаютъ люди, боготворя небесныя свѣтила? Однажды, говоритъ преданіе, озирая землю и взглянувъ на небо, отрокъ Аврамъ началъ думать, кто бы могъ сотворить все это.. Вотъ взошло солнце во всемъ своемъ блистательномъ великолѣпіи, и Аврамъ подумалъ, что должно быть это и есть Создатель всего. И онъ поклонился ему и боготворилъ его цѣлый день. Когда однако же съ наступленіемъ вечера солнце закатилось, Аврамъ усумнился, чтобы такъ могъ помрачаться Создатель всего. Но вотъ на востокѣ поднялась въ своемъ чарующемъ блескѣ луна, и вокругъ нея засверкали безчисленныя звѣзды. «По истинѣ,—закричалъ отрокъ,—это Творецъ вселенной и звѣзды Его слуги!» И онъ поклонился лунѣ и обоготворилъ ее. Однако же луна немедленно скатилась на западъ, звѣзды померкли и вновь на восточномъ небосклонѣ поднялось дневное свѣтило. Тогда сказалъ Аврамъ: «нѣтъ, не можетъ быть, чтобы какое-нибудь изъ этихъ небесныхъ свѣтилъ могло быть Создателемъ міра; они повинуются только волѣ Невидимаго, которому они и обязаны своимъ существованіемъ, и вотъ отселѣ я и буду только боготворить Его, Ему-то я и буду только поклоняться». И этой истинной вѣры онъ непреклонно держался до того момента, когда промыслъ Божій сдѣлалъ его своимъ избранникомъ.

---

[1]) Malan, Philosophy of Truth, p. 93 и сл.

И сказалъ Господь Авраму: „пойди изъ земли твоей, отъ родства твоего, и изъ дому отца твоего, и иди въ землю, которую Я укажу тебѣ“. Чтобы ободрить его въ этомъ подвигѣ, Господь тотчасъ прибавилъ великое обѣтованіе: „и Я произведу изъ тебя великій народъ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое, и будешь ты въ благословеніи. Я благословлю благословляющихъ тебя, и злословящихъ тебя прокляну, и благословятся въ тебѣ всѣ племена земныя“ (Быт. XII, 1, 2). Здѣсь заключается обѣтованіе троякаго благословенія, отчасти земнаго и отчасти духовнаго. Аврамъ долженъ отправиться въ землю, въ которой онъ оснуетъ свое жилище; отъ него произойдетъ великій народъ, и въ немъ и чрезъ него всѣ народы земные получатъ благословеніе. Полный смыслъ этого обѣтованія могло выяснить только время. Насколько понималъ его самъ Аврамъ, мы не можемъ сказать, но изъ него онъ долженъ былъ получить новый урокъ касательно сущности Бога. Теперь онъ видѣлъ въ Господѣ не только великаго Творца, но также и мудраго Правителя; онъ признавалъ Его правящій Промыслъ, зналъ, что именно по волѣ Божіей онъ долженъ поселиться въ землѣ, въ которую онъ былъ направляемъ, что въ этомъ новомъ мѣстѣ жительства онъ и его потомство получатъ какія-то необычайныя благословенія, и что отъ его сѣмени произойдетъ нѣчто доброе для всего человѣчества. Это торжественное обѣтованіе овладѣло всей его душой, направляло всю его жизнь, заставляло его съ необычайною любовью взирать на землю Ханаанскую, съ которой неразрывно связывалось это благословеніе. Авраму въ это время было 75 лѣтъ отъ роду. Онъ былъ женатый человѣкъ и, хотя не имѣлъ дѣтей, всетаки уже вполнѣ устроился на своей родинѣ; поэтому, чтобы оставить все и идти въ неизвѣстную землю, требовалось сильная вѣра въ голосъ откровенія. Но Аврамъ былъ силенъ вѣрою. Въ домѣ отца онъ мужественно боролся противъ вторженія идолопоклонства, и теперь, слыша такое великое обѣтованіе, выше котораго въ патріархальное время и не могло быть для вѣрующаго человѣка, онъ „вѣрою повиновался призванію идти въ страну, которую имѣлъ получить въ наслѣдіе; и пошелъ, не зная, куда идетъ“ (Евр. XI, 8). Мало того: онъ оставилъ не только страну, но и своихъ родственниковъ и домъ своего отца. Правда, въ этомъ новомъ странствованіи его сопровождалъ племянникъ его Лотъ, оставшійся сиротою послѣ своего отца Арана, но Нахоръ со всѣми своими домочадцами и семействомъ остался въ Харранѣ или мѣст-

ности, извѣстной подъ названіемъ города Нахорова (Быт. XXIV, 10; XXVII, 43; XXVIII, 5, 10), въ сосѣдствѣ съ которымъ въ теченіе многихъ лѣтъ впослѣдствіи, какъ показываютъ ассирійскія надписи, постоянно совмѣстно встрѣчались имена хананейскаго и еврейскаго типа. Онъ самоотверженно порвалъ со всѣми этими привязанностями.

Сравнительно онъ былъ человѣкъ одинокій, когда отправился въ это путешествіе въ обѣтованную землю съ своей женой и племянникомъ. Но онъ захватилъ съ собою все свое имущество, которое было у него и у Лота, равно какъ и всѣхъ домочадцевъ, родившихся въ Харранѣ; стада овецъ и рогатаго скота, рабы и домочадцы— все это сопровождало великаго странника. Это было скорѣе переселеніе племени, чѣмъ переселеніе семейства изъ одного мѣста въ другое. Не имѣя намѣренія когда-либо возвратиться назадъ, онъ ничего не оставлялъ позади себя. Онъ отправился въ пустыню, какъ странникъ, который навсегда оставлялъ свой прежній домъ и не надѣялся уже никогда увидѣть его болѣе. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, можно полагать, что владѣнія Аврама и Лота въ стадахъ были весьма значительны, и, во всякомъ случаѣ, караванъ былъ весьма многочисленный, какъ можно судить по тому, что Аврамъ нѣсколько лѣтъ спустя въ землѣ обѣтованной уже могъ, въ случаѣ нужды, собрать 318 слугъ, пригодныхъ для военныхъ цѣлей. Вслѣдствіе этого, можно думать, что весь караванъ состоялъ не менѣе, какъ изъ 1000 душъ. Для такого количества людей требовалось, по крайней мѣрѣ, не менѣе сотни палатокъ, сдѣланныхъ, вѣроятно, изъ черной козьей шерсти, какъ дѣлаютъ ихъ и бедуинскія племена въ настоящее время. Такимъ образомъ, мы имѣемъ картину переселенія патріарха, дающую намъ живое понятіе о его богатствѣ и могуществѣ. Всѣ эти домочадцы несомнѣнно научились истинной вѣрѣ отъ своего господина. Выраженіе „взялъ всѣхъ людей, которыхъ онъ имѣлъ въ Харранѣ“, какъ іудейскими, такъ и христіанскими комментаріями, объяснялось въ томъ смыслѣ, что Аврамъ обратилъ ихъ къ истинной вѣрѣ и пріобщилъ къ обѣтованію Іеговы. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что ему трудно было порвать съ старыми привязанностями. Человѣкъ съ честолюбивыми замыслами, воинъ, возбуждаемый страстью къ завоеванію, глава рода, стремящійся къ накопленію богатсва,—всякій изъ нихъ могъ бы чувствовать желаніе выселиться изъ своей мирной родины; но Аврамъ не былъ ни однимъ изъ нихъ. Смотря на дѣло съ простой точки зрѣнія, ему не предстояло ничего выиграть и много

потерять чрезъ это переселеніе; но послушаніе неразлучно съ самопожертвованіемъ. Путешествіе было трудное и опасное, будущность была совершенно неизвѣстна и предстоящее благодѣяніе было неосязательно: что же изъ того? Богъ повелѣлъ и нужно повиноваться. Этотъ разрывъ семейныхъ узъ былъ необходимъ; это входило въ божественный планъ для выдѣленія избраннаго рода. Аврамъ видѣлъ эту необходимость въ разрывѣ съ старыми привязанностями, въ устраненіи себя отъ злыхъ вліяній суевѣрія и идолопоклонства, и онъ предался водительству высшей руки съ безусловною вѣрою. Чѣмъ дальше онъ уходилъ отъ роднаго дома и родной страны, тѣмъ ближе онъ подходилъ къ Богу; чѣмъ меньше могъ онъ полагаться на другихъ, тѣмъ болѣе онъ старался опираться на всемогущую, поддерживавшую его длань Божію. Все вело къ лучшему; каждое испытаніе было лишь подготовленіемъ пути для окончательнаго испытанія. Здѣсь дѣлался новый шагъ для содѣйствія истинной религіи. Всякая попытка озираться назадъ въ такихъ обстоятельствахъ была бы роковою для этого божественнаго плана, какъ было бы противно и всей прежней жизни Аврама. Это было своего рода отреченіе отъ міра, которое предстояло ему сдѣлать. Здѣсь было предвѣстіе того сурового урока, который преподаетъ Евангеліе: «если кто приходитъ ко Мнѣ и не возненавидитъ отца своего, и матери, и жены, и дѣтей, и братьевъ, и сестеръ, а притомъ и самой жизни своей, тотъ не можетъ быть Моимъ ученикомъ. Такъ всякій изъ васъ, кто не отрѣшится отъ всего, что имѣетъ, не можетъ быть Моимъ ученикомъ» (Лук. XIV, 26, 33).

И вотъ караванъ избранника Божія двинулся по безлюдной пустынѣ по направленію въ землю обѣтованія, въ землю, о которой онъ не имѣлъ никакого понятія. Это былъ знаменательный моментъ въ исторіи. Въ бездѣтномъ человѣкѣ, ищущемъ неизвѣстной ему земли, нельзя не видѣть великаго учителя той славной истины, которой предназначено побѣдить всѣ ложныя системы и образовать основу всякой истинной религіи, именно истины, что Богъ есть единъ. Это была великая побѣда, предъ которой стушевываются въ ничтожество подвиги Александровъ, Цезарей и Наполеоновъ. Здѣсь закладывался основной камень того зданія, которое должно завершиться въ Новомъ Іерусалимѣ; здѣсь совершалось окончательное выдѣленіе того новаго рода, отъ котораго долженъ былъ произойти Мессія, безкровный побѣдоносецъ, безпорочный покоритель падшаго міра. Оди-

нокій въ своемъ общеніи съ небомъ, одинокій въ своихъ надеждахъ и побужденіяхъ, встрѣчая лишь мало сочувствія въ своихъ ближайшихъ друзьяхъ, Аврамъ, твердый своимъ упованіемъ, полагаясь на невидимую помощь, съ твердою увѣренностью совершалъ свой путь. Лотъ, видимо, мало проникалъ въ глубину сердца своего дяди, даже вѣра Сары была слаба. Слезы, вопли и сожалѣнія сопровождали отца вѣрующихъ на первой ступени его жизненнаго поприща; не мало тоскливыхъ взглядовъ устремлялось назадъ за рѣку, гдѣ эти взгляды встрѣчали соотвѣтствующій откликъ со стороны оставшихся въ Харранѣ родственниковъ; но самъ Аврамъ твердо шелъ впередъ, какбы видя Того, Который невидимъ. Онъ не колебался никакими страхами и худыми предчуствіями, путь былъ для него ровенъ, а въ томъ, къ чему онъ приведетъ, Аврамъ всецѣло полагался на Бога.

О томъ пути, которымъ Аврамъ направлялся къ Ханаану, ничего не сообщается. Бытописатель просто говоритъ: «и вышли, чтобъ идти въ землю Ханаанскую; и пришли въ землю Ханаанскую» (Быт. XII, 5). Преданіе старалось восполнить это краткое повѣствованіе различными подробностями, хотя и сомнительнаго достоинства. Такъ Іос. Флавій [1]), слѣдуя туземному писателю Николаю, заявляетъ, что по оставленіи Харрана, Аврамъ со всѣмъ своимъ караваномъ прибылъ въ Дамаскъ и царствовалъ тамъ нѣкоторое время, но вынужденъ былъ возстаніемъ народа удалиться отсюда въ Ханаанъ. Имя его, однако же, прибавляетъ онъ, еще славится въ этомъ городѣ, и доселѣ показывается селеніе, извѣстное подъ названіемъ «жилища Авраамова», лежащее верстахъ въ двухъ отъ сѣверныхъ воротъ города. Іустинъ Философъ [2]) также, повидимому, приводитъ то же самое преданіе, хотя у него оно сопровождается явными ошибками. Такъ, онъ пишетъ: „іудеи произошли изъ Дамаска, знаменитѣйшаго города Сиріи, получившаго свое названіе отъ своего царя Дамаска. Послѣ него царствовалъ Азелъ, затѣмъ Адоръ, Аврамъ и Израиль“. Въ лицѣ Азела быть можетъ можно видѣть сирійскаго Азаила—обычное имя позднѣйшихъ царей, и въ Адорѣ Эвальдъ видитъ Еліезера, такъ какъ Адоръ или Адеръ было лишь діалектической варіаціей Еліезера. Св. Писаніе не представляетъ никакого подтвержденія для этихъ разсказовъ, кромѣ случайнаго упоминанія о томъ, что домоправитель Авра-

---

[1]) Antiqq. I, 7, 2.
[2]) Hist. XXXVI, 2.

мовъ, Еліезеръ, происходилъ изъ Дамаска (Быт. XV, 2). Но нѣтъ ничего невѣроятнаго, что патріархъ могъ избрать этотъ именно путь для вступленія въ землю обѣтованную. Переселеніе Аврама съ многочисленными стадами и многочисленнымъ караваномъ было, конечно весьма трудно, и вообще это путешествіе могло быть успѣшно совершено только по такому направленію, которое бы доставляло всѣ необходимые запасы пищи и воды. Ближайшій путь чрезъ бѣдную Сирійскую пустыню представилъ бы непреодолимыя затрудненія для подобнаго каравана; между тѣмъ къ Дамаску велъ большой караванный путь, которымъ постоянно двигались торговцы, а иногда и арміи, и этотъ путь, несомнѣнно, могъ обильно снабжать всѣми потребностями жизни. Онъ избѣгалъ опасностей пустыни, проходя по ея сѣверной границѣ и ниспускаясь въ оазисъ Дамаска съ сѣвера, гдѣ онъ соединялся съ однимъ изъ большихъ трактовъ оттуда въ Египетъ. Эти южные тракты шли мимо центра Палестины, который покрытъ былъ горами и не представлялъ удобствъ для путешествія; они шли или по восточной границѣ страны, пересѣкая пустыню на югѣ, или по береговой линіи, которая была сравнительно низменной. Трудности болѣе прямого караваннаго пути изъ восточныхъ странъ въ послѣдующіе годы значительно уменьшились, благодаря основанію города Ѳадмора въ пустынѣ,—города, который подъ своимъ послѣдующимъ именемъ Пальмиры получилъ большую извѣстность въ исторіи. Оазисъ, въ которомъ стоитъ этотъ древній городъ, несомнѣнно всегда былъ любимымъ мѣстомъ стоянокъ каравановъ, останавливавшихся для отдыха въ знойной Сирійской пустынѣ; но этотъ оазисъ со всѣхъ сторонъ окруженъ обширной площадью знойной страны, вслѣдствіе чего сѣверный трактъ, хотя и длиннѣе, былъ во всякомъ случаѣ удобнѣе и легче для переселенія такого многочисленнаго каравана. Такъ напр., ближайшій источникъ воды къ Пальмирѣ на Дамасской дорогѣ находится въ Курьетейнѣ, верстахъ въ 60 отъ города, причемъ все промежуточное пространство представляетъ собою безплодную равнину, лишенную всякихъ пастбищъ, источниковъ или листвы. Богатые источники этой мѣстности дѣлаютъ оазисъ своего рода раемъ среди мертвой пустыни, и можно думать, что этотъ оазисъ и есть то селеніе источниковъ (Гацаръ-Энонъ), о которомъ упоминаетъ пророкъ Іезекіиль, какъ находящемся на восточныхъ границахъ Дамаска и Имаѳа (XLVII, 17; XLVIII, 1). Страна, лежащая къ западу отъ Курьетейна, такъ описывается новѣйшимъ путешественникомъ: „Вотъ мы

въ пустынѣ. Почва покрыта маленькими обломками кремня и какбы разбросанной извести, чрезъ которую кое-гдѣ пробивается хилая трава или полувысохшій верескъ. На всемъ пространствѣ, окидываемомъ глазомъ, нѣтъ ни дерева, ни какого-либо зеленѣющаго кустарника, и животная жизнь одинаково рѣдка, потому что, исключая рѣдкихъ случаевъ, когда по пути попадается стадо газелей или партія бедуиновъ, мы движемся въ теченіе цѣлыхъ часовъ, не видя никакихъ живыхъ существъ. Повсюду кругомъ насъ песчаная почва, волнистая равнина и обнаженныя скалы горъ; надъ нами безоблачное небо и пламенное солнце, съ утра до ночи изливающее потоки палящихъ лучей на сожженный ландшафтъ» [1]).

ГЛАВА XI.

Прибытіе Аврама въ Ханаанъ.

Неизвѣстно, сколько именно времени пробылъ Аврамъ въ Дамаскѣ [2]); но вотъ онъ двинулся въ дальнѣйшій путь, въ землю обѣтованія. Съ наибольшею вѣроятностью можно думать, что Аврамъ направился въ Ханаанъ южнымъ путемъ, который велъ по восточной сторонѣ озеръ Меромскаго и Геннисаретскаго, причемъ перешелъ Іорданъ по мосту Джисръ-элъ- Меджамія или близъ него, верстахъ въ 12 къ югу отъ послѣдняго изъ этихъ озеръ, и оттуда направился въ мѣстность, извѣстную впослѣдствіи подъ именемъ Веѳсана или Скиѳополя, откуда, перейдя Гелвуйскій хребетъ, дорога тянулась въ Самарію и на югъ страны. И теперь еще въ такомъ именно направленіи идетъ большой караванный путь изъ Дамаска на югъ, а по физическимъ особенностямъ страны—путь этотъ не могъ много измѣниться съ древнѣйшихъ временъ.

---

[1]) Porter, Handbook for Syria, p. 542.

[2]) Пребываніе это во всякомъ случаѣ не могло быть продолжительнымъ, такъ что мало оставляло времени для событій, изобрѣтенныхъ позднѣйшими сказаніями. Онъ, повидимому, прибылъ въ Египетъ въ томъ же самомъ году, въ которой оставилъ Харранъ, потому что тогда ему было 75 лѣтъ отъ роду, и 86 лѣтъ, когда родился Измаилъ; а намъ сообщается, что въ Ханаанѣ онъ уже прожилъ 10 лѣтъ, когда взялъ себѣ въ жену Агарь, которую онъ привелъ съ собою изъ Египта и которую Сара въ теченіе 10 лѣтъ держала у себя въ качествѣ служанки (Быт. XVI, 3).

«И прошелъ Аврамъ по землѣ сей (по длинѣ ея) до мѣста Сихема» (Быт. XII, 6). Здѣсь этотъ «еврей», т.-е. какъ означаетъ это слово, «перешедшій съ другой стороны» великой рѣки, рѣки Евфрата, сдѣлалъ свою первую стоянку въ землѣ обѣтованія подъ дубомъ или теревинѳомъ Морэ. Кто или что такое было Морэ,—неизвѣстно. Это могло быть имя начальника, который славился въ этой мѣстности, или могло означать «возвышенный» (по переводу LXX) и „знаменитый“ или „славный“ (по переводу Вульгаты), или же могло находиться въ этимологической связи съ глаголомъ, означающимъ „видѣть“, и такимъ образомъ указывать на бывшее здѣсь Авраму видѣніе. Какъ бы то ни было, въ этой дубравѣ Аврамъ раскинулъ свою палатку и отдыхалъ послѣ своего продолжительнаго странствованія. Тотъ именно дубъ, подъ которымъ покоился великій отецъ вѣрующихъ, долго почитался потомъ и существовалъ до времени Іакова, потому что, какъ говоритъ бытописатель (Быт. XXXV, 1—4), Іаковъ закопалъ отобранныхъ имъ у своихъ домочадцевъ чужихъ боговъ „подъ дубомъ, который близъ Сихема“. Мѣстоположеніе Сихема чрезвычайно красиво. Онъ лежитъ въ закрытой долинѣ, прикрываемой Гаризимомъ съ юга и Геваломъ съ сѣвера. Подошвы этихъ горъ, гдѣ онѣ вздымаются за городомъ, отстоятъ не болѣе какъ на двѣсти саженъ одна отъ другой. Дно долины находится почти на 1800 футовъ надъ уровнемъ моря, а вершина Гаризима на 800 футовъ поднимается еще выше. Кому приходилось быть въ Гейдельбергѣ, тотъ согласится, что картина, открывающаяся отъ подошвы этихъ горъ, весьма похожа на чтотъ прекрасный нѣмецкій городъ. Положеніе теперешняго города, которое, какъ можно думать, было и мѣстоположеніемъ древняго палестинскаго города, лежитъ какъ разъ на уровнѣ моря; и потоки, выходящіе изъ многочисленныхъ источниковъ, струятся по противуположнымъ склонамъ долины, орошая зелень и оплодотворяя почву во всѣхъ направленіяхъ. Нѣсколько пустынный видъ прилегающихъ горъ представляетъ лишь какбы искуственный контрастъ для того, чтобы еще болѣе возвысить красоту зеленѣющихъ полей и садовъ, наполняющихъ долину. „Во всей Палестинѣ, говоритъ путешественникъ Кларкъ, нѣтъ ничего прекраснѣе, какъ видъ Наблуса (Сихема) съ окружающихъ его высотъ. Когда путешественникъ сходитъ внизъ съ этихъ холмовъ, городъ кажется утопающимъ въ роскоши восхитительнѣйшихъ и благоухающихъ цвѣтниковъ, полузакрытыхъ богатыми садами и стройными рощами деревъ вокругъ всей прекрасной

долины, въ которой стоитъ онъ». „Вся долина, говоритъ Робинсонъ, переполнена овощными огородами и плодовыми садами всякаго рода, орошаясь источниками, которые бьютъ въ различныхъ частяхъ и текутъ къ западу освѣжающими потоками". „Здѣсь уже нѣтъ и слѣда пустыни, говоритъ еще одинъ путешественикъ; здѣсь уже нѣтъ дикихъ зарослей, но все покрыто зеленью, повсюду тѣнь не отъ духа теревинѳа и рожковаго дерева, но отъ масличныхъ рощъ, столь нѣжныхъ по цвѣту, столь красивыхъ по формѣ, что ради нихъ мы охотно бы разстались со всѣми другими деревами" [1]).

Страна эта, ко времени прибытія въ нее Аврама, уже не была безлюдною. «Въ этой землѣ тогда жили хананеи» (Быт. XII, 6). Потомки Ханаана, сына Хамова, подъ различными племенными названіями, разселились по низменнымъ частямъ Палестины, по морскому берегу и въ долинѣ Іордана. Имя Ханаанъ первоначально прилагалось лишь къ той полосѣ земли, которая у грековъ и римлянъ называлась Финикіей и лежала между Ливаномъ и моремъ; но такъ какъ племя это, поселившись тамъ въ своихъ отдѣльныхъ отрасляхъ, распространилось по всей окрестной странѣ, то и вся земля стала называться Ханааномъ, и ея жители, не смотря на различное происхожденіе, вообще стали называться хананеями. Языкъ, которымъ они говорили, былъ весьма близокъ (если не тождественъ) къ еврейскому; у пророка Исаіи (XIX, 18) еврейско-финикійскій языкъ называется «языкомъ ханаанскимъ». Въ своихъ сношеніяхъ съ древними обитателями евреи, повидимому, совершенно не нуждались въ переводчикахъ и сами непосредственно входили съ ними во всѣ сношенія. Собственныя имена ханаанскихъ лицъ и мѣстъ совершенно еврейскія и могутъ быть объяснены еврейской этимологіей [2]). Конечно, возможно, что израильтяне переводили туземныя имена на свой собственный языкъ, придавая имъ однозначущее еврейское названіе, подобно тому, какъ они измѣняли ассирійскія и египетскія слова, придавая имъ еврейскія формы; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что остатки финикійскаго языка, дошедшіе до насъ, имѣютъ ближайшее сходство съ еврейскимъ, и что финикійскій языкъ былъ именно языкомъ Ханаана, это уже принимается на достаточныхъ основаніяхъ [3]).

---

[1]) McClintock and Strong, „Cyclop." подъ словомъ Shechem.

[2]) Ср. Авимелехъ, Мелхиседекъ, Сихемъ, Кіріаѳъ-Сеферъ.

[3]) Вопросъ этотъ обсуждается и Газеніусомъ въ его Gesch. d. Heb. Spr. стр. 16, 223 и сл.

Съ первобытными жителями Ханаана Аврамъ, повидимому, не входилъ въ сношенія. Слѣды троглодитовъ были открыты не только въ Едомѣ, гдѣ, какъ извѣстно, было мѣстожительство хорреевъ, но и въ Бейтъ-Джибринѣ, на границахъ равнины Шефела и въ Ливанѣ, гдѣ ихъ кремневыя орудія перемѣшаны съ костями сѣвернаго оленя и дикаго вола. Въ Библіи часто упоминается объ исполинскомъ туземномъ племени рефаимовъ, которые главнымъ образомъ жили въ Васанѣ и столицей которыхъ былъ Аштероѳъ-Карнаимъ, получившій свое названіе отъ двурогой богини, которой они покланялись. Эти племена встрѣчались также на западѣ среди филистимлянъ, и они оставили свое имя въ плодородной равнинѣ, близъ Іерусалима, которая была мѣстомъ нѣкоторыхъ замѣчательныхъ событій въ іудейской исторіи [1]). Потомки этого исполинскаго племени извѣстны были впослѣдствіи подъ названіемъ енакимовъ, эмимовъ и зузимовъ. Нѣтъ основанія полагать, чтобы племя это вообще особенно превосходило средній высокій ростъ обыкновенныхъ людей, хотя случайно и могли являться отдѣльныя личности огромнаго роста. Евреи, вспоминая легенды раннихъ временъ и надѣляя этихъ жителей отдаленнаго прошлаго чудовищными качествами, прилагали терминъ рефаимъ къ мертвымъ, быть можетъ связывая это представленіе съ мыслью, что Шеолъ былъ обиталищемъ этихъ падшихъ исполиновъ. Другой древній народъ, авимы, жили на морскомъ берегу къ югу. Аврамъ входилъ въ сношенія только съ покорителями этихъ туземныхъ жителей. Въ Сихемѣ онъ нашелъ, что страною владѣли хананеи. Этотъ народъ происходилъ, какъ сказано выше, отъ Ханаана, сына Хамова, и, отличаясь во многихъ отношеніяхъ отъ народовъ семитическаго происхожденія, повидимому вторгся съ юго-востока, постепенно распространяясь къ сѣверо-западу, и обосновался въ Сидонѣ и другихъ сильныхъ мѣстностяхъ по берегу, равно какъ и на западной сторонѣ Іорданской долины до озера Галилейскаго. Другимъ народомъ, съ которымъ входилъ въ сношеніи Аврамъ, были аморреи. Самое ихъ названіе, повидимому, указываетъ на то, что они жили въ гористомъ округѣ. Первоначальное мѣсто ихъ жительства находилось за горами, по берегу Мертваго моря, и къ югу отъ позднѣйшей территоріи колѣна Іудова; но въ патріархальныя времена они занимали центральную и юговосточную области Палестины, причемъ среди нихъ оставались

[1]) Си. 2 Цар. V, 22; XXIII, 13 и слѣд.; 1 Паралип. XI, 15 и слѣд.; XIV, 9 и слѣд.

также нѣкоторые остатки туземнаго населенія. Они были народъ воинственный и храбрый, и союзъ именно съ ними далъ возможность Аврaму впослѣдствіи успѣшно одержать побѣду надъ эламитскими завоевателями. Въ полной противоположности этому воинственному племени стояли мирные хеттеи или сыновья Хета,—вѣтвь того великаго народа, открытіе исторической роли котораго есть одинъ изъ главныхъ тріумфовъ новѣйшаго изслѣдованія. Ихъ городъ Хевронъ наиболѣе тѣсно связанъ съ жизнью Аврама, и въ немъ находится даже его гробница. Священный историкъ упоминаетъ (Числ. XIII, 22), что Хевронъ былъ построенъ семью годами раньше Цоана или Таниса въ Египтѣ, и этимъ, повидимому, высказываетъ мысль, что хеттеи составляли часть гиксовъ, сдѣлавшихъ нашествіе на Египетъ приблизительно около этого времени, причемъ часть ихъ осталась позади въ южномъ Ханаанѣ и тамъ поселилась.

Съ племенемъ хетовъ, обитавшихъ у дубравы Мамре, патріархъ имѣлъ самыя дружественныя сношенія. Свои стада онъ пасъ среди нихъ и къ нимъ именно онъ обращался за покупкой пещеры Махпела. Это былъ народъ просвѣщенный и высоко цивилизованный. Одинъ изъ ихъ южныхъ городовъ извѣстенъ былъ подъ названіемъ Киріаѳъ-Сеферъ, т. е. „городъ книгъ“ — названіе, которое указываетъ на существованіе въ немъ цѣлой библіотеки; имъ же принадлежатъ и многія надписи, открытыя въ послѣднее время. Ихъ одежда, какъ можно видѣть изъ изображенія на памятникахъ, даже въ ихъ южномъ мѣстопребываніи, напоминала о капподакійскомъ происхожденіи. Они всегда изображаются въ сапогахъ съ вздернутыми кверху носками, какіе еще и теперь носятся горцами въ Малой Азіи. По внѣшности, они приземисты и широкоплечи, желтоватаго цвѣта, съ черными волосами, но безъ бороды. Таковы, несомнѣнно, и были друзья Аврама, сыновья Хета, въ Кириаѳъ-Арбѣ. Ферезеи, жители деревень, были, вѣроятно, тѣ же самые хеттеи, только подъ другимъ названіемъ и жившіе въ различной мѣстности. Филистимляне упоминаются какъ жители Герара на юго-западѣ. Придали ли они уже тогда названіе Филистіи приморскому берегу Ханаана и морскому тракту въ Египетъ, опредѣлить трудно. Можно считать несомнѣннымъ, что они поселились на островѣ Критѣ и населили этотъ островъ, вѣроятно, въ то же самое время, какъ они появились и въ Ханаанѣ. Этимъ можетъ быть объяснена ихъ связь съ Кафторимомъ, если только, какъ предполагаетъ Эвальдъ,

названіе Кафторимъ обозначало весь островъ Критъ или часть его. Замѣчательный памятникъ этого народа существовалъ на островѣ Мальтѣ какихъ-либо сорокъ лѣтъ тому назадъ, хотя съ того времени онъ подвергся большой порчѣ. Памятникъ этотъ извѣстенъ подъ названіемъ „камней молитвы“ (Hdjar Cham) и состоитъ изъ храма самой грубой работы, въ стѣнахъ котораго найдены были изображенія женскихъ божествъ, вѣроятно, Астартъ. Предъ этими статуями были каменные жертвенники, и въ особомъ помѣщеніи находился рѣзной жертвенникъ изъ пальмоваго дерева,—финикійскій символъ, вмѣстѣ съ первосвященническимъ сѣдалищемъ, на спинкѣ котораго были вырѣзаны два змѣя и яйцо. Этотъ храмъ, по предположенію, былъ воздвигнутъ кѣмъ-нибудь изъ жителей Палестины, которые бѣжали изъ нея, спасаясь отъ побѣдоноснаго шествія Іисуса Навина. Но филистимляне въ патріархальныя времена, очевидно, владѣли еще незначительною силою и вели мирную пастушескую жизнь, совершенно не проявляя той безпокойной дѣятельности и военнаго искусства, которыя сдѣлали ихъ впослѣдствіи страшными врагами во времена Саула и Давида. Эта позднѣйшая перемѣна въ ихъ національномъ характерѣ объясняется, быть можетъ, привнесеніемъ въ ихъ среду свѣжаго элемента, благодаря переселенію сюда и другихъ „чужеземцевъ“, какъ они называются въ греческомъ переводѣ LXX.

Религія ханаанскихъ племенъ соотояла въ боготвореніи природы, постепенно выродившемся въ безнравственность и жестокость. Хеттеи заимствовали многія изъ своихъ божествъ изъ Вавилоніи, такъ какъ между ними Аврамъ находилъ слѣды той религіи, которую онъ отвергалъ на своей родинѣ. Главнымъ ихъ божествомъ была Истаръ или Астарта, поклоненіе которой они совершали повсюду, гдѣ только ни жили, и распространяли его между своими сирійскими сосѣдями. Другія племена поклонялись также Ваалу подъ различными именами: Элъ, Молохъ, Адони. Какъ и во всѣхъ подобныхъ системахъ, уклонявшіеся отъ богооткровенной религіи народы обыкновенно освящали свои собственныя страсти и похоти, прикрывая распущенность какбы божественнымъ соизволеніемъ. Для умилостивленія силъ природы, они приносили человѣческія жертвы и, выходя изъ мнѣнія, что чѣмъ дороже приношеніе, тѣмъ больше милости можетъ получить приносящій, они не смущались убивать даже своихъ собственныхъ дѣтей на жертвенникахъ своимъ богамъ. Слѣды первобытнаго идолопоклонства можно еще и доселѣ видѣть въ каменныхъ кругахъ, обелискахъ

и долменахъ, хотя послѣдующіе іудейскіе цари, въ своей религіозной ревности, разрушили большую часть изъ нихъ въ Іудеѣ. Въ то же самое время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранялась и болѣе чистая религія. Мелхиседекъ былъ священникъ Бога Всевышняго (Эліонъ). Прилагался ли этотъ терминъ Эліонъ, какъ говоритъ Евсевій Кесарійскій, къ финикійскому божеству, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ ясно, что Аврамъ признавалъ этого царя Салимскаго поклонникомъ того же самаго Бога, которому поклонялся и онъ самъ. Авимелехъ (Быт. XXI, 22 и слѣд.) также зналъ о Богѣ (Элогимъ), котораго именно признавалъ и Аврамъ; и хотя во множественной формѣ этого слова многіе видѣли слѣды политеизма, однако же, такъ какъ это слово соединяется съ глаголомъ единственнаго числа, оно употреблялось несомнѣнно не только для того, чтобы постепенно ввести вѣру въ единаго Бога, но равнымъ образомъ и для того, чтобы приготовить умы людей къ полному раскрытію ученія о св. Троицѣ. Во всякомъ случаѣ въ Ханаанѣ въ это время рядомъ съ идолопоклонствомъ и многобожіемъ сохранялось и преданіе объ истинной религіи, и Аврамъ, признававшійся поклонникомъ единаго Бога, не былъ преслѣдуемъ или презираемъ на этомъ основаніи. Въ своихъ сношеніяхъ съ мѣстными жителями онъ, конечно, не упускалъ случая внушать имъ болѣе чистое ученіе и обращать ихъ къ истинной религіи, что, напр., видно изъ того, что онъ пользовался мѣстнымъ терминомъ Элъ-Оламъ, „вѣчный Богъ“, и отождествлялъ его съ Іеговой (Быт. XXI, 33); но нѣтъ ни малѣйшаго указанія на то, чтобы онъ этимъ самымъ преувеличивалъ вѣру своихъ слушателей или приписывалъ имъ вѣру, которой они въ сущности не имѣли. Примѣръ подобнаго человѣка среди испорченной религіи и омерзительнаго порока долженъ былъ производить самъ по себѣ доброе вліяніе и приводилъ къ заключенію, что Богъ, поклонникомъ котораго былъ человѣкъ столь высокаго характера, былъ не то же, что боги язычниковъ.

Одной изъ особенностей Палестины было то, что она могла содерживать гораздо болѣе многочисленное населеніе, чѣмъ это можно бы было думать по ея незначительному объему. Площадь западной Палестины составляетъ только 15,000 квадратныхъ верстъ, но она такъ пересѣчена холмами и долинами, такъ хорошо была орошена и плодородна при обработкѣ, что въ ней могло находить себѣ въ избыткѣ пропитаніе весьма густое населеніе. Когда на равнинахъ Моавскихъ было произведено исчисленіе израильтянъ (Числ. XXVI), то народъ,

принадлежавшій къ девяти съ половиной колѣнамъ, которымъ предстояло населить западную Палестину, состоялъ изъ двухъ милліоновъ душъ. Это составило бы 135 душъ на квадратную версту, что гораздо меньше, чѣмъ сколько живетъ въ нѣкоторыхъ странахъ теперь: въ Бельгіи числится 143, въ Сѣверной Голландіи—202 и въ Южной Голландіи—205 жителей на квадратную версту. Въ лучшія времена въ Палестинѣ не было ни одного необитаемаго мѣста; всякій склонъ горы былъ садомъ, огородомъ, или виноградникомъ. Города и деревни виднѣлись во всѣхъ направленіяхъ; горы, равнины и долины были покрыты жилищами. Множество развалинъ настоящаго времени изумляютъ и озадачиваютъ всякаго путешественника. Все это предполагаетъ большое населеніе и неусыпный трудъ, такъ какъ страна эта при другихъ обстоятельствахъ скоро могла бы превратиться въ безплодную пустыню, каковою она и представляется въ настоящее время. Въ такомъ же запущенномъ состояніи она, повидимому, находилась и во время поселенія Аврама. Въ то время въ ней было еще мало городовъ; если исключить города Іорданской окрестности, то въ Библіи упоминается не болѣе, какъ о полудюжинѣ городовъ на всемъ остальномъ пространствѣ Палестины, и населеніе. повидимому, было даже болѣе рѣдкимъ, чѣмъ теперь. Въ ней обитало отъ семи до десяти различныхъ племенъ, но большая часть изъ нихъ были весьма малочисленны, не связаны между собою узами общей гражданственности, не управлялись какимъ-либо однимъ верховныхъ начальникомъ и настолько были раздѣлены между собой, что не имѣли надобности даже враждовать изъ-за земель. Аврамъ не встрѣчалъ никакихъ затрудненій въ прокормленіи своихъ стадъ, гдѣ только ему хотѣлось; многочисленность его домочадцевъ дѣлала его сильнымъ начальникомъ племени и естественнымъ главою союза туземныхъ начальниковъ, когда имъ угрожала общая опасность.

О физическихъ и нравственныхъ особенностяхъ этихъ племенъ, о ихъ обычаяхъ и нравахъ, несмотря на отдаленность времени мы можемъ составить нѣкоторое понятіе изъ изученія ихъ преемниковъ, если не потомковъ, феллаховъ Палестины. Это не арабы, подобно бедуинамъ, рыщущимъ по пустынѣ, или белладинамъ, живущимъ въ городахъ; они отличаются отъ арабовъ одеждой, чертами лица, обычаями и языкомъ, и хотя они не остались чужды іудейскихъ, греческихъ, христіанскихъ и мусульманскихъ вліяній, всетаки ихъ можно считать представителями древнихъ жителей, которыхъ израильтяне

нашли жившими въ странѣ при ея завоеваніи, и которая въ болѣе раннее время составляла рѣдкое населеніе тѣхъ областей, гдѣ Аврамъ раскидывалъ свою палатку. Іудеи не истребили ихъ совсѣмъ и жили вмѣстѣ съ ними; и со временемъ эти туземцы болѣе и болѣе принимали религію побѣдителей и жили совмѣстно съ ними, хотя и никогда не смѣшиваясь съ ними. Такъ и въ настоящее время, хотя они приняли магометанство, они всетаки удержали многія изъ своихъ древнихъ суевѣрій. Среди нихъ есть слѣды ихъ древняго многобожія; ихъ любовь къ «высотамъ» и ихъ благоговѣніе къ извѣстнымъ деревьямъ, святилищамъ на горахъ и почитаніе ими особыхъ дубравъ столь же замѣтны, какъ и въ то время, когда пророки возвышали противъ нихъ свой голосъ и благочестивые цари употребляли всѣ свои усилія для ниспроверженія этихъ суевѣрій. Замѣчательная точность, съ которою они сохранили названія мѣстностей, показываетъ непрерывность преданія, проходящаго чрезъ ихъ руки. Они приносятъ умилостивительныя жертвы по совершенно финикійскому обряду; имѣютъ суевѣрія касательно луны, совершенно отличныя отъ обычныхъ арабскихъ миѳовъ; употребляютъ амулеты и другіе предметы, сдѣланные совершенно по-финикійски; ихъ праздники, ихъ языкъ, ихъ обычаи, ихъ разсказы уводятъ насъ къ доисторическимъ временамъ и поражаютъ своею древностью, въ сравненіи съ которою мусульманское завоеваніе кажется совершенно недавнимъ событіемъ. Надо думать, что эти феллахи сильно выродились со времени Аврама, потому что изучавшіе ихъ путешественники говорятъ, что они представляютъ собою худшій родъ человѣчества на востокѣ. Они лишены всякаго нравственнаго чувства. «Ложь есть соль человѣка», гласитъ одна изъ ихъ пословицъ. Они всегда призываютъ имя Божіе въ свидѣтельство истинности своихъ словъ и въ то же время безъ всякаго смущенія нарушаютъ свои клятвы. Разбойничество, воровство и убійство обычныя среди нихъ явленія, если только они могутъ совершить эти преступленія тайно и безъ опасенія наказаній. Женщины низведены на степень простыхъ чадородныхъ или вьючныхъ животныхъ. Дѣти не имѣютъ никакого нравственнаго воспитанія и выростаютъ въ совершенномъ невѣденіи касательно того, что хорошо и что дурно. Правда, въ ранніе годы они не лишены ума, но послѣ отроческаго возраста они совершенно не развиваются и, вступая въ бракъ почти въ совершенномъ дѣтствѣ, пріобрѣтаютъ различныя грязныя привычки и застываютъ въ невѣжествѣ, которое уже потомъ не искореняется

изъ ихъ натуры. Феллахи по-своему гостепріимны и всегда предлагаютъ закусить прохожему страннику, но средства ихъ скудны и ихъ источники весьма сомнительны. Они живутъ въ жалкихъ хижинахъ, темныхъ, грязныхъ и лишенныхъ всякаго удобства, иногда построенныхъ изъ камня или вообще изъ глины и покрытыхъ необдѣланными бревнами и землей. Обстановка состоитъ изъ нѣсколькихъ горшковъ, чашекъ и грубыхъ половиковъ. Мясо они ѣдятъ только тогда, когда приходится убить животное для того, чтобы предупредить его естественную смерть отъ издыханія, или по большимъ годовымъ праздникамъ; обычной пищей для нихъ служатъ ячменный или пшенный хлѣбъ, дикая мальва, кислое молоко, масло, сыръ и яйца. У нихъ есть только одна добродѣтель, если только можно назвать это добродѣтелью, именно любовь къ своей родинѣ. Это не значитъ, что они имѣютъ какія-либо патріотическія чувства или заботятся объ общемъ благосостояніи страны и почитаютъ своихъ правителей. Ихъ любовь относится непосредственно къ почвѣ, на которой они живутъ; съ чрезвычайнымъ упорствомъ они держатся тѣхъ холмовъ или долинъ, гдѣ жили и умерли ихъ предки. Не имѣя понятія о дѣйствіи общими силами для какого-либо общаго дѣла, совершенно не заботясь другъ о другѣ, если не находясь въ открытыхъ враждебныхъ отношеніяхъ, они никогда не покидаютъ своей родной деревни, если только не вынуждаются оставлять ее наборомъ или какой-либо другой подобной же причиной, но и тогда единственная мечта ихъ—возвратиться какъ можно скорѣе въ свои жалкія жилища.

Если таковы были поселяне въ Палестинѣ, когда впервые появился тамъ Аврамъ, то жители городовъ несомнѣнно стояли на болѣе высокой степени цивилизаціи и знакомы были съ лучшими способами и порядками жизни. Они занимались торговлей и различными промыслами, и у нихъ существовало даже публичное судопроизводство у городскихъ воротъ. Въ сосѣдствѣ этихъ болѣе постоянныхъ жилищъ Аврамъ и основывалъ свое временное обитаніе. Его образъ жизни представлялъ пріятный контрастъ съ образомъ жизни туземцевъ. Простой и чуждый всякой роскоши въ своихъ привычкахъ, онъ раскидывалъ свою палатку въ какомъ-нибудь облюбованномъ мѣстѣ, воздвигая отдѣльную палатку для своей жены и ея служанокъ. Пищи было у него въ изобиліи; она состояла изъ прѣсныхъ лепешекъ, сбитыхъ сливокъ или масла, мяса свѣже убиваемыхъ козлятъ или телятъ. Рабы, рожденные ли въ домѣ или пріобрѣтенные покупкой,

пользовались хорошимъ обхожденіемъ и составляли стройную общину, надъ которой глава рода имѣлъ безусловную власть, ограничиваемую естественною добротою характера. До настоящаго времени «законъ Авраамовъ», какъ называется неписанный кодексъ, сохранившійся отъ первобытныхъ временъ, предпочитается фаллахами закону Корана и обыкновенно приводится въ исполненіе шейхомъ и старѣйшинами каждаго племени. Женщины Аврамова каравана совершенно не походили на тѣхъ жалкихъ забитыхъ существъ, какими были женщины окружающихъ племенъ. Хотя онѣ и ходили за водой въ общественный колодезь, приготовляли пищу для почетныхъ гостей, но это отнюдь не было униженіемъ для нихъ, а находилось въ полномъ согласіи съ первобытною простотою ихъ обычаевъ. Взаимная любовь Аврама и Сары, Исаака и Ревекки, Іакова и Рахили и то уваженіе, съ которымъ они относились другъ къ другу, составляютъ прекрасную картину семейнаго счастія, картину, явно показывающую высокое понятіе о томъ положеніи, которое занимали женщины въ патріархальномъ хозяйствѣ.

И вотъ, когда Аврамъ поселился на почвѣ Ханаана, онъ удостоился новаго откровенія, которымъ была разъяснена ему цѣль его переселенія. Послушаніе, такимъ образомъ, въ его жизни было раньше знанія о цѣли его. Ему опять явился Господь и далъ опредѣленное обѣщаніе этому бездѣтному человѣку: «потомству твоему отдамъ Я землю сію» (Быт. XII, 7). И онъ повѣрилъ этому слову. Исполненіе его стояло внѣ человѣческой воли и могло бы показаться невѣроятнымъ для болѣе плотской души. Но Аврамъ не колебался въ вѣрѣ. Какъ всегда, такъ и теперь, вѣра у него торжествовала надъ видѣніемъ. Въ доказательство этого довѣрія и своего благоговѣнія, онъ воздвигъ жертвенникъ Господу. Такъ онъ поступалъ вездѣ, гдѣ только ему приходилось останавливаться во время своихъ странствованій. Онъ не воздвигалъ дома или постояннаго жилища, которое могло бы доставить ему особыя удобства жизни, но онъ повсюду приготовлялъ мѣсто для поклоненія Богу. Подобно тому, какъ Ной, по выходѣ изъ ковчега, принесъ благодарственную жертву на обновленной землѣ, такъ и отецъ вѣрующихъ проявилъ свою вѣру и освятилъ землю построеніемъ жертвенника явившемуся ему Господу. Это было свидѣтельствомъ его истинной религіи, которую онъ принималъ всѣмъ своимъ сердцемъ; это былъ его протестъ противъ многобожія и идолопоклонства окружавшихъ его народовъ. По присущей ли имъ терпимости

или равнодушію, хананеи не оказали никакого противодѣйствія этому его религіозному акту, и конечно не видѣли, что это было подготовленіемъ того великаго будущаго, когда ихъ земля должна была сдѣлаться достояніемъ потомковъ этого именно патріарха и стать мѣстомъ служенія Господу, единому, истинному Богу.

Отъ своей стоянки въ Сихемѣ Аврамъ легкими переходами подвинулся дальше въ окрестности Веѳиля, тогда называвшагося Лузомъ. Хананеи, быть можетъ, подозрительно смотрѣли на этого пришельца изъ далекой страны и дѣлали его положеніе въ открытой долинѣ не безопаснымъ; а быть можетъ и необходимость въ отысканіи новыхъ пастбищъ для безчисленныхъ стадъ могла заставить его перемѣнить мѣсто своей первой стоянки на гористый округъ между Веѳилемъ и Гаемъ,—городами, находившимися верстахъ въ трехъ одинъ отъ другаго. Мѣстоположеніе Веѳиля, теперешняго Бейтина, никогда не затерывалось въ исторіи. Селеніе это стоитъ въ какихъ нибудь пятнадцати верстахъ къ сѣверу отъ Іерусалима на большомъ хребтѣ, который раздѣляетъ страну и съ котораго крутой наклонъ ведетъ къ Іерихону, находившемуся въ двѣнадцати верстахъ отсюда. Нѣсколько постоянныхъ источниковъ орошаютъ известковыя скалы окрестности и поддерживаютъ зелень среди каменистой почвы. Самое мѣсто жертвенника, построеннаго здѣсь Аврамомъ, впослѣдствіи отождествлялось съ развалинами Бурджъ-Бейтина на небольшой каменистой, но плодородной равнинѣ, къ востоку отъ деревни. И сколько возвышенныхъ мыслей должно было связываться съ этими жертвенниками впослѣдствіи, какъ свидѣтелями одного и того же Бога въ различныхъ мѣстахъ! Память о жизни предковъ, нигдѣ не записанной, сохранялась въ этихъ видимыхъ знакахъ. Сказанія преданій находили подтвержденіе въ этихъ внѣшнихъ предметахъ. Дѣти отдаленныхъ поколѣній могли узнавать въ нихъ дѣло своего великаго предка и могли видѣть, что земля эта была посвящена Іеговѣ и предназначалась въ ихъ владѣніе. Они могли такимъ образомъ ясно представлять себѣ Невидимаго, могли признавать во всемъ руку Божію, руководившую тѣмъ, который воздвигалъ эти святилища, и вслѣдствіе этого могли поручать свою будущность Его водительству. Какъ ни пустыненъ и ни жалокъ видъ теперешняго Веѳиля, онъ всегда находился въ высокомъ почтеніи, какъ священное мѣсто. Слишкомъ скудный слой почвы на скалахъ лишаетъ его растительности, и хотя въ долинѣ было достаточно воды, собиравшейся въ огромный прудъ, ведшій свое начало,

повидимому, изъ глубокой древности, однако же онъ никогда не представлялъ хорошихъ пастбищъ. «Вся окрестность, говоритъ новѣйшій путешественникъ [1]), представляетъ собою сѣрый обнаженный камень или бѣлый известнякъ. Жалкія поля огорожены каменными стѣнами, лачуги кое-какъ сколочены изъ камня; холмы къ востоку состоятъ изъ твердыхъ скалъ, и лишь кое-гдѣ покрыты скудными смоковичными садами; древнія гробницы высѣчены въ низкомъ утесѣ, и большой резервуаръ къ югу отъ деревни ископанъ въ скалѣ. Мѣсто это, повидимому, какбы превращено въ камень, и отсюда легко вообразить, что одинокій патріархъ (Іаковъ) не нашелъ здѣсь ничего болѣе мягкаго, кромѣ камня вмѣсто подушки для своей головы, когда на обнаженномъ склонѣ холма онъ спалъ и видѣлъ чудесный сонъ о лѣстницѣ». Въ этомъ-то древнемъ религіозномъ святилищѣ Аврамъ и раскинулъ свою палатку; онъ поилъ свой скотъ у источниковъ въ прудѣ, и въ немъ его служанки наполняли водой свои кувшины. Съ окружающихъ высотъ въ послѣдующія времена можно бы было видѣть отсюда вершину храма Соломонова; и это мѣсто, опозоренное впослѣдствіи поклоненіемъ тельцу, находилось также въ виду горы Моріа, гдѣ святилище истиннаго Бога неба и земли представляло безмолвный протестъ противъ нововведеннаго Іеровоамомъ идолопоклонства [2]).

ГЛАВА XII.

Аврамъ въ Египтѣ.

Въ землѣ обѣтованной Аврамъ велъ спокойную пастушескую жизнь, останавливаясь на томъ или другомъ мѣстѣ, пока былъ запасъ корма и воды, и когда они истощались, онъ передвигался въ другую болѣе плодородную мѣстность, но все время «продолжалъ идти къ югу», въ южную область Палестины, которая называлась по-еврейски Негебъ. Куда бы только онъ ни приходилъ, онъ вездѣ приносилъ жертву и «призывалъ имя Господа». Своихъ домочадцевъ

[1]) Conder, Tent Work, стр. 252.

[2]) Былъ ли Луз во времена Аврама царственнымъ городомъ,—неизвѣстно. Въ одномъ мѣстѣ о немъ упоминается (Іис. Нав. XIII, 16) какъ о мѣстожительствѣ хананскаго царя, но о его исторіи до того времени, какъ онъ отошелъ подъ власть израильтянъ, вообще извѣстно очень мало.

онъ заставлялъ поклоняться Іеговѣ, и несомнѣнно, по мѣрѣ возможности, дѣйствовалъ и въ качествѣ миссіонера по отношенію къ окружающимъ язычникамъ, проповѣдуя истинную религію и показывая дѣлами одушевлявшую его вѣру.

Но вотъ постигло его новое испытаніе. «Божій атлетъ», какъ говоритъ св. Амвросій, «упражняется и закаляется бѣдствіями». Земля, которая была обѣщана ему и въ которую онъ переселился, какъ въ свое будущее наслѣдіе, будучи столь чудесно руководимъ къ ней, не могла содержать его долѣе. Насталъ сильный голодъ. Аврамъ долженъ былъ или оставить свое настоящее мѣстопребываніе, или изморить отъ недостатка воды и пастбищъ. Такая страна, какъ Ханаанъ, отчасти только обработанная, безъ всякаго искусственнаго орошенія и большею частью находящаяся въ зависимости отъ годичныхъ дождей въ отношеніи самаго существованія ея пастбищъ, часто страдала отъ засухи. Подобные же большіе голода случались впослѣдствіи во времена пророковъ Иліи и Елисея [1]); о такихъ же бѣдствіяхъ упоминается и у пророка Амоса: «за то и далъ Я вамъ голые зубы во всѣхъ городахъ вашихъ и недостатокъ хлѣба во всѣхъ селеніяхъ вашихъ и удерживалъ отъ васъ дождь за три мѣсяца до жатвы» (IV, 6—8). При такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ жители Палестины естественно обращали свои взоры къ Египту. Въ этой странѣ, хотя дождь и нерѣдкость на ея сѣверныхъ берегахъ, главнымъ источникомъ плодородія была рѣка, и она своими правильными разливами дѣлала обширную низменную равнину, по которой она течетъ, какбы раемъ пдодородія. Не завися отъ мѣстнаго выпаденія дождей, Египетъ такимъ образомъ могъ наслаждаться полнымъ избыткомъ въ хлѣбѣ, когда другія окружающія его страны страдали отъ голода; и травы, и овощей, и пищи всякаго рода тамъ было въ изобиліи во всѣ времена года. Туда-то Аврамъ и отправился пожить на нѣкоторое время. Бытописатель ничего не говоритъ о томъ, чтобы Аврамъ предпринялъ этотъ важный шагъ по указанію свыше, и послѣдующія обстоятельства скорѣе заставляютъ полагать, что въ этомъ отношеніи онъ руководился своимъ собственнымъ побужденіемъ.

Опредѣлить въ точности время прибытія Аврама въ Египетъ, равно какъ и то, кто былъ фараономъ, занимавшимъ въ то время египетскій престолъ, при теперешнемъ состояніи библейско-истори-

[1]) 3 Цар. XVII—XVIII; 4 Цар. VII, 1—6.

ческой науки еще невозможно. I. Флавій называетъ его въ одномъ мѣстѣ Нехао, а въ другомъ—Фараотомъ [1]). Другіе іудейскіе писатели называютъ его Рикайономъ или Ракайономъ, прибавляя, что онъ вышелъ изъ Сеннаара и достигъ царскаго достоинства силой и обманомъ. Малала [2]) называетъ его по имени Нарахо, что̀, повидимому, составляетъ лишь извращеніе имени Рикайонъ, и что вѣроятно то же самое, какъ и Нехао I. Флавія. Что Египетъ даже въ это раннее время имѣлъ весьма важное значеніе и считалъ за собою весьма почтенную древность, это не подлежитъ сомнѣнію въ виду дошедшихъ до насъ памятниковъ; но туманъ его древнихъ лѣтописей еще не проясненъ наукой, равно какъ не установлена съ точностью и хронологіи его различныхъ династій. По одному предположенію, Аврамъ прибылъ въ Египетъ во время владычества тамъ чужеземцевъ, такъ называемыхъ гиксовъ или царей пастуховъ; но болѣе вѣроятно, что это было во время царствованія послѣдняго царя изъ знаменитой двѣнадцатой династіи, одной изъ величайшихъ въ исторіи Египта [3]). Во всякомъ случаѣ, когда Аврамъ вступилъ въ предѣлы этой страны, то предъ его глазами должно было открыться зрѣлище совершенно новаго, невиданнаго для него міра. Огромныя пирамиды въ это время давно уже возвышались на берегахъ Нила, такъ какъ, по крайней мѣрѣ, восемь династій уже прошло со времени основанія первой изъ нихъ. Въ сѣверной части Дельты уже не мало поселилось семитическихъ народовъ, по различнымъ побужденіямъ искавшихъ здѣсь себѣ убѣжища, и они не только хорошо обработали эту мѣстность, но и наполнили ее бойкой промышленностью и торговлей, между тѣмъ, какъ къ югу отъ нихъ вся долина Нила находилась подъ властью одного фараона; разливы Нила находились подъ строгимъ контролемъ правительства; былъ сдѣланъ особый обширный резервуаръ для отвода лишнихъ водъ въ каждомъ году, именно въ знаменитомъ озерѣ Мерисъ, и страна покрыта была городами, поселеніями и деревнями, причемъ первые украшались большими храмами и дворцами, развалины которыхъ еще и теперь возбуждаютъ удивленіе въ путешественникахъ. Во всѣхъ направленіяхъ виднѣлась богато обработанная почва, повсюду работали большія водоподъемныя колеса,

---

[1]) Bell. Jud. V, 9 и 4; Antiq. I, 8, 1.

[2]) Chronogr. 71.

[3]) Sayce, Fresh Light from the Monuments, p. 50 и сл.; Birch, Ancient Egypt, стр. 75.

вращаемыя волами, разливавшія благодатную влагу во всѣхъ направленіяхъ, хотя безчисленные ручьи и обширные каналы и безъ того разносили живительную влагу изъ рѣки Нила по всѣмъ окружающимъ полямъ. Пашущіе или молотящіе волы, сопровождаемые пѣснями работниковъ; огромныя стада рогатаго скота или овецъ, благоухающіе огороды и богатые сады и виноградники придавали прелесть всей картинѣ съ каждымъ шагомъ путешественника впередъ. Не было недостатка и въ другихъ пріятныхъ подробностяхъ въ картинѣ. Лошадь была еще неизвѣстна въ Египтѣ, но многочисленные и часто прекрасные ослы замѣняли ее для всякихъ мирныхъ цѣлей. Населеніе (теперь смѣшанной крови, но первоначально азіатскаго происхожденія, именно вѣтвь тѣхъ самыхъ кушитовъ, которые основали и Вавилонское царство) было спокойнаго и благодушнаго характера, хотя высокостановные вельможи и жрецы смотрѣли на болѣе бѣдные классы съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Въ общемъ страна наслаждалась счастливой жизнью. Гостепріимство было однимъ изъ священныхъ обычаевъ страны, и если весь день проводился въ трудахъ, то вечера обыкновенно проводились въ пѣсняхъ и пляскахъ, подъ звуки трубъ и арфъ. Обычная одежда состояла изъ полотна, разноцвѣтнаго для народа вообще, но совершенно бѣлаго для жрецовъ; причемъ болѣе знатныя женщины одѣвались часто въ столь тонкія и прозрачныя одежды, что это не всегда могло мириться съ скромностью. Охотники любили заниматься охотой съ собаками на крокодиловъ или гиппопотамовъ; птицеловы имѣли особенно дрессированныхъ кошекъ для охоты на птицъ въ камышахъ по берегамъ каналовъ и Нила, по водамъ котораго скользило множество судовъ—отъ легкаго челнока и тяжелой барки, нагруженной камнями для общественныхъ построекъ или всевозможной провизіей, до великолѣпныхъ яхтъ знати или самого фараона. Неограниченный правитель (фараонъ) принималъ отъ своего народа божескія почести, какъ прямой потомокъ боговъ. Науки и искусства процвѣтали, и имѣлась уже значительная литература по разнымъ отраслямъ знаній и особенно по анатоміи и медицинѣ. Въ большихъ богатыхъ столицахъ и городахъ возвышались многочисленные храмы и обелиски, обложенные полированнымъ гранитомъ, и повсюду можно было видѣть множество сфинксовъ и всевозможныхъ статуй и идоловъ—изъ камня, золота, серебра, бронзы и слоновой кости. Богатѣйшія изукрашенныя живописью и скульптурой гробницы съ покоившимися въ нихъ набальзамированными покойниками (муміями)

представляли собою цѣлые города мертвыхъ, и кругомъ кипѣла самая бойкая общественная жизнь. Фараоновъ дворецъ въ Мемфисѣ кишѣлъ всевозможными жрецами и волхвами, состоявшими въ качествѣ приближенныхъ совѣтниковъ фараона. Знатные вельможи жили въ великолѣпныхъ домахъ, наполненныхъ всякою челядью, всевозможными слугами и рабами, и вся окружающая жизнь свидѣтельствовала о томъ, что Египетъ по справедливости заслужилъ названіе страны чудесъ.

Все это, несомнѣнно, должно было не мало поразить Аврама (хотя онъ и видѣлъ нѣчто подобное на своей родинѣ въ Халдеѣ); но онъ однако уже раньше наслышался о Египтѣ и даже отчасти былъ знакомъ съ характеромъ правленія и нравами страны. Ему извѣстно было, что египтяне, имѣя весьма высокія начала нравственности въ литературѣ, въ то же время въ жизни оказывались народомъ чрезвычайно чувственнымъ и преданнымъ всевозможнымъ порокамъ. Чувственность, роскошь и пьянство были обычными явленіями въ этой странѣ. Самъ царь имѣлъ множество женъ, и прекраснѣйшія дѣвицы отовсюду доставлялись постоянно въ его гаремъ. Окружающіе его сановники другъ передъ другомъ старались выслужиться предъ фараономъ, обращая его вниманіе на прекраснѣйшихъ женщинъ, и примѣромъ этого можетъ служить разсказъ, сохранившійся въ такъ называемомъ Папирусѣ Орбини [1]). Въ этомъ повѣствованіи разсказывается, какъ видъ одного случайно замѣченнаго локона волосъ приводитъ къ заключенію, что владѣтельница его должна быть «дочерью бога» и можетъ быть достойною вниманія фараона, вслѣдствіе чего она и приведена была въ царскій гаремъ. Зная такіе обычаи страны, Аврамъ вступая въ нее, нашелъ нужнымъ принять нѣкоторыя предосторожности. Съ этою цѣлью онъ согласился съ Сарой, чтобы она выдавала себя только за сестру его, такъ какъ иначе, въ случаѣ если она понравится фараону, египтяне убьютъ ея мужа, что и дѣйствительно случалось, какъ показываютъ памятники древняго Египта. Этому опасенію отнюдь не противорѣчитъ то обстоятельство, что Сарѣ въ то время было уже болѣе 60 лѣтъ отъ роду, такъ какъ извѣстны примѣры, когда женщины сохраняли свою красоту до весьма преклонныхъ лѣтъ. Къ тому же Сара не была ослаблена муками дѣторожденія или истощена заботливостью о дѣтяхъ. Ея красота могла вполнѣ

[1]) Ebers, Egypten und die Bücher Moses, стр. 262.

сохраниться до этого времени, такъ какъ она жила до 127 лѣтъ и въ 90 лѣтъ еще способна была сдѣлаться матерью Исаака [1]). Что Сара была женщина необычайной красоты, это понятно само собою; опасеніе Аврама при приближеніи къ распущенному двору египетскому имѣло такимъ образомъ всѣ основанія. Въ одномъ Папирусѣ, находящемся въ Берлинѣ, разсказывается исторія, въ высшей степени похожая на этотъ случай въ жизни Аврама. Въ немъ разсказывается, какъ у одного рабочаго надзиратель отнялъ осла, и ему пришлось приносить жалобу начальнику Меруитенсу, который наконецъ доводитъ это дѣло до царя, фараона одинадцатой династіи и такимъ образомъ приблизительно того самаго времени, когда Аврамъ переселился въ Египетъ. Сдѣлавъ допросъ рабочему, царь говоритъ: «онъ не отвѣчаетъ ни на что сказанное ему, пусть будетъ сдѣланъ для насъ писанный докладъ и мы разсмотримъ дѣло. Жена же его и дѣти будутъ принадлежать царю; строго стеречь его и снабжать его пищей». Жена и дѣти рабочаго такимъ образомъ сдѣлались царскою собственностью, а придворные стали заботиться о содержаніи мужа [2]).

Чего Аврамъ опасался, то именно и случилось. Всякіе новые пришельцы, какъ было въ обычаѣ у египтянъ, сразу же приводились во дворецъ царя. На самой границѣ жили особые чиновники, на обязанности которыхъ было слѣдить за всѣми подобными событіями, и до насъ дошли нѣкоторыя изъ отношеній, сдѣланныхъ этими чиновниками при подобныхъ обстоятельствахъ. До насъ дошла одна писанная копія, содержащая въ себѣ формальное разрѣшеніе одному пастушескому племени поселиться въ сѣверной Дельтѣ (во времена фараона Менефты). Изъ нея видно, что чужеземцы всегда приводимы были лично къ царю для того, чтобы получить позволеніе остаться въ странѣ, и въ случаѣ отказа въ этомъ, они немедленно же препровождались обратно заграницу. Въ скалистыхъ гробницахъ, высѣ-

---

[1]) При объясненіи разсматриваемаго факта не лишено нѣкотораго значенія и предположеніе, что Сара могла быть бѣлокурой, чѣмъ и представляла выгодный контрастъ съ темными красавицами Египта. Извѣстно, что итальянцы настоящаго времени придаютъ весьма большое значеніе голубымъ глазамъ и розовымъ щекамъ женщинъ сѣвера, и Виргилій, представляя своего героя Энея образцомъ красоты, замѣчаетъ, что лицо у него было какъ слоновая кость или паросскій мраморъ, обрамленное прядями желтыхъ волосъ (Энеида, I, 592; ср. IV, 143 и проч.). Памятники впрочемъ показываютъ, что египтяне не могли находить чего-либо особенно новаго въ такой комплекціи, такъ какъ и среди нихъ были женщины не всегда темнаго цвѣта.

[2]) Les Papyrus hieratiques de Berlin, F. Chabas, pp. 14, 15.

ченныхъ въ крутомъ холмѣ на восточной сторонѣ Нила, на полпути между Мемфисомъ и Ѳивами, въ деревнѣ Бени-Гассанъ (сыновъ Гассана), древняго арабскаго племени, давно поселившагося на этомъ мѣстѣ, мы имѣемъ затѣмъ поразительную картину пріема со стороны высокаго сановника представителей одного семитическаго племени, совершенно похожаго на племя Аврама и именно изъ времени патріарха. Это именно племя Аму или семитскихъ чужеземцевъ, которые были номадами, подобно евреямъ, и прибыли въ Египетъ съ женами и дѣтьми, всѣми своими животными, а также и домочадцами и даже оружіемъ, служащимъ, очевидно, доказательствомъ ихъ политической независимости. Подробности картины даютъ намъ возможность лучше уяснить и обстоятельства появленія Аврама предъ фараономъ. Придворный писецъ вводитъ во дворецъ начальника племени, одѣтаго въ мѣшкообразный плащъ, доходящій до колѣнъ и состоящій изъ красныхъ, бѣлыхъ и зеленыхъ цвѣтовъ, затѣйливо отороченный всевозможными украшеніями. Какъ онъ, такъ и его ближайшій спутникъ, сняли свои сандаліи. Начальникъ ведетъ съ собою каменнаго козла, въ качествѣ подарка, при поднесеніи его кланяется съ распростертыми руками, а стоящій рядомъ съ нимъ держитъ антилопу за ошейникъ и за рога. Третій, слѣдующій за ними, одѣтъ только въ юбкѣ. Слѣдующіе четыре человѣка одѣты въ длинныя узкія рубахи, приспособленныя къ жаркому климату: двое изъ нихъ въ бѣлой, двое другихъ—въ красной, бѣлой и голубой съ самыми изысканными узорами. Все четверо держатъ въ рукахъ свое оружіе: копья и лукъ вмѣстѣ съ особымъ оружіемъ изъ гнутаго дерева, похожимъ на австралійскій бумерангъ для метанія, или быть можетъ изогнутой палкой, еще и теперь употребляемой арабами при управленіи верблюдами. Позади ихъ идетъ оселъ, навьюченный коробами, наполненными частью быть можетъ свѣтлыми цвѣтными матеріями, которыми славился Ханаанъ, но отчасти также и дѣтьми, двое изъ которыхъ высовываютъ изъ нихъ свои головы. Далѣе слѣдуютъ четыре женщины безъ всякихъ покрывалъ, въ плотно стянутой сорочкѣ, которая и до сихъ поръ служитъ единственной одеждой арабскихъ дѣвицъ, причемъ одна сторона поддерживается надплечной застежкой, а руки и другое плечо совершенно голы. На ногахъ у нихъ красные башмаки, отороченные наверху бѣлымъ. Всѣ фигуры съ открытыми головами, но всѣ съ обильными волосами, причемъ волоса женщинъ подвязаны вокругъ головы лентой. Впереди ихъ идетъ мальчикъ съ копьемъ, въ

короткой рубашкѣ, а позади ихъ второй оселъ, везущій копье и повидимому щитъ; процессія заключается двумя мужчинами, изъ которыхъ первый играетъ на большомъ струнномъ инструментѣ, держа его предъ собою, а другой несетъ въ рукахъ лукъ съ колчаномъ и дубину; единственное ихъ одѣяніе состоитъ изъ своего рода отороченной и всячески украшенной юбки, доходящей отъ таліи до колѣнъ [1]).

Когда придворные сановники узнали о прибытіи въ Египетъ знатнаго начальника племени съ своей прекрасной сестрой, то тотчасъ же обратили на нее вниманіе фараона, и Сара была взята во дворецъ съ цѣлью устроить почетную свадьбу въ должное время. Ея мнимому шурину, съ цѣлью обезпечить его согласіе въ этомъ дѣлѣ и въ видѣ уплаты за невѣсту, даны были хорошіе подарки, какъ это было согласно съ обычаями страны. Аврамъ былъ одаренъ, между прочимъ, «мелкимъ и крупнымъ скотомъ, и ослами, и рабами, и рабынями, и лошаками, и верблюдами». Критики утверждали [2]), что нѣкоторыя изъ упоминаемыхъ здѣсь среди подарковъ животныхъ не были еще извѣстны въ то время въ Египтѣ, но новѣйшія изслѣдованія вполнѣ доказали точность библейскаго повѣствованія. Въ этомъ перечисленіи обращаетъ на себя вниманіе отсутствіе лошади; помимо того, что лошадь могла быть мало полезна патріарху, она не была туземнаго происхожденія въ Египтѣ и по всей вѣроятности еще совсѣмъ неизвѣстна была тамъ, такъ какъ введена была впервые только гиксами послѣ Аврама. Что касается другихъ упоминаемыхъ животныхъ, то они часто изображаются на памятникахъ. Въ гробницѣ, рядомъ съ великой пирамидой, есть изображеніе вмѣстѣ съ надписью, гласящею, что лежащій въ этой гробницѣ покойникъ имѣлъ не менѣе 2235 обыкновенныхъ овецъ и козъ и 973 высшаго рода, всего 3208 головъ. Рогатый скотъ въ Египтѣ разводился въ огромномъ количествѣ; кости его находимы были на значительной глубинѣ въ Дель-

---

[1]) См. часть подобной картины на рисункѣ передъ началомъ главы. Въ полномъ видѣ эту картину можно видѣть въ изданіяхъ Бругша, Эберса, Ленормана и др. Картина на стѣнѣ гробницы имѣетъ восемь футовъ длины и полтора фута высоты. Ebers, Egypten, pp. 257, 258. Speaker's Commentary, vol. I, pp. 445—446. По мнѣнію Лепсіуса, эта картина изображаетъ переселеніе одного гикскаго семейства, которое просило допустить и принять ихъ въ благословенную землю и потомки котораго быть можетъ открыли входъ въ страну семитическимъ завоевателямъ, связаннымъ съ нимъ племеннымъ родствомъ.

[2]) См. Bohlen, Die Genesis, 1837, p. 163.

тѣ, а памятники показываютъ, что уже въ самыя древнія времена жители пользовались имъ такъ же, какъ и въ настоящее время. Въ одной надписи отъ двѣнадцатой династіи чиновникъ, по имени Амени, гордо заявляетъ, что онъ собралъ въ округѣ Сагу, въ которомъ онъ состоялъ начальникомъ, стадо въ 3000 воловъ съ телятами и телицами. Волъ былъ самымъ обыкновеннымъ животнымъ, употреблявшимся для пашни, и молочное производство занимало весьма значительное мѣсто въ пищѣ египтянъ и въ ихъ религіозныхъ церемоніяхъ. Діодоръ разсказываетъ, что въ его время 360 чашъ ежедневно наполнялись молокомъ, въ качествѣ жертвоприношенія, жрецами, совершавшими мистеріи Озириса. Въ позднѣйшее время были особыя должностныя лица, которыя имѣли надзоръ за волами и телицами, принадлежавшими богу Аммону. Писецъ Анна, гробница котораго открыта была въ Курнѣ, имѣлъ на своей обязанности, какъ гласитъ его эпитафія, продавать молочные продукты отъ этого скота. Существованіе многочисленныхъословъ въ Египтѣ доказывается изображеніемъ Бени-Гассанъ и еще болѣе древними гробницами близъ пирамидъ, на которыхъ изображаются цѣлыя стадаословъ. Богатые люди гордо заявляютъ въ своихъ эпитафіяхъ о томъ, что они владѣли ими цѣлыми тысячами. Въ позднѣйшее время богъ Сетъ, которому былъ посвященъ оселъ, правда, считался злымъ богомъ, вслѣдствіе чего и посвященное ему животное сдѣлалось «мерзостью для египтянъ»; но даже и послѣ того оселъ еще находился въ большомъ употребленіи при ѣздѣ и перенесеніи тяжестей, хотя и посвящался Сету чрезъ сбрасываніе его съ вершины скалы. Ко времени прибытія Аврама въ Египетъ, онъ былъ предметомъ немалаго почтенія, какъ еще и теперь въ Африкѣ, гдѣ, какъ говоритъ Бекеръ, названіе осломъ считается скорѣе комплиментомъ, чѣмъ обидой, такъ какъ самое животное это считалось благороднымъ и бываетъ довольно смышленымъ въ этихъ странахъ. Упоминаніе о верблюдахъ въ качествѣ подарка Авраму враждебные критики издавна считали доказательствомъ позднѣйшаго происхожденія этой части книги Бытія; но новѣйшія изслѣдованія съ достаточностью показываютъ, что животное это было извѣстно съ самыхъ раннихъ вѣковъ въ Египтѣ. Хотя, правда, и не встрѣчается изображеній его на памятникахъ, но это вѣроятно происходило вслѣдствіе одного изъ тѣхъ многочисленныхъ законовъ, по которому художники этихъ временъ ограничивались въ своихъ изображеніяхъ извѣстными фигурами, начертывавшимися по опредѣленнымъ правиламъ.

Пѣтухи и куры, которыхъ было чрезвычайно много по берегамъ Нила съ самыхъ древнихъ временъ и которые приносились даже въ жертву богу Анубису, по той же самой причинѣ нигдѣ не встрѣчаются въ изображеніяхъ на памятникахъ. Но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что египтяне были уже вполнѣ знакомы съ верблюдами, такъ какъ они издавна употреблялись на Синайскомъ полуостровѣ, находившемся въ это время подъ властью Египта.

Одаривъ такъ Аврама, фараонъ думалъ, что онъ сдѣлалъ съ своей стороны все, что было необходимо для обезпеченія Сары для своего гарема, и онъ дѣйствительно хотѣлъ было сдѣлать ее своей женой (Быт. XII, 19). Но Господь явился въ этомъ отношеніи покровителемъ Аврама. Предназначенная матерь избраннаго рода не должна была подвергнуться такой несправедливости. Домъ фараоновъ поразила таинственная болѣзнь и воспрепятствовала предполагавшемуся браку. Устрашенный этимъ обстоятельствомъ, царь, по свидѣтельству I. Флавія, спросилъ жрецовъ о причинѣ постигшей его язвы, и послѣдніе объяснили ему, что онъ пораженъ ею за то, что намѣревался жениться на замужней уже женщинѣ. Встревоженный такимъ открытіемъ, онъ призвалъ Сару и узналъ отъ нея о дѣйствительномъ ея отношеніи къ Авраму. При этомъ фараонъ проявилъ чрезвычайную мягкость, такъ какъ нисколько не думалъ отмстить за обманъ, который чуть не заставилъ его совершить тяжкое преступленіе. Призвавъ Аврама, фараонъ сказалъ ему: «что ты это сдѣлалъ со мною? Для чего не сказалъ мнѣ, что она жена твоя? Для чего ты сказалъ: она сестра моя? И я взялъ было ее себѣ въ жены. И теперь вотъ, жена твоя; возьми ее, и пойди». При этомъ онъ даже не потребовалъ отъ Аврама назадъ данныхъ ему подарковъ, но такъ какъ голодъ въ Ханаанѣ уже прошелъ, то фараонъ просто велѣлъ выпроводить его за предѣлы страны, давъ въ то же время слугамъ своимъ порученіе оказывать ему всякое содѣйствіе въ путешествіи и проводить его.

Какъ продолжительно было пребываніе Аврама въ Египтѣ, неизвѣстно, но по всей вѣроятности не долѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Вслѣдствіе посѣщенія Египта Авраамъ сдѣлался «очень богатымъ скотомъ, и серебромъ, и золотомъ». Эти металлы были хорошо извѣстны египтянамъ его времени, но еще были мало въ ходу въ Палестинѣ. Серебряные рудники Египта въ восточной пустынѣ обогащали страну какъ серебромъ, такъ и золотомъ, причемъ вмѣстѣ съ тѣмъ источни-

ками ихъ служила и дань изъ Эѳіопіи, центральной Африки и другихъ странъ. Употребленіе серебра даже раньше Аврама доказывается короной фараона двѣнадцатой диностіи, сохраняющейся теперь въ Лейденѣ. Она сдѣлана изъ золота и серебра и состоитъ изъ широкой пластины, составленной изъ обоихъ этихъ металловъ, причемъ менѣе драгоцѣнный прикрывается болѣе дорогимъ. Во времена девятнадцатой династіи золото употреблялось для всевозможныхъ украшеній, какъ это можно видѣть на картинахъ гробницъ Бени-Гассана. Аменематъ I имѣлъ дворецъ, который былъ богато вызолоченъ повсюду, украшенъ арками изъ лапись-лазури, и стѣны его отдѣланы были драгоцѣнными камнями и бронзой. Къ концу древняго періода Египта, даже гробницы обыкновенно золотились. Промывкой золота египтяне занимались въ Нубіи въ царствованіе Аменемата I, а рудники мѣди и ртути разрабатывались на Синайскомъ полуостровѣ съ самымъ раннимъ временъ, такъ что и тогда уже упоминается о «надзирателяхъ золотой сокровищницы». Въ позднѣйшее время, именно въ царствованіе Рамзеса III, какъ показываетъ одна картина въ храмѣ Мединетъ-Абу, богатство фараоновъ было огромнымъ. Изображаемая на ней сокровищница переполнена массою золота и серебра въ мѣшкахъ, кувшинахъ или кучахъ, причемъ болѣе дешевые металлы лежатъ кругомъ въ большихъ массахъ, подобно простому строительному камню. Если къ этому прибавить золотыя колесницы, золотыя кресла и подножныя скамейки, золоченыя двери и колонны, сосуды изъ золота и общую позолоту комнатъ во дворцахъ фараоновъ новѣйшаго періода исторіи, то царское богатство съ достаточностью оправдываетъ слова одного изъ фараоновъ слугѣ, которому онъ хотѣлъ оказать особенную честь, что «онъ будетъ носить золото вокругъ своей шеи, на спинѣ, на ногахъ за то, что вѣрно служилъ царю во всемъ» [1]).

По свидѣтельству І. Флавія, Аврамъ ходилъ въ Египетъ не только для прокормленія въ этой странѣ, но и для изслѣдованія египетской религіи и для бесѣды съ жрецами касательно Бога, которому они вѣровали, и въ случаѣ, еслибы нашелъ ихъ вѣрованіе неразумнымъ, то имѣлъ въ виду научить ихъ болѣе возвышенной религіи. Когда по его изслѣдованію, оказалось, что туземныя вѣрованія были совер-

---

[1]) Lepsius, Denkmäler III, 97.

шенно пустыя и ни на чемъ не основанныя, то онъ пользовался всякимъ случаемъ для доказательства превосходства своей собственной вѣры, и ясностью своихъ доводовъ и убѣдительностью своей рѣчи пріобрѣлъ славу ученаго философа, и былъ почитаемъ какъ чудо мудрости и святости. Іудейскій историкъ къ этому прибавляетъ, что онъ научилъ египтянъ знанію звѣздъ и ариѳметикѣ, чему онъ самъ научился въ Халдеѣ. Но это послѣднее сказаніе явно выдаетъ свою апокрифичность, такъ какъ египтяне издавна славились своими познаніями въ астрономіи и математикѣ.

Не имѣя больше возможности оставаться въ Египтѣ, Аврамъ, вмѣстѣ съ своимъ племянникомъ Лотомъ, тихо двинулся опять назадъ къ Ханаану чрезъ возвышенность Негеба или южной страны, которая въ то время была гораздо плодороднѣе, чѣмъ теперь, и направился къ своему прежнему стану между Веѳилемъ и Гаемъ. Подобныя передвиженія племенъ имѣли одинъ и тотъ же характеръ во всѣ времена, и отсюда легко составить представленіе объ этомъ путешествіи Аврама и Лота по описанію передвиженія одного арабскаго племени. «Мы оказались, пишетъ Лейярдъ, среди широко раскинувшихся стадъ овецъ и верблюдовъ. Насколько могъ хватать глазъ, направо, налѣво и впереди все представляло ту же самую движущуюся массу. Тутъ тянулись длинные обозы воловъ и лошаковъ, нагруженныхъ черными палатками, огромными котлами и разнородными коврами. Престарѣлыя женщины и мужчины, неспособные уже ходить пѣшкомъ, были навьючены на животныхъ вмѣстѣ съ домашними принадлежностями. Дѣти, запрятанныя въ мѣшки при сѣдлахъ, высовывали свои маленькія головы чрезъ узкія отверстія, уравновѣшиваясь на спинѣ животнаго козлятами или ягнятами, привязанными съ противоположной стороны. Затѣмъ молодыя дѣвицы, одѣтыя только въ узкую арабскую рубашку, которая скорѣе обнаруживала, чѣмъ скрывала ихъ красивыя формы; матери съ своими дѣтьми на плечахъ; мальчики, погонщики стадъ ягнятъ; всадники, гарцовавшіе съ своими длинными копьями по равнинамъ обширныхъ степей; погонщики верблюдовъ, вооруженные короткими крючкообразными палками и ведущіе въ поводьяхъ своихъ породистыхъ скакуновъ; жеребята, прыгающіе среди стадъ; высокородовитыя женщины, сидѣвшія подъ покровомъ огромныхъ крыльевъ, свѣшивавшихся подобно бабочкѣ съ обѣихъ сторонъ верблюжьяго горба, и не менѣе разноцвѣтно и пышно разодѣтыя,—такова была пестрая масса, чрезъ которую намъ приходилось двигаться въ теченіе нѣ-

сколькихъ часовъ». Стоитъ только вычеркнуть изъ этого описанія лошадей и предъ нами во всей полнотѣ будетъ картина путешествія Аврама.

ГЛАВА XIII.

Побѣда Аврама.

По возвращеніи изъ Египта, Аврамъ поселился въ окрестностяхъ Виѳиля, гдѣ онъ возобновилъ свое богослуженіе, «призывая Господа». Обладая полнымъ благосостояніемъ, Аврамъ думалъ на время найти здѣсь покой. Но случилось не такъ. Что Христосъ сказалъ своимъ послѣдователямъ, то истинно и по отношенію ко всѣмъ слугамъ Божіимъ: «въ мірѣ вы будете имѣть скорбь»; это именно и пришлось испытать на себѣ лично великому патріарху. Поводомъ къ этому послужило самое благосостояніе, которымъ Богъ надѣлилъ его. Стада Аврама и его племянника были теперь уже такъ велики, что имъ стало не доставать пастбищъ, и пастухи того и другаго начали заводить изъ-за пастбищъ споры и ссоры между собой. Этому еще болѣе содѣйствовало то, что самая страна не была ихъ собственностью, а занята была хананеями и ферезеями (Быт. XIII, 7), причемъ первые жили въ укрѣпленныхъ городахъ, а послѣдніе обитали въ лѣсахъ, горахъ и деревняхъ. Споры пастуховъ естественно скоро привлекали къ этому дѣлу и самихъ владѣльцевъ стадъ, причемъ оказалось, что Лотъ къ этому спору примѣшивалъ и явное желаніе освободиться отъ вліянія своего дяди. Это было новое испытаніе вѣры Аврама, и онъ не посрамилъ ея. Чтобы покончить съ этимъ споромъ, Аврамъ сказалъ Лоту: «да не будетъ раздора между мною и тобою, и между пастухами моими и пастухами твоими: ибо мы родственники Не вся ли земля предъ тобою? Отдѣлись же отъ меня. Если ты налѣво, то я направо; а если ты направо, то я налѣво». Лотъ воспользовался этимъ великодушнымъ предложеніемъ своего дяди и избралъ себѣ лучшую часть пастбищъ, взявъ всю богатѣйшую окрестность Іорданскую, — страну, которая, «вся до Сигора, орошалась водою какъ садъ Господень. какъ земля Египетская». Самъ Аврамъ, вѣруя въ лучшее обѣтованіе, остался на скудныхъ пастбищахъ Веѳиля.

Черты мѣстности даютъ намъ возможность опредѣлить самое мѣсто, гдѣ совершился этотъ благородный примѣръ самоотверженія со стороны великаго патріарха. Аврамъ, видимо, построилъ свой жертвенникъ на вершинѣ «горы къ востоку отъ Веѳиля», гдѣ тогда стоялъ онъ вмѣстѣ съ Лотомъ, и съ которой вся окружающая мѣстность, подобно картѣ, разстилалась предъ ними. Теперь окружающая мѣстность представляетъ собою лишь рядъ темно-коричневыхъ и округленныхъ известняковыхъ скалъ, вздымающихся обнаженными холмами, безъ всякой древесной растительности на нихъ; но въ то время она, вѣроятно, представляла прекрасныя аллеи съ открытыми пастбищами, затѣняемыми лѣсистыми склонами, уходящими въ далекую синеву во всѣхъ направленіяхъ. Но богатѣйшее мѣсто страны, именно окрестность Іорданская, лежала къ востоку и была какбы у самыхъ ногъ ихъ, тамъ именно, гдѣ глубокая ложбина рѣки переходитъ въ отрытую долину, предъ тѣмъ, какъ ея воды окончательно теряются въ томъ озерѣ, что теперь называется Мертвымъ моремъ. Если Содомъ и Гоморра лежали въ этой сѣверной части, то они, несомнѣнно, виднѣлись изъ своей богатой зелени; растительность, слѣды которой остаются еще и теперь, нѣкогда привлекала взоры всякаго, кто только смотрѣлъ съ холмовъ на окрестности Веѳиля. Обильныя воды, которыя еще и теперь стремятся съ высокой западной равнины, еще и въ настоящее время поддерживаютъ здѣсь богатую растительность. Но употребляемые, какъ это было въ древности, съ цѣлью орошенія во всѣхъ направленіяхъ, источники эти дѣлали всю окрестность истиннымъ садомъ Господнимъ, какбы частью благословенной Египетской страны, которую Аврамъ и Лотъ только что оставили съ ея богатѣйшими пастбищами и полями. Красота мѣстности не ограничивалась ея естественными свойствами: на большомъ трактѣ восточной торговли лежали іорданскіе города и обѣщали проницательному взгляду Лота богатый рынокъ для сбыта произведеній отъ его стадъ, равно какъ и предметы роскоши и всевозможныхъ житейскихъ удобствъ. Болѣе преданный міру, чѣмъ Аврамъ, онъ избралъ эту именно соблазнительную страну, забывая, что внѣшнее преимущество можетъ оказаться слишкомъ дорогимъ, если съ нимъ связывается несправедливость нравственная или духовная. Избирая эту богатую долину, а вмѣстѣ съ нею и развращенную цивилизацію, до ужасной пышности развившуюся среди искушеній и подъ вліяніемъ теплаго разслабляющаго климата, онъ обра-

тилъ свое лицо въ ту сторону, гдѣ предъ нимъ разстилался этотъ земной рай, лежавшій на 1300 футовъ ниже уровня Средиземнаго моря, и, получивъ соизволеніе своего дяди, раскинулъ свою палатку у воротъ Содома.

Аврамъ съ своей стороны, какъ сказано выше, остался на болѣе скудныхъ пастбищахъ Веѳиля, и за эту вѣру, соединенную съ самоотверженіемъ, Господь наградилъ его третьимъ обѣтованіемъ: «возведи очи свои, сказалъ ему явившійся Господь, и съ мѣста, на которомъ ты теперь, посмотри къ сѣверу, и къ югу, и къ востоку, и къ западу. Ибо всю землю, которую ты видишь, тебѣ дамъ Я и потомству твоему на вѣки. И сдѣлаю потомство твое, какъ песокъ земной; если кто можетъ сосчитать песокъ земной, то и потомство твое сочтено будетъ. Встань, пройди по землѣ сей въ долготу и ширину ея: ибо Я тебѣ далъ ее (и потомству твоему) навсегда». Аврамъ двинулъ свой шатеръ и поселился у дубравы Мамре въ Хевронѣ. Это было третье мѣсто стоянки Аврама въ землѣ обѣтованной, и оно сдѣлалось обычнымъ мѣстомъ пребыванія его тамъ. Точное мѣсто его стоянки быть можетъ обозначается тѣми развалинами древней загороди, упоминаемой у I. Флавія, которая еще и теперь видна къ сѣверу отъ Хеврона. «Тамъ», говоритъ іудейскій историкъ, «стоялъ теревинѳъ, подъ которымъ патріархъ принималъ ангеловъ»; дубъ этотъ, по своей древности, ровесникъ, какъ тогда предполагалось, самому міру. Онъ, будто бы, сожженъ былъ уже въ XVII столѣтіи по Р. Х., прослуживъ въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій предметомъ высокаго почтенія. Здѣсь, наконецъ, Аврамъ могъ спокойно отдохнуть, какбы у себя дома, въ прекрасной долинѣ, изобилующей источниками и теревинѳовыми рощами, наслаждаясь прохладой превосходнаго климата, такъ какъ самая мѣстность лежитъ почти на 3000 футовъ надъ поверхностью моря. Если Лотъ наслаждался тропической роскошью Содома, то на долю Аврама выпалъ освѣжающій воздухъ холмовъ, склоны которыхъ покрыты были группами сѣдыхъ маслинъ и живописно перемѣшаны были рощами изъ помгранатовъ, смоковницъ, абрикосовъ и миндальныхъ деревъ, причемъ кругомъ разстилались волнующіяся нивы пшеницы и ячменя, прерываемыя зелеными садами и виноградниками, столь знаменитыми, что, по вѣрованію іудеевъ, виноградъ на этихъ плодородныхъ склонахъ впервые насажденъ былъ рукою самого Бога. Его стаду затѣмъ стоило только передвинуться до ближайшихъ вы-

сотъ за предѣлы этого мирнаго убѣжища, чтобы на окружающихъ его возвышенностяхъ находить для себя необозримыя пастбища.

Между тѣмъ Лотъ, отдѣлившись отъ своего дяди Аврама, поселился въ нижней части долины Іорданской, которая въ то время занята была пятью богатыми городами. Города эти—Содомъ, Гоморра, Севоимъ, Адма и Бела (или Сигоръ) составляли союзъ пятиградія; каждый изъ нихъ имѣлъ своего особаго царя, но во главѣ ихъ стоялъ царь Содомскій. Населеніе этихъ городовъ отличалось возмутительнымъ растлѣніемъ нравовъ и порочностью, омерзительными и противоестественными пороками. Но Лотъ мало обращалъ на это вниманія, такъ какъ исключительно руководился житейскими побужденіями, заботясь объ обезпеченіи себя всѣми житейскими удобствами. Сначала, быть можетъ, онъ намѣревался, насколько возможно, держаться прежней пастушеской жизни, вслѣдствіе чего и поставилъ свою палатку вблизи Содома. Но на этомъ рѣшеніи онъ не остановился надолго. Прелести городской жизни оказались слишкомъ сильными для его слабаго характера. Мало-по-малу онъ оставилъ пастушескую жизнь, поселился въ этомъ нечестивомъ городѣ, сдѣлался жителемъ Содома и настолько поддался вліянію этой жизни, что даже и своихъ дочерей повыдалъ за содомитянъ. Ревность, съ которою онъ нѣкогда слѣдовалъ примѣру и руководству своего дяди, значительно ослабѣла; человѣкъ, который нѣкогда оставилъ свою родину и свою страну для того, чтобы свободно и спокойно служить своему истинному Богу, теперь ограничивался безплоднымъ протестомъ противъ идолослуженія и нечестія своихъ сосѣдей и думалъ, что онъ исполнялъ свою обязанность, воздерживаясь только отъ подражанія ихъ порокамъ и сохраняя свою вѣру въ Іегову.

Содомъ, главный изъ этихъ городовъ, равно какъ и другіе союзные съ нимъ города, обязанъ былъ своимъ основаніемъ племени Хамову,—тому самому, которое воздвигало башни вавилонскія, храмы и пирамиды египетскія и оказалось столь ожесточеннымъ врагомъ израилятянъ въ послѣдующее время. До какой высоты просвѣщенія и цивилизаціи достигли они въ это время, опредѣлить невозможно, такъ какъ у насъ не имѣется памятниковъ или остатковъ, по которымъ можно бы было судить о ихъ благосостояніи; но мы знаемъ, что они пользовались чрезвычайнымъ довольствомъ, находились въ странѣ необыкновенно плодородной и на большой торговой дорогѣ между Египтомъ и Востокомъ. Вслѣдствіе этого жители сдѣлались чрезвычайно

богатыми и жили роскошно; они давно уже потеряли вѣру въ единаго истиннаго Бога съ ея ограничивающимъ вліяніемъ и поклонялись божествамъ, служеніе которымъ состояло въ гнусномъ поощреніи человѣческихъ страстей и похотей. Разслабляющее вліяніе тропическаго климата, въ которомъ они жили, еще болѣе содѣйствовало проникновенію въ среду этихъ жителей испорченности и порочности. Ихъ цивилизація не возвышала ихъ до истиннаго просвѣщенія и утонченности, но вся состояла въ наиболѣе удобномъ и полномъ чувственномъ наслажденіи. «Вотъ», говоритъ Господь чрезъ пророка Іезекіиля, «въ чемъ было беззаконіе Содомы, сестры твоей и дочерей ея: въ гордости, пресыщеніи и праздности, и она руки бѣднаго и нищаго не поддерживала. И возгордились они, и дѣлали мерзости предъ лицомъ Моимъ, и увидавъ это, Я отвергъ ихъ» (XVI, 49, 50). Противоестественный порокъ, которымъ особенно отличался Содомъ, былъ признакомъ крайняго нравственнаго паденія, и народъ, среди котораго преобладалъ такой порокъ, очевидно палъ уже до такой бездны зла, что по необходимости долженъ былъ подлежать разрушенію, и онъ вскорѣ получилъ весьма страшное предостереженіе, именно въ видѣ тяжкаго бѣдствія, постигшаго какъ весь городъ, такъ и поселившагося въ немъ Лота[1]).

За четырнадцать лѣтъ до этого времени, именно, когда Аврамъ былъ еще въ Халдеѣ, цари востока, подъ предводительствомъ Кедорлаомера, царя Еламскаго, сдѣлали нашествіе на Сирію и, среди другихъ завоеваній, подчинили себѣ также жителей Содомскаго пятиградія. Еламъ былъ страною къ востоку отъ Вавилоніи, обнималъ то, что извѣстно подъ названіемъ Сузіаны, и лежалъ частью въ горахъ и частью въ равнинѣ. Онъ населенъ былъ туранскимъ племенемъ, совершенно отличнымъ по характеру отъ вавилонянъ, съ которыми оно находилось въ постоянныхъ войнахъ. Сама Вавилонія была раздроблена на отдѣльныя княжества и неспособна была противиться внѣшнему нашествію; отсюда не разъ случалось, что еламитяне брали

---

[1]) Въ этомъ пунктѣ въ жизни Аврама открывается новая сцена. Отецъ вѣрующихъ, будучи главою сильнаго племени, вступаетъ въ борьбу съ великой монархіей. Это событіе получаетъ тѣмъ большій интересъ, что сообщаемыя въ Библіи подробности его (Быт. XIV глава), подвергавшіяся еще недавно сомнѣнію и отрицанію со стороны скептической критики, теперь нашли почти чудесное подтвержденіе въ новооткрытыхъ памятникахъ. Совпаденіе между Библіей и этими памятниками такъ полно, что будто бы Моисей писалъ XIV главу по какимъ-нибудь древнимъ хананскимъ или вавилонскимъ документамъ.

верхъ и на время даже властвовали надъ всею страною. Ассирійскій монархъ Ассурбанипалъ, отождествляемый съ Сарданапаломъ, разсказываетъ въ одной изъ своихъ надписей, какъ за 1635 лѣтъ до его времени, т.-е. около 2280 года до Р. Хр., царь Еламскій, по имени Курдуръ-Нанхунди, сдѣлалъ нашествіе на Вавилонію и увезъ съ собою образъ богини Нана, которой поклонялись тамъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ послѣ этого еламитяне удерживали за собою господство, и Кедорлаомеръ, вѣроятно, былъ потомкомъ Курдуръ-Нанхунди и повелителемъ вавилонскихъ царей, упоминаемыхъ вмѣстѣ съ нимъ (Быт. XIV, 1). Уже отсюда видно, что это повѣствованіе бытописателя, которое доселѣ подвергалось всевозможнымъ критическимъ сомнѣніямъ со стороны раціоналистовъ, находитъ блестящее подтвержденіе въ новѣйшихъ взысканіяхъ и показываетъ, что оно составлено по несомнѣннымъ документамъ [1]). Самыя имена этихъ царей, союзниковъ Кедорлаомера, очевидно заимствованы изъ точныхъ записей въ національныхъ лѣтописяхъ. Первымъ упоминается Амрафелъ, царь Сеннаара или южной Вавилоніи; греческій переводъ называетъ его Амарфеломъ, и имя его, хотя и не находящее себѣ тождественнаго соотвѣтствія въ надписяхъ, содержитъ, по мнѣнію профессора Сейса, весьма сходный элементъ съ именемъ упоминаемаго на памятникахъ царя по имени Амаръ-Аку. Первенство дается ему какъ представителю великаго царства, основаннаго Нимродомъ, отъ котораго нѣкоторые писатели считаютъ его четвертымъ преемникомъ. Затѣмъ упоминается Аріохъ, царь Елласарскій. Елласаръ есть Ларса, городъ на восточномъ берегу Евфрата, немного къ юго-востоку отъ Ереха или Варки, и теперь извѣстенъ подъ названіемъ кургановъ Сенкере. Аріохъ управлялъ тою частью южной Халдеи, которая не входила въ царство Амрафела. Имя Аріохъ встрѣчается въ качествѣ имени одного вавилонянина въ Дан. II, 14. Не безъ основанія предполагаютъ, что это одно и тоже лицо съ аккадійцемъ Эри-Аку, «служителемъ луннаго бога», который въ надписи, найденной въ Мугейрѣ и находящейся теперь въ Британскомъ музеѣ, называетъ себя сыномъ Курдуръ-Мабука, «царя Еламскаго» и «отца запада», т.-е. Сиріи. Кудуръ и Эри равнозначущіе термины, означающіе «служителѣ», причемъ первый есть слово еламитское, а по-

[1]) Schrader, Keilinschriften, стр. 135 и слѣд.; Rawlinson, Egypt and Babylon, стр. 14—16.

слѣдній—слово аккадійское. Кудуръ, повидимому, служилъ составною частью многихъ еламитскихъ именъ, и библейскій Кедорлаомеръ (или по LXX Ходорлогоморъ) въ дѣйствительности есть Кудуръ-Лагамаръ, «служитель Лагамара», еламитскаго божества, подобно тому, какъ Кудуръ-Мабукъ означаетъ «служителя богини Мабукъ». Очень возможно, что Кедорлаомеръ и Кудуръ-Мабукъ были братья, и что Аріохъ былъ назначенъ первымъ изъ нихъ въ качествѣ вассальнаго царя надъ Сумиромъ, т.-е. южной Вавилоніей. Четвертый изъ союзныхъ царей называется Θидаломъ, царемъ Гоимскимъ. Еврейское слово Гоимъ здѣсь, повидимому, тождественно съ словомъ Готимъ, означающимъ полосу земли къ сѣверу отъ Вавилоніи, простирающуюся до горъ Курдистана и заключающую въ своихъ предѣлахъ то, что впослѣдствіи было царствомъ Ассирійскимъ. Жители этой страны часто упоминаются въ ассирійскихъ надписяхъ подъ именемъ Гути или Кути. Θидалъ, въ греческомъ переводѣ LXX называемый Θаргаломъ или Θалга, находитъ соотвѣтствіе въ аккаційскомъ словѣ Каръ-Галъ «великій судья», или Туръ-Галъ «могущественный юноша». Въ виду такихъ поразительныхъ совпаденій, относить все это повѣствованіе въ области миѳа или иносказанія, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые нѣмецкіе критики, значитъ явно отрицать историческіе факты и не соглашаться съ выводами, совершенно достаточными для убѣжденія всякаго непредубѣжденнаго ума. Въ этомъ вторженіи съ востока нѣтъ ничего безпримѣрнаго. Аккадійскіе народы не въ первый разъ уже вторгались съ оружіемъ въ рукахъ въ страны заходящаго солнца. Задолго раньше этого Саргонъ I и его сынъ Нарамсимъ дѣлали нашествіе въ Сирію; тамъ они встрѣтили значительный отпоръ, но имъ всетаки удалось проникнуть до Средиземнаго моря, гдѣ они оставили по себѣ вырѣзанныя плиты на берегу. Они даже переправлялись чрезъ море до острова Кипра. Кудуръ-Мабукъ называется между прочимъ «отцомъ западной страны», и это выраженіе означаетъ, что онъ властвовалъ надъ Ханааномъ. Ни вавилоняне, ни ассиріяне никогда не придавали имени Ханаана этой странѣ; для нихъ это «западная» или «задняя» страна, а мы знаемъ, что этотъ терминъ включалъ Тиръ, Сидонъ и Самарію, Едомъ и Филистію, страну, тянувшуюся до Средиземнаго моря. Во время одного изъ этихъ нашествій Кедорлаомеръ и утвердилъ свою власть въ равнинѣ Іорданской и поддерживалъ ее въ теченіе двѣнадцати лѣтъ. Цѣлью его несомнѣнно было держать открытымъ путь въ соперничествующее царство египетское,

большая дорога въ которое лежала чрезъ Арабу въ сосѣдствѣ этого пятиградія. Для еламитскихъ побѣдителей было весьма важно, чтобы эти маленькія царства вдоль большой дороги признавали надъ собою ихъ власть. Были ли эти пять городовъ расположены на сѣверъ или на югъ отъ Мертваго моря,—въ точности неизвѣстно; но во всякомъ случаѣ они лежали на пути шествія войскъ изъ Дамаска къ Египту, и въ ихъ власти было препятствовать или содѣйствовать проходившимъ ихъ предѣлы войскамъ.

Когда Лотъ поселился въ этой долинѣ, содомитяне еще признавали надъ собою главенство Еламскаго монарха. Но на тринадцатомъ году своего подчиненія пять царей этихъ городовъ, заключивъ между собою взаимный союзъ, возмутились и отказались платить обычную дань. Слѣдствіемъ этого было то, что Кедорлаомеръ, съ тремя упомянутыми союзными царями, двинулись для ихъ усмиренія и наказанія. Отправившись обычнымъ путемъ отъ Евфрата въ Сирію, онъ и его союзники прежде всего напали на рефаимовъ въ Васанѣ (Быт. XIV, 5), на одно изъ первобытныхъ племенъ страны, столица которыхъ Аштероѳъ находилась верстахъ въ шести отъ Едреи. Повернувъ оттуда на югъ, они напали на зузимовъ, жившихъ между Арнономъ и Іавокомъ, и на эмимовъ, жившихъ въ Кириаѳаимѣ. Вслѣдъ затѣмъ оружію ихъ подпали хорреи или жители пещеръ Петры и горы Сеира; направившись затѣмъ къ сѣверу около Кадеса, они сдѣлали нашествіе на страну амаликитянъ и амморреевъ и тогда уже двинулись къ городамъ Іорданской долины для совершенія надъ ними наказанія. Для защиты городовъ царь Содомскій выступилъ противъ нихъ въ союзѣ съ четырьмя царями другихъ городовъ долины. Войска враждебныхъ сторонъ встрѣтились въ долинѣ Сиддимъ, изобилующей множествомъ смоляныхъ ямъ. Одинъ новѣйшій путешественникъ обратилъ вниманіе на арабское слово Сиддъ, которое жители Іорданской долины прилагаютъ къ скаламъ или мергелевымъ глыбамъ, существующимъ по сосѣдству. По болѣе древнему объясненію, Сиддимъ есть множественное число еврейскаго слова саде—«равнина». Эту мѣстность они выбрали для своего лагеря въ надеждѣ, что смоляныя ямы, служа для нихъ защитой, послужатъ своего рода западней для непріятеля, кавалерія и колесницы котораго могли находить сильное для себя препятствіе въ такихъ особенностяхъ этой мѣстности. Но ихъ надежда потерпѣла полное крушеніе. Преданные роскоши и разслабляющимъ порокамъ, жители Іорданской долины не могли высто-

ять противъ закаленныхъ и искусныхъ воиновъ Халдеи. Ямы, на которыя они такъ полагались, послужили къ ихъ собственной гибели. Лишь только была прорвана ихъ боевая цѣпь, все пришло въ страшное замѣшательство, и они были разбиты на голову. Войска ихъ были обращены въ бѣгство, цари Содомскій и Гоморрскій въ страхѣ попадали въ ямы и погибли, а остальные убѣжаля въ горы. Ямы эти въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были весьма глубоки и существованіе ихъ доказывается и теперь появленіемъ плавающихъ массъ смолы у южнаго угла Мертваго моря, водами котораго покрыта теперь эта долина. Въ этой же мѣстности существуютъ и особаго рода болота, въ которыхъ часто гибнутъ животныя. Воспользовавшись этой побѣдою, побѣдитель захватилъ все имущество Содома и Гоморры со всѣми запасами ихъ, и съ большой добычей и множествомъ плѣнныхъ отправился въ обратный походъ. Среди плѣнниковъ оказался и Лотъ, который въ это время жилъ въ Содомѣ. Онъ самъ выбралъ этотъ городъ мѣстомъ жительства для себя, и самъ долженъ былъ нести послѣдствія своего выбора; онъ раздѣлялъ вмѣстѣ съ содомитянами удовольствія ихъ города и вмѣстѣ съ ними долженъ былъ раздѣлять постигшее ихъ бѣдствіе. Ему теперь угрожала страшная участь провести всю остальную часть своей жизни въ тяжеломъ плѣнѣ, но отъ этого онъ былъ избавленъ своимъ великодушнымъ и мужественнымъ дядей Аврамомъ.

Захвативъ богатую добычу, побѣдители отправились въ обратный путь на свою родину, направляясь къ сѣверу по долинѣ Іорданской. Аврамъ въ это время жилъ еще у дуба Мамрійскаго, гдѣ и получилъ печальное извѣстіе объ этомъ событіи. Нѣкоторые изъ оставшихся въ живыхъ, зная его заботливость о Лотѣ и признавая въ немъ главу могущественнаго племени, поспѣшили къ нему съ сообщеніемъ о несчастіи. Это чрезвычайно поразило Аврама, но онъ не медлилъ ни одной минуты и тотчасъ же приступилъ къ дѣлу избавленія своего племянника. Хотя онъ былъ и «еврей», т.-е. переселенецъ изъ-за рѣки Евфрата, но у него всетаки не было недостатка въ друзьяхъ и союзникахъ въ этомъ новомъ мѣстѣ его жительства. Въ союзѣ съ нимъ состояли три могущественныхъ амморейскихъ вождя, которыхъ онъ теперь и призвалъ къ себѣ на помощь. Какъ ни непріятно было ему, мирному патріарху, браться за военное дѣло и вмѣшиваться въ мірскія дѣла, здѣсь самыя обстоятельства дѣла требовали его вмѣшательства, такъ какъ онъ считалъ своимъ долгомъ

позаботиться объ освобожденіи своего племянника Лота. Тотчасъ же онъ вооружилъ всѣхъ своихъ собственныхъ слугъ, родившихся въ его домѣ, въ количествѣ 318 человѣкъ, и вмѣстѣ съ своими союзниками пустился въ погоню. Побѣдители достигли уже окрестности Лаиса, впослѣдствіи называвшагося Даномъ и въ позднѣйшее время составлявшаго самую сѣверную границу царства Израильскаго, при одномъ изъ источниковъ Іордана. Нѣкоторые думаютъ, не разумѣется ли здѣсь Данъ-Іаанъ въ сѣверной Переѣ, такъ какъ Лаисъ не стоялъ ни на одной изъ дорогъ изъ долины Сиддимъ по направленію къ Дамаску. Но І. Флавій ясно говоритъ, что мѣстность эта находилась при одномъ изъ источниковъ Іордана, и бл. Іеронимъ съ своей стороны подтверждаетъ это свидѣтельство. Мѣсто это можетъ быть опредѣлено какъ по своимъ естественнымъ особенностямъ, такъ и по своему теперешнему названію. Оно теперь называется Теллъ-элъ-Кази, «холмъ судьи», причемъ Данъ и Кади слова синонимическія. Пониже мѣста древняго города, окруженнаго густой рощей олеандровъ, находится скалистый бассейнъ, имѣющій шаговъ 50 въ ширину, въ которомъ бьетъ чрезвычайно обильный фонтанъ, составляющій значительный потокъ уже при самомъ своемъ началѣ. Это считается третьимъ истокомъ рѣки. Главный истокъ находится въ Байнѣ. Истокъ въ Данѣ называется Ледданъ, и самый малый и наиболѣе сѣверный называется Гашбани въ Гашбейзѣ, и они, соединялись между собой въ Шейхъ-Юсефѣ, верстъ на восемь ниже Дана, образуютъ рѣку Іорданъ, имѣющую тамъ футовъ 50 ширины. Въ этой мѣстности и остановился станомъ Кедорлаомеръ съ своимъ войскомъ. Считая себя совершенно обезпеченнымъ отъ преслѣдованія, онъ не принялъ даже никакихъ предосторожностей противъ нечаяннаго нападенія. Выступить открыто противъ непріятеля въ правильной битвѣ, конечно, совершенно не входило въ намѣреніе Аврама. Цѣлью его было избавить лишь своего племянника, а не пріобрѣтеніе военной славы. Вслѣдствіе этого онъ прибѣгъ къ военной хитрости. Онъ раздѣлилъ свой отрядъ на отдѣльныя части и предположилъ напасть на непріятеля ночью. Онъ не выступалъ противъ главныхъ силъ непріятеля, но порѣшилъ напасть на нихъ въ отдѣльныхъ пунктахъ, употребляя тактику Гедеона, когда онъ раздѣлилъ свой маленькій отрядъ въ 300 человѣкъ на три части и неожидано напалъ на мадіанитянъ (Суд. VII, 16), или планъ Саула, когда онъ пріобрѣлъ великую славу побѣдителя, разбивъ аммонитянъ (1 Цар. XI, 11). И

вотъ, напавъ ночью на безпечно спавшаго непріятеля съ различныхъ сторонъ его лагеря, Аврамъ привелъ его въ крайнее замѣшательство, разбилъ его на голову и обратилъ въ безпорядочное бѣгство. Освободивъ такимъ образомъ всѣхъ плѣнныхъ вмѣстѣ съ Лотомъ, своимъ племянникомъ, а также и все захваченное непріятелями имущество, онъ преслѣдовалъ бѣгущихъ непріятелей далѣе горной цѣпи антиливанской до мѣста, извѣстнаго подъ названіемъ Ховы, которую Евсевій Кесарійскій отождествляетъ съ деревней вблизи Дамаска, населенной евіонитами. Въ то время на эту деревню указывали какъ на то именно мѣсто, гдѣ Аврамъ молился Богу по своемъ возвращеніи изъ преслѣдованія месопотамскихъ царей; но вѣроятнѣе всего Хова находилась на полпути между Дамаскомъ и Пальмирой, на прямой дорогѣ на востокъ, гдѣ находится деревня, носящая это самое названіе. Съ большою добычею и освобожденными плѣнниками, Аврамъ возвратился въ мирѣ въ долину Іорданскую.

Такой великій подвигъ, принесшій столь великое благодѣяніе жителямъ страны, не могъ пройти безъ выраженія особой признательности. Слава и вліяніе патріарха чрезвычайно возвысились отъ этого подвига, и благодарность народа выражалась всячески. Прежде всѣхъ вышелъ къ нему навстрѣчу царь Содомскій, чтобы поздравить его съ этимъ успѣхомъ и получить свою часть добычи изъ его рукъ. Мѣсто этой встрѣчи называется «долиной Шаве, что̀ нынѣ долина царская». Это, вѣроятно, сѣверная часть долины Кедронской, гдѣ теперь находятся «гробницы царскія» и гдѣ бездѣтный Авессаломъ воздвигъ себѣ памятникъ, чтобы не забыто было его имя [1]). Исполненный благодарности за мужественный подвигъ Аврама, царь Содомскій желалъ чѣмъ-нибудь отблагодарить его за великую услугу. Обращаясь къ Авраму, онъ сказалъ ему: «отдай мнѣ людей, а имѣніе возьми себѣ». Это было обычное условіе при такихъ обстоятельствахъ въ восточныхъ странахъ. Строго говоря, вся возвращенная добыча принадлежала освободителю, а не прежнимъ ея владѣльцамъ; но теперь неумѣстно было настаивать на такомъ правѣ, да великодушный Аврамъ и не желалъ этого. Патріархъ рѣшительно отказался отъ этого предложенія. Онъ велъ войну не для своего обогащенія и не для корысти; щедрый и великодушный, какъ всегда, чуждый всякой алчности, онъ торжественно отвѣчалъ царю содом-

[1]) 4 Цар. XVIII, 18; I. Флавій, Antiqq. VII, 10, 3.

скому: «поднимаю руку мою къ Господу, Богу Всевышнему, что даже нитки и ремня отъ обуви не возьму изъ всего твоего, чтобы ты не сказалъ: я обогатилъ Аврама». Онъ не былъ какой-нибудь наемный воинъ, чтобы нуждаться въ платѣ за свои военные подвиги. Притомъ для него, какъ истиннаго поклонника единаго Бога, было бы непристойно ставить себя въ нѣкоторыя обязательныя отношенія къ содомитянамъ и принять награду изъ ихъ рукъ, осквернениыхъ грѣхомъ. Все, на что онъ согласился, это именно принять нѣкоторую часть провизіи для своихъ рабовъ и союзниковъ.

Другимъ царемъ, вышедшимъ встрѣчать побѣдоноснаго Аврама, былъ Мелхиседекъ, царь Салимскій, и эта встрѣча сопровождалась въ высшей степени замѣчательными обстоятельствами. Вокругъ этой таинственной личности преданіе собрало множество различныхъ сказаній. По словамъ бытописателя, Мелхиседекъ «вынесъ хлѣбъ и вино; онъ былъ священникъ Бога Всевышняго, и благословилъ его и сказалъ: благословенъ Аврамъ отъ Бога Всевышняго, владыки неба и земли, и благословенъ Богъ Всевышній, который предалъ враговъ твоихъ въ руки твои. Аврамъ далъ ему десятую часть изъ всего». Въ этомъ повѣствованіи представляется нѣсколько затрудненій, на которыя еще не дано болѣе или менѣе удовлетворительнаго рѣшенія. Присутствіе Мелхидесека, «священника Бога Всевышняго» (Эл-Эліонъ), среди языческаго, какъ можно думать, населенія Салима само по себѣ чрезвычайно поразительно. Появленіе его съ жертвоприношеніемъ хлѣба и вина является слишкомъ неожиданнымъ для насъ уже потому, что мы привыкли видѣть среди погруженнаго въ идолопоклонство населенія одного только Аврама въ качествѣ носителя истинной вѣры. Но еще поразительнѣе становится эта встрѣча вслѣдствіе того, что самъ Аврамъ занялъ, по сравненію съ Мелхиседекомъ, низшее положеніе и принялъ отъ него благословеніе. Кто онъ такой, изъ какого племени или народа,—оставлено безъ всякаго объясненія. Неожиданно появляется онъ на страницахъ библейской исторіи на одинъ краткій моментъ, и затѣмъ его имя уже не встрѣчается въ теченіе тысячи лѣтъ, и оно вновь появляется только уже въ книгѣ Псалмовъ (Пс. CIX); проходитъ еще тысяча лѣтъ, прежде чѣмъ опять имя его появляется въ Посланіи къ Евреямъ, такъ что съ его именемъ связывается какая-то тайна, придающая особенный интересъ и величіе самой личности. Самое имя его I. Флавій объясняетъ въ смыслѣ «праведный царь», а ап. Павелъ въ своемъ Посланіи къ

Евреямъ—въ смыслѣ «царь правды». Оно несомнѣнно семитическаго, характера, какъ и Авимелехъ, Адониседекъ, и нѣкоторые предполагаютъ, что оно означаетъ «мой царь Седекъ», принимая послѣднее слово за одно изъ названій Бога. Но древнее толкованіе гораздо правдоподобнѣе. Мѣсто, въ которомъ онъ былъ царемъ, составляетъ предметъ спора. Обыкновенно подъ Салимомъ разумѣютъ Іевусъ или Іерусалимъ; но высказывались и другія мнѣнія. Бл. Іеронимъ хотя и говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что Салимъ былъ первоначальнымъ именемъ Іерусалима, въ которомъ Мелхиседекъ былъ царемъ, въ другомъ мѣстѣ ясно утверждаетъ, что упоминаемый въ книгѣ Бытія Салимъ былъ не то же, что Іерусалимъ, но такъ назывался городъ вблизи Скиѳополя или Веѳсана, гдѣ въ его время еще показывались развалины дворца Мелхиседекова. Этотъ городъ дѣйствительно лежалъ на древнемъ пути изъ Дамаска въ Египетъ, но онъ находился слишкомъ далеко къ сѣверу, чтобы соотвѣтствовать даннымъ повѣствованія о встрѣчѣ Мелхиседека съ Аврамомъ, которая, повидимому, произошла гдѣ-нибудь по близости къ Іерусалиму. По другому предположенію, Салимъ одно и то же съ тѣмъ Салимомъ, близъ Енона, гдѣ крестилъ Іоаннъ Предтеча (Іоан. III, 23) и который отождествляется съ деревней, изобилующей великолѣпными источниками и лежащей на противоположной сторонѣ долины Наблуса или Сихема. На основаніи разсказа, приводимаго Евсевіемъ изъ Эвполема, заявляющаго, что Аврамъ былъ торжественно угощаемъ въ Аргаризинѣ, нѣкоторые доказывали, что встрѣча произошла на горѣ Гаризимъ, такъ какъ самое это названіе въ дѣйствительности есть Гаръ-Гаризимъ. Но нельзя придавать особенной важности ни одному изъ этихъ противоположныхъ мнѣній. Лучше всего слѣдовать свидѣтельству I. Флавія и Таргумовъ и видѣть въ Салимѣ именно городъ Іерусалимъ, какъ говоритъ и псалмопѣвцевъ: «и было въ Салимѣ жилище его и пребываніе его на Сіонѣ» (Пс. LXXV, 3). Если такъ, то здѣсь мы находимъ поразительное обстоятельство, что ветхозавѣтный прообразъ Божественнаго Сына Давидова былъ царемъ въ томъ именно городѣ, гдѣ царствовалъ самъ Давидъ. Но если считать этотъ пунктъ вопроса рѣшеннымъ, то всетаки касательно самой личности и происхожденія Мелхиседека существуетъ столько различныхъ мнѣній, что ничего нельзя сказать съ безусловною опредѣленностью. Нѣкоторые еретики считали его Духомъ святымъ; Оригенъ и Дидимъ видѣли въ немъ ангела; іудеи, съ цѣлью объяснить его очевидное превосходство надъ

Аврамомъ, отождествляли его съ Симомъ, благочестивѣйшимъ изъ сыновей Ноя, который, согласно съ ихъ родословными, жилъ «до временъ Исаака». Нѣкоторые христіане, какъ въ древнее, такъ и въ болѣе позднее время думали, что онъ былъ Сынъ Божій, явившійся въ человѣческомъ образѣ; но это само собой уничтожало бы его прообразовательный характеръ, на которомъ съ такой настойчивостью останавливается ап. Павелъ въ посланіи къ Евреямъ. Онъ не могъ быть прообразомъ самого себя, и нельзя было бы сказать, что онъ «уподоблялся Сыну Божію» (Евр. VII, 3), еслибы онъ былъ самъ Сынъ Божій. Апостолъ также выразительно заявляетъ, что его родословная идетъ не изъ колѣна Левіина, и онъ никогда бы не могъ назвать его «безъ отца и безъ матери», еслибы онъ считалъ его именно Симомъ; и притомъ различіе между священствомъ Мелхиседека и Левія не было бы столь рѣзкимъ, чтобы можно было основывать на немъ цѣлую аргументацію. Нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться, что онъ былъ исторической личностью. Что касается его національности, то изъ его семитическаго имени ничего еще нельзя выводить, такъ какъ это имя могло быть только еврейскимъ переводомъ его первоначальнаго имени. Онъ жилъ среди потомковъ Хама и видимо признавался начальникомъ одного какого-либо изъ ханаанскихъ племенъ. Если бы онъ былъ семитическаго происхожденія, то едва ли бы онъ считался въ столь рѣзкой противоположности съ Левіемъ и іудейскимъ священствомъ; его священство не имѣло бы того независимаго характера, который приписывается ему. Что касается того, что онъ былъ священникомъ единаго, истиннаго Бога, то монотеисты, несмотря на помраченіе первобытной религіи, отдѣльными личностями встрѣчались и среди языческихъ народовъ, какъ въ это, такъ и въ болѣе позднее время, каковыми были Іовъ въ землѣ Уцъ и Валаамъ въ Певорѣ. Отсюда можно заключать, что онъ былъ того же самаго происхожденія, какъ и окружающіе его жители, хотя и сохранялъ то откровеніе истиннаго Бога, которое перешло отъ Ноя къ его непосредственнымъ потомкамъ. Въ первый разъ въ Библіи мы встрѣчаемся здѣсь съ часто употреблявшимся впослѣдствіи терминомъ «Богъ Всевышній», священникомъ котораго называется Мелхиседекъ. Что подъ этимъ разумѣется истинный Богъ, это видно изъ того, что самъ Аврамъ употребляетъ то же самое названіе вмѣстѣ съ священнымъ именемъ Іеговы, когда онъ отвѣчалъ царю Содомскому: «поднимаю руку мою къ Господу, Богу Всевышнему». Очень возможно, что Мел-

хиседекъ не зналъ имени Іегова; и вотъ почему онъ благословилъ Аврама именемъ Бога, какъ Владыки или Творца неба и земли, котораго онъ зналъ только подъ этими свойствами. Аврамъ прибавляетъ къ этому титулъ единаго, единственно самосуществующаго Божества. Въ священствѣ Мелхиседека было нѣчто болѣе возвышенное, чѣмъ простое главенство надъ племенемъ, и самъ Аврамъ призналъ превосходство его священства. «Видите, какъ великъ тотъ, которому и Аврамъ патріархъ далъ десятину изъ лучшихъ добычъ своихъ. Получающіе священство изъ сыновъ Левіиныхъ имѣютъ заповѣдь брать по закону десятину съ народа, то-есть, съ своихъ братьевъ, хотя и сіи произошли отъ чреслъ Аврамовыхъ. Но сей, не происходящій отъ рода ихъ, получилъ десятину отъ Аврама, и благословилъ имѣвшаго обѣтованія. Безъ всякаго же прекословія меньшій благословляется большимъ» (Евр. VII, 4 — 7). Но такъ какъ, «никто самъ собою не пріемлетъ чести священства, но призываемый Богомъ» (Евр. V, 4), то несомнѣнно и Мелхиседекъ не былъ самозваннымъ священникомъ, но получилъ этотъ особый даръ отъ Господа и совершалъ священное служеніе среди благочестивыхъ послѣдователей, собиравшихся вокругъ него изъ среды языческаго населенія, надъ которымъ онъ царствовалъ, какъ царь въ этомъ городѣ мира. Его священство налагало на него обязанность приносить жертвы и раздавать благословеніе, что̀ онъ и совершилъ при встрѣчѣ съ Авраномъ. Филонъ свидѣтельствуетъ, что при этомъ случаѣ онъ принесъ въ жертву первые плоды добычи, но библейскій историкъ говоритъ, что онъ пренесъ вино и хлѣбъ, слѣдовательно принесъ ихъ въ качествѣ жертвы и сдѣлалъ при этомъ возліяніе по обычаю того времени. Хлѣбъ и вино едва ли могли предназначаться для подкрѣпленія воиновъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи они уже были снабжены всѣмъ необходимымъ изъ добычи; но принесенія опредѣленной части Богу остальное было роздано имъ для потребленія, какъ это и бывало въ случаѣ мирныхъ приношеній. Эти эмблемы даровъ Божіихъ человѣку были также символами божественнаго благословенія и должны были представлять собою, что этотъ великій благодѣтель населенія заслужилъ лучшихъ даровъ земли. Древніе писатели единогласно видятъ въ этомъ обстоятельствѣ прообразъ установленія св. таинства евхаристіи, великую безкровную жертву, которую Христосъ, священникъ по чину Мелхиседекову, приноситъ за своихъ вѣрныхъ. Въ этомъ приношеніи плодовъ земли Аврамъ могло заключаться и видимое подтвержденіе обѣтованія, что

вся земля эта въ будущемъ будетъ принадлежать ему. Что патріархъ смиренно принялъ благословеніе отъ этого царственнаго священника, какъ низшій, подчиняясь высшему, это совершенно согласно съ его смиреніемъ и вѣрой. Видя въ Мелхиседекѣ вѣру, подобную собственной, и признавая въ немъ не просто главу племени, но великаго священника, Аврамъ низко поклонился ему для принятія отъ него торжественнаго благословенія и далъ ему десятину изъ всей добычи, отнятой имъ у еламитянъ. Былъ ли это лишь естественный порывъ благодарнаго человѣческаго сердца? Въ этомъ отношеніи не было еще какихъ-либо писанныхъ установленій; но мы знаемъ, что Іаковъ въ Веѳилѣ (Быт. XXVIII, 22) посвящалъ десятину Богу; и обычай этотъ, какъ извѣстно, сохранялся среди язычниковъ въ различныхъ странахъ. Такъ, Крезъ совѣтовалъ Киру требовать отъ своихъ персидскихъ войскъ уплаты десятины Зевсу, что они считали справедливымъ и законнымъ. Карѳагеняне, по свидѣтельству Діодора Сицилійскаго, также посвящали десятину отъ всѣхъ своихъ доходовъ. Ксенофонтъ налагалъ на жителей земли, которою онъ обладалъ близъ Скиѳа, обязанность платить десятины на содержаніе храма Артемиды. Вообще приношеніе десятой части имѣнія Всемогущему Богу, повидимому, было естественнымъ закономъ, происхожденіе котораго, какъ и происхожденіе жертвоприношеній, теряется въ туманѣ древности, такъ какъ позднѣйшія постановленія Моисеева законодательства по этому предмету были лишь подтвержденіемъ издавна существовавшаго обычая.

Общій характеръ Мелхиседека заставляетъ невольно видѣть въ немъ замѣчательный прообразъ Христа. Самое его имя и титулъ полны глубокаго значенія. «Царь правды» и «царь Салима», что означаетъ «миръ»—такія названія особенно идутъ къ тому, который есть Господь правды и Князь мира. Мелхиседекъ былъ священникъ не изъ рода Ааронова, но совершенно особаго племени; и онъ благословилъ Аврама, отца вѣрующихъ, въ которомъ должны были получить благословеніе всѣ племена земныя. Такъ и Христосъ есть единый, всемірный Первосвященникъ всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ, который принесъ Себя въ жертву за всѣхъ, ходатайствуетъ теперь о людяхъ, и должность котораго, какъ Ходатая и Заступника, простирается на весь родъ человѣческій и на всѣ вѣка, и который благословляетъ народъ Свой дарами любви и благодати. Мелхиседекъ, царь и священникъ, былъ выше Аврама, подобно Христу, который

есть Царь царей, великій Первосвященникъ, такъ что по сравненію съ Нимъ всѣ другіе священники суть только преходящія тѣни. Окруженный таинственнымъ ореоломъ вѣчности, онъ стоитъ совершенно одиноко; у него нѣтъ ни предковъ, ни потомковъ; мы не знаемъ ни о его рожденіи, ни о его смерти; его священство и его жизнь, повидимому, не имѣютъ начала, равно какъ не приписывается имъ и конца. Такъ и Христосъ, какъ божественный Первосвященникъ, не имѣетъ земнаго родства и служеніе Его безконечно; по своей человѣческой природѣ Онъ не имѣлъ земнаго отца; и Онъ единъ и тотъ же вчера, сегодня и во вѣки; Онъ былъ отъ начала, Онъ есть отъ вѣчности единый, безсмертный и живущій во вѣки вѣковъ. Такимъ образомъ, во всемъ своемъ характерѣ, въ своей должности, въ самомъ способѣ своего появленія на страницахъ священной исторіи, Мелхиседекъ представляетъ обильный матеріалъ для глубокихъ размышленій; и эти его свойства поистинѣ дѣлаютъ его прообразомъ Христа, Первосвященника всего человѣчества.

ГЛАВА XIV.

Завѣтъ Бога съ Аврамомъ.

По возвращеніи своемъ изъ похода, Аврамъ опять поселился у своего любимаго дуба Мамрійскаго. Теперь онъ былъ еще болѣе могущественнымъ патріархомъ, и окружающее населеніе невольно смотрѣло на него какъ на храбраго воина и опытнаго военачальника; но война не была его ремесломъ, и онъ не имѣлъ никакого желанія наслаждаться военными тріумфами, пріобрѣтаемыми кровью. Къ тому же, какъ ни полна была его побѣда, она могла повлечь за собою страшное мщеніе со стороны разбитаго царя. Содомскій царь, конечно, по самому своему характеру, не могъ быть для него надежнымъ союзникомъ или другомъ. Въ то же время лѣта всѣ болѣе и болѣе наваливались своею тяжестью на великаго патріарха, а у него доселѣ не было еще ни одного сына, который бы могъ продолжать его дѣло или поддерживать его въ преклонныхъ лѣтахъ. Будущность казалась весьма сумрачною, такъ что могла не мало испытывать вѣру этого служителя Божія. Поэтому теперь Аврамъ болѣе, чѣмъ когда-либо, нуждался въ нравственномъ ободреніи. И Господь въ четвер-

тый разъ явился къ нему и сказалъ: «не бойся Аврамъ; Я твой щитъ, награда твоя будетъ весьма велика». Аврамъ былъ нѣсколько пораженъ и обезпокоенъ этими обѣтованіями, которыя, повидимому, должны были осуществиться лишь въ далекомъ будущемъ. Онъ не понималъ, какъ обѣтованіе это могло осуществиться при его бездѣтномъ состояніи. «Владыко Господи!» воскликнулъ Аврамъ, въ первый разъ употребляя эти два имени вмѣстѣ (Адонаи и Іегова), «что ты дашь мнѣ? Я остаюсь бездѣтнымъ; распорядителемъ въ домѣ моемъ этотъ Еліезеръ изъ Дамаска. Вотъ Ты не далъ мнѣ потомства, и вотъ домочадецъ мой наслѣдникъ мой». Не имѣя собственнаго сына-наслѣдника, Аврамъ уже составилъ планъ сдѣлать наслѣдникомъ всего своего имущества этого своего служителя, а планъ этотъ, очевидно, не былъ такого рода, который бы могъ вполнѣ соотвѣтствовать его желаніямъ и служить къ утѣшенію его сердца. Его одинокость и безотрадность тѣмъ сильнѣе поражали его душу, что онъ уже не разъ слышалъ о высказанныхъ ему богатыхъ обѣтованіяхъ. Ему придется сойти въ могилу бездѣтнымъ: какую же пользу имѣютъ эти обѣтованія для одинокаго человѣка, у котораго нѣтъ никого, кому бы онъ могъ передать ихъ, кромѣ какого-нибудь чужеземца и раба? Рабъ этотъ могъ быть совершенно вѣрнымъ слугою и повидимому искусно и честно управлялъ его хозяйствомъ; но онъ всетаки не принадлежалъ къ избранному роду, и въ его рукахъ богатство, пріобрѣтенное въ теченіе этихъ послѣднихъ лѣтъ, могло перейти къ чужеземцамъ и такимъ образомъ оказаться совершенно безполезнымъ для поддержанія имени и семейства самого патріарха; мало того: все его имущество этотъ служитель могъ отвезти съ собой въ Дамаскъ и обогатить безбожный народъ вдали отъ обѣтованной земли. Такія именно мысли прошли по душѣ Аврама. Тогда Богъ сжалился надъ нимъ, но въ то же время подвергъ его вѣру новому испытанію. Онъ далъ ему изумительное обѣтованіе, что наслѣдникомъ его имѣній будетъ его собственный сынъ. Этотъ престарѣлый человѣкъ, жена котораго была безплодна, долженъ былъ сдѣлаться отцемъ ребенка, отъ котораго произойдетъ потомство столь же безчисленное, какъ звѣзды небесныя. «Посмотри на небо, сказалъ ему Господь, и сосчитай звѣзды, если ты можешь счесть ихъ: столько будетъ у тебя потомковъ». Часто на своей родинѣ, среди халдейскихъ астрономовъ, Авраму приходилось заниматься разсмотрѣніемъ неба, и онъ имѣлъ уже обширныя понятія о числѣ и величинѣ вращающихся тамъ тѣлъ; въ нихъ онъ теперь

долженъ былъ видѣть образъ своего собственнаго потомства, которое теперь сравнивалось уже не съ пескомъ земнымъ, но уподоблялось славнымъ свѣтиламъ тверди небесной. Такому обѣтованію, шедшему противъ всякой очевидности и вѣроятности, можно было вѣрить только при совершенномъ довѣріи къ Тому, Кто давалъ его. «И Авраамъ повѣрилъ Господу; и Онъ вмѣнилъ ему это въ праведность». Обрядоваго закона еще не было; завѣта обрѣзанія еще не установлено было; поэтому и праведность свою Авраамъ пріобрѣлъ не послушаніемъ формальному кодексу постановленій, но упованіемъ на Бога и безусловнымъ довѣріемъ обѣтованію. Но вѣра Аврама не была безъ добрыхъ дѣлъ; она научала его ходить предъ Богомъ, безпрекословно повиноваться Ему, приносить всѣ свои дѣла Господу, стараться всегда угождать Ему. Эта вѣра уводила его назадъ къ праведности Адама, когда онъ только что сотворенъ былъ въ своей первобытной невинности, потому что, благодаря ей, его воля всецѣло сообразовалась съ волей Божіей, и онъ не имѣлъ никакого другого желанія, кромѣ какъ повиноваться Господу и во всемъ исполнять волю Его.

Когда дано было обѣтованіе сына, Богъ напомнилъ Аврааму, насколько онъ былъ предметомъ Его особеннаго попеченія съ того времени, какъ повелѣно было ему оставить свою родину и идти въ обѣтованную ему землю. Хотя Авраамъ и повѣрилъ словамъ Божіимъ, но у него невольно явился вопросъ: «Владыко Господи! почему мнѣ узнать, что я буду владѣть ею»? Въ вопросѣ этомъ не было какого-либо сомнѣнія, а выражалось лишь недоумѣніе естественнаго разума, поражавшагося несообразностью обѣтованія съ дѣйствительностью. Онъ хотѣлъ имѣть какой-нибудь внѣшній знакъ, что то, что онъ слышалъ или видѣлъ, было дѣйствительностью, не сномъ или какимъ-либо призрачнымъ видѣніемъ, а формальнымъ откровеніемъ, которое могло оставить въ немъ твердое убѣжденіе и на послѣдующее время. Гедеонъ также просилъ знаменія въ доказательство того, что Господь именно говорилъ съ нимъ (Суд. VI, 17, 36 и слѣд.). Такъ и царю Езекіи впослѣдствіи дано было знаменіе въ видѣ возвращенія тѣни, что онъ получитъ чудесное исцѣленіе отъ смертельной болѣзни (4 Цар. XX, 8). Богъ снизошелъ и къ просьбѣ Аврама и далъ ему знаменіе. Онъ объявилъ ему, что Авраамъ отселѣ долженъ войти въ особый союзъ съ Господомъ, въ завѣтъ съ Іеговой, по которому самъ Іегова впослѣдствіи сдѣлается царемъ имѣющаго произойти отъ Аврама

народа, и этотъ народъ вслѣдствіе этого будетъ пользоваться особеннымъ Его попеченіемъ и руководительствомъ. Но это высокое преимущество должно быть пріобрѣтено страданіемъ. Аврама должны постигнуть различныя испытанія, отъ которыхъ однако же его вѣра должна все болѣе очищаться и укрѣпляться; происшедшій отъ него народъ долженъ будетъ пройти суровую школу жизни и въ странѣ рабства, у иноплеменниковъ, долженъ достигнуть предназначеннаго ему освященія. Имъ придется перенести всевозможныя превратности, огорченія, угнетенія, во время которыхъ они научатся познавать ту божественную длань, которая руководитъ ими и выжидаетъ времени для избавленія и благословенія ихъ. И вотъ такимъ образомъ между Богомъ и патріархомъ заключенъ былъ формальный завѣтъ. Это уже не въ первый разъ устанавливался завѣтъ Бога съ человѣкомъ; такой терминъ прилагается въ Библіи и къ тому божественному обѣтованію, которое дано было Ною послѣ потопа, что человѣческій родъ уже никогда не будетъ подвергаться опять подобному бѣдствію. Но завѣтъ съ Ноемъ имѣлъ общій характеръ и не сопровождался никакими особенными духовными благословеніями. Теперь же Богъ заключаетъ завѣтъ съ однимъ опредѣленнымъ человѣкомъ и его потомствомъ, соглашаясь даровать ему особыя великія преимущества на извѣстныхъ условіяхъ. Сообразно съ обычаемъ того времени, завѣтъ былъ подтвержденъ жертвоприношеніемъ. Патріархъ долженъ былъ взять животныхъ, которыя были лучшими въ его владѣніи и впослѣдствіи только и приносились въ жертву по закону, именно телицу, козу и овца трехъ-лѣтняго возраста, слѣдовательно въ полномъ возрастѣ и силѣ. Самое число три имѣло несомнѣнно особое значеніе. Въ Св. Писаніи оно вообще является въ качествѣ символа Бога и Св. Троицы. Такъ, херувимы восклицаютъ: «святъ, святъ, святъ.» Этихъ трехъ животныхъ Аврамъ долженъ былъ раздѣлить каждое на двѣ половины и положить эти половины одну противъ другой: вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ также взять горлицу и молодого голубя и безъ разсѣченія положить ихъ одинъ противъ другаго, какъ это установлено было впослѣдствіи Моисеевымъ закономъ (Лев. I, 17). Когда были сдѣланы всѣ эти приготовленія, договаривающіяся стороны должны были пройти между жертвами въ знакъ того, что такая же судьба, какая постигла жертвенныхъ животныхъ, постигнетъ и всякаго нарушителя завѣта. Обычай такого подтвержденія договоровъ извѣстенъ былъ и вообще въ древности. Въ классической древности

извѣстны случаи, когда договаривающіеся смѣшивали свою кровь въ подтвержденіе договора. Такъ, Геродотъ разсказываетъ, что когда аравитяне желали подтвердить какой-нибудь договоръ, третье лицо, стоящее между двумя договаривающимися, дѣлало надрѣзъ на ладони рукъ обоихъ договаривающихся и, взявъ кусочекъ отъ одежды каждаго изъ нихъ, обмакивало его въ кровь и помазывало ею семь, положенныхъ по срединѣ, камней, въ то же время призывая боговъ. Онъ разсказываетъ также о скиѳахъ, лидійцахъ и мидянахъ, что по случаю заключенія союза договаривающіеся рѣзали себѣ тѣло и взаимно лизали себѣ раны или, смѣшивая кровь съ виномъ, пили этотъ напитокъ. При совершеніи завѣта съ Аврамомъ, не совершалось подобнаго пролитія крови. Это оставлено было для будущаго, когда, при дальнѣйшемъ развитіи обѣтованія, установленъ былъ обрядъ обрѣзанія; не было при этомъ и формальнаго жертвоприношенія, такъ какъ не было никакого всесожженія на жертвенникѣ или кропленія кровью; но сущность жертвоприношеній состояла въ убиваніи жертвъ, что и имѣло здѣсь мѣсто. Съ своей стороны обязанность прохожденія между разсѣченными животными Аврамъ совершилъ лично, а Господь Богъ соблаговолилъ явиться подъ видомъ дыма и пламени, которые также прошли между разсѣченными жертвами. Когда все было готово, Аврамъ ожидалъ совершенія обряда, сидя весь день у своихъ жертвъ и прогоняя хищныхъ птицъ, налетавшихъ на трупы. Нѣкоторые видѣли въ этомъ указаніе на стараніе какого-либо нечистаго народа, именно египтянъ, воспрепятствовать исполненію завѣта Божія и на неудачу ихъ въ этомъ отношеніи. Другіе признаютъ духовный смыслъ въ этихъ хищныхъ птицахъ, представляющихъ собою враговъ души, которые хотѣли бы похитить доброе сѣмя изъ христіанскаго сердца и воспрепятствовать ему наслаждаться единеніемъ съ Богомъ, ставшимъ возможнымъ въ силу искупительной жертвы Христа. Когда солнце скользило своими послѣдними лучами по вершинамъ окружающихъ холмовъ, глубокій сонъ напалъ на Аврама, какъ нѣкогда на Адама при сотвореніи Евы изъ его ребра, и вмѣстѣ съ тѣмъ «напалъ на него ужасъ и мракъ великій». Духъ его ужаснулся присутствія Бога, и мысль о печальной будущности, ожидающей его потомство, омрачила его духъ. Въ этомъ состояніи онъ услышалъ голосъ Божій, который говорилъ ему: «знай, что потомки твои будутъ пришельцами въ землѣ не своей, и поработятъ ихъ, и будутъ угнетать ихъ четыреста лѣтъ; но Я произведу судъ надъ народомъ, у ко-

тораго они будутъ въ порабощеніи; послѣ сего они выйдутъ (сюда) съ большимъ имуществомъ, а ты отойдешь къ отцамъ твоимъ въ мирѣ, и будешь погребенъ въ старости доброй. Въ четвертомъ родѣ возвратятся они сюда, ибо мѣра беззаконія аморреевъ доселѣ еще не наполнилась». Тутъ были свѣтъ и мракъ, бѣдствія и благоденствіе, печаль и утѣшеніе. Будущность была мрачна и послѣдующіе годы доказали истину этого предсказанія.

Таково именно предсказаніе дано было Авраму, когда онъ повергнутъ былъ въ глубокій сонъ. Его потомство, правда, наслѣдуетъ землю, на которой онъ стоялъ, но прежде всего оно должно пройти чрезъ суровую школу испытанія, жить въ чужой странѣ, подвергаться всевозможнымъ угнетеніямъ и оскорбленіямъ въ теченіи четырехъ столѣтій, но затѣмъ настанетъ избавленіе; эта обѣтованная земля опять приметъ ихъ обогащенными и облагодѣтельствованными; испытанія ихъ кончатся и они вступятъ въ назначенное имъ наслѣдіе. Но почему же они не сразу могли вступить во владѣніе предназначенной имъ землей? По двумъ причинамъ. Во-первыхъ, теперь они еще не были достаточно многочисленны, чтобы населить эту землю, и недостаточно сильны, чтобы очистить ее отъ теперешнихъ обитателей. Во-вторыхъ, мѣра беззаконія аморреевъ (самаго могущественнаго хананейскаго племени, принимаемаго здѣсь въ качествѣ представителя всего населенія) «доселѣ еще не наполнилась». Они были беззаконны, но Богъ, по Своему безконечному долготерпѣнію, ожидалъ, что вслѣдствіе различныхъ предостереженій и наказаній, а также подъ вліяніемъ возвышеннаго примѣра святыхъ, они могутъ еще раскаяться и исправиться. Господь въ Своемъ всевѣденіи, конечно, зналъ, что испорченность и беззаконіе ихъ въ будущемъ еще болѣе увеличится, но Онъ воздерживалъ Свою карающую руку, пока не сдѣлалось очевиднымъ, что исправленіе ихъ невозможно и что они обременяли лишь населяемую ими землю, поступая даже вопреки самыхъ законовъ природы и естественной религіи и дѣлаясь источникомъ нравственнаго развращенія для всѣхъ, кто только приходилъ въ соприкосновеніе съ ними. Тогда только они и должны были подвергнуться истребленію и очистить мѣсто для лучшаго народа, который могъ воспользоваться дарами Божіими для болѣе достойныхъ цѣлей.

Такъ Аврамъ былъ утѣшенъ за бѣдствіе, которое должно было постигнуть его потомковъ. Все съ теченіемъ времени должно было привести къ благому концу. А что касается его самого, то онъ самъ

въ мірѣ отойдетъ въ могилу и присоединится къ своимъ предкамъ въ иномъ мірѣ, хотя тѣло его будетъ лежать въ этой отдаленной землѣ. Ему обѣщана долгая и благословенная жизнь: «будешь погребенъ въ старости доброй», и затѣмъ Богъ болѣе опредѣленно показываетъ, въ чемъ именно состоитъ то владѣніе, которое Онъ обѣщаетъ потомству Своего вѣрнаго раба; «потомству твоему, сказалъ Онъ, даю Я землю сію отъ рѣки Египетской до великой рѣки, рѣки Евфрата». Рѣка Египетская есть несомнѣнно Нилъ или его восточная вѣтвь; и Господь обѣщаетъ, что израильтяне будутъ господами страны отъ Нильской долины до Евфрата. Таково было намѣреніе Божіе, и оно въ дѣйствительности осуществилось въ послѣдующее время, именно въ блестящій вѣкъ царствованія Соломона, который дѣйствительно «господствовалъ надъ всѣми царями, отъ рѣки Евфрата до земли Филистимской и до предѣловъ Египта» (2 Паралип. IX, 26).

Всѣ эти обѣтованія требовали отъ Аврама великой вѣры, потому что осуществленію ихъ противорѣчила дѣйствительность. Авраамъ уже приближался къ преклоннымъ лѣтамъ, а все еще былъ бездѣтнымъ. Въ самомъ обѣтованіи не сказано было, что обѣщанное Аврааму потомство должно было произойти непремѣнно отъ Сары. Прошло уже десять лѣтъ со времени переселенія его въ Ханаанъ; Аврааму было 85 лѣтъ отъ роду, а Сара была только на десять лѣтъ моложе его. Въ виду этихъ обстоятельствъ, исполненіе обѣтованія казалось безнадежнымъ. Размышляя объ этомъ въ сердцѣ своемъ и думая, что ея собственное безплодіе препятствуетъ осуществленію обѣтованія, Сара, болѣе нетерпѣливая, чѣмъ ея мужъ, не хотѣла ждать больше и прибѣгла къ другимъ средствамъ для осуществленія ихъ взаимнаго желанія. У ап. Петра Сара изображается въ качествѣ великаго примѣра супружескаго послушанія, «такъ какъ она повиновалась мужу, называя его господиномъ» (1 Пет. III, 6). Но теперь она, повидимому, сама составляетъ планъ дѣйствія и склоняетъ Аврама дѣлать то, о чемъ у него никогда не являлось и мысли и что могло даже нѣсколько возмущать его чувства. Если въ Сарѣ похвально то самоотреченіе, которое для достиженія великой цѣли заставило ее лишить себя драгоцѣннѣйшаго преимущества женщины и поставить другую въ принадлежащее ей самой по закону положеніе, то порицать въ ней можно развѣ ту нетерпѣливость, по которой она не хотѣла ожидать исполненія воли Божіей, а старалась собственными усиліями ускорить его. У нея была рабыня, по имени Агарь, которую она привезла съ собой

изъ Египта и которая, вѣроятно, подарена была ей фараономъ. Древнія сказанія говорятъ, что она была дочь царя отъ одной изъ его наложницъ, и фараонъ отдалъ ее въ рабыни, убѣждая ее, что лучше быть рабой въ домѣ человѣка, столь возлюбленнаго Богомъ, чѣмъ госпожей въ своемъ собственномъ семействѣ. Имя Агарь означаетъ «бѣгство» и могло быть дано ей здѣсь въ предчувствіи объ ожидавшемъ ее событіи—ея бѣгство отъ своей госпожи, или потому, что она оставила свою родину въ Египтѣ, чтобы сдѣлаться странницей въ чужой землѣ. Эту-то женщину Сара и уговорила Аврама взять себѣ въ качествѣ наложницы подъ условіемъ, чтобы имѣющееся родиться отъ нея дитя считалось принадлежащимъ ей самой. Аврамъ не былъ многоженецъ; онъ сохранялъ первобытный брачный законъ, полученный въ Едемѣ и нарушавшійся только такими беззаконными и чувственными людьми, каковъ былъ Ламехъ. Но этотъ чистый взглядъ на брачную жизнь не препятствовалъ наложничеству при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Рабыня была въ безусловномъ распоряженіи своей госпожи, которая могла распоряжаться ею, какъ хотѣла. Позоръ безплодія былъ такъ великъ, что подобныя мѣры, принимаемыя для отвращенія этого несчастія, считались естественными и позволительными. Кромѣ того главное побужденіе, заставлявшее прибѣгнуть къ этому соглашенію Аврама и его жену Сару, было исключительно религіознымъ и не имѣло ничего чувственнаго или грубаго. Наложница, повидимому, безъ всякаго формальнаго обрученія или брачной церемоніи, занимала положеніе второстепенной жены, по выразительному повелѣнію своей госпожи, которая сама продолжала занимать господственное по отношенію къ ней положеніе и не теряла ни одного изъ принадлежащихъ ей правъ. Дѣти отъ этого союза считались какбы законными. Во всякомъ случаѣ они считались въ качествѣ дополнительнаго семейства и вполнѣ могли разсчитывать на содержаніе отъ своего отца, хотя, конечно, и не имѣли полнаго равенства съ сыновьями жены. Говоря вообще, дѣти наложницъ наслѣдовали отъ отца скорѣе по завѣщанію, чѣмъ въ качествѣ естественныхъ наслѣдниковъ. Наложница теряла свои права и привиллегіи по смерти ея господина, и хотя она уже не могла быть продана въ качествѣ рабыни, но во всякомъ случаѣ могла быть отпущена безъ всякаго обезпеченія. Законъ Моисеевъ также допускалъ наложничество и устанавливалъ только нѣкоторыя правила противъ злоупотребленія имъ. Люди научаются высшему закону нравственности только постепенно. Патріархальные обычаи Моисеева зако-

нодательства были лишь подготовленіемъ къ лучшему закону, провозглашенному Христомъ. Суровая чистота христіанства проповѣдывалась словомъ и примѣромъ, прежніе чувственные обычаи были очищены и видоизмѣнены, а не отмѣнены насильственно, что̀ могло бы возбудить у многихъ крайнее ожесточеніе; и тогда только святость сердца и тѣла, которую проповѣдывалъ Сынъ Божій, нашла отголосокъ въ сердцахъ человѣческихъ и была принята Его послѣдователями. Объясненіе ап. Павломъ отношенія Агари къ Авраму и Сарѣ показываетъ, какъ Богъ направляетъ къ добру и всякое зло. Здѣсь былъ прообразъ синагоги и церкви, іудейскаго и христіанскаго завѣтовъ. Обрядовый законъ данъ былъ только на то время, пока не пришло обѣтованное сѣмя; когда церковь была еще безплодна, синагога занимала ея мѣсто; но наконецъ Сара сдѣлалась матерью многихъ народовъ и Агарь должна была удалиться (Галат. IV).

Когда Агарь зачала, то, считая себя какбы матерью обѣтованнаго наслѣдника, стала съ презрѣніемъ относиться къ своей безплодной госпожѣ; она видѣла, какъ любитъ и уважаетъ ее господинъ ея и захотѣла быть соперницей Сары въ ея благороднѣйшихъ чувствахъ. Это повело къ своимъ естественнымъ послѣдствіямъ: неудовольствіямъ и раздорамъ. Какъ впослѣдствіи Феннана огорчала Анну, «побуждая ее къ ропоту на то, что Господь заключилъ чрево ея» (1 Цар. I, 6), такъ и Агарь, возгордившись вслѣдствіе своего положенія, начала уязвлять высокомѣрную госпожу въ ея нѣжнѣйшихъ чувствахъ. Будучи достаточно великодушной для того, чтобы принести столь великую жертву для великаго дѣла, Сара не могла выносить теперь постояннаго превосходства своей служанки надъ собою. Ея оскорбленныя чувства сдѣлали ее не только жестокою къ наложницѣ, но и несправедливою къ своему мужу. Хотя она сама убѣдила Аврама войти въ эти отношенія къ Агари, однако же его именно она стала обвинять въ послѣдствіяхъ своей собственной нетерпѣливости; такъ какъ онъ не тотчасъ же становился на ея сторону и не хотѣлъ отмстить за пренебреженіе, съ которымъ относилась къ ней рабыня, то она роптала на него и всю вину въ этомъ возлагала на Аврама. «Въ обидѣ моей ты виновенъ», запальчиво восклицала она: «Господь пусть будетъ судіею между мною и тобою». Авраму, конечно, тяжело было поступить жестоко съ будущею матерью его ребенка, но онъ не могъ, наконецъ, противиться настойчивымъ жалобамъ своей жены. Ея естественныхъ правъ нельзя было умолять и такимъ образомъ необходимо

было удалить источникъ раздора. Онъ поступилъ такъ, какъ поступилъ бы и всякій человѣкъ въ его положеніи, заботящійся о мирѣ и благосостояніи своего дома. Онъ не считалъ необходимымъ вмѣшиваться въ споры между его женой и ея служанкой, но предоставилъ ей принять всѣ такія мѣры, какія только она считала необходимыми для наказанія рабыни за дерзость и для поддержанія своей власти. «Вотъ», сказалъ онъ, «служанка твоя въ твоихъ рукахъ; дѣлай съ нею, что тебѣ угодно». Но Сара, подъ вліяніемъ пережитыхъ испытаній, настолько была несправедлива, что стала всячески угнетать Агарь и сдѣлала жизнь ея настолько тяжкою, что послѣдняя вынуждена была оставить домъ Аврамовъ и совершенно одиноко бѣжала въ пустыню, быть можетъ имѣя въ виду возратиться на свою родину. Она отправилась по дорогѣ къ Суру, той части пустыни Тихъ, по близости къ Египту, которая получила свое названіе отъ окружающихъ ее со всѣхъ сторонъ скалъ. Истомленная тяжелымъ путешествіемъ, она съ радостью увидѣла небольшой оазисъ въ безжизненной пустынѣ и сѣла тамъ отдохнуть у источника, дававшаго плодородіе этому самому оазису. Это было мѣсто, часто посѣщавшееся путешественниками, и Моисей говоритъ о немъ, какъ о хорошо извѣстной стоянкѣ между Кадесомъ и Баредомъ — гдѣ-нибудь на древней дорогѣ въ Египетъ, по юго-западной границѣ Негеба. Здѣсь явился ей «ангелъ Господень». Названіе это часто встрѣчается въ Пятокнижіи и въ другихъ мѣстахъ и повсюду имѣетъ весьма таинственное значеніе. Здѣсь подъ видомъ ангела было какбы дѣйствительное богоявленіе, явленіе слова Божія, такъ какъ ангелъ Господень говоритъ здѣсь какъ Богъ, и Агарь говоритъ о немъ въ томъ же смыслѣ; онъ не только приноситъ ей вѣсть отъ Іеговы, но самъ отождествляетъ себя съ Іеговою. Явившись Агари, ангелъ Господень воскликнулъ: «Агарь, служанка Сарина! откуда ты пришла и куда идешь?» И когда она разсказала ему, въ чемъ дѣло, что она именно убѣжала отъ госпожи своей Сары, то онъ велѣлъ ей возратиться къ своей госпожѣ и покориться ей, обѣщавъ ей въ то же время многочисленное потомство отъ имѣющаго родиться у нея сына Измаила: «умножая, умножу потомство твое», сказалъ ей ангелъ, «такъ что нельзя будетъ и счесть его отъ множества. Вотъ ты беременна, и родишь сына, и наречешь ему имя: Измаилъ, ибо услышалъ Господь страданіе твое». Многіе народы признавали Бога подъ именемъ Элъ; имя Іегова было предоставлено только для избраннаго народа. Хотя

ея сынъ и не будетъ сохранять въ своемъ имени воспоминанія о великомъ имени Іеговы, однако же Агари было сказано, что отъ Господа именно пришло ей это обѣтованіе и что милость ей теперь дается отъ Бога Аврамова. Затѣмъ ангелъ раскрылъ предъ нею характеръ и будущую судьбу ея сына и его потомковъ: «онъ будетъ между людьми, какъ дикій оселъ; руки его на всѣхъ и руки всѣхъ на него; жить будетъ онъ предъ лицемъ всѣхъ братьевъ своихъ». Здѣсь ясно очерченъ характеръ именно тѣхъ племенъ (аравійскихъ бедуиновъ), которыя произошли отъ Измаила и доселѣ живутъ жизнью своего предка. Они и дѣйствительно жили предъ лицемъ братьевъ своихъ, населяя земли по всѣмъ сторонамъ земли обѣтованной, и встрѣчались повсюду между Египтомъ, Евфратомъ, въ сѣверной Африкѣ, въ южной Азіи, повсюду сохраняя тѣ же самыя особенности. Противъ нихъ водились огромныя арміи, но они никогда не были подчинены совсѣмъ. Они сами постоянно дѣлали набѣги на прилегающія страны, но никогда не любили стѣсненій осѣдлой жизни. Живя въ постоянной враждѣ другъ съ другомъ и со всѣмъ міромъ, они постоянно странствуютъ по пустынѣ, напоминая своимъ образомъ жизни, равно какъ и своими преданіями, неукротимую личность своего великаго предка. Пораженная и изумленная этимъ предсказаніемъ, убѣдившись, что говорящій съ нею и предсказывающій ей отдаленную будущность есть самъ Богъ, Агарь приняла это откровеніе и нарекла явившагося ей новымъ именемъ: «ты Богъ, видящій меня!» воскликнула она, т. е. ты Богъ, Который видишь все и Который видѣнъ мною. Эта полуязыческая женщина такимъ образомъ была приведена къ познанію истиннаго Бога въ явившемся ей ангелѣ и, вѣруя въ него, она наполнена была изумленіемъ и благодарностью за свое спасеніе. Въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ воспоминаніе объ этомъ великомъ событіи постоянно поддерживалось самымъ названіемъ, придававшимся источнику Беэр-Лахай-Рои, т.-е. «источникъ Живаго, видящаго меня».

Повинуясь божественному внушенію, Агарь возвратилась къ своей госпожѣ и покорилась ей, и въ надлежащее время у нея родился сынъ, который и названъ былъ Измаиломъ. Помириться съ несправедливостью всегда весьма трудно, и когда эта несправедливость сопровождается ожиданіемъ жестокихъ укоровъ и жестокаго обращенія, то задача дѣлается еще болѣе трудною. Если Агарь побѣдила въ себѣ всѣ подобныя чувства, то это весьма много говоритъ о ея велико-

души. Но благословенія Божіи всегда пріобрѣтаются самоотреченіемъ и послушаніемъ. Ей предстояла великая будущность въ качествѣ матери сына Аврамова. Чтобы сдѣлаться праматерью могущественнаго рода, она съ удовольствіемъ могла вынести временныя непріятности; настоящее легкое огорченіе можно было терпѣливо снести въ надеждѣ на имѣвшую выпасть на ея долю славу. Ап. Павелъ поучаетъ насъ (Галат. IV) видѣть въ потомкахъ Агари прообразъ іудеевъ, Израиля по плоти, а въ потомствѣ Сары — образъ христіанъ, духовныхъ израильтянъ. Различіе это еще яснѣе выступаетъ въ томъ обстоятельствѣ, которое впослѣдствіи повело къ окончательному изгнанію рабыни. Теперь мы видимъ только долгое ожиданіе церковью будущаго спасенія и введеніе того, что могло служить лишь временной замѣной самой вещи. То и другое должно было совершиться по волѣ Божіей; но это великое обѣтованіе было славнѣе закона и не могло потерпѣть ущерба отъ него; и послѣдній, какъ объясняетъ апостолъ, данъ былъ лишь временно и случайно, «по причинѣ преступленій, до времени пришествія сѣмени, къ которому относится обѣтованіе» (Галат. III, 19).

Авраму было уже 86 лѣтъ отъ роду, когда родился Измаилъ. О его жизни въ теченіе тринадцати лѣтъ послѣ этого у насъ не имѣется никакихъ подробностей. Онъ, повидимому, все еще жилъ у дубравы Мамрійской, высылая отсюда свои стада подъ надзоромъ пастуховъ на пастбища и ведя мирную, счастливую жизнь среди своего народа. Между тѣмъ сынъ его подросъ и сразу же заявилъ себя своевольнымъ, смѣлымъ, властолюбивымъ, признававшимъ себя наслѣдникомъ великихъ владѣній своего отца, заявлявшимъ склонность къ странствующей жизни и, насколько можно судить, не встрѣчавшимъ особенной любви со стороны Сары. Но вотъ приближалось исполненіе великаго событія. Авраму было новое откровеніе и возобновленъ былъ съ нимъ завѣтъ. Ему опять явился Господь и, открывая Себя подъ именемъ Бога Всемогущаго (Элъ-Шаддаи), повторилъ ему прежнія обѣтованія еще съ большею ясностью и подтвердилъ ихъ таинственнымъ символомъ. Такое подтвержденіе всемогущества Бога было необходимо для того, чтобы сдѣлать для Его слушателей яснымъ, что то, что казалось по самому существу невозможнымъ, возможно для Него. Приближалось новое испытаніе вѣры и, чтобы подготовить Аврама къ дѣлу требовавшагося отъ него послушанія, Богъ повелѣлъ ему всегда жить предъ лицемъ Своимъ и вести жизнь, чуждую всякаго

грѣха или непослушанія. «Я Богъ Всемогущій», сказалъ ему Господь; «ходи предо Мною и будь непороченъ», или, по буквальному выраженію подлинника, «будь совершененъ». Это, очевидно, то же самое требованіе, которое впослѣдствіи предъявилъ Христосъ Своимъ ученикамъ: «будьте совершенны, какъ совершененъ Отецъ вашъ небесный». Идеалъ этотъ далеко превосходитъ способность человѣка; но для человѣка уже спасительно самое стремленіе и желаніе достигнуть его, и кто стремится къ совершенству, тотъ исполняетъ эту заповѣдь и пріятенъ Богу.

Это новое откровеніе содержитъ три особенности, уясняющія прежній завѣтъ. Первая касается сѣмени. «И поставлю завѣтъ Мой между Мною и тобою», говорилъ Господь, «и весьма, весьма размножу тебя». И когда Аврамъ въ благоговѣніи палъ на лицо свое, Богъ продолжалъ говорить съ нимъ и сказалъ: «Вотъ завѣтъ Мой съ тобою: ты будешь отцемъ множества народовъ... и весьма, весьма распложу тебя, и произведу отъ тебя народы, и цари произойдутъ отъ тебя». Въ знакъ этого великаго обѣтованія и съ цѣлью постоянно напоминать ему и его потомству о его важности, самое имя Аврама было измѣнено въ «Авраамъ» вставкою буквы «а» [1]), одной изъ основныхъ буквъ въ имени Іегова. Аврамъ или Абу-Раму, какъ оно встрѣчается на вавилонскихъ памятникахъ, означаетъ «высокій отецъ», т. е. глава и начальникъ племени; но новое имя означаетъ по-арабски «отецъ множества» и было такимъ образомъ подходящимъ именемъ для того, которому предстояло быть основателемъ могущественныхъ народовъ. Собственно говоря, отъ него именно произошли двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ, измаильтяне, потомки Хеттуры и едомитяне. Но буквальнымъ истолкованіемъ не исчерпывается смыслъ обѣтованія. Оно обнимаетъ собою всѣхъ, кто сыны Авраамовы по вѣрѣ, подъ какимъ бы климатомъ и въ какомъ бы вѣкѣ ни жили они. Понималъ ли Авраамъ это обѣтованіе въ этомъ именно смыслѣ въ то время, неизвѣстно; но и помимо этого безконечнаго смысла, даже въ буквальномъ смыслѣ обѣтованія было нѣчто такое новое, что, не могло не поразить его воображенія. Уже не одинъ только народъ будетъ считать его своимъ родоначальникомъ; многіе народы произойдутъ отъ него, каковое предсказаніе предполагало, что по крайней мѣрѣ, еще сынъ долженъ родиться отъ него, что̀ и подготовило его

[1]) Собственно по-еврейски буквы h.

къ тому изумительному откровенію, которое слѣдовало затѣмъ. Второй пунктъ откровенія касался благословенія, которое должно было принадлежать возлюбленному роду. Богъ, какбы обязывалъ Себя дѣйствовать по отношенію къ нему съ особеннымъ благоволеніемъ. Онъ давалъ имъ право ожидать отъ Себя такихъ милостей, на которыя не имѣлъ еще права никакой другой народъ и какія еще не оказывались никому среди человѣчества. Отношенія между ними установятся такія же, какія существуютъ между отцомъ и послушнымъ семействомъ. Это благословеніе затѣмъ получило еще болѣе опредѣленное разъясненіе въ своемъ чудесномъ значеніи. Съ Авраамомъ и его потомками Богъ заключитъ вѣчный завѣтъ, состоящій въ томъ, что Онъ будетъ ихъ Господомъ, ихъ хранителемъ и благодѣтелемъ, а они будутъ Его вѣрными слугами, поклонниками, почитающими и повинующимися Ему только, а не какому-нибудь другому богу. Третья особенность этого возобновленнаго завѣта касалась обѣщаннаго владѣнія, о которомъ также заявлено съ большею точностью и полнотою, чѣмъ это было раньше. «И дамъ тебѣ и потомкамъ твоимъ, послѣ тебя, землю въ которой ты странствуешь, всю землю Ханаанскую во владѣніе вѣчное». Авраамъ не могъ, конечно, предвидѣть, насколько своеволіе и отступничество его потомства будутъ препятствовать исполненію этого обѣтованія. Оно нарушило свою часть этого договора и даръ былъ отнятъ отъ него. Но кто можетъ сказать, что если потомки Авраама возвратятся къ Господу въ смиреніи и покаяніи и съ вѣрою воззрятъ на Того, Кого они распяли, они опять не вступятъ въ свое владѣніе? Во всякомъ случаѣ мы знаемъ, что небесный Ханаанъ, царство небесное открыто всѣмъ вѣрующимъ, и что оно составляетъ вѣчное владѣніе истиннаго сѣмени Авраамова.

Это особое обѣтованіе было подтверждено и особымъ актомъ. Тринадцать лѣтъ тому назадъ божественное присутствіе прошло между разсѣченными жертвенными животными въ знакъ милостиваго принятія завѣта со стороны Господа; теперь должна была пролиться кровь и съ другой договаривающейся стороны, именно со стороны Авраама, въ знакъ обязательства исполнять выпадающую на его долю часть договора. Возведенный въ достоинство договаривающагося съ Богомъ Всемогущимъ, онъ долженъ былъ запечатлѣть свое обязательство символическимъ обрядомъ **обрѣзанія**, который долженъ былъ служить подтвержденіемъ и печатью завѣта, знакомъ того, что человѣкъ находится въ полномъ единеніи съ своимъ Богомъ. И это обязательство

было распространено на весь родъ Авраамовъ: каждое дитя мужского пола, принадлежащее ли къ его сѣмени или рабскаго происхожденія, родившееся ли въ его домѣ или купленное за деньги, должно было подвергаться этому обряду на восьмой день послѣ рожденія. Наказаніемъ за пренебреженіе этого установленія должно было служить отлученіе, отсѣченіе отъ народа Божія и даже повидимому смерть. Позднѣйшія постановленія придавали чрезвычайно большое значеніе обрѣзанію: оно сдѣлалось необходимою печатью іудейской національности, единственною входною дверью въ іудейскую церковь съ ея преимуществами; ни одинъ иноплеменникъ не могъ принимать участія въ совершеніи Пасхи или считаться гражданиномъ Израиля, пока онъ не подвергся обрѣзанію; и даже святость субботы не должна была служить предлогомъ къ отсрочкѣ совершенія этого обряда долѣе восьми дней. Хотя операція эта обыкновенно совершалась отцомъ, но совершать ее могъ и каждый израильтянинъ и, въ случаѣ необходимости, даже женщина, подобно тому, какъ и въ христіанской церкви крещеніе обыкновенно совершается священнослужителемъ, но въ случаѣ нужды можетъ быть совершено и мірянином и даже женщиной. Согласно съ божественнымъ повелѣніемъ и съ полною готовностью послушанія, Авраамъ, его сынъ Измаилъ, бывшій уже 13 лѣтъ отъ роду, и всѣ его домочадцы были обрѣзаны въ тотъ же самый день и такимъ образомъ пріобщены къ великому завѣту.

Обрѣзаніе не было обрядомъ, исключительно свойственнымъ іудеямъ и впервые введеннымъ теперь. Оно употреблялось въ Египтѣ раньше Авраама, если не у всѣхъ, то по крайней мѣрѣ среди жрецовъ и тѣхъ, которые желали быть допущены къ глубочайшимъ тайнамъ религіи. Одна древняя надпись употребляетъ слова «необрѣзанный» и «нечистый», какъ синонимическія. И на стѣнахъ храма Хонсу въ Карнакѣ, построеннаго Рамзесомъ II, есть изображеніе самой операціи [1]). Геродотъ утверждаетъ, что ассиріяне и палестиня не заимствовали этотъ обычай отъ египтянъ. Но это сообщеніе было сдѣлано ему туземными жрецами, гордившимися древностью своихъ обычаевъ, и потому не можетъ имѣть исторической достовѣрности. Многіе народы несомнѣнно получили этотъ обрядъ отъ Египта, какъ, напр., калхеяне, африканскіе троглодиты, эѳіопы Мероe; и онъ совершается еще и теперь въ Коптской церкви и среди абиссинскихъ христіанъ.

---

[1]) Снимокъ съ него см. въ E b e r s, Aegypten, стр. 280.

Употребленіе его вошло въ обычай и среди кафрскихъ племенъ южной Африки и даже у нѣкоторыхъ туземцевъ острововъ Океаніи и Америки. Трудно сказать, насколько онъ распространенъ былъ среди сиро-арабскихъ племенъ. Филистимляне и нѣкоторые изъ ханаанскихъ племенъ не обрѣзывались, какъ это видно изъ различныхъ обстоятельствъ, упоминаемыхъ въ св. Писаніи; и изъ исторіи Сепфоры (Исх. IV, 25) можно заключать, что онъ не особенно строго соблюдался и среди мадіанитянъ. І Флавій говоритъ, что аравійскіе измаильтяне обрѣзывались на 13-мъ году, что̀ очевидно имѣетъ свой источникъ въ преданіи касательно ихъ предка Измаила. Магометъ нашелъ этотъ обычай уже существующимъ и самъ былъ обрѣзанъ, когда издавалъ Коранъ; но самъ онъ, повидимому не считая обрѣзанія религіознымъ обрядомъ, не упоминаетъ о немъ въ своихъ законахъ. Его послѣдователи однако же строго соблюдали его, какъ положительное постановленіе, и оно употребляется теперь среди всѣхъ магометанъ. Во время своего пребыванія въ Египтѣ Авраамъ могъ познакомиться тамъ съ этимъ обрядомъ, такъ что когда онъ предложенъ былъ ему Богомъ въ этомъ новомъ откровеніи и въ его новомъ значеніи, патріархъ уже былъ подготовленъ къ этому символу и могъ сразу же понять его религіозное значеніе. Это значеніе затерялось или не принималось во вниманіе среди многихъ изъ тѣхъ народовъ, которые имѣли этотъ обычай, такъ что онъ среди нихъ имѣлъ лишь санитарное, физическое или суевѣрное значеніе. Филонъ, съ цѣлью рекомендовать это учрежденіе Израиля язычникамъ, заявляетъ, что было четыре основанія къ его введенію, именно воспрепятствовать одной извѣстной болѣзни, свойственной жаркимъ странамъ, сохранить чистоту тѣла, создать аналогію между внѣшними органами, производящими жизнь, и сердцемъ, производящимъ мысль, и усилить плодоносность; но онъ самъ склоненъ былъ считать обрѣзаніе символомъ самоотреченія въ дѣлѣ наслажденія и символомъ устраненія гордости и заносчивости. Въ библейскомъ повѣствованіи объ учрежденіи этого обряда однако же не говорится ни слова касательно его гигіенической или предохранительной полезности; въ немъ указывается только болѣе высокое основаніе. Это былъ внѣшній знакъ союза между Богомъ и Израилемъ и средство полученія преимуществъ этого завѣта. Имъ іудеи должны были отличаться отъ другихъ народовъ. Богъ употребилъ обычай, уже существовавшій между нѣкоторыми народами, но придавая ему духовное значеніе и символическую важность, подобно тому,

какъ Онъ придалъ новое значеніе радугѣ послѣ потопа, хотя она уже существовала и раньше; или подобно тому, какъ Христосъ не изобрѣталъ обряда крещенія, а воспользовался уже существующимъ обрядомъ, придавъ ему только новое значеніе и новую благодать. Обрѣзанные удостовѣрялись совершеніемъ этого обряда, что они вступали въ новое отношеніе къ Богу, и такимъ образомъ соглашались исполнять обязанности, которыя возлагало на нихъ это отношеніе. Боль, причиняемая операціей, могла указывать на суровость и строгость закона, имѣвшаго быть даннымъ впослѣдствіи, но теперь могла служить знакомъ посвященія Богу и духовнаго очищенія; она показывала, что естественными силами нужно пользоваться умѣренно и благоговѣйно, сообразно съ цѣлями завѣта, имѣвшаго въ виду исполненіе божественнаго плана. Постановленіе это не распространялось на женщинъ, для которыхъ не полагалось и какого-либо равносильнаго обряда. Это зависѣло отъ ихъ соподчиненнаго положенія. Женщина была создана для мужа, и мужъ есть глава жены; такимъ образомъ она освящалась въ мужѣ и съ мужемъ; не какъ женщина, но какъ жена становилась она участницей завѣта. Точное положеніе незамужнихъ женщинъ въ этомъ отношеніи нигдѣ не опредѣляется, но можно предполагать, что въ отношеніи ихъ посвященіе отца сообщало преимущества завѣта и дочерямъ. Причина того, что обрѣзаніе должно было совершаться именно въ восьмой день, была совершенно символическая. Конечно, дитя, по своей слабости, раньше этого и не могло выносить подобной операціи, но избраніе перваго дня второй недѣли жизни имѣетъ весьма ясное значеніе. Число 7 въ св. Писаніи имѣетъ чрезвычайную важность. Оно можетъ быть разсматриваемо въ двухъ отношеніяхъ: какъ 6+1 или какъ 4+3, и отъ этихъ двухъ отношеній зависитъ его значеніе. Въ первомъ случаѣ символическое его значеніе опредѣляется повѣствованіемъ о твореніи. Въ 6 дней Богъ сотворилъ небо и землю, и на седьмой день почилъ отъ дѣлъ. Такъ и дѣла творенія, чтобы найти себѣ покой и освященіе, должны соединяться съ единицей, т.-е. Богомъ; дѣла міра должны возвращаться къ Богу, гдѣ они успокоятся и освятятся. Съ другой стороны какъ 4 есть образъ міра (съ его 4 углами и 4 вѣтрами), и 3 образъ св. Троицы, такъ 4 въ соединеніи съ 3 представляютъ міръ, соединенный съ Богомъ, твореніе, возсоединенное съ своимъ Творцомъ. Такимъ образомъ 7 есть завѣтное число, выражающее гармонію, единство, совершенство и покой. Употребленіе числа 8 тѣсно связано съ

числомъ 7, составляя то, что въ музыкѣ называется октавой, возвращеніе къ первому, начало новаго круга. Какъ день, стоящій внѣ предѣловъ семи дней творческой недѣли, онъ означаетъ новую жизнь; отсюда онъ выражаетъ идею возобновленія, возрожденія, воскресенія; вслѣдствіе этого въ отношеніи ребенка восьмой день считался какбы его вторымъ днемъ рожденія, началомъ для него новой жизни и новаго развитія. Мы, христіане, видимъ въ немъ образъ воскресенія Іисуса Христа, Который воскресъ изъ мертвыхъ на восьмой день и далъ намъ обрѣзаніе духа, которымъ мы умерщвляемъ ветхаго человѣка, распиная въ себѣ плоть съ ея страстями и похотями и облекаясь въ новаго человѣка, созданнаго по Богу, въ праведности и святости истины (Ефес. IV, 22 и слѣд.).

Послѣ новаго подтвержденія завѣта, Аврааму сдѣлано было поразительное откровеніе, что и сама Сара родитъ сына, престарѣлая женщина сдѣлается матерью. Въ знакъ ея допущенія къ благословенію, обѣщанному ея мужу, ея имя было измѣнено въ Сарра (съ измѣненіемъ послѣдней буквы въ еврейской формѣ этого имени *i* на *h* означающее титулъ Іеговы). Та, которая доселѣ извѣстна была подъ именемъ «сварливой», отселѣ должна была называться «царицей», матерью народовъ, отъ которой должны произойти цари [1]). Въ радостномъ изумленіи, слыша это чудесное сообщеніе, «Авраамъ палъ на лицо свое и разсмѣялся». Это не значитъ, что онъ усомнился въ обѣтованіи, но оно поразило его своею необычайностью. Въ его душѣ мелькнула мысль: «неужели отъ столѣтняго будетъ сынъ? и Сарра, девяностолѣтняя, неужели родитъ?» Но онъ не высказалъ этого естественнаго вопроса вслухъ и подавилъ въ себѣ протестъ естественнаго разума. «Не изнемогши въ вѣрѣ, какъ говоритъ апостолъ, онъ не помышлялъ, что тѣло его, почти столѣтняго, уже смертвѣло, и утроба Саррина въ омертвѣніи; не поколебался въ обѣтованіи Божіемъ невѣріемъ, но пребылъ твердо въ вѣрѣ, воздавъ славу Богу и будучи вполнѣ увѣренъ, что Онъ силенъ и исполнить обѣщанное» (Римл. IV, 19—21). Вѣра побѣдила въ немъ сомнѣніе, но обѣтованіе однако же оставалось изумительнымъ и противорѣчило всякому опыту. На первыхъ порахъ оно быть можетъ и не было уже особенножеланнымъ для него. Въ теченіе тринадцати лѣтъ Авраамъ привыкъ смотрѣть на

---

[1]) Сарра есть ассирійское слово Саррать „царица". Sayce, Fresh Light from the Monumentes, p. 46.

Измаила какъ на своего наслѣдника. Его надежды сосредоточивались уже на этомъ его сынѣ; онъ уже свыкся съ мыслью сдѣлать его вмѣсто себя главою племени и наслѣдникомъ обѣтованій, когда ему придется въ мирѣ отойти къ отцамъ своимъ. Призванный неожиданно перенести эти надежды на другого и будущаго сына, онъ не могъ не выразить своихъ отеческихъ чувствъ и просилъ, чтобы «живъ былъ хотя сынъ его Измаилъ». Нѣкоторые объясняли это восклицаніе въ смыслѣ особеннаго благоговѣнія Авраама, который какбы хотѣлъ сказать этимъ: «я не дерзаю обращаться съ молитвою касательно этого новообѣщаннаго сына, но даруй, чтобы Измаилъ нашелъ Твое благоволеніе и жилъ доброю жизнью, ходя предъ Тобою». Но гораздо вѣроятнѣе, что думая, что Измаилъ будетъ замѣненъ для него Исаакомъ, или даже, что Богъ имѣетъ въ виду совершенно устранить послѣдняго, какъ неблагоугоднаго въ очахъ Своихъ, Авраамъ молился о его сохраненіи и будущемъ благоденствіи. Отвѣтъ Бога на его просьбу дѣлаетъ это совершенно яснымъ. Богъ увѣряетъ его, что Измаилъ весьма размножится, будетъ отцемъ двѣнадцати князей (Быт. XXV, 12), но онъ не будетъ наслѣдникомъ великаго обѣтованія. Причина этого очевидна. Измаилъ былъ сынъ рабыни, и хотя, при отсутствіи потомства отъ истинной жены, онъ могъ наслѣдовать владѣнія своего отца, однако же, при появленіи законнаго наслѣдника, онъ сразу же долженъ былъ снизойти въ положеніе своей матери. Мы знаемъ, какъ жалко было положеніе сына рабы изъ примѣра самого Измаила, когда онъ нѣсколько лѣтъ спустя вмѣстѣ съ своею матерью были изгнаны изъ дома Авраамова и были предоставлены на волю судьбы. Имѣя въ виду этотъ случай, и Спаситель говорилъ: «рабъ не пребываетъ въ домѣ вѣчно; сынъ пребываетъ вѣчно» (Іоан. VIII, 25). Такой человѣкъ, самое положеніе котораго было неувѣренно и зависѣло отъ случайностей, не могъ быть родоначальникомъ духовныхъ дѣтей Божіихъ, наслѣдниковъ великаго обѣтованія, имѣвшаго вполнѣ завершиться въ Евангеліи. Затѣмъ самый завѣтъ былъ не отъ природы, но отъ благодати; принимающій его долженъ былъ возвышаться надъ всѣми людьми своею преимущественной вѣрой. Наслѣдникъ, который долженъ былъ унаслѣдовать благословеніе и передать его потомству, не долженъ былъ быть сыномъ мірскихъ предположеній или плотскихъ пожеланій (Галат. IV, 23), равно какъ не могъ быть человѣкомъ, рожденіе котораго было результатомъ недостаточной вѣры или естественной нетерпѣливости. Въ этомъ божественномъ планѣ не должны

были имѣть мѣсто никакія человѣческія предположенія. Наслѣдникъ долженъ быть вознагражденіемъ за вѣру, сыномъ чуда. Одинъ только Исаакъ могъ соотвѣтствовать требованіямъ обстоятельствъ дѣла, и права Измаила не могли идти ни въ какое сравненіе съ правами сына свободной. Долго испытывавшееся терпѣніе патріарха должно было найти вознагражденіе не въ плодѣ египетской наложницы, но въ сверхъестественномъ дарованіи ему сына отъ его собственной жены.

